

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

В.Н. Базылев

**....В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ
ЛИНГВИСТИКУ:
ОЧЕРК-АНТОЛОГИЯ**

Современная гуманитарная академия

В.Н. Базылев

**...В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ
ЛИНГВИСТИКУ:
ОЧЕРК-АНТОЛОГИЯ**

Москва 2014

УДК 80/81(47+57)(091)

ББК 81.0

Б 17

Рецензент

Мамонтов А.С., доктор филологических наук, профессор

Базылев В.Н. ...В борьбе за советскую лингвистику: Очерк-
Антология. М.: Изд-во СГУ, 2014. 380 с.

ISBN 978-5-8323-0949-1

Книга является тематическим продолжением антологии «Сумерки лингвистики» (М., 2001); охватывает историю советской лингвистики в 1950–1990 гг. второй половины XX века. Книга состоит из монографического очерка по истории отечественной лингвистики второй половины XX века и собственно антологии, содержащей отрывки из теоретических работ ведущих советских языковедов, из журнальных и газетных публикаций, воспоминаний, бесед, а также из хроникальных заметок той эпохи.

Книга предназначена для студентов филологических специальностей – в качестве учебного пособия по курсу «История языкознания XX века»; для студентов факультетов психологии, журналистики, социологии, истории и др. гуманитарных направлений – в качестве дополнительного дидактического материала.

УДК 80/81(47+57)(091)

ББК 81.0

© Базылев В.Н., 2014

© Современная гуманитарная академия, 2014

ISBN 978-5-8323-0949-1

© Издательство СГУ, оформление, 2014

Содержание

Предисловие

Нам нужна история советского языкознания 6

Часть 1. Очерк

Борьба мнений и свобода критики – закон развития передовой науки 18

Литература. 110

Часть 2. Антология

В борьбе за советскую лингвистику 124

Раздел 1. Чему нас учит история науки о языке?

Будагов Р.А. Чему нас учит история науки о языке. 124

Будагов Р.А. Мы должны знать историю советского теоретического языкознания 130

Звегинцев В.А. Что происходит в советской науке о языке? 135

Жирмунский В.М. О теории советского языкознания . . 143

Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и в борьбе 148

Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» 153

Раздел 2. 50-е. Марксизм и вопросы языкознания

Чикобава А.С. Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке. . 167

Кусикьян И.К. О моих ошибках, связанных с «новым учением» о языке 171

Александров Г.Ф. Обскурантизм и демагогия «семантического идеализма» 175

Пути развития советского языкознания: к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (редакционная статья в журнале «Вопросы языкознания») 180

Решение Совета филологического факультета МГУ от 24/ XII – 1958 года.	189
--	-----

Раздел 3. 60-е. Советское языкознание на подъеме

Виноградов В.В. О преодолении последствий культа личности в советском языкознании	192
Конрад Н.И. О перспективах развития советского языкознания	199
Югов А.К. Эпоха и языковой «пяточок»	205
Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык?	211
Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет ...	218
Письмо В.А. Лисицкого заведующему отделом науки и учебных заведений Центрального комитета КПСС тов. С.П. Трапезникову	225

Раздел 4. 70-е. Обвал поколений

Березин Ф.М. Советскому языкознанию – 60 лет	234
Структурализм: «за» и «против»	240
Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка	246

Раздел 5. 80-е. Обрыв традиции

К семидесятилетию советского языкознания: редакционная статья в журнале «Вопросы языкознания»	251
Григорьев В.П. Печальная история	258
Казарин Ю.В. Личное дело № 684	270
Сорокин Ю.А., Морковина И.Ю. Александр Лацис как «критик»: письмо в редакцию «Литературной газеты» .	277
Юдакин А.П. Остепененная монополия	283

Раздел 6. 90-е. Кризис идей

Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. К XV Международному конгрессу лингвистов	290
---	-----

Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. К XVI Международному конгрессу лингвистов .	296
Неклюдов С.Ю. Московско-тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления	299
Брейдо Е.М. Между старым и новым	302
Хапаева М.Б. Каникулы языка	303
Шкуратов В.А. Наррадигма и бельсайнтистика	320

Раздел 7. 2000-е. *Догорает эпоха*

Бушев А.Б. Догорает эпоха	323
На улице Волхонка, от центра пять минут: литературный памятник участникам институтских капустников	340
Мечковская Н.Б. Игровое начало в современной лингвистике: избыток сил или неопределенность целей	349
Бакеркина В.В., Иванова Т.Ф. О проекте «Словарь языка В.И. Ленина»	357
Маркин А. Из дневниковых записей	365
Гельфанд М. Журнал «из списка ВАК» опубликовал ерунду	370
Игнатьева Ю. Кабаре «Академия»	373
Нарышкина А., Кононов Н., Амелькина А. Погружение во МГЛУ	374

*Составил от былинок
Рассказ немудрый сей...*

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

НАМ НУЖНА ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ²

Исследование истории «советской науки о языке» становится все более самостоятельным и актуальным жанром современной постсоветской российской лингвистики [7; 81; 92; 150]. Появление пока не очень большого количества публикаций по истории советского языкознания второй половины XX века – симптоматичное явление, так как они свидетельствуют, по словам Ф.М. Березина, «об утверждении самосознания лингвистики, о ее зрелости и росте» [113, с. 5–6; 28, с. 96]. Подведение «итогов» началось в конце XX века, в середине 90-х гг. [104; 121, с. 16–19; 158; 178]. В 1996 г. вышел первый номер «Московского лингвистического альманаха», также посвященный в основном подведению итогов в статьях Р.М. Фрумкиной «Куда ж нам плыть?», Е.Г. Борисовой «О «кризисе лингвистики», Е.М. Брейдо «Между старым и новым», А.Е. Кибрика «О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов» и др. [159, с. 67–82; 37, с. 226–228; 38, с. 229; 89, с. 230–233]. По рассказам А.К. Жолковского, одним из литературных мечтаний А. Мельчука было написать подлинную историю советской лингвистики, взяв за основу различные анекдоты из жизни лингвистов. Как-то раз он пересказал А.К. Жолковскому сле-

¹ Все заголовки в книге носят не случайный характер, а являются аллюзией на конкретные тексты.

² Аллюзия на серию статей Р.А. Будагова.

дующий диалог между создателем аппликативной грамматики Шаумяном и его учеником Е.Л. Гинзбургом: «Гинзбург. Себастиан Константинович, я полагаю, что Ваша модель потянет не меньше, как на аксиомы Риманова пространства. – Шаумян (удовлетворенно покручивая ус). Да-а, а Вы мне не напомните, в чем... э-э... состоят аксиомы Риманова пространства, а то я что-то не вполне... э-э... удерживаю в памяти... – Гинзбург. Собственно... я... э-э... затрудняюсь, Себастиан Константинович» [73].

При всем том обобщающий труд по истории советского языкознания пока не создан. Напомню, что первые попытки подобного рода относятся еще к 50-м годам: в 1953 году опубликован проект «Очерков по истории языкознания в СССР», предназначенный для «широкого обсуждения» тиражом в 500 экз., не получивший однако дальнейшей разработки. Почти шестьдесят лет спустя, в 2012 году, опубликованы результаты одного очень, на наш взгляд, интересного исследования, проведенного в ИНИОН РАН: исследования документального потока в области лингвистики, а именно библиометрический анализ микропотока научной литературы на основе указателя ИНИОН «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Языкознание». Итог таков: «Малоосвоенной и требующей серьезного переосмысления остается история отечественной лингвистики советского периода. Для этого полезными были бы указатели персонального характера, создающие основу для оценки вклада отдельных ученых в общелингвистическое знание» [54]. М. Полани, вслед за П.П. Сойреном, скажет: «Современная лингвистика, к сожалению, привыкла жить без собственной истории. Это обстоятельство печально не только потому, что ведет к суживанию горизонта, но еще и потому, что создает риск постоянного переизобретения колеса» [132, с. 11].

Трудности, связанные с написанием истории советского языкознания, существуют и сегодня: тому есть три причины. Во-первых, нужна определенная историческая ретроспекти-

ва, которая позволила бы дать непредвзятую, идеологически и персонально нейтральную оценку тому, что вошло в фонд отечественной языковедческой мысли. Во-вторых, многие идеи, сформулированные в советском языкознании второй половины XX века, носили и носят спорный, дискуссионный характер. В-третьих, проблематика, разрабатывавшаяся в СССР на всем его огромном пространстве, столь разнообразна, что каждый аспект требует зачастую особого исследования. К обобщению достижений советского языкознания можно подходить либо с точки зрения разработки той или иной проблемы, либо с точки зрения обобщения успехов и неудач в изучении конкретного языка или целой семьи языков, распространенной на территории СССР.

В любом случае в системе нашего современного знания живут в той или иной мере достижения прежних эпох. Поэтому мы должны рассматривать их одновременно извне и изнутри, анализировать их структуры, постигать причины их достоинств и недостатков, сильных и слабых сторон. Не можем мы избежать при этом столкновения с парадоксом остротности: мы – вне той эпохи; люди, которые пишут и вспоминают о ней сейчас, тоже вне той эпохи – «взгляд из угла М.Л. Гаспарова». В то же время они были в той эпохе. Книга воспоминаний Р.М. Фрумкиной так и называется – «Внутри истории» [161]. Наверное, такой парадокс благоприятствует исследованиям истории науки. Хотя это не безопасно – в буквальном, а не в метафорическом смысле. Вспомним классика¹: «Ходить бывает склизко|| По камешкам иным,|| И так, о том, что близко,|| Мы лучше умолчим».

Не случайно И.Е. Аничков в своем предисловии к «Очерку советского языкознания» (1973 г.) напишет следующее: «Настоящий очерк написан не для печати в настоящее время или в ближайшем будущем, но и не для «самиздата», а для потомства

¹ А.К. Толстой. История государства российского от Гостомысла до Тимашева.

и для очень немногих лиц, которым автор может решиться сам предложить его прочесть» [12, с. 410]. А Р.М. Фрумкина в книге «О нас – наискосок» специально оговаривала: «...читателя может озадачить то, как названы действующие лица моего повествования: имена одних даны полностью, другие скрыты под инициалами, а третьи и вовсе зашифрованы. Это сделано намеренно: к счастью, многие мои герои живы, и это обязывает меня уважать их право быть сугубо частными лицами» [160, с. 6]. Но, как сказал другой классик: не могу молчать! ¹

Чем же мы располагаем на сегодняшний день для написания истории советского языкознания второй половины прошлого века? В первую очередь, работами, посвященными собственно истории отечественного языкознания этого периода, в которых можно выделить четыре основных направления.

- Первое – энциклопедическое: например, статьи *Советское языкознание* и *Институты языкознания* в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [105, с. 193–196; с. 474–477], энциклопедические справочники А.П. Юдакина – «Славянская энциклопедия», «Ведущие языковеды мира» [175; 176], энциклопедический справочник «Кто есть кто в кавказоведении» [99]. Помимо этого, бесценный материал дают журнальные публикации в двух ведущих языковедческих изданиях, в «Вопросах языкознания» и «Филологических науках», а также библиографические указатели по общему и прикладному языкознанию [31; 123; 124; 125; 126; 127; 149]. Особо стоит упомянуть о публикациях ИНИОН АН СССР, приуроченных к международным лингвистическим конгрессам, которые как в зеркале отражали активные процессы советской лингвистической жизни [3; 4; 47; 117; 135; 100, с. 3–4].

- Второе, наиболее широко распространенное, – представлено либо очерками по истории языкознания, охватывающими какой-либо период, либо историей какого-то направления (научной школы). У истоков этой традиции – описа-

¹ Название статьи Л.Н. Толстого.

ния фрагмента истории советской лингвистики второй половины XX века, безусловно, стоит книга А.А. Реформатского «Из истории отечественной фонологии [138], за которой следуют многочисленные хрестоматии и антологии [7; 27; 59; 118; 144; 151]. Отдельным эпизодом историографии советской лингвистики второй половины XX века следует считать, например, «авторские истории» о развитии семиотики в СССР, об Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра, о кафедре и отделении структурной/теоретической и прикладной лингвистики ОСИПЛ/ОТИПЛ 1960–2002), об Институте лингвистических исследований, о Московско-тартуской школе, о филологическом факультете МГУ или Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, о Пермской научной школе функциональной стилистике и др. [8, с. 11–34; 14; 15, с. 32–35; 60, с. 41–49; 61; 77, с. 237–241; 79; 82; 83; 90, с. 80–100; 114; 131; 133; 134; 153, с. 119–162; 157; 162, с. 68–80; 170, с. 6–58]. Особое место и истории советской лингвистики занимают отдельные школы и направления, связанные в основном с конкретными персоналиями, и ограниченные хронологическими или территориальными рамками: от Кишинева до Алма-Аты и от Ленинграда до Ташкента [1, с. 15–26; 16, с. 156–159; 25; 42; 58, с. 60–72; 74; 75; 84, с. 4–18; 88; 107; 112, с. 141–143; 141; 152, с. 35–102; 155; 156].

- В работах третьего направления рассматривается либо деятельность языковедов в определенной области, либо берется какой-нибудь частный, несмотря на всю его значимость, вопрос в концепции того или иного языковеда, прослеживается его разработка и т.д. Как это представлено у Я.В. Лоя или И.Е. Аничкова [10, с. 14–23; 11, с. 40–45; 12; 72; 97, с. 529–560; 108; 109; 120, с. 102–114].

- Возможен и четвертый подход – создание обобщающих работ по истории языкознания в определенный хронологический период в свете осмысления временного среза в развитии лингвистической мысли с точки зрения определенной идеоло-

гической, философской или общеметодологической позиции автора [6; 9; 17; 18; 55; 57, с. 183–192; 92: 102; 106; 110].

Наша же книга – это попытка глобального описания советского языкознания второй половины XX века, начиная с 50-х гг. В подборе материала мы исходили из того, что имеем дело с определенной научной традицией – возникающей, существующей и оканчивающейся, как в контексте внутренней, так и внешней социальности. По схеме, предложенной И.Т. Касавиным, возникновение традиции всегда связано с предпосылочным знанием, сформировавшимся первоначально в рамках иной традиции, в нашем случае – «нового учения о языке» и советской лингвистики 20–30-х гг., в том числе языковедческого андерграунда 20–40-х гг.¹ Оно постепенно утратило связь с той социальностью, в которой формировалось, бытовало, которую «обслуживало». Точку на этом отрезке истории поставила «дискуссия 1950 года». Но традиция не исчезла полностью, а начала выполнять форму познавательного общения, приспособляясь к иной деятельности в другой эпохе. «Наследие Марра и Мещанинова» благополучно переживает и отечественную структуралистскую революцию 60-х, и семиотический бум 70-х, и окажется востребованным в 80–90-е гг. Далее наступает этап установления равновесия: предпосылочное знание – «старое» («неомарризм») и «новое» (структурализм, семиотика, «хомскианство» и пр.), наполнилось конкретной предметностью и пришло в соответствие с уровнем развития общественного сознания и общества в целом. Благодаря этому в 60-е гг. свойственный традиции тип познавательной деятельности получает социальное оправдание, а присущие ему схемы, нормы и идеалы начинают ограничиваться своими внутривосстановительными функциями. Но в этот момент выработка социальных смыслов практически прекращается. Эпистемиче-

¹ Как это было представлено в нашей предыдущей книге «Сумерки лингвистики» (М., 2001), посвященной истории советского языкознания с 1917 по 1950 гг.

ское сообщество теперь занято, прежде всего, решением предметных, а не социальных задач: институционализация познавательной деятельности, в целом, завершена. Это время работ по машинному переводу, время расцвета московско-тартуской школы семиотики, создание факультета теоретической и прикладной лингвистики в МГУ, формирование большинства региональных лингвистических школ в СССР. Далее наступает этап социального насыщения познания, когда последнее предстает как некоторая бессубъектная активность. Начинаются активные поиски по выявлению и элиминации «метафизики», социокультурных и личностных контекстов, по демаркации «подлинного» знания от «неподлинного», по редуцированию познания к процессу зеркального отражения реальности. Тем самым ученый как бы пытается утвердить свою специфическую самостоятельность, свою ориентацию исключительно на познавательные, а не социальные потребности. За это он сразу же бывает строго наказан: общество начинает предъявлять обоснованные претензии. Это началось еще в 60-е гг. и регулярно повторялось в последующие десятилетия: «Надо сказать прямо. Мы знаем, что великий одиночка Ломоносов обогатил отечественную науку множеством отличных русских слов. Одиночка Карамзин не отстал в этом от него. А вот целое огромное учреждение – Институт русского языка Академии наук СССР, – он как будто не подарил своему народу ни одного русского термина! Научил ли институт этот деятелей иных отраслей знания, как по законам русского словообразования создавать термины?...» [173, с. 72].

В период угасания познавательной традиции происходит разрыв между системой деятельности субъекта и формами ее социальности. Именно тогда, когда традиция становится делом отдельного человека, можно говорить о ее деградации, кризисе. Формы внутренней социальности познания в такой ситуации превращаются из стандартов общения познающих индивидов в способ самовыражения отдельной личности.

Традиция превращается в миф. При этом возможны четыре формы угасания традиции: исключение значимых контактов с внешней социальностью, утрата способности отражать социальные потребности, истощенность деятельности и обретение предпосылочным знанием самостоятельного существования, вытеснение познавательной деятельности доктринализацией [86, с. 165–177].

Итак, эта книга призвана, в том числе дать ответ на вопросы: нужна ли нам история отечественной (советской) лингвистики второй половины XX века? как правильно написать эту историю? Эти вопросы поставлены нами в ряде предшествующих созданию книги отдельных статей [19, с. 4–30; 20, с. 3–20; 21, с. 4–9; 22, с. 183–189; 23, с. 34–40; 24].

Название книги – это аллюзия, отсылающая читателя к песне времен Гражданской войны: *Смело мы в бой пойдём// За власть советов// И как один умрём// В борьбе за это....* Аллюзия не случайная. Многие воспоминания лингвистов той эпохи и о той эпохе связаны именно с дискурсом борьбы: «о борьбе идей и направлений в языкознании нашего времени» постоянно будет говорить Р.А. Будагов [41].

Фрагмент своего разговора с А.Ф. Лосевым в ноябре 1973 года В.В. Биbihин запишет: «(11.11.1973) Какие огромные перемены на моем веку! Сейчас, конечно, тоже борьба, Брежнев какие-то теории устанавливает, но она чисто политическая, и она меня не касается. Но все равно, все может вернуться» [29, с. 32]. А.В. Ерофеев вспоминает: «А.Ф. Лосев предложил мне озглавить беседу для «Вопросов литературы» в 1985 г. – «В борьбе за смысл»... Я видел перед собой, то восторженного почитателя своего современника Вяч. Иванова, то безжалостного, задиристого борца с позитивизмом, молодого автора «Философии имени», то погорельца военного времени, то создателя титанического труда по истории античной эстетики, то возникали попутно лакуны, недомолвки, несуразницы, ведущие к недоразумениям» [68, с. 200]. Воспоминания Ю.Д. Де-

шериева называются «Жизнь во мгле и в борьбе» [62], одна из глав воспоминаний Р.М. Фрумкиной – «Поражения и победы» [160], в сборнике к 100-летию В.С. Абаева – речь идет в буквальном смысле о борьбе и подвиге ученого: «...это позволили ученому совершить научный подвиг, преодолеть большие трудности, встречаемые на его творческом пути...и стать патриархом современной иранистики, этимологии и фольклористики...» [45, с. 8–9].

Однако, если верить словам Н.Е. Копосова, «средний класс» советских интеллектуалов от гуманитарных наук (в том числе от лингвистики) неплохо себя чувствовали в том мире борьбы [93, с. 7]. В свидетели этого мы можем призвать и В. Новикова: «В нашей академической науке послесталинского и догорбачевского времени такая система сложилась: в каждом институте было, естественно, втайне презируемое официальное начальство – и в то же время существовала своя научная аристократия, не занимавшая руководящих должностей, но имевшая авторитет «по большому счету», работавшая в основном на себя и лишь удостаивавшая институт своих редких посещений. Да что говорить – я сам примерно таким был до посадки в административное кресло. Так вот этим аристократам сам черт не брат, любое поручение они как оскорбление воспринимают. Мне, мол, некогда – нет, ты подумай, ему некогда выполнять свою основную работу, за которую он деньги получает. Слишком маленькие? <...> А они готовы здесь только числиться, место занимать, но ведь и место что-то стоит, за него надо чем-то платить. Почитывая лекции на стороне, в том числе и заграничной, они все же институтскими титулами представляются: без мундира, голышом, не всякого и пригласят» [122, с. 129].

Поэтому нам показалось важным поместить изучаемые источники в соответствующую интеллектуальную и духовную среду, интерпретировать их в зависимости от идеологических предпочтений или личностных симпатий и антипатий их ав-

торов. Нужно было, конечно, сопротивляться искушению, которому слишком часто подвержены историки науки, – делать более доходчивой часто темную, неловкую и мутную мысль прошлого, переводя ее на современный язык, который ее проясняет, но в то же время и деформирует.

Эмпирической базой нашего очерка и антологии стали, прежде всего, научные тексты прошлого – книги, журнальные статьи, решения заседаний ученых советов, официальные письма и переписка ученых, рукописи и черновики, автобиографические очерки и воспоминания.

«Презентизм» и «антикваризм» – вот две основные целевые установки, в рамках которых в виде очерка и антологии совершилось наше историческое исследование. Презентизм – это стремление рассказать о прошлом для современности. Антикваризм – это желание восстановить картины прошлого во всей их внутренней целостности, безо всяких отсылок к современности. Отсюда проистекает обилие цитат, а не пересказов или рефератов.

Одной из первых нами решалась задача хронологической систематизации успехов и неудач борьбы советской лингвистики 1950–2000-х годов за свое место в структуре научного знания. Мы постарались «каталогизировать» результаты научных достижений и неудач, воздать должное крупнейшим исследователям, отметив, если возможно, ошибки и заблуждения, то, что не прошло «проверку временем». Особенно привлекательным был поиск «забытого, но ценного».

Другая задача – представление социального механизма эволюции лингвистических научных идей и проблем этой эпохи – от зарождения, через стабилизацию к угасанию. Это попытка реконструировать основные интеллектуальные традиции, темы и проблемы, характерные для советской лингвистики второй половины XX века, и продемонстрировать непрестанное борьбу за обновление конкретных научных идей, происходящее в ходе полемики с альтернативными подходами и идеями.

Наконец, нас интересовал «человеческий фактор» научной деятельности той эпохи. Мы постарались воссоздать контекст социокультурного и мировоззренческого «боевого» творчества советских лингвистов, анализ «боевых» традиций научного сообществ той эпохи, реконструировать «внешнее окружение», которое способствовало или тормозило развитие научных идей, теорий, подходов.

Архитектоника книги такова: вначале идет монографический очерк, где по правилам исторического описания дается ответ на пять кардинальных вопросов:

- как это было?
- каков был социальный статус науки о языке и языковеда?
- каково было господствующее мировоззрение и как оно соотносилось с маргинальными парадигмами?
- каково было отношение общества к языковедческому знанию?
- каков был микросоциальный климат в этой отрасли советской науки?

Далее читателю предлагается антология, структурированная по десятилетиям – от 50-х годов XX века до начала нового, XXI века, которая включает в себя отрывки из теоретических работ ведущих советских языковедов, из журнальных и газетных публикаций, воспоминаний, бесед, а также из хроники той эпохи.

Наша книга – это описание путей, которыми отечественная наука о языке приобрела на сегодняшний день свое достояние. Она может объяснить нам то, чем мы владеем и что можем ожидать от науки, а также не только привести нам на память тот запас, который мы имеем, но и научить нас, как его увеличить и улучшить. Совершенно справедливо можно ожидать, что история советской лингвистики второй половины XX века дает нам повод для философских размышлений о том, в каком направлении следует направлять наши интеллектуальные усилия для расширения и дополнения запаса наших знаний о языке.

Помочь читателю или сподвигнуть его вынести уроки из прошедшей истории человеческого знания было одной из задач начатого нами труда. Мы искренне считаем, что это один из первых шагов. Продолжение, как говорится, следует.

ЧАСТЬ I. ОЧЕРК

БОРЬБА МНЕНИЙ И СВОБОДА КРИТИКИ – ЗАКОН РАЗВИТИЯ ПЕРЕДОВОЙ НАУКИ¹

Первостепенная задача истории науки – отнюдь не просто мемориальная, специальная учебная или общепросветительская. Историческое исследование науки может и должно послужить отправной точкой, стать эмпирическим базисом для обобщений любого типа – от создания общей теории науки до ее организации в качестве особого социального института. Все это, в конечном счете, позволит лучше понимать наше прошлое и настоящее, хотя бы отчасти заглядывать в будущее. В этом и состоит высший «запрос» к постановке задач историко-научных исследований, в этом их особая общекультурная, гуманистическая значимость. С.Н. Трубецкой, цитируя Платона, писал, что *знание объясняется из воспоминания, а в узнавании кроется начало познания* [13, с. 77]. Конечно, история должна быть по возможности правдивой. Б. Брехту принадлежат слова: *приходится преодолевать пять трудностей, когда хочешь написать правду*. На самом деле, трудностей гораздо больше. Главную трудность называет Н. Gipper в своей статье, чей заголовок наилучшим образом отражает проблему, с которой сталкиваются авторы при составлении антологий, подобных нашей, – «*Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit in der Geschichte der Sprachwissenschaft*». Трудность, по словам Н. Gipper, заключается в следующем: *Sollte es das tatsächlich geben, daß Wissenschaftler, die doch zur Suche nach der wahrheit verpflichtet sind, böswillig oder leichtfertig Fak-*

¹ Заголовок раздела книги Г.Ф. Александрова «Труды И.В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма». М., 1952.

ten unterschlagen oder verdrehen, um ein bestimmtes nationales Wunschbild zu schützen?» [180, с. 103].

«Как это было?» – основной вопрос всякого исторического исследования. Об этом писал Ф. Энгельс: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные, сознательно поставленные цели, а общий итог этого множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир – это именно и есть история» [172, с. 41].

Поэтому мы начнем с реконструкции социального и культурного контекста эпохи, в которой происходили те или иные события, под влиянием которого формировалось мировоззрение того или иного ученого, складывалась его судьба. Затем продемонстрируем ход мысли, особенности рассуждений и доказательств советских лингвистов того или иного десятилетия, их полемику с идеями своих предшественников и современников.

*

«Товарищ Сталин, || вы большой ученый, || В языкознании познали толк... || А я – простой советский заключенный, || И мне товарищ серый брянский волк...». Не в последнюю очередь благодаря этой песне Юза Алешковского факт «какой-то причастности» Сталина к науке о языке широко известен. Об этом помнили всегда, но не всегда последовательно и объективно. В «Литературной газете» (№ 5 за 1992 г.) появилась статья, написанная совместно писательницей и ученым – Наталией Ильиной и доктором филологических наук Л.Л. Касаткиным. Авторитетные авторы привели убедительные свидетельства, что вмешательство Сталина в языкознание не только не было губительным для этой науки, но даже сыграло положительную роль. Но на другой полосе того же номера газеты автор, далекий от лингвистики, заявлял, что после появления статьи «отца народов» «началась ликвидация всего классического языкознания». Таким было восприятие эпохи 50-х в начале 90-х.

Представление о том, что Сталин принес вред науке о языке, держалось стойко. В 2000 г. в передаче «Династия Орбели» на телеканале «Культура» сказано: «...появилась печально знаменитая статья Сталина». В 2002 г. на том же канале в передаче «Тем временем» вспомнили, что незадолго до смерти Сталин взялся за языкознание. Прозвучала фраза: «Лингвисты до сих пор вспоминают об этом с содроганием». Но есть и иная точка зрения. В публицистических статьях последних десятилетий не раз проводилась мысль, что Сталин «ошельмовал» великого ученого – Н.Я. Марра.

Представления об истории отечественной науки о языке бывают на удивление далеки от истины. Картина советского языкознания в то время, как считают А.А. Леонтьев и Н.А. Еськова, была совершенно иной. Академик Н.Я. Марр, умерший в 1934 г., не застал разгара разрушительного действия на лингвистическую науку своего идеологически окрашенного «нового учения о языке». Как это ни парадоксально, вмешательство Сталина в языкознание, завершившее так называемую «свободную дискуссию», развернувшуюся в 1950 г. на страницах «Правды», принесло этой науке больше положительного, чем отрицательного. Оно нанесло сокрушительный удар по тому, что «великий вождь» назвал «аракчеевским режимом в языкознании». Сделано это было, разумеется, тем же методом, каким насаждался сам этот режим, так что Сталина в пору изобразить эдаким Тарасом Бульбой, говорящим «аракчеевскому режиму»: «Я тебя породил, я тебя и убью!» [69, с. 7–9].

«Гениальные труды» не содержали, конечно, ничего гениального, но там были вполне здравые мысли, в частности, разоблачалось положение о языке как элементе надстройки над базисом. Было «реабилитировано» сравнительно-историческое языкознание, и многие крупные ученые, подвергавшиеся нападкам за непризнание «нового учения о языке», вздохнули свободно. А.А. Реформатский вспоминал об этом так: «40-е годы были для лингвистики трудными: первая половина – вой-

на, прекращение печатания и прочие тягости, а вторая – бешеный рецидив марризма и создание «аракчеевского режима», и только после «дискуссии» в «Правде» в 1950 г. возникли благоприятные условия и возможности не только «писать в стол», но и печатать...» [138, с. 45]. Оценивая идеологическое влияние на языковедение той эпохи с позиций перестроечных 90-х, А.А. Леонтьев скажет: «В лингвистике подлинно марксистский подход вообще отсутствовал. Правда, ортодоксальная идеология с самого начала вела борьбу на два фронта, дискредитировав наиболее одиозные течения в вульгарном, механицистском материализме («Енчмениада» Бухарина, «правый уклон» Сталина, олицетворенный А.К.Тимирязевым, и др.). Может возникнуть вопрос: а вообще имеет ли смысл говорить о марксистском подходе как научном? Если речь идет о механическом материализме, а о подлинном, диалектическом, мы не видим оснований для того, чтобы отлучить марксизм от науки, во всяком случае, в теории познания и близких областях. Если бы марксизм не был объявлен официальной идеологией, он воспринимался бы просто как одно из направлений классической немецкой философии и, безусловно, пользовался бы успехом среди философски образованной части российских ученых» [103, с. 36–37].

Желательно, конечно, отечественную историю науки о языке видеть такой, какой она была на самом деле. Но это пока сложно сделать: как видим, она была полна внутренних противоречий с самого начала. Достаточно сравнить публикации в «Правде» периода дискуссии и неопубликованные материалы той эпохи, к которым мы получили доступ совсем недавно: частные письма и записки граждан в Политбюро ЦК ВКП (б), изданные в начале 2000-х. Вот некоторые из них – наиболее, с нашей точки зрения, интересные.

Письмо студента Г. Крылова Сталину. «Иосиф Виссарионович! Ваше выступление по вопросам советского языкознания явилось для меня самым значительным событием за послед-

ние пять лет в области науки. Я – студент филфака МГУ, отделения русского языка и литературы. В прошлом семестре ...нам читался курс «Новое учение о языке»...Из этого курса мы уловили: кто не с Марром, тот с формалистами и хуже, – и потому «сомкнулись» вокруг него. В языкознании для нас был только Марр и его «ученики». Мы сами готовились стать в ряды этих «учеников». Ведь тогда и на секунду не могло прийти мысли, что это не «ученики», а всего лишь «послушники». ... Ваше выступление...заставляет творчески мыслить, а не жить начетнически стрижкой классиков марксизма на цитаты для подтверждения своей мутной логики... Желаю Вам здоровья, здоровья и здоровья. А успехи с Вами у нас всегда будут. С комсомольским приветом Герман Крылов. 10 июня 1950 г.» [145, с. 485–486].

А вот письмо к Сталину от студентки Н. Кошкиной. «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вы научили нас любить правду больше жизни. Мы выросли в обществе, которое построено и развивается под Вашим руководством... Каждое Ваше слово мы чтим как святыню. Ваши слова всегда были близки и понятны нам... Однако Ваша статья «Относительно марксизма в языкознании» представила для меня большую трудность... Понимаю, что все мои сомнения, возникшие у меня в связи с Вашей статьей, – плод неправильного понимания мною марксизма и неправильного применения его к языкознанию. Но я хочу понять, в чем именно я ошибаюсь... Вы утверждаете, Иосиф Виссарионович, что язык не есть надстройка над базисом на том основании, что при смене одного базиса другим старая надстройка сменяется новой, а язык остается тем же самым. По этому поводу мне хотелось бы попросить Вас, Иосиф Виссарионович, ответить на два вопроса: что Вы называете языком? что значит старая надстройка сменяется новой?... Вы, говоря о языке, говорите только о его словарном фонде и грамматическом строе языка. Но ведь словарный фонд и грамматический строй языка еще не есть язык...Разве новое не несет

в себе старого? ...Мне не понятно, Иосиф Виссарионович, как же могут входить политические, философские и другие воззрения в надстройку без языка, если сами они без языка не могут существовать?...Каким базисом порожден марксизм? Социалистическим? Но марксизм был создан еще до построения социалистического общества. Капиталистическим? Марксизм был создан в эпоху капитализма. Но можно ли сказать, что марксизм был порожден капиталистическим базисом? ...Надстройка порождена одним базисом, мне кажется, только в том смысле, что марксизм, как и все другие ее (надстройки) части, входит в надстройку не в качестве нескольких томов сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, а лишь постольку, поскольку он существует в головах людей нашего общества как мышление и в действительности как язык нашего общества. И в этом смысле и язык данного общества порождается одним базисом, ибо он существует реально в этом обществе как продукт способности мыслить и говорить людей, входящих в это общество... У Вас было сказано так: «Словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слова, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер»... Мне непонятно, Иосиф Виссарионович, как может словарный состав языка получать осмысленный характер благодаря грамматике, если говорящий, употребляя в своей речи словарный состав, не думает ни о правилах, ни о грамматике? Мне казалось, что словарный состав языка получает осмысленный характер потому, что говорящий мыслит. Для моего, вероятно, недиалектического мышления «словарный состав получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка» звучит так же, как если бы сказать: «производительные силы общества получают величайшее значение, когда они поступают в распоряжение политической экономии»... Я не понимаю, Иосиф Виссарионович, как можно говорить, что

язык остается тем же самым....Как же он может оставаться тем же самым, если «ни мысль, ни язык не представляют собой особого царства», если «они суть только проявления действительной жизни» (Маркс, Энгельс, соч. т. 4, стр. 435)...Дорогой Иосиф Виссарионович, я не сомневаюсь, что я в чем-то ошибаюсь. Но я сама не могу найти свою ошибку. Прошу Вас, Иосиф Виссарионович, указать мне мои ошибки... С горячим комсомольским приветом студентка 4-го курса филологического факультета Ленинградского государственного университета Кошкина Н.С. 3 июня 1950 г.» [145, с. 487–488].

Как видим, принимая истину «новых планов в языкознании», советский лингвист получал возможность заново осмыслить историю, внести смысл в хаос своего мировоззрения, реинтегрировать свое чуть было не распавшееся «я» в результате различных «дискуссий», «проработок» и «чисток». Но это тоже произойдет не сразу, как показывает Записка секретаря партком МГУ Прокофьева в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«В Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) тов. Яковлеву М.Д. *Партийная информация*. Статья товарища Сталина, опубликованная в газете «Правда», «Относительно марксизма в языкознании» вызвала всеобщее одобрение и громадный политический подъем. В день опубликования статьи очередные экзамены практически начались с того, что экзаменаторы вместе с экзаменуемыми студентами прочли статью товарища Сталина. Следует отметить, что это было сделано без каких-либо особых указаний. Вместе с тем, имеют место отдельные случаи, которые заслуживают внимания. Как заявил заместитель декана филологического факультета, член ВКП (б) тов. Зозуля в личной беседе со мной, он был свидетелем разговора тов. Сердюченко с профессором Чемодановым следующего содержания: профессор Сердюченко сказал, что одно высокопоставленное и компетентное лицо (фамилию которого он не назвал) сообщило ему, что «Правда» открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить позицию ученых.

После выяснения этих позиций «Правда» нанесет удар. Таким образом, он дал понять, что «Правда» организует свободную творческую дискуссию как бы с провокационной целью. Тов. Зозуля подтверждает, что профессор Чемоданов резко дал отповедь такому настроению профессора Сердюченко. Доцент кафедры русской литературы, член ВКП (б) тов. Белкин в разговоре с тов. Зозуля высказал следующее мнение: «Что же, товарищ Сталин не знал раньше об аракчеевском режиме в науке? Ему давно бы надлежало вызвать тов. Кафтанова и дать соответствующие указания». Проявляются настроения и иного рода. Так, профессор Гудзий высказывал мысли о том, что у нас допускался перегиб с критикой веселовщины. «Когда, – заявил профессор Гудзий, – исследователь говорит о влиянии Байрона на Пушкина, это считается чуть ли не предательством. А когда же говорят, что Марлинский влиял на Пушкина, то это признак хорошего тона, признак благонадежности». В личном разговоре с проф. Чемодановым, который состоялся у меня 30.07., выяснилось, что действительно проф. Сердюченко в период еще до появления статьи тов. Сталина пришел к тов. Чемоданову и сказал, что ему кажется, что «Правда» открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить точки зрения и уничтожить противников. На это проф. Чемоданов, по его словам, ответил, что центральный орган нашей партии не открывает свободных дискуссий с провокационной целью. Метод провокации не метод нашей партии. Проф. Сердюченко прервал разговор. После появления статьи тов. Сталина в газете «Правда» проф. Сердюченко заявил: «Дело ясное. Надо искать вакансию где-нибудь в Рязани или Воронеже». Указанные выше высказывания, конечно, являются исключениями. Статья товарища Сталина поставила целый ряд вопросов, которые обсуждаются среди ученых факультета. *Секретарь парткома МГУ Прокофьев. 30 июня 1950 г.* [145, с. 490–492].

Дискуссия создавала впечатление достигнутой победы науки над политикой. Но, как скажет С. Бойм, лингвистика ос-

тавалась в СССР одной из самых политизированных наук на всем пути ее развития [36, с. 141; 65]. Да, в начале 50-х годов марризм был отвергнут. Однако попытки выстроить науку о языке на диалектико-материалистической философской основе оставлены не были. В конечном итоге, диалектико-материалистическое языкознание так и не было создано, хотя такие попытки предпринимали Р.А. Будагов, Б.А. Серебренников, В.З. Панфилов и др. [59, с. 99].

Поэтому бессмысленно пытаться уточнять исторический генезис идей Сталина: не столько в смысле влияния отдельных источников, сколько в смысле культурно-исторической детерминированности в целом. Открытая им модель языка представляла собой универсальную истину. Это и породило первоначально у советских ученых осознание действительности как тяжелого сновидения и попытки стряхнуть с себя тот мучительный сон, в который они (ученые 30–40-х гг.) сами себя погрузили. Но он сменился гипнозом незыблемых идеалов европейской (американской) цивилизации и всечеловеческого прогресса: предыдущее толкование языка было ложно, необходимо пробиться к новому толкованию. Эта «тяжесть» и этот «гипноз» будет долго преследовать не только советских лингвистов 50-х годов.

Л.С. Ермолаева так напишет в своих воспоминаниях о тех годах: «Мне, наверное, вдвойне повезло, ибо происходило все это в 50-е годы. Известный поэт и переводчик Павел Грушко, окончивший в те годы отделение испанского языка, сказал в одном из своих юбилейных выступлений: «В 50-е годы в Ин-язе царила поразительно, нет, даже подозрительно творческая атмосфера».

Вскоре, в начале 60-х годов, ситуация изменилась к худшему. Весь ректорат МГПИИЯ освобожден от занимаемых должностей за «недостатки в воспитательной работе со студентами» (вот она, «подозрительно творческая атмосфера»), отмеченные комиссией ЦК КПСС. Но еще раньше, в 1960 году, вышел запрет на совместительство, по которому научные со-

трудники Академии Наук лишены права заниматься педагогической работой в вузах [67, с. 3].

Даже в начале 70-х А.Ф. Лосев в разговорах с В. Бибихиным вспоминал о том времени так: «(19.01.1973) Я свое дело сделал, делайте теперь вы свое дело, кто помоложе. Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах. Каждую лекцию начинал и кончал цитатами о Сталине (В доме Лосева я видел старые тетради с хвалебными посланиями Сталину на древнегреческом языке). Участвовал в кружках, общественником был, агитировал. Все за Марра – и я за Марра. А потом осуждал марризм, а то не останешься профессором. Конечно, с точки зрения мировой истории, что такое профессор. Но я думал, что если в концлагерь, то я буду еще меньше иметь...» [29, с. 38].

А вот фрагмент воспоминаний И.И. Ревзина: «Я возвращаюсь к 1958 г. – ко времени, когда В.Ю. Розенцвейгу удастся стать председателем некоторой корпорации, а именно Объединения по машинному переводу. Наверное, трудно даже представить себе, сколь неожиданным было это Объединение и последовавшая далее конференция в стенах МГПИИЯ, где я все эти годы должен был давать 700–800 часов в год (в последние годы благодаря опеке В.Ю. несколько меньше), обучая бездарных студентов еще более бездарному делу: переводить на немецкий язык газетные штампы (именно с тех пор я перестал выписывать газеты, так как беря любую из них в руки, например, где-нибудь в туалете, я бессознательно начинаю переводить), МГПИИЯ, где я должен был, кроме того, по два-три раза в месяц сидеть на заседаниях кафедр, советов факультета, методических объединений и выслушивать несусветные глупости, преподносимые под видом глубоких теоретических обобщений, МГПИИЯ, где предел мечтаний каждого – попасть за границу, купить машину и в лучшем случае стать кандидатом или, соответственно, доктором наук (а достигнув этого, уже ничего не читать, кроме передовых статей журнала «Вопро-

сы языкознания», чтобы всегда быть в курсе дела), МГПИИЯ, затхлая атмосфера которого душит любое самое доброе начинание, – и еще не просто МГПИИЯ, а переводческий факультет МГПИИЯ, готовящий кадры для Комитета государственной безопасности.

Тем не менее, именно в МГПИИЯ активно действовало это Объединение. Более того, после ухода Вяч. Вс. Иванова из Университета МГПИИЯ надолго стал признанным лингвистическим центром <...>.

Сев писать о секторе, я все с большей растерянностью убеждаюсь, что ничего не помню. Не зря, оказывается, я писал год назад: «Те события и совокупность событий, о которых хранится воспоминание как о самых существенных и решающих, записаны в памяти очень суммарно как некая доминанта, и написать о них почти не удастся. По-видимому, мозг устроен так, что совокупность важных событий интегрируется в единое целое, они уже не хранятся как отдельные образы, а переработаны в опыт, интуицию, знания» <...>.

Я силюсь вспомнить конкретное и ничего не вспоминаю. Может быть, все, что было, действительно слишком уж вошло в меня. Ведь я пришел в сектор – и даже выступил в «Моделях языка», и далее по инерции отчасти и во второй книге – совершенно иным лингвистом, чем я стал сейчас. Надо сказать, что всю свою жизнь я был очень подвержен влияниям (я намерен еще написать об огромном влиянии на меня Игоря Шехтера, немца Ноффке, от которого мой педантизм и даже «гелертерство», потом книги Балли. О периоде машин и влиянии Ляпунова, Успенского и Вяч. Вс-ча я уже писал. Так или иначе, но в момент моего прихода в сектор я был убежденным дескриптивистом. Помню, в самый начальный период сектора (может быть, даже до моего официального назначения туда) состоялось обсуждение принципов построения русской грамматики, над которой тогда решили работать две Тани и Зоя (кажется, планировалось и участие Вл. Ник-ча. Во всяком слу-

чае, он потом подал отдельную работу о сочетаниях графем, примыкающую к ней). Каждый из участников выдвигал свою точку зрения. Так, Вяч. Вс. предложил построить ее целиком как порождающую грамматику, подробно аргументируя выгоду именно такого представления для типологии. Я же очень горячо выступил за грамматику, целиком основанную на дескриптивных принципах. Для меня тогда научность и дескриптивность были синонимами. Теоретико-множественная концепция была очень удобным инструментом дескриптивного описания языка, а то, что именно мне выпало соединить дескриптивное мировоззрение с математическим языком теории множеств, наполняло меня гордостью. В концепции О.С. Кулагиной меня мучительно беспокоило лишь одно: то, что парадигма слова («окрестность») считалась заданной вместе со словом. Это было допущение, противоречащее дескриптивизму. Помню, как серьезно я относился к задаче получить «окрестности» на основании остальных данных. Написанная мною на эту тему работа об операционных определениях в лингвистике сейчас лишена какого-нибудь смысла, хотя формальный аппарат ее, кажется, корректен. Сейчас я считаю вполне естественным допустить, что мы умеем отождествлять слова одного значения и, в частности, объединять парадигмы. Но тогда я считал эту работу наиболее существенной для всей концепции именно потому, что не мыслил себе возможность не дескриптивной лингвистики.

Ниспровержение дескриптивной лингвистики обычно связывают с именем Хомского. Но для меня это происходило иначе. Во-первых, я самого Хомского воспринимал как дескриптивизм наизнанку. Уже в первые годы сектора («Модели языка» отражают лишь начало сдвига) я понял необходимость более пристального изучения парадигматики языка, которая в концепции Хомского была на роли Золушки. Во-вторых, постепенно (уже после написания «Моделей») я понял – думаю, не без влияния В. Н. Топорова, с которым я часто беседовал

на эту тему, – что полноценным может быть лишь описание, которое комбинирует генеративный и дескриптивный подход. Впервые я рассказал об этом на конференции в Ереване осенью 1963 г., но, хотя кое-какие детали были встречены сочувственно А. В. Гладким и В. А. Успенским, суть концепции, кажется, была воспринята равнодушно. Надо сказать, что мне вообще не приходилось сталкиваться с пониманием концепции и одновременным сочувствием к ней где-либо и когда-либо за пределами сектора (да и в самом секторе реакция была сдержанной, но даже это значило для меня очень много) <...>.

А я за эти годы пришел к выводу, что истин много и только плюрализм обеспечивает какую-то возможность понять язык. А плюрализм предполагает терпимость и *vice versa*» [136, с. 809, 832–834].

Показательным для атмосферы тех лет послужила история Отделения прикладной и структурной лингвистики МГУ. А.Е. Кибрик напишет об этом так: «В истории гуманитарной науки в СССР Отделение сыграло исключительно важную роль, так как было одним из немногих относительно успешных опытов создания автономного научного сообщества, более или менее свободного от давления официальной советской идеологии и ориентирующегося на свободный поиск научной истины и освоение достижений мировой науки. Отделение было создано по инициативе математиков и при поддержке А.Н. Колмогорова с учётом опыта действовавшего несколько лет до этого на филологическом факультете МГУ семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании». Именно с этого семинара начались попытки освободить советскую лингвистику от отставания и изоляции, в которую она попала после катастрофического периода насильственного господства марризма, а потом насильственного же его ниспровержения. Огромную роль в успехе этого процесса сыграли теоретическое видение, интеллектуальная честность и смелость В.А. Звегинцева, который практически единолично вернул се-

мантику в советскую лингвистику и распространил структурные теории в серии переводов «Новое в лингвистике». Эмансипации лингвистики способствовал интерес к прикладным задачам, связанным с автоматической обработкой текста и машинным переводом: предполагалось, что для решения этих задач язык должен быть описан «точными методами» и созданы «формальные модели» языка, а эта задача не может быть решена без тесного сотрудничества лингвистов и математиков. Реализация этой программы на практике означала не только организационное обособление теоретической лингвистики от традиционной филологии, но и относительную административную свободу лингвистических исследований от догматизма блюстителей идейной чистоты «марксистско-ленинской» науки, бывшего особенно агрессивным в гуманитарной сфере. Основателям Отделения удалось воспользоваться известным либерализмом хрущёвской «оттепели» и традиционным пиететом властей перед точными науками.

Несмотря на то, что Отделению приходилось постоянно бороться с обвинениями в «пропаганде буржуазной лингвистики» и в целом его деятельность на филологическом факультете МГУ проходила под знаком конфронтации, оно смогло просуществовать более 20 лет, накапливая опыт, совершенствуя программу обучения и развиваясь всё более успешно. В 1982 г. однако кафедра теоретической и прикладной лингвистики всё же была ликвидирована по инициативе руководства филологического факультета и с одобрения тогдашнего ректора МГУ А.А. Логунова. Этому предшествовал целый ряд скандальных эпизодов, связанных с обвинениями отдельных преподавателей и студентов Отделения в участии в диссидентском движении и других проявлениях «неблагонадёжности». После ликвидации кафедры для многих преподавателей и аспирантов продолжение профессиональной деятельности в МГУ оказалось по разным причинам невозможным, но часть старого состава кафедры пыталась проводить прежние прин-

ципы в иных организационных формах, несмотря на ещё более возросшие трудности» [90, с. 80–93].

«Постепенно флер рассеивался», – так выразит свое мироощущение О.А. Лаптева: «И вот первое сентября. Все изумительно. Лекция в комаудитории. Занятия во второй аудитории и других аудиториях на факультете. Дивная старушка Евгения Карловна в кабинете русского языка и славянской филологии. Ребята, девочки. Мы упивались всем. Много комсомольского шума, который меня не касался: я вступила в комсомол только на 4-м курсе из любви к коллективу, а так была «безыдейная». В воздухе пахло вечными ценностями.

Прошло немного времени, первый флер рассеялся, и во многих курсах, которые нам читали, все отчетливее стала проявляться агрессивная идеологизация науки. Она сказывалась, прежде всего, в классовом подходе – и к языку, и к моей любимой русской литературе. Тут-то я и радовалась, что оказалась на «логике». На нашем отделении литературы было меньше, чем на русском, да и то у нас – вместе со всем курсом – были лекции по западно-европейской литературе, которые читали Л.Е. Пинский и Б.И. Пуришев. Мы ими наслаждались: это было пиршество ума почти без классового подхода, которое звучало, как пенье соловья. Все кончилось закономерно: Пинского арестовали в 1951 году (освободили в 1956, за два года до нашего окончания факультета). Но мало кто тогда знал об этом. Люди пропадали тихо и бесследно.

На 4-м курсе стали пропадать наши однокурсники. Исчез Коля Розов, нежный и талантливый поэт. Его арестовали и повезли в арестантском вагоне, а у него был диабет и нужен был укол. Так он умер. Это рассказала мне его невеста – Зоя Безрукова, живущая в Варшаве. Исчез Сима Маркиш. К счастью, не навсегда. Плохо кончил Костя Богатырев, сын члена Пражского лингвистического кружка Петра Григорьевича Богатырева, известного и очень крупного фольклориста. Были и другие. Страшное время. Страшные безвинные жер-

твы. Хирургическое подравнивание под одну гребенку всего лучшего. Н.К. Дмитриев писал об академике В.А. Гордлевском – тюркологе: «...он стал интеллигентом и моралистом столетия». Конечно, эти качества вступали в вопиющее противоречие с эпохой.

Ясно, что партийно-советское литературоведение меня отпугнуло. А вот языкознание было похоже на науку, если отвлечься от марризма. А отвлечься было можно: классово ориентированный подход Н.С. Чемоданова, читавшего нам лекции, был, скорее, в изоляции на факультете. Во многом продолжались традиции отечественного языкознания еще дореволюционной эпохи – Московской диалектологической комиссии и Московского лингвистического кружка, хотя наскоки на них были сильные. Михаил Николаевич Петерсон, ученик Ф.Ф. Фортунатова, профессор МГУ с 1919 года, в наше время был отстранен от штатного преподавания и вел факультативные курсы: санскрит, сравнительно-историческую фонетику и грамматику индо-европейских языков, включающую и материал славянских языков. Его отец Н.П. Петерсон тоже учился на историко-филологическом факультете Московского университета, в 1862 г. по приглашению Л.Н. Толстого преподавал в Ясной Поляне в народных школах, а незадолго до революции был членом окружного суда в том же Зарайске. Но люди с традициями опасны для руководства.

Мы ходили к Михаилу Николаевичу три года. Мы – это группа «безыдейных» лингвистов: Сима Маркиш, Танечка Миллер, Инна Бернштейн (ее впоследствии В.М. Жирмунский очень ценил как переводчика), Саша Сыркин, Олег Широков, кое-кто из других вузов. У меня было с М.Н. и другое сотрудничество: я стала старостой НСО (в него меня принимали аспиранты Никита Толстой и Юлия Бельчиков), руководителем которого был М.Н. И вот первый год аспирантуры. У нас с Феликсом в конце 5-го курса тайный и бурный роман. С 50-летием нашего выпуска совпала наша золотая свадьба. Никто

ничего не знает. А оторванный от жизни, старый, ничего будто бы не замечающий вокруг, смотрящий вниз М.Н. встречает меня в коридоре после возвращения из Чесноковки (там мы поженились), наклоняется к руке и тихо говорит: – Поздравляю вас, Ольга Алексеевна! (по имени-отчеству он называл всех студентов по дореволюционной традиции). Недавно я прочла мемуарную часть в сборнике памяти Г.О. Винокура. И поняла, что вникать в детали жизни коллег и быть близкими людьми было традицией старых московских ученых с молодых лет, когда меня еще на свете не было.

Мой чудной и без остатка преданный науке научный руководитель Петр Саввич Кузнецов читал нам втроем с Зоей Волоцкой и Аней Добромысловой тягучий курс по рукописям целых два года. Он она неповторимой личностью и поражал широтой интересов и знаниями в самых разных областях вплоть до африканистики. Мои беседы с ним на аспирантских консультациях неизменно начинались с фразы: – Оля, я был сегодня в библиотеке – и далее следовал рассказ об очередной рукописи. Про его чудачества ходили легенды. Это про него студенты распевали: «Что не знаешь – объясняй внутренним законом» (насчет его курсовых лекций после работ Сталина по языкознанию). Он излучал обаяние отрешенности от забот бытия.

Эти люди (и Н.С. Поспелов, и В.Г. Орлова) были полярно противоположны чеховскому направлению, которое поддерживало партбюро вплоть до работ Сталина по языкознанию, когда партбюро по необходимости сменило позицию на обратную. Мы, конечно, в полной мере ощущать глубину противостояния не могли, но контрасты оценивали своим выбором курсов и научных руководителей. Только сейчас по-настоящему стало ясно, кто нас учил. На факультете мы встретились с лучшей лингвистикой.

Вспоминаю Евдокию Михайловну Галкину-Федорук (еще до нас про нее пели: В Академию наук едет Дуся Федорук), деревенского профессора фил-фака, неизменный объект анек-

дотов. Она сама распространяла про себя слухи, будто бы она была домработницей в семье Д.Н.Ушакова, что было неправдой, но ей хотелось выпятить пролетарское происхождение. У нее была чистая душа, побуждавшая ее к добру. Она вызволяла В.В. Виноградова из ссылки и помогала ему заведовать кафедрой...» [101, с. 5–12].

Многое сейчас кажется абсурдным в той истории. Но нельзя забывать, что за всем в те годы стояла содержательная идеологическая интенция. Дело в том, что, по мнению Б.М. Гаспарова, марксистская идеологическая основа метода Марра, к которой яфетидология стала апеллировать со все большей настойчивостью, вытекала из динамической интерпретации марксизма, становившейся все более популярной в самых различных интеллектуальных кругах, – интерпретации, подчеркивавшей те аспекты концепции Маркса, которые сближали марксизм с левым гегельянством, т.е. с традицией немецкой идеалистической философии. С другой стороны, «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» Энгельса оказывались на противоположном конце спектра марксистской идеологии, в качестве символа позитивистского мышления [49, с. 195–196]. В таком идеологическом контексте стратегия марристов заключалась в пропаганде философской возможности переделки действительности, изменения мира, что было чутко воспринято советским поэтическим авангардом: «А мы, немногие, слышим и подземные удары грядущих землетрясений, при дальнейших открытиях Павлова, Эйнштейна, Марра и других и делаем попытки художественного оформления новых представлений при текучем рельефе вещей, с их сдвигами, смыканиями и смещениями и с устранением обычных соотношений между природой, человеком и стихиями», – так будет говорить А. Туфанов [70, с. 47]. Именно в том случае, когда наука, и в том числе философия языка, претендует на то, чтобы быть большим, чем она может быть, – т.е. быть, вопреки словам К. Маркса, не практикой «объяснения», а практикой «изменения»

мира, – ей не избежать обвинений в абсурде со стороны господствующих институтов власти [32, с. 336; 130, с. 128].

Уход «нового учения о языке» из советского языкознания в результате дискуссии 1950 г. с участием Сталина и, главным образом, сталинской критики объясним, очевидно, сменой культурных моделей. Причина его «разгрома» – в несоответствии его новой советской языковой политике. В работах Сталина и всех участников дискуссии оно критикуется именно как философия языка. По мнению А.П. Романенко, пафос этой критики состоял в отрицании принадлежности языка к надстройке, а, следовательно, «классовости» языка и его «новизны». Этос критики заключался в признании культурной преемственности и традиции. Логос критики – отрицание основных теоретических постулатов «нового учения о языке» [139, с. 191–193]. После сталинской дискуссии происходит возврат к парадигме «абстрактного объективизма», основанной на принципе условности языкового знака. Это, в свою очередь, указывает на поворот в культурном развитии советского общества к модели, в которой идет борьба со старым, т.е. с оппортунизмом; целью и смыслом жизни служит революция; теоретическим источником – марксизм в ленинской интерпретации. Как об этом напишет акад. А.С. Чикобава в конце 50-х: «Последовательно применяя принцип историзма, понятого материалистически, лингвистика может занять подобающее место среди общественных наук как одна из важных и самых точных наук этого круга» [165, с. 174].

После смерти И.В. Сталина ссылки на его труд, переставший издаваться, исчезли очень быстро, реально даже до XX съезда КПСС. Тем не менее, о сталинских публикациях помнили многие – некоторые лингвисты старшего поколения помнили целые куски из них наизусть, и подспудное их влияние оставалось. Но к марксистскому языкознанию все это уже практически не имело отношения. Сама эта проблема после 1950 г., особенно после 1956 г., ушла на периферию

внимания ученых. В.М. Алпатов сообщает о своих исторических разысканиях об этом периоде следующее: «В качестве представительного примера я просмотрел журнал «Вопросы языкознания» за первые полвека издания с 1952 г. Результат оказался на первый взгляд неожиданным. Хотя стандартные упоминания марксизма встречались часто, особенно в первые годы издания журнала, но собственно марксистской проблематики очень мало. За 50–60-е гг. можно отметить лишь три статьи» [9, с. 220]. Разумеется, сами слова «марксизм» и «марксистский», в том числе в словосочетании «марксистское языкознание», в 50–70-е гг. можно было встретить часто. Особенно задавали здесь тон ученые, воспитанные еще в 20–30-е гг. и первоначально принадлежавшие к марристскому лагерю: Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и др.; примыкали к ним и более молодые языковеды: В.З. Панфилов и др. В 70-е гг. и в начале 80-х гг. они пользовались официальной поддержкой и в целом исходили из положений сталинской брошюры (не ссылаясь на нее, это не было принято), иногда с добавлением некоторых идей марристов. Они относили себя к марксизму в науке о языке, резко критикуя «идеалистические» концепции структурализма, а затем и генеративизма. Реально же под «марксизмом в языкознании» понималось, по словам В.М. Алпатова, в ту эпоху следующее: «Во-первых, это понимание лингвистики как чисто исторической науки («антиисторизм» был любимым ругательным эпитетом Ф.П. Филина): «Единственным методом подлинного объяснения системы является метод исторический, основывающийся на марксистско-ленинском понимании истории». «Синхронно-системный метод» признавался лишь в том случае, если он «решает определенные конкретные задачи и не претендует на главенствующее положение в теории языкознания». Но такие высказывания (естественно, без апелляций к марксизму-ленинизму) вполне соответствовали идеям лингвистики XIX в. Второй чертой, связанной с первой, был подчеркнутый эмпиризм, отказ от научных абстракций.

Структурализм и тем более генеративизм постоянно обвинялись в «схематизме», отказе от рассмотрения языковых явлений во всех деталях. Для Ф.П. Филина «какие бы новые принципы составления словарей ни выдвигались, словари всегда будут собранием отдельных слов и ничем другим». Он вовсе отрицал теорию, не связанную с анализом конкретных фактов: «Появляется странная разновидность языковедов, о которых нельзя сказать, какой или какие языки являются их специальностью». В каждой теоретической книге Ф.П. Филина или Р.А. Будагова значительную (и лучшую) часть занимают очень конкретные исследования истории от дельных слов. Такой подход тоже идет от XIX в., но не из всего века, как историзм, а из его второй, позитивистской половины, когда господствовало «преклонение перед фактом». Третья черта имела иной источник: сглаженный марризм, без четырех элементов и других наиболее фантастических частей учения Марра. Эта черта – установление прямолинейной связи между развитием общества и развитием языка: «Толчком к изменениям всегда являются те или иные общественные причины»; «Нельзя не видеть глубокой зависимости языка от общественного строя. Что произошло с русским языком после Октября 1917 года? Проблемы не сводятся только к лексике». Необходимым признавалось «соотнесение этапов развития языка с историей общественных формаций». Официальная «марксистская наука о языке» 50–80-х гг. на деле была сочетанием позитивистского языкознания XIX в. с прямолинейным социологизмом, шедшим от марризма. Ее представители были далеко не во всем едины. Ф. П. Филин был довольно последовательным позитивистом, а Р. А. Будагов испытал и некоторое влияние школы К. Фосслера (не столько в общей теории, сколько в установке на историческое изучение индивидуальных стилей и в конкретных исследовательских приемах).<...> От марксизма все это было далеко, а общее отношение того или иного лингвиста к марксизму, как и его отношение к общественному строю, не было жестко свя-

зано с его научными идеями. Если среди философов или историков – «шестидесятников» идеи «очищения» марксизма от наслоений сталинской эпохи долго были популярны, то лингвисты об этом совсем не думали. Часть препятствий на пути развития науки о языке была парадоксальным образом убрана Сталиным, остальные можно было (по крайней мере, в рамках «чистой» науки) не замечать. И в начале 60-х гг. бывший теоретик «Языкофронта» Т. П. Ломтев с грустью констатировал: «Говорить о марксизме в языкознании стало признаком дурного тона». <...> Представляется, что «прививка» марксизма, прежде всего, проявлялась в сознательном или бессознательном отказе от двух подходов к объекту лингвистики. Во-первых, это нежелание ограничиваться «фактографией». В советской науке долго плюсом считалась «проблемность», т. е. стремление обобщать, рассматривать конкретные факты не как главную и последнюю реальность, а как проявление каких-то общих закономерностей. Это объединяло советских лингвистов (и не только лингвистов) разных научных и политических взглядов, по крайней мере, до начала 70-х гг. Водораздел больше всего, пожалуй, проходил по географическому принципу: в Ленинграде сознательное «преклонение перед фактом», свойственное крайнему позитивизму, было гораздо распространеннее, чем в Москве. Во-вторых, советские лингвисты не были склонны относиться к своему объекту как к высокой игре, как к «фокус-покусу». Опять-таки, ученые разных взглядов (не только лингвисты) стремились выяснить, что происходит «на самом деле». И не случайно, что соответствующим образом воспринимались и зарубежные теории: Пражская школа оказала большее влияние на советскую лингвистику, чем, скажем, глоссематика» [9, с. 222–224].

Но нельзя, как писала Р.М. Фрумкина, себе представлять дело так, что после 1950 года в языкознании немедленно началось возрождение. Прежде всего, потому, что в течение нескольких лет, как уже сказано, все публикации заполнены толкованием гениальных произведений вождя.

Долго еще в советском массовом сознании языковедение будет ассоциироваться с «буржуазной контрабандой». В 1959 году А.О. Авдеенко опубликует роман «Над Тиссой (из пограничной хроники)» – своего рода бестселлер той эпохи, еще бы – приключенческий шпионский роман. Так вот, паролем шпионов и предателей в романе был «учебник Булаховского «Введение в языкознание»:

– Крыж почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен. – Есть у вас учебник Булаховского «Введение в языкознание»?... – Пожалуйста, есть. Платите. Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал «спасибо» и шепотом добавил: «Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите. [2, с. 243].

Детективный жанр той эпохи настойчиво связывал отрицательные качества преступника с его гуманитарными склонностями. Известный писатель того времени Л.Р. Шейнин в рассказе «Последний из могикан» (написан в 1956 г.) даст такую характеристику преступнику: «Вечером я беседовал с задержанным жуликом, оказавшимся Леонидом Яковлевичем Иноземцевым, пятидесяти восьми лет, имеющим семь судимостей за мошенничество. Передо мной сидел прилично одетый тихий человек. Его лицо дышало тем чрезмерным благородством, которое всегда возбуждает подозрение. Венчик седых кудрей обрамлял его полысевшую голову, губы пресыщенно отвисали, длинный унылый нос говорил о склонности к легкой грусти и размышлениям. Леонид Яковлевич оказался человеком с солидным образованием, бывшим гусаром и лингвистом. Он свободно владел английским, немецким и французским языками. Но еще с юных лет его влекло к аферам» [168, с. 74].

Тем не менее начался важный процесс – те, кто выстоял, кто сохранил свои убеждения и себя как личность, смогли, наконец, вернуться к рабочим столам. Уже к 1958 году академик В.В. Виноградов собрал в Институте русского языка АН СССР

лучших лингвистов разных поколений. В кадровом отношении, разумеется, за определенным исключением, Институт русского языка оказался гораздо более ярким, чем Институт языкознания. Собственно говоря, именно выделение этого нового института из Института языкознания позволило произвести разные перестановки. В Институте языкознания появился сектор структурной и прикладной лингвистики, которым стал руководить А.А. Реформатский, а в «Русском» (несколько позже) – параллельный ему сектор, которым заведовал С.К. Шаумян. И хотя в 1958 году еще в ходу были цитаты из Сталина и термины, введенные в его работах, силу набирали иные тенденции [160, с. 95, 98].

Лингвистика как наука возродилась, по словам Р.М. Фрумкиной, в СССР в середине 1950-х годов во многом благодаря «реабилитации» кибернетики. Этому возрождению способствовал выдающийся русский математик А.А. Ляпунов, а также академики А.Н. Колмогоров и А.И. Берг, выступившие не только как ученые, но и как организаторы науки. Объединив свои усилия с идеями «хранителей огня» – представителей раннего структурализма (А.А. Реформатского, П.С. Кузнецова, В.Н. Сидорова), они поддержали пришедшее тогда в науку молодое поколение, окончившее университет в середине 1950-х годов [161, с. 176].

При этом постоянно продолжавшаяся – явно или неявно – борьба «за» и «против» марризма пронизывает всю вторую половину XX века в советской лингвистике [63]. Для начала следует особо остановиться на феномене «неомарризма», как его «окрестили» В.А. Звегинцев и Б.А. Серебренников. Этот феномен 70–80-х гг. эпистемологически вообще не изучен: ведь все люди, упоминающиеся в связи с этим до недавнего времени были еще живы. Это одна из причин, но немаловажная для истории любой науки. Пока нам остается возможность цитирования текстов и отсылка к первоисточникам без возможности дать некий расширенный эпистемологический ком-

ментарий: «Неомарристы делают попытку переоценить труды Марра... Первая их задача заключается в том, чтобы свести на нет какое-либо значение лингвистической дискуссии 1950 г.... Неомарризм тянет советское языкознание назад к идеализму времен Н.Я. Марра...» [143, с. 316–317].

В 1970 году из уст В.В. Бибикина прозвучал панегирик Марру и заупокойная по западной лингвистике: «Но что продолжает задевать, это верные догадки, раскиданные там и здесь. Западная лингвистическая наука обречена на увядание, поскольку не выходит за пределы формы, фонетики на простор семантики. Имя привязывают к предмету не за его форму, а за его функцию. Не было никакого языкового дерева, а шли бесчисленные скрещивания. Языковое мышление меняется из века в век, и современные европейские языки представляют в этом смысле что-то очень отличное уже от так называемых древних, которые Марр причислил бы скорее к новейшим. И все это делалось человеком неистощимой, лошадиной силы и огромной памяти, не отягощенным веригами европейской дисциплины [30, с. 260].

Восприятие и сохранение идей Н.Я. Марра шло после «сталинской дискуссии» несколькими путями. Прежде всего, это развитие идей «функциональной семантики», завершившееся в 90-е гг. работами Ю.С. Степанова, например в книге «Константы. Словарь русской культуры» [148], где анализируется плодотворность и перспективность наблюдений Н.Я. Марра над параллельными рядами вещей и их именованями. Как пишет Ю.С. Степанов, «Н.Я. Марру удалось выявить некоторую специфическую закономерность, которую мы теперь можем назвать именно семиотической, но которую сам Н.Я. Марр называл «функциональной семантикой». Суть этой закономерности состоит в том, что значения слов-имен изменяются в зависимости от перехода имени с одного предмета на другой, заменивший первый в той же самой или сходной функции. Н.Я. Марр установил, например, что с появлением в хозяйстве

нового животного на него переходило название того животного, чью функцию приняло новое: так, на лошадь (в разных языках) перешло название оленя; на хлеб перешло название желудя, так как желудь в качестве продукта питания был заменен хлебом. Наблюдения Н.Я. Марра подтверждаются археологическими данными и данными ритуалов: так, в Пазырыкском кургане на Алтае были найдены ритуально захороненные останки лошадей в масках оленей». Ю.С. Степанов в 1997 году признает, что по Н.Я. Марру факт синонимизации, т. е. схождения семантического, схождения сем или смысла слов в целом, имеет эвристическую ценность. «Само явление «синонимизации» в его основе подмечено верно и должно быть сохранено, но ограничено», – напишет Ю.С. Степанов [148, с. 66–67].

Академик Т.В. Гамкрелидзе в начале 80-х писал об уместности теории глоттогонического процесса Н.Я. Марра, которая, с одной стороны, противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии, и в этом смысле она иррациональна. Но, с другой стороны, эта теория, представляющая собой своеобразную структурную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в ученом и интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно скопированных им при создании оригинальной модели языка [48, с. 54].

При всей кажущейся бессмысленности идеи Н.Я. Марра получили развитие, помимо исследовательских программ 30–40-х гг., в работах Р.О. Якобсона, Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова 70–80-х гг. и в работах лингвистов 90-х гг.

Проблема изоморфизма между генетическим и лингвистическим кодами долгое время была предметом пристального внимания Р.О. Якобсона, писавшего об аналогии между генетическим и лингвистическим кодами. Системная попытка описать язык с этих, «промарровских», позиций предпринята в работе М.М. Маковского «Лингвистическая генетика», где

говорилось о том, что «любое слово – это генетическая формула, несущая информацию о его топологическом, качественном, количественном статусе, о его жизнеспособности в той или иной среде, возможном направлении развития и др. При этом некоторые слова в языке выступают как своеобразные микроформулы, несущие информацию только о том или ином параметре, другие же представляют собой генетические макроформулы, несущие информацию сразу по нескольким параметрам» [111, с. 151].

Количество исследователей, активно работавших в рамках промарровской парадигмы в 80-е годы, конечно, исчислялось единицами. Такой «единицей» был А.П. Юдакин, трудившийся в секторе философских проблем языкознания Института языкознания АН СССР, во главе которого тогда стоял В.З. Панфилов. Книга А.П. Юдакина «Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли» интересна, прежде всего, своими теоретическими постулатами: язык как форма движения мысли; два возможных решения проблемы взаимосвязи языка и мышления; положение о дискретном спектре мыслительных категорий; изменение семантики грамматических категорий в сфере действия эволюционных процессов в языке; эволюционный метод и обоснование структурно-типологических сходств языков в диахронии [174, с. 3–19].

В этой связи интересно также восприятие идей Н.Я. Марра в герменевтическом поле исследования языка, для которого важен подлинный смысловой анализ, связанный, по словам А.А. Брудного, «с демистификацией природы человека, поэтому любой вопрос о закономерности той или иной стадии в историческом развитии феноменов (текстов, в том числе) должен обсуждаться на основе теории, доказывающей стадиальность естественноисторического процесса, его направленный характер. Применительно к эволюционному процессу это, например, ортогенез Л.С.Берга, применительно к языку – глоттогенез Н.Я. Марра» [39, с. 119].

В 70-е годы работы по реконструкции внутренней формы языка в наиболее разработанном виде были сосредоточены в так называемой ленинградской группе лингвистов (при кафедре математической лингвистики ЛГУ). По словам Л.С. Шишкиной, «эта группа сфокусировала в своих исследованиях несколько направлений внутренней реконструкции языка, развивавшихся в языкознании. Идеи А.А. Потебни, Г.П. Павского, К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, Н.Я. Марра, И.И. Мещанинова, содержательная логика М.И. Каринского-В.Н. Мороза и добротная школа структурного анализа – это и еще многое другое служило питательной средой совместного поиска глубинных основ языка [169, с. 270–272].

Следует отметить, что при отсутствии официальной ориентации на марровскую парадигму в «большой лингвистике», она все же продолжала оставаться предметом преподавания в высшей школе. Так, в 1976 году выходит пособие для студентов факультетов иностранных языков, где освещаются положительное влияние парадигматических марровских установок на становление синтаксической типологии и на развитие концепции понятийной категории [144, с. 78–90]. А в 1992 году Л.Г. Зубкова (РУДН) включает марровскую парадигму в перечень аспектирующих теорий наряду с именами А. Шлейхера, Г. Пауля, Ф. Соссюра [78, с. 73–101]. Характерна включенная В.В. Бибихиным в пособие для студентов общая оценка теории Н.Я. Марра: «Но что продолжает задевать, это верные догадки, раскиданные там и здесь (читай: по различным работам Н.Я. Марра)» [30, с. 259–260].

В.П. Руднев включил статью о Марре в свой «Словарь культуры XX века»: «Гениальным психотиком в русской науке был Николай Яковлевич Марр, считавший, что все языки мира произошли из четырех элементов *sal, ber, jon, goch*, и только из них, что удивительным образом напоминает учение о генетическом коде, и вопреки здравому смыслу утверждавший, что не все языки восходят к одному, а, наоборот, из многих языков

произошел один язык, который потом разделился на современные языки» [140, с. 187–189, 252].

В конце XX века труды Марра постепенно стали реабилитировать, особенно его штудии по семантике и культурологии. Это произошло при смене научных парадигм, при переходе от жесткой системы структурализма к мягким системам постструктурализма и постмодернизма, где каждой безумной теории находится свое место. А в 2003 году ссылка на сталинскую работу в качестве индекса научного цитирования как бы замыкает логический круг мифа о Марре и Сталине – логику этого мифа. В автореферате диссертации Богдановой О.В. на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Полипараметрическое исследование ядра лексической системы французского языка», выполненной в 2003 году в Воронежском ГУ под руководством проф. А.А. Кретьова, сказано буквально следующее: «В русском, советском и российском, языкознании тема ядра и периферии лексической системы языка разработана достаточно подробно, в частности, в трудах таких исследователей как В.В. Виноградов, П.Я. Черных, А.А. Реформатский <...> Однако необходимо отметить, что особенно активно разработка данной проблемы велась в 50-х гг. XX в., после выхода в свет работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой он пишет: «Как известно, все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка – основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык». П.Я. Черных, излагая сталинское учение о словаре, приводит следующие интегральные черты основного словарного фонда, отличающие его от словарного состава языка...» [35, с. 6]

Очевидно, что лингвистические теории второй половины XX века, опыты их переоценки, их радикализации в постсоветской культуре представляют собой борьбу с хаосом, то есть стремятся с модернистским пафосом навести порядок в хаосе. Но, как убеждает нас история культуры, ни один порядок не может сопротивляться хаосу долго, и самая интересная часть жизни научных идей – это их жизнь после смерти, существующая постольку, поскольку теория содержала в себе иное самой себя, свое постепенно осознаваемое будущее.

Ю. Лотман, Б. Успенский и С. Бойм в своеобразной переключке эпох увидят, что новое в советской научной культуре понимается не как продолжение и изменение, использование полузабытого культурного запаса, а как эсхатологическая смена вех и радикальное отрицание прошлого. Новое всегда революционно, при этом оно может привести к чрезмерным футуристическим утопиям и к регенерации архаических форм [36, с. 68]. Это произойдет в 60-е гг.

П. Вайль и А. Генис так расскажут нам о той эпохе: «60-е должны были найти своих героев. Старые герои свое дело сделали. Будущее должны строить люди, не запятнанные прошлым. Общество, постепенно освобождающееся от веры в непогрешимость партии и правительства, лихорадочно искало нового культа. Наука подходила по всем статьям. Она сочетала в себе объективность истины с непонятностью ее выражения. Научный антураж клубился в воздухе 60-х» [43, с. 101].

А вот слово об эпохе конца 50-х гг. Р.М. Фрумкиной: «Занятия лингвистикой как профессией сильнее всего образом поощрялись социумом. Последнее утверждение сегодня может навести на мысль о том, что нам хорошо платили. Это не так, но я вообще о другом: я не случайно сказала – социумом, а не государством. Социум в целом в это время «оттаивал». Лингвистика оказалась первой из наук традиционного гуманитарного цикла, которая освободилась от идеологии. Массовая ориентация новой, структурной лингвистики на кибернетику

имела выраженный ценностный характер: «они» заклеили кибернетику как буржуазную лженауку, а «мы» покончили со всей этой дребеденью и занялись делом, освободив лингвистику от идеологических заклинаний...» [160, с. 95, 99].

Л.П. Крысин назовет конец 1950-х начало 1960-х годов периодом «бури и натиска». Это действительно было появлением новых выдающихся имен в советской лингвистике: с одной стороны – Иллич-Свитыч с принципиально новой компаративистикой, а с другой – Топоров и Иванов в славяноведении, с третьей – Мельчук и вся его группа. Было очень сильным влияние Хомского и американской лингвистики. В 1960-е гг. был именно бум: много было работ по структурной лингвистике. А сейчас она уже воспринимается как исторический факт [98].

Е. Ольшанская, И. Богуславский и Л. Иомдин вспоминают: «В 50-е годы XX века не только писатели-фантасты, но и ученые задумались о том, не пора ли создать машину, способную переводить тексты с одного языка на другой. В Европе и Америке государство щедро оплачивало подобные научные разработки, а в России энтузиазм исследователей толкал вперед неповоротливую чиновничью телегу. Однако перед лингвистами неожиданно встали сложные проблемы. Оказалось, что умная техника совсем не так, как люди, понимает смысл слов. В известном рассказе Станислава Лема «Вторжение с Альдебарана» это описано с юмором: «Пока космический прибор «телепат», понимавший более 190 тысяч языков галактики, выводил на экране: *Потомок по женской линии четвероногого млекопитающегося, пьяный землянин настиг умного пришельца и нанес ему смертельный удар палкой по голове*».

Но именно тогда советская наука шагнула в эпоху, которую можно назвать «серебряным веком структурной, прикладной и математической лингвистики». Уже Сталина не было, уже была какая-то оттепель. Пятидесятые годы вошли в историю как эпоха романтики, веры в безграничные возможности науки. Математики, лингвисты, логики, психологи, кибернетики,

литературоведы, физиологи высшей нервной деятельности, семиотики, аналитические философы встречались на междисциплинарных семинарах, работали вместе. Казалось, что немножко пройдет времени, и компьютерный переводчик будет сделан.. Был академик Ляпунов, который об этом узнал, отец кибернетики наряду с Бергом и другими, и он решил, что у нас тоже надо попробовать сделать машинный перевод. У него была аспирантка в институте имени Стеклова, Ольга Сергеевна Кулагина, которая с детства великолепно знала французский язык. Он говорит: «Будешь делать машинный перевод». Она язык знала, но ни о какой лингвистике не имела понятия. И она решили пойти в МГУ, найти какого-нибудь толкового студента и сделать с ним машинный перевод. Она пришла в университет и нашла толкового студента – это был Мельчук. Ольга Сергеевна Кулагина сделала первую систему, написала книгу о машинном переводе, она называется «Исследования по машинному переводу», такая советская классика. Мельчук и в мыслях не имел сделать действующую систему машинного перевода, ему было просто интересно, как можно автоматически с помощью машины или без нее, совершенно неважно, как можно автоматически описать язык. Но, тем не менее, Мельчук написал две толстые книги «Алгоритм автоматического синтаксического анализа». Это был абсолютно лобовой алгоритм, никаких компьютеров не предполагалось, все было написано от руки, т. е. Мельчук как бы симулировал действие машины.

Кто были люди, которые этим занимались? Какие были организации? Был так называемый Всесоюзный центр переводов, где занимались переводами с английского, французского и с немецкого на русский, кажется, и наоборот. Эти системы большого распространения не получили, хотя людей там работало довольно много и делалось все довольно быстро. Потом был такой человек Раймонд Генрихович Пиотровский в Ленинграде, который очень много сделал в этом направлении. У него была большая группа людей, они ездили по стране и собирали

энтузиастов машинного перевода, а также большая группа в Минске, большая группа в Чимкенте, где был человек по фамилии Бектаев. В Инязе организована лаборатория машинного перевода, ее возглавил Виктор Юрьевич Розенцвейг. Что касается нашей группы, то мы попали в работу по машинному переводу достаточно случайно, когда Юрия Дерениковича Апресяна за его деятельность в качестве «подписанта» разных писем выгнали из Института русского языка, где он работал.

В эпоху «бури и натиска», когда прикладная лингвистика была одной из самых заметных, самых перспективных наук, все делалось по внутренней потребности, а не в силу названного кем-то плана, – вспоминает Владимир Андреевич Успенский. – Скажем, занятия И.А. Мельчука и Ю.Д. Апресяна толково-комбинаторным словарем не были предусмотрены никакими планами: Никто не заставлял П.С. Кузнецова, В.В. Иванова и меня открывать семинар по математической лингвистике. Или А.А. Зализняка заниматься со студентами санскритом» [129].

Итак, царство науки казалось тем самым алюминиевым дворцом, в который звал Чернышевский. Но как любой миф, миф о науке, выдавал желаемое за действительное. Облеченные доверием партии и народа, ученые не могли не чувствовать своей ответственности перед обществом. Для них – единственных в стране – наука была не мифом, а реальностью. Они видели в ней социальный рычаг и не имели права пренебрегать ее возможностями. Научная интеллигенция явочным порядком реализовала запретные для других конституционные свободы. Вот как позицию ученых выразил академик Капица: «Чтобы управлять демократически и законно, каждой стране абсолютно необходимо иметь независимые институты, служащие арбитрами во всех конституционных проблемах. В США такую роль играет Верховный Суд, в Британии – Палата лордов. Похоже, что в Советском Союзе эта моральная функция выпадает на Академию наук СССР». П. Вайль И А. Генис продолжают: «Неразумная толпа с восторгом взирала на

храм науки, пока таинства совершались внутри него. Ученые не могли не вмешиваться в дела общества. Но когда вмешивались, они переставали быть учеными, а становились диссидентами. Их тайное жреческое служение делалось явным. Когда наука говорила о нравственности, она профанировала свой культ, низводя его до общепонятных тезисов. Ученый растворил двери храма и пошел в народ или правительство. Снимая с себя сан, он превращался в гражданина. Однако в России это место было занято поэтом. Это про него было известно, что он «гражданином быть обязан». Ученые видели в науке рычаг, партия увидела в ней средство шантажа. Как только ученые решили разделить с правительством ответственность за общество, и правительство и общество мстительно припомнило ученым практические результаты. И кукурузу, и изобилие, и коммунизм, который был все еще на горизонте. Абстрактное знание терпели, пока оно было знаменем эпохи. Но когда сами ученые захотели спуститься с эмпириеев, чтобы заняться черной работой государственного строительства, общество увидело в них равных. Перед равным стесняться не стоило. Раз ученые опустили до реальности, реальность сможет за себя постоять. Когда таблица умножения не справилась с коммунизмом, ее признали ошибочной. Недавних кумиров обозвали «образованщиной». На разгул материализма Россия ответила идеалистической реакцией. Храмы науки превратились в музеи» [43, с. 104].

Музеи и чуланы, как позже ехидно уточнит эту метафору Р.М. Фрумкина: «Прошлое науки – это комбинация музея и чулана. В музее – Выготский и Фрейденоберг, Бахтин в гармоническом созвучии с Тыняновым и другими формалистами, которых на самом деле Бахтин терпеть не мог... Лотман и Аверинцев тоже уже в музее, потому что имена их знают. Точнее говоря, знают именно имена. Ибо, как я имела случаи убедиться, это знание пребывает вне всякого контекста – как внутринаучного, так и жизненного... Но раз уж в музейной витрине лежат науч-

ные работы, то на эти тексты положено ссылаться, не утруждая себя размышлениями об их сути. В чулане тоже не пусто. Там, по мироощущению нынешних филологов, пребывают такие незаурядные мыслители, как психолог С.Л. Рубинштейн, писатель и философ Ф.А. Степун, разносторонний гуманитарий С.Н. Дурьин, не говоря уже о марксистах разного толка – таких, как М.С. Каган или М.А. Лифшиц» [161, с. 153–154].

Но, как скажут П. Вайль и А. Генис, именно в них выросла слегка самоуверенная, ироничная элита. Научная религия потеряла своих адептов, общество разочаровалось еще в одном мифе. Но привилегированное ученое сословие осталось. Осталось, чтобы лелеять свою привилегию: помнить, что дважды два – четыре» [43, с. 105]. Или, как чуть позже напишет В. Новиков в своем «Романе с языком»: «Поздний и пост(ный)модернизм взамен глубинного диалога с языком вступили в дешевую интрижку с легкомысленным двойником языка, с речью-проституткой, па-речью (пользуюсь древней словообразовательной моделью: не «сын», а «пасынок»). В этом симбиозе от мира взят наносной, поверхностный хаос, от человека – эгоцентрический цинизм, от языка – легкодоступная свобода игрового плетения словес. Это словоблудие почти неуязвимо для разоблачения, его невозможно призвать к ответу, поскольку оно ни за что не держится и ничем не дорожит» [122. с. 118].

В то же самое время для науки о языке это было время «патриотического языкознания», как скажет К.А. Богданов [33, с. 232]. Или, по словам Б.М. Гаспаров, «в эпохи, тяготеющие к тотальным утопическим идеалам – как, например, в 1910–1920-е или 1950–1960-е годы, – лингвистика оказывается вознагражденной за эту свою верность принципам рационализма и детерминизма; в эти эпохи она выходит на авансцену интеллектуальной жизни, привлекает к себе всеобщее внимание, показывает путь другим областям знания. Но в эпохи, когда хрустальный дворец утопического всеединства обращается в пыль, такая позиция грозит ей превраще-

нием в интеллектуальное захоlustье, до которого почти не докатывается «шум времени» – новые идеи, новые проблемы, сомнения, занимающие современников. В этом отношении к истории лингвистики вполне можно было бы применить слова Мандельштама, сказанные по поводу детерминистской картины литературного процесса, о том, что такая картина напоминает «конкурс изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит» [50, с. 8].

По своему взглянет назад, в то время Вяч. Вс. Иванов в своих мемуарах: «Москва тогда стала удивительным средоточием лингвистической мысли. Ученые, съехавшиеся из разных стран на Международный съезд славистов в Москве в сентябре 1958 года, были поражены скоплением молодых талантов, которые перед ними выступили на вечернем семинаре, устроенном во время съезда в Педагогическом институте иностранных языков. В один голос иностранцы говорили мне, что не видели ничего подобного ни в одной другой стране. Почему это стало возможным? Кроме общих (и справедливых) ссылок на неиссякаемую талантливость России и начало первой оттепели, высвободившей умы, особенно юные, не тронутые еще морозами, должны были действовать и какие-то особые причины. Тогда мне приходило в голову, что лингвистика была единственной областью гуманитарного знания, где уже существовали достаточно строгие методы исследования, а контроль правительственной идеологии еле ощущался, а по существу отсутствовал. Не удивительно, что многие одаренные молодые люди устремились в эту сферу занятий. Это же в известной мере остается справедливым и по отношению к следующему поколению (С.А. Старостина, Е.А. Хелимского и других, людей, уже в молодости обнаруживших огромный лингвистический талант и его реализовавших). Они учились уже у моих бывших учеников – Зализняка и В.А. Дыбо (мне удалось добиться принятия в аспирантуру этого блестяще-

го акцентолога после того, как от него пришло письмо из Горьковской области, где он работал школьным учителем). В большой степени современный расцвет исследований по отдаленным связям между языковыми семьями, где благодаря поколению Старостина русская наука бесспорно опережает другие страны (в США только самое младшее поколение и то постепенно начинает входить в эту работу), продолжает начатое безвременно погибшим В.М. Илличем-Свитычем... [80, № 1, с. 173–199; № 2, с. 155–196; № 3, с. 158].

А. Жовтис в своих «Непридуманных анекдотах» опишет такой случай: «Корифей филологической науки Роман Осипович Якобсон впервые после более чем тридцатилетнего отсутствия приехал из США на родину и должен был встретиться со студентами Московского университета¹. В одной из аудиторий филфака профессор О.С.А. представила его слушателям:

– С лекцией о проблемах современной лингвистики перед вами выступит известный американский ученый господин Джекобсон.

Видимо, Ольга Сергеевна все еще трепетала от страха: ведь старый приятель Маяковского был эмигрантом и не раз высказывался «из-за бугра» по различным отечественным адресам.

Якобсон поднялся на кафедру, помедлил минуту, а потом задумчиво произнес:

– Вообще-то я Роман Осипович Якобсон. Но моя американская кухарка обычно называет меня мистер Джекобсон (Jekobson) [71, с. 24].

Вяч. Вс Иванов, в свою очередь, вспомнит, как декан факультета Р.М. Самарин отказался давать ему характеристику, мотивировав свой отказ тем, что он (Вяч.В.И.) «был связан с американским шпионом Романом Якобсоном» [80, № 3, с. 156].

¹ Это произошло в 1958 году: Р.О. Якобсон участвовал по приглашению АН СССР в подготовке и работе IV Международного съезда славистов в Москве

Как видим, оценка той эпохи – конца 50-х – 60-х годов – до сих пор отражает борьбу мнений. До сих пор: вот одно из мнений сегодняшнего дня, вполне «официальное» (если не сказать «официозное»), так как принадлежит академику Н.И. Балашову и член-корреспондент РАН Ю.Л. Воротникову: «Как известно, в конце 50-х – 60-е гг. в языкознание ворвалась струя воинственного крайнего структурализма. Его поборники основной своей мишенью сделали принцип историзма. Они наряду с некоторыми новыми и, скажем, в общем плодотворными исследовательскими приемами внесли в лингвистику известную сумятицу, ниспровергая чуть ли не все достижения «традиционной» науки. Разумеется, против подобной «революции в лингвистике» выступили многие ученые, среди которых особенно выделялся уже тогда известный теоретик языкознания В.И. Абаев. Скажем прямо, своими глубоко аргументированными выступлениями на дискуссиях и в печати он внес существенный вклад в преодоление крайних проявлений структурализма. Во все периоды своей научной деятельности В.И. Абаев без устали подчеркивает необходимость опоры на основной принцип диалектического материализма – на историзм» [45, с. 8].

Как бы там ни было, ясно одно: поколение ученых-лингвистов-60-десятников боролось. Боролось за возможность путешествовать благодаря научным конференциям, захотелось посмотреть мир. Р.М. Фрумкина вспоминает: «Первое в моей жизни приглашение приехать читать лекции я получила из Огайо. Написал мне профессор Тварог... Тогда, в начале 60-х, ни на что, впрочем, не рассчитывая, я все же отправилась на прием к нашему директору В.И. Борковскому. Борковский выслушал, посмотрел на меня не без некоторого изумления, потом взял письмо Тварога и начертал поперек грифа Университета штат Огайо: «Под благовидным предлогом отказаться»... Институту потребовалось тридцать лет, чтобы решиться официально отправить меня за границу. Первый день август-

товского путча 1991 года я встретила, стоя за кафедрой в аудитории Университета города Фрибур в Швейцарии. Надо ли говорить о том, как мало меня потом интересовала и конференция, и швейцарские Альпы» [160, с. 109].

Лингвисты-60-десятники боролись против «конца прекрасной эпохи», который начался в 1966 – вместе с судом над Синявским и Даниэлем, а в 1968 – «вторжением в Чехословакию». Р.М. Фрумкина о том же: «В Институте русского языка тогдашний его директор, Ф.П. Филин, начал с поименного преследования «подписантов», а кончил тем, что институт в его прежнем виде просто перестал существовать... В Институте языкознания многие отделались легким испугом – покаялись разок на партбюро, и дело было прочно забыто» [160, с. 135]. Правда «борьба» – это весьма условное понятие в среде советской научной интеллигенции 60-х годов: «...в обоих институтах – в нашем и в Институте русского языка – намечались акции, связанные с вторжением в Чехословакию и необходимостью показать интеллигенции, кто здесь хозяин. Одновременно в полную силу заново стало обсуждаться дело Синявского и Даниэля и поведение разных лиц в этой связи. Читатель помоложе, быть может, ожидает далее рассказа о нашем сопротивлении и протестах. Он будет не просто разочарован – скорее всего, ему будет трудно поверить в происходившее. Никаких открытых протестов внутри институтов после 25 августа 1968 года просто не было. А.А. Реформатский, вынужденный обстоятельствами выступить в связи с вторжением в Чехословакию, сумел построить свою речь вокруг цитаты из Блока «Век девятнадцатый, железный...» и ничего не сказать по существу. И мы поставили это ему в заслугу: он сумел прикрыть нас, молодых сотрудников, которым просто посреди стихотворной строки заткнули бы рот.

Характер расправ был разным. Это зависело от тех, кто в данном учреждении держал руку на рычагах власти. Уж на что Ф.П. Филин был одиозной фигурой, но в бытность его дирек-

тором Института языкознания он не совершил и десятой доли тех пакостей, с помощью которых позже он, по существу, разогнал Институт русского языка. Причины многообразны – отсутствие в нашем институте прямых соперников Ф.П. Филина, который все-таки был русистом, отношения между директором и партбюро, где были персоны и почище его и т. п.

В нашем институте происходило много отвратительного, но последствия этих чисток и разбирательств были не столь разрушительны, как в Институте русского языка. Там с некоторого момента Ученый Совет стал собираться специально для того, чтобы изгонять одного за другим людей, воплощавших лучшее, что было тогда в русистике, и не только в ней.

Кто-то посмел воздержаться, когда на голосование было вынесено требование одобрить вторжение. От кого-то другого потребовали осудить тех, кто воздержался, а в результате – выгнали всех: Ю.Д. Апресяна, Л.Н. Булатову, Э.И. Хан-Пира и Н.А. Еськову – за подписи под тем самым письмом, которое Игорь Мельчук отправил без меня, Л.Л. Касаткина – за выступление против вторжения, а Лену Сморгуну и Володю Санникова, организовавших с помощью Тарковского просмотр еще не вышедшего на экран фильма «Андрей Рублев», выгнали именно за это. Один и сейчас процветающий деятель сильно способствовал тогда слухам о том, куда пошли деньги за билеты, намекая, что они собраны для семей политических заключенных. Насколько я представляю себе тогдашнюю жизнь, это было бы невозможно даже технически – билеты были из кассы клуба «Каучук», где проходил просмотр.

Наконец, несколько крупных ученых, членов КПСС, решили не связываться с тем, что в просторечии называлось «коллективка», поскольку совместные действия вменялись в вину уже как таковые. Они послали письма – кто прямо в ЦК КПСС, кто – в райком или горком, но каждый только от своего имени. В этих письмах в достаточно обтекаемых и юридически безупречных выражениях отстаивалось право граждан обра-

щаться в высшие инстанции с письмами, в том числе – с прошениями в чью-то защиту. Их вынудили уйти, не помню уже, с какими формулировками.

Поистине, гордиться могла тишайшая и незаметная Татьяна Сергеевна Ходорович. Неожиданно для всех она послала обращение в ООН! Ее тоже выгнали, хотя была она вдовой с тремя детьми.

Все эти расправы растянулись во времени на довольно длительный срок [160, с. 164–166].

Эта была хтоническая борьба «молодости» со «старостью». По случаю «красных дней» устраивались «капустники». Капустники могли быть довольно-таки ядовитыми. Доставалось более всех, конечно, старшим, потому что они были узнаваемы. Одно из удачных представлений имело главной героиней Ольгу Сергеевну Ахманову. Человек она была в высшей степени своеобразный – при несомненном уме и незаурядности, она искусна в интригах и так театральна. Ахманову изображала Кира Филонова. С присущим ей артистизмом и элегантностью Кира стояла на кафедре и поигрывала дешевыми бусами, которые на глазах превращались в известное всем ахмановское ожерелье. Она говорила: «Знаете, я вчера была на докладе – ах, эти сердитые молодые люди от лингвистики! Совершенно непонятно, но безумно интересно!» Последняя фраза к Ахмановой приклеилась. Она сама этому способствовала, поскольку обладала недюжинным здравым смыслом и по поводу сплетен о своей персоне всегда говорила: «Лучше плохо, чем ничего» [160, с. 102].

Рубеж конца 60-х – начала 70-х годов – эпоха, как тогда говорили, «подведения итогов и закрепления достигнутого». Обозначим две даты: 1967 год – год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 1970 год – столетие со дня рождения В.И. Ленина.

По Предисловиям и Содержанию таких сборников как «Советское языкознание за 50 лет», «Теоретические пробле-

мы советского языкознания» и «Ленинизм и теоретические вопросы языкознания» сегодня можно понять, как советское языкознание понимало свою роль в обществе, оценивало себя и свои достижения. Обратимся к первому из перечисленных сборников в качестве иллюстрации сказанного.

«Предисловие. История советского языкознания еще не написана. Создание ее возможно только на основе предварительных специальных исследований, поскольку подобный труд должен отразить всю огромную теоретическую и практическую работу, которая была проделана советскими лингвистами за 50 лет существования Советского государства. До Октябрьской революции отечественное языкознание было представлено многими крупными учеными. Лингвистические школы Ф.Ф. Фортунатова в Москве, И.А. Бодуэна де Куртенэ в Казани и Петербурге получили мировое признание. Влияние системы теоретических взглядов и методики лингвистического анализа этих ученых во многом определили позднейшее развитие мировой науки о языке. Широко известны были также труды А.А. Шахматова. Отечественная школа востоковедов, особенно специалистов по древней филологии, пользовалась заслуженным признанием. Однако после победы Октябрьской революции перед языкознанием возникли принципиально новые практические и теоретические задачи. Огромный размах культурной революции в стране, осуществление ленинской национальной политики, провозгласившей равноправие языков всех народов бывшей царской России, оказали определяющее влияние на развитие советского языкознания. Лингвистическая практика – создание алфавитов для пятидесяти ранее бесписьменных языков, реформы старых алфавитов и орфографий, в первую очередь русского, а также ряда тюркских и других языков (переход с арабского сначала на латинский, а затем на русский алфавит), создание терминологии, словарей, грамматик как для ранее бесписьменных и младописьменных языков, так и для языков со старой письменной традицией,

необходимость решать такие вопросы, как выбор опорного диалекта для новых литературных языков, – все эти и многие другие насущные практические задачи неизмеримо расширили содержание лингвистических работ. С этим было связано вовлечение в орбиту лингвистических исследований ранее не известных и не описанных языков и диалектов. Многие иранские, кавказские языки, языки других народов Советского Союза получили первое научное описание, первую грамматику и словарь.

Решение ответственных практических задач было возможно только на прочной теоретической основе. Поэтому практика оказалась могучим стимулом развития теоретического языкознания. Описание грамматического строя разноструктурных языков Советского Союза, совсем не изучавшихся или изучавшихся только эпизодически, выдвигало новые требования как к грамматической теории, так и к методике описания: специфические структурные черты этих языков противоречили старым схемам и понятиям, господствовавшим ранее в грамматической теории, строившейся по преимуществу на основе материала индоевропейских языков. Необходимость выработать общие принципы построения новых алфавитов привела к развитию фонологической теории. Вместе с тем общее направление лингвистической теоретической мысли отражало стремление советских языковедов создать, исходя из положений классиков марксизма, целостную систему марксистского языкознания. Однако понимание того, каким должен быть марксистский подход к исследованию языковых фактов и что следует отнести к важнейшим проблемам марксистской науки о языке, не было единым. Сложность самой постановки вопросов обусловила появление в процессе поисков неудач и ошибок, характерных для работ 20 – 40-х годов и прежде всего для трудов акад. Н.Я. Марра и его последователей. И все же постепенно оформлялись основные черты советского теоретического языкознания, характерные как для специальных теоретических трудов, так и для конкретных лингвистических

исследований с разной тематикой и на материале разных языков: интерес к проблематике социологии языка, его типологии; внимание к содержательной стороне языка, даже в условиях применения формализованных методов; стремление к изучению динамики языковых процессов и при анализе синхронных срезов, к выявлению внутрисистемных языковых связей; изучение истории языка в связи с историей народа, говорящего на данном языке, и др. Несомненно, в работах разных ученых и групп ученых эти характерные особенности советского языкознания получили различное преломление в зависимости от конкретной тематики, индивидуальных интересов и лингвистических школ. Вместе с тем круг языков, являвшихся объектом исследования советских лингвистов, за истекшие годы неизменно расширялся. Языки древнего Шумера и Египта, халдского и хеттского царств, древние и современные индоевропейские языки, языки арабского Востока и позднее Черной Африки, языки Юго-Восточной Азии, тюркские, монгольские, финно-угорские, палеоазиатские, тунгусские, кавказские и др. языки в разное время и с разной степенью интенсивности втягиваются в орбиту исследования. Многоплановость проблематики, многочисленность исследовавшихся языков, существование разных решений одних и тех же проблем, разной методики лингвистического анализа чрезвычайно затрудняют создание полной истории советского языкознания.

Публикуемые в данном труде исследования представляют собой попытку показать достижения советского языкознания в области изучения отдельных языков и языковых групп.

Второй задаче – раскрытию своеобразия теоретической проблематики советского языкознания, его достижений в решении общих теоретических и практических задач – будет посвящена подготовленная Институтом языкознания АН СССР монография «Теоретические проблемы советского языкознания».

Работу готовила к печати редакционная группа Института языкознания АН СССР в составе А.А. Ковшовой (зав.

группой), Е.Г. Архангельской, З.Г. Исаевой, Е.К. Молчановой, Н.Д. Орловой.

Содержание * Предисловие * Русский язык (Ф.П. Филин. Советской русистике 50 лет, С.Г. Бархударов. Русская лексикография, С.Г. Бархударов. Русское языкознание и школа) * Украинской язык (М.А. Жовтобрюх) * Белорусский язык (А.И. Журавский) * Старославянский язык (Н.И. Толстой) * Сравнительная грамматика славянских языков (В.М. Иллич-Свитыч) * Южные и западные славянские языки (Г.К. Венедиктов) * Балтийские языки (А. Сабалаяускас) * Германские языки (Н.С. Чемоданов) * Романские языки (Н.А. Катагощина) * Классические языки (И.М. Тронский) * Армянский язык (Э.Г. Туманян) * Иранские языки (В.С. Расторгуева) * Индийские языки (В.М. Бескровный) * Албанский язык (А.В. Жура) * Кельтские, тохарские языки и индоевропейские языки Древней Малой Азии (А.В. Десницкая) * Финно-угорские языки (К.Е. Майтинская. Введение, П.Ю. Пальмеос, Ю.С. Елисеев. Прибалтийско-финские и саамские языки, А.П. Феоктистов. Волжские языки, Р.М. Баталова. Пермские языки, К.Е. Майтинская. Угорские языки) * Самодийские языки (Н.М. Терещенко) * Тюркские языки (Э.Р. Тенишев, Н.З. Гаджиева, Л.А. Покровская, Г.И. Донидзе, А.А. Юлдашев, Н.А. Баскаков, А.А. Коклянова, К.М. Мусаев, Г.П. Мельников) * Монгольские языки (А.А. Дарбева) * Тунгусо-маньчжурские языки (О.П. Суник) * Корейский язык (Л.Р. Концевич) * Кавказские языки (Г.А. Климов) * Палеоазиатские языки (П.Я. Скорик) * Японский язык (К.А. Попов) * Языки Юго-восточной Азии (Ю.Я. Плам) * Китайский язык (Н.В. Солнцева) * Малайско-полинезийские языки (Ю. Сирк) * Семито-хамитские языки (Г.Ш. Шарбатов) * Африканские языки (И.А. Осницкая, Б.В. Журковский) * Языки коренного населения Америки и Океании (Ю.В. Кнорозов)» [146, с. 7–9].

Но была и другая сторона медали. В это время наука в СССР становится массовой профессией. Научный бум быстро вышел далеко за пределы математики, физики и структурной

лингвистики. Вполне закономерно, что наряду с энтузиастами, которым была нужна наука ради нее самой, в науку пришли случайные люди. Сами о себе они этого чаще всего не знали. Занятия наукой представлялись им – тоже не вполне осознанно – как такая деятельность, где ценой не слишком больших усилий можно совершенно законным образом получить большие результаты (эта мифологема оказалась чрезвычайно живучей). Для менее честолюбивых работать в науке значило «интересно жить». Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что понятие «интересная жизнь» вовсе не было связано с научной работой как таковой, а лишь с социальным престижем науки, в чем бы он ни выражался. Для третьих вообще интересная жизнь начиналась тогда, когда рабочий день прерывался для чаепития, а еще лучше – заканчивался. Так, эпоху 70-х будет описывать Р.М. Фрумкина [160, с. 119]. А так – В. Новиков: «В нашей академической науке послесталинского и догорбачевского времени такая система сложилась: в каждом институте было, естественно, втайне презируемое официальное начальство – и в то же время существовала своя научная аристократия, не занимавшая руководящих должностей, но имевшая авторитет «по большому счету», работавшая в основном на себя и лишь удостаивавшая институт своих редких посещений.... Такие кадры не способны решить ничего. Это я об институте своем. Во-первых, почти все здесь отъявленные филоны: принципиальная стратегия абсолютного большинства моих коллег состоит в том, чтобы ходить в присутствие как можно реже, любую работу по возможности растягивать до черт знает какого года, остальное – тактика, порой довольно изощренная» [122, с. 121–122].

О 70-х с горечью будет вспоминать В.П. Григорьев: «Отчетливо видны сегодня постыдное высокомерие «аппаратчиков» и их «доверенных лиц»; их самодовольство, помноженное на страх перед начальством, перестраховку или бытовую трусость; то, как в келейной обстановке сохранялись и крепи

административные методы «управления наукой»; как аргументы подменялись сакраментальными «несвоевременно» и «нецелесообразно»; насколько ничтожны были «мотивы» недопущения к читателю не только указанного сборника, но и других работ. Ради чего нарушались элементарные нормы, самые основы деятельности научного работника? Ради подавления ростков самоуправления. Кто заинтересован в нестабильности развития науки? Тот, кого страшат позиции внутренней независимости авторов. Зачем кандидату или доктору наук, уже санкционированному ВАКом, обращаться с рукописью работы, одобренной Ученым советом, за разрешением быть услышанным к далекому от исследовательских интересов автора монополисту-номенклатурщику, никак и ни перед кем не отвечающему за свой запрет?

Нам еще предстоит установить конкретный вклад многих лиц в суловско-трапезниковское «лысенкование» филологии. Только сейчас мы начинаем осознавать всю горечь «плодов» от практически «нулевой» по осмысленности, но запретительской по существу «языковой политики» у наших управленцев – инструкторов от слова «инструкция». Это касается не только барабанного боя по поводу «ста тридцати равноправных» языков, но и диалектики категорий «национальное» и «интернациональное» или «нормативное» и «творческое» и т.д. Перестройка невозможна без всестороннего анализа и оценки как установочных «механизмов торможения», так и личностных качеств отдельных управленческих «винтиков» – от ничтожных геростратиков до лишенных подлинной независимости высоких «приводных ремней».

Поэтому – в духе времени – следует называть и конкретные имена. Для работы автора за последние 30–35 лет более или менее зловещую роль сыграли следующие лица: В.В. Иванов (инструктор ЦК КПСС), Ф.П. Филин, П.А. Белов (сотрудник издательства «Наука»). Не вычисляю фамилию упомянутого Анонима и других анонимов, с которыми при-

шлось иметь дело позже. Но нельзя не назвать здесь и фамилии секретарей РК КПСС Юшина и Кащеенковой. Иных уж нет, иные – на пенсии, иные – далече «наверху». С горечью должен признать, что, с другой стороны, тяжелые минуты из-за «неоказания помощи» в погромных ситуациях пришлось пережить и при обращениях к В.В. Виноградову, одному из моих учителей, в 1967 г., к М.Б. Храпченко и Г.В. Степанову в 1976–1977 гг. Что уж вспоминать, как в 1971 г. партбюро Института под руководством Г.А. Богатовой обсуждало за спиной автора гнусный донос о том, что он якобы призывал к «суду над коммунистами!» [56, с. 3–6].

С таким багажом советская лингвистика вступила в эпоху 70-х. 29.07.1970 В.В. Биbihин запишет в свой дневник слова А.Ф. Лосева: «Пятьдесят лет людям не давали заниматься филологией, так теперь много можно найти интересующихся?» Потом добавит его слова о времени и людях: «27.06.1970. Структурализм считает себя научным. Но то, чем он занимается, это блуд. Обозначим глагол буквой Г. существительное буквой С...и все! Шаумян среди них один толковый. Он читает курс «Логика науки», у него все строго. Правда, в его отвлеченной логике почти нет ничего для языкознания. Иванов в науке ничто. Вот Макаев... Он знает. У армянского католика, когда он приехал для визита, спросили, как его представить. «Скажите только, что Макаев». Этого было достаточно, его сразу впустили. Макаев холостяк, и безупречно умеет держаться. Хороший языковед еще Маковский, который занимается английский. Недавно он женился второй раз... А структуралисты? Иванов написал статью о санскрите в «Вопросах языкознания». Там нашли больше 100 ошибок. Просили редакцию сказать об этом, хотя бы 5–6 примечаний дать, но те не стали: «Знаем, да что же делать?». Был один француз, который тоже заметил. В науке Иванов ничто. Блуд один. Смеются все. Но вот когда его ударили, он теперь поправляется. В фольклор пошел...Ревзин глава всех этих структуралистов.

Так у него вообще ничего нет... Мельчук, Зализняк – это да. У них реальные труды по крайней мере. Добросовестные. Работают. Аверинцев? Он все время заикается. Не знаю, как он там говорит в университете. Не мои ли лекции пересказывает?... Вот вышла книга Успенского по типологии искусства. Над ней все смеются. Успенскому уже скоро сорок. Пора бы и сделать что-то <...> (27.09.1971) Будагов настолько злопамятен, что даже сделал донос председателю экспертной комиссии. А так он вежливый. Но очень любит критиковать, поправлять. Когда однажды на факультете выступал кто-то – чуть ли не Зализняк или кто-то там из новых, – студенты вывесили большую афишу: «Такого-то числа выступает Зализняк!!!» Будагов взбесился. Сорвал афишу, принес к декану, бил по курноске и говорил: «Это разве университет? Это цирк! Это плакатный метод!» Он бунтовал две недели. Декан посмеялся. Плакат сняли сразу, но Будагов шумел недели две. Но он действительно много знает. Он все эти языки романские знает, прекрасно производит. В научном отношении он человек солидный, а в смысле личного поведения вот каков <...> 15.06.1973. А.Ф. говорит о Бахтине: Бахтин сильно отстал. По мировоззрению он чрезвычайно отстал. Он не работник сегодняшнего дня, и он ничего не может сделать...<...> При Сталине они все пошли бы в тюрьму за безделье и пустоту. А при Хрущеве свобода вышла, пустоту проповедовать...<...> А знаешь, как карьеру сделал Степанов?¹ Он был придан переводчиком к Хрущеву от Министерства иностранных дел. Хрущев встречался с дипломатами, так Степанов блестяще переводил. Говорил раньше, чем те рот откроют. Хрущев его спрашивает потом: ты кто такой? – Я доцент, преподаватель французского языка. – А есть кафедра, которой ты мог бы заведовать? – Да, кафедра языкознания. – Завтра будешь заведовать кафедрой. И не забыл. Через неделю декан звонит. Там разделили на две кафедры, Звегинцев с общим языкознанием и другая кафедра Степанову. Но, по-видимому,

¹ Речь идет о Юрии Сергеевиче Степанове.

это его не очень интересует. Будет ходить раз в неделю или два раза в неделю» [29, с. 19–21, 93–94, 144].

Именно этот период М. Чудаковой и будет назван «обвалом поколений». Она вспомнит то ощущение обвала поколения, которое испытали ее сверстники в 1969–1970 годах. Приведем отрывки из воспоминаний М. Чудаковой: «Речь идет главным образом о научном поколении рождения конца 1880-х – начала 1890-х годов. Потери (помимо тюрем и войны) оно стало нести раньше – в 1957–1959 годах: смерть Б.В. Томашевского (1890–1957) и Б.М. Эйхенбаума (1886–1959). Но первая, во всяком случае, тогда была еще не нашей потерей – мы еще не стали поколением, это было время студенчества; хотя два года, пролежавшие между двумя потерями, обострили реакцию. Оба ученых в те первые послесталинские годы только начали – и успешно – использовать открывшиеся возможности; например, Томашевский на посту заведующего Рукописным отделом Пушкинского Дома успел приобрести часть архива М.А. Булгакова, Эйхенбаум составил в 1953 году проспект книги «Основы текстологии», которую намеревался написать для издательства «Искусство»; сам проспект, будучи напечатанным, стал событием в текстологии – вторым после книги Томашевского 1928 года «Писатель и книга». Немаловажно, что их уход воспринимался все-таки в контексте времени надежд. Пожалуй, первой чувствительной для поколения историков русской литературы, со второй половины 1950-х годов искавшего и лишь в начале 1960-х в какой то степени нашедшего свой путь, точнее, направление своего движения, – стала потеря А.П. Скафтымова (1890–1968). Живший в Саратове, отгороженный (или отгородившийся) от личного участия в оживавшей столичной научной и издательской жизни, он служил все более и более убедительным примером и доказательством (крайне важным для начинающих гуманитариев в тех обстоятельствах) самой возможности самостоятельной научной мысли и свободы текстов от демагогических наслоений в подцензурных условиях.

Нам, студентам филфака, он был известен лишь несколькими, выдававшимися из общего ряда статьями, особенно же – после выхода единственного прижизненного сборника этих статей. Важной была (в вышеозначенном смысле) фраза в предисловии «От автора»: «Статьи печатаются в прежнем тексте». Возможно, потому, что трагическое событие пришлось на начало, а, скажем, не на осень 1968 года, оно не имело того резонанса, который имели последующие кончины. «Обвал» начался осенью 1969 года смертью (4 октября) В.В. Виноградова, о котором на панихиде Н.И. Конрад сказал: «Вот и все, – и дрожь прошла по толпе, – теперь для него наступила вечная тишина и вечный покой...». В этом «вот и все» было нечто большее, чем только тяжелый вздох о смерти. В том же месяце, 28 октября 1969 года, смерть того, кто не был в прямом смысле человеком науки, но представлял собой немаловажную часть отечественной культуры, – К.И. Чуковского, вписалась в этот уже начатый траурный ряд. Общественный градус по прошествии года после вхождения советских войск в Прагу был сильно понижен, а стремление власти не допустить опасного народного «скопления» – повышено <...>. Менее чем через год скончался В.Я. Пропп (1895–1970). В Ленинграде эта потеря ощущалась, несомненно, сильнее, чем в Москве, хотя научное значение его работ было, разумеется, очевидно. Но ощущение обвала возникло очень скоро – с известием о смерти 15 сентября 1970 года в Москве его ровесника Ю.Г. Оксмана. Это событие оказалось для нас, как и для многих, уже лично значимым: дело было и в том, что Оксман, отбывший десять лет в колымском лагере, подвергся в 1964 году на наших глазах новым, теперь уже административным репрессиям – за рискованное и весьма эффективное участие в формировании тамиздата. Он был снят с работы в ИМЛИ, исключен из Союза писателей и выведен из состава редколлегии КЛЭ, «Литературного наследства» и других изданий, где играл важную научную и, можно сказать, эмоционально-организующую роль, его имя изгоняли из печати

<...>. Вслед за Ю.Г. Оксманом умер его близкий многолетний сотоварищ Н.И. Конрад (1891–1970).

Для самой себя я намечала единственный путь выхода из острого ощущения обвала, некоего конца. Это был конец эпохи – не нашей, но продолжавшей до какого-то времени существовать одновременно с нашей, деятельно вплетаясь в нее, давая ей свое измерение. С уходом этих людей время, современность уплощались.

Через несколько месяцев скончался ровесник Конрада В.М. Жирмунский (1891–1971). Ощущение обвала было связано с тем, что скончавшиеся были опорными столпами тогдашней гуманитарной жизни. Здесь важны были несколько признаков. Во-первых, родившиеся в рубежное десятилетие (середина 1880-х – середина 1890-х), выпускники классических гимназий, Петербургского университета, они обладали, помимо своей талантливости, очень большим и ставшим постепенно уникальным запасом общегуманитарных знаний. Это были люди из «хороших семей» – духовного сословия, врачей, присяжных поверенных и проч., где образованием детей занимались с детства. Второе – они успели получить профессорские звания еще в начале 1920-х и рано сформировали академический статус, соответствующий их научному авторитету, и не потеряли его в перипетиях советских кампаний (которые особенно тяжело прошли по Жирмунскому, Проппу и Эйхенбауму). Это и обеспечивало их опорное значение.

Рискуно высказать, очень надеюсь, несмотря на щекотливость сюжета, быть правильно понятой, соображение: один из побочных результатов ухода из научной жизни ученых первого ряда – на их место оказался невольно вытолкнут судьбой тот, кто должен был достойно занимать второй ряд, – Д.С. Лихачев. На наших глазах он, можно сказать, изнемогал, долгие годы выполняя функцию единственного опорного столба и постепенно невольно реставрируя в нашем извращенном обществе сталинскую схему: один главный в каждой области культуры.

Наличие одного такого академика с его набором качеств, который здесь нет смысла перечислять, было удобно дряхлеющей советской власти, но стало удобно постепенно и власти постсоветской, а также и самой интеллигенции, так как в весьма трудное время снимало с нее необходимость личных действий. Но это – отдельная тема.

Типичные биографии тех, кто шел на смену, т. е. занимал ключевые посты в гуманитарной сфере, мало имея отношения к науке, были иными: М.Б. Храпченко (выбранный при содействии В.В. Виноградова в академики в 1966 году и в следующем году ставший академиком-секретарем Отделения), родившийся в 1904 году в деревне Чижовка Смоленской области, окончивший в 1924-м Смоленский университет; А.И. Метченко (возглавлявший кафедру советской литературы филологического факультета МГУ с 1952 года по 1983-й, до последнего дня жизни), родившийся в 1907 году в деревне Тыща Долговической волости Могилевской губернии, окончивший Ленинский пединститут в 1926 году; этот список может быть сколь угодно долгим. Нет смысла пояснять, что я не сомневаюсь в постоянном появлении самородков из самой что ни на есть «глубинки» России; среди этих людей, однако самородков не было; напротив, они были преградой для них, как и для всего живого и настоящего. Все они были прежде всего функционерами и назначенцами коммунистической партии, государственными чиновниками «идеологического фронта». Именно эти люди 50–60 лет, 1900–1910-х годов рождения (К.Н. Ломунов, 1911 года рождения, окончивший в 1937 году МГПИ им. Ленина, с 1969 года и до постсоветских лет возглавлявший отдел русской литературы ИМЛИ и парализовавший научную работу; В.И. Кулешов, 1919 года рождения, зав. кафедрой русской литературы и многолетний секретарь партийной организации филфака МГУ; П.С. Выходцев, 1923 года рождения, окончивший в 1948 году Северо-Осетинский пединститут, автор основного вузовского учебника 1970-х годов «История русской советской

литературы»), учившиеся уже в советских школах во время внедрения «бригадного метода», окончившие гуманитарные факультеты без преподавания истории (по большей части они получали высшее образование до 1934 года), – это безнадежное, в общем, поколение заполняло теперь опустевшие ряды.

Между ушедшим поколением и поколением В.Н. Топорова, Вяч.Вс. Иванова, С.Г. Бочарова и Н.Я. Эйдельмана образовался провал.

Конечно, сейчас многие могут думать: «Как? 1970 год – ведь это же расцвет структурализма...» Да, но все-таки это были внутренние научные процессы. А в стране, помимо города Тарту, шли так или иначе многочисленные конференции, в них хотели и могли участвовать талантливые студенты и аспиранты, и кто-то должен был возглавлять, формировать эти конференции, опираясь на поддержку академиков. Выходили академические издания, и в их редколлегиях должны были быть люди науки с известными именами; нужно было на кого-то опираться в вечных хлопотах перед властью.

Так и продолжалось до 1969–1971 годов. Потери тех лет понизили уровень научной гуманитарной жизни страны. Вся академическая жизнь оказалась в руках безнадежного и во многом разрушительного в своих действиях поколения. Е.М. Мелетинский и Ю.М. Лотман, из поколения конца 1910-х годов рождения, были единичными явлениями – потому, возможно, что именно многие их сверстники погибли в лагерях и были выбиты на войне; они возвышались как потрясающие монолиты, авторитетные для нас всех и не имевшие никаких «рычагов» воздействия на официоз.

Надо было, чтобы поколение 1929–1930 годов рождения заняло опустевшее место. Но нормальным путем это не получилось. Известны истории с докторскими защитами Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова. Чем выше была их профессиональная и общественная репутация, тем ниже она была в глазах официоза. Советская академическая среда – в университетах,

в научных институтах, т. е. обучение студентов, важнейшие научные издания, – была в эти годы далека от них (хотя Топоров и Иванов последовательно возглавляли свой сектор в Институте славяноведения, но это был все-таки остров). Их место в научной гуманитарной жизни первой половины 1970-х годов было в чем-то близко к месту человека из «обвалившегося» поколения – М.М. Бахтина (1895–1975): он писал, печатался, к нему ходили паломники, но советский официоз старался не замечать его существования.

Когда поколение 1929–1931 годов рождения набрало силу и составило свою среду – высокой эрудиции, широчайшего диапазона, масштаба, открытости, публичности (в отношении двух последних качеств – за исключением В.Н. Топорова, по его личным особенностям, которые искупались совершенно самой его неустанной работой, заменявшей собой работу целого института), то за ним уже совершенно по-другому, совсем в других условиях формировалось поколение 1934–1938 годов рождения (Гаспарова-Аверинцева).

Старшее из этих двух поколений доучивалось (уже по окончании университета), а второе – училось уже в постсталинской стране. Источники гуманитарного знания были гораздо более доступны, чем в 1930–1940-е годы. С начала 1960-х годов набравший силу московско-тартуский структурализм расширял представление о материале изучения и давал пищу для методологической рефлексии. Оба поколения дали ученых первого ряда. В постсоветские годы они быстро заняли те самые места в академической жизни, которые и должны были занимать в «нормальном» обществе» [166, с. 44–57].

Действительно, материал и методологическая рефлексия были. Был, например, Г.П. Щедровицкий – советский философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель системомыследеятельностной методологии, основатель Московского методологического кружка, идейный вдохновитель «методологического движения». При жизни опублико-

вано лишь его две брошюры, две коллективных монографии с его участием и порядка полутора сотен отдельных статей, написанных им в одиночку или в соавторстве. Тираж сборника «Проблемы исследования систем и структур» (1965) арестован, набор монографии «Педагогика и логика» (1968) рассыпан [115, с. 66–69].

Были и другие «школы», по выражению К.Г. Красухина, «не попавшие в струю»: «Я долго думал, как можно назвать школу, о которой пойдёт речь в моих заметках. Термин «маргинальная» здесь никак не подходит: это слово в русском языке имеет отрицательный смысловой оттенок, с ним связано представление о дикости, ненормальности и т. д. Не годится и эпитет «периферийная»: так можно назвать отсталую школу, изучающую мелкие и второстепенные научные вопросы. Всё это никак не применимо к выдающемуся профессору МГУ Олегу Сергеевичу Широкову, чьи лекции становились событием для всех, слушавших их. Но факт остаётся фактом: о школе Широкова вспоминают гораздо реже, чем, к примеру, о школе ОСИПЛа <...>

Ко времени приезда О.С. Буковина только десять лет была частью Советского Союза; молодой учёный застал преподавателей, которые при румынских властях ездили на стажировку за границу. Один доцент в конце 20-х гг. учился в Париже у самого Антуана Мейе (как и учитель О.С. – М.Н. Петерсон). Наличие таких людей создавало определённую культурную атмосферу в институте. К сожалению, она начала разрушаться из-за совсем иных веяний – провинциальная партократия насаждала свой дух. Одним из самых блестящих студентов О.С. в Черновцах был Валерий Чекман (1937–2001), успешно усваивавший теорию языкознания, славянскую филологию, балтийские языки. Против него было на пустом месте раздута персональное дело; в местной газете появилась статья с грозным названием: «Це буде наукою» – об ужасно растленном студенте пединститута, не соответствующем идеалам советской молодёжи. В.Н. Чек-

ман отчислен за «неуспеваемость и аморальное поведение». По рекомендации О.С. он приехал в Ростов-на-Дону (с почётными грамотами за отличную учёбу и активную общественную работу) к выдающемуся лингвисту А.Н. Савченко, и защитил у него диплом. Затем Чекман учился в аспирантуре в Минске, работал в Белорусском университете, а последние 20 лет жизни провёл в Вильнюсе, где организовал кафедру славистики. Профессор Валерий Николаевич Чекман (Valérijus Čekmónas) имел заслуженную репутацию выдающегося знатока балтийских и славянских языков. Этот талантливый и неординарный человек пришёлся не по вкусу провинциальным партработникам. Не ладил с ними и сам О.С. Широков. Через восемь лет он покинул Черновцы и стал заведующим кафедрой общего языкознания Минского института иностранных языков. Но время, проведённое в Буковине, не было бесплодным. Наоборот, в этом краю исторически сложилась многоязычная обстановка. Русский, украинский, румынский, идиш имели здесь давние традиции. Имелись в этих краях и поблизости деревни, населённые греками и албанцами. Это предопределило интерес О.С. к мультилингвизму и языковым контактам. Работая в Черновцах, он стал собирать языковой материал греческих и албанских диалектах, продолжив эти исследования в Минске. Поработать в Греции и Албании для диалектологических штудий было в советское время недостижимой мечтой; О.С. изъездил все места поселений изучаемых народов в Советском Союзе, объездив украинские сёла, посетив Мариуполь, Кавказ, Казахстан. Автохтонные же греческие и албанские диалекты пришлось изучать по описаниям. Результатом работы явилась большая монография «Развитие глухого консонантизма в новогреческих и албанских диалектах» <...>.

Представив своё исследование как докторскую диссертацию в МГУ, О.С. покинул Минск и вернулся в Москву. Там он стал профессором Орехово-Зуевского пединститута. Защитить диссертацию с первого раза ему не удалось. В 1967 г., после

того, как кафедра общего языкознания МГУ (зав. – Ю.С. Степанов, впоследствии академик) дала ему положительный отзыв, в Учёный совет филологического факультета пришёл донос из Минска. Защиту фактически отменили. Через два года диссертация была принята Институтом языкознания АН СССР и успешно защищена, для чего автору пришлось заново печатать автореферат (оппоненты – член-корр. Б.А. Серебренников, проф. А.А. Белецкий, проф. С.К. Шаумян). С работой познакомился и приехавший ненадолго в Москву Р.О. Якобсон; отзыв его был вполне положителен. После защиты О.С. перешёл в Научно-исследовательский институт национальных школ при Министерстве просвещения СССР, где возглавил сектор языков Севера. За шесть лет работы О.С. неоднократно ездил на Чукотку, собрал значительный языковой материал и написал несколько статей по чукотской фонологии. А с 1975 г. до конца жизни О.С. Широков работает профессором кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ.

<...> Так почему же его имя и работы известны гораздо меньше, чем они того заслуживают? Думается, это зависит от нескольких причин. Первая из них заключается в некоторых особенностях О.С. Он не очень любил печатный текст, сам говорил, что ему гораздо легче произнести экспромтом большой доклад, чем оформить его в виде статьи. Действительно, выступал он всегда блестяще – живо и артистично. Помнится, однажды он мне прекрасно объяснил, почему лучшими артистами-трагиками становятся, как правило, комики (примеров множество – Чаплин, Ильинский). «Дело в том, – сказал О.С., – что изначальное чувство юмора им не позволяет впасть в ложный пафос». Чувство юмора было в высшей степени присуще и самому О.С., шутки на его лекциях входили в студенческий фольклор. Оно же помогало ему дозировать эмоции в самых серьёзных выступлениях. Так что оратором он был действительно незабываемым. А оформлять в виде развёрнутых текстов все свои многочисленные идеи он не очень любил. Возь-

мём, к примеру, глоттальную теорию. Гамкрелидзе и Иванов на следующий год после упоминавшейся конференции опубликовали свои тезисы в немецком журнале *Phonetica*; затем каждый из них и оба вместе напечатали несколько десятков статей на ту же тему, и, наконец, подробнейшим образом изложили её в своей фундаментальной двухтомной монографии (русское издание – Тбилиси, 1984, английское – Берлин, 1995). О.С. ограничился пятью статьями, часть из которых была опубликована на периферии. Не умел он и заниматься саморекламой; высказывая какую-нибудь мысль, он не стремился подчеркнуть её оригинальность и непреходящее значение.

Вторая причина во многом заключена в учениках О.С. Часть из них отошла от тематики своего учителя. Так, В.Н. Чекман в последние годы жизни занимался больше вопросами типологии и ареальной лингвистики в области балтославянских отношений, – темами, которые не были в центре научных интересов О.С. Широкова. Отношения обоих замечательных учёных оставались прекрасными, но ученик редко ссылался на работы учителя. Если в области индоевропейского и греческого языкознания у О.С. есть несколько учеников-последователей, то его исследования в области балканской фонетики никто не продолжил. В-третьих, О.С. никогда не старался следовать лингвистической моде, уподобляясь литературному персонажу, который «когда был объявлен прогресс, встал и пошёл перед ним, так что прогресс уже шёл позади, а Тарелкин впереди». В 60-е гг. О.С. очень увлекался структурализмом, предложил (вместе с В.Н. Чекманом) свою математическую модель классификации славянских языков, исследовал членение албанских диалектов по данным частотности фонем и глоттохронологии. Но, когда было объявлено, что структурализм исчерпал себя, О.С. решительно с этим не согласился. Конечно, описание языка в рамках только одной структурной теории (как и любой другой!) невозможно, но то ценное, что структуралисты внесли в лингвистику, невозможно сбросить

со счетов. Представление о науке как только о мене парадигм было чуждо О.С. Он подчёркивал, что главное в науке – это не парадигма, а тот инвариант, который остаётся при любой парадигме. «Нельзя говорить, что та или иная теория устарела, – заявлял О.С. – В науке нет старого и нового, в ней есть доказанное и недоказанное, установленное и опровергнутое». В эпоху постмодернизма подобные взгляды кажутся старомодными и не прибавляют популярности их носителю. Но всё подлинное рано или поздно находит свою цену» [95, с. 10–18].

Итак, были идеи. Но какова была судьба этих идей? Как скажет Р.М. Фрумкина, они выродились в абсолютное празднословие, филология и потом, в семидесятых годах, тоже что-то заменяла: заменяла поэзию, заменяла философию; но заменяя «то...то», она переставала быть или, по крайней мере, не совершенствовалась в том, чтобы быть наукой; это была не наука, это было искусство, а искусство отличается от науки тем, что в науке один и тот же опыт получается у любого, а в искусстве получается у талантливого и не получается у неталантливого [160, с. 171].

Сложившаяся за два десятилетия традиция обрывается. И Р. Фрумкина, и А. Рейтблат, и М. Гаспаров в один голос скажут – это «обрыв традиции» [161, с. 195; 137, с. 404; 51, с. 113].

Отношение к лингвистике кардинально меняется в обществе в целом. В.К. Журавлев будет позже вспоминать: «Вспомнил: в ответ на вопрос знатного шахтера о моей специальности я честно признался: языковед. Тот, широко открыв глаза, спросил: «И вам за это платят?» Что только не отражалось на лицах моих собеседников... Наступила минута молчания. Казалось, что хоронят уважение ко мне...» [76, с. 6]. Он же резюмирует: «Похоже, что лингвистика, эта бедная Золушка, которая, казалось, только и делала, что ходила в обносках: то биологии, то психологии, то формальной логики, то математики...» [76, с. 199].

В начале 80-х можно видеть, сплошь и рядом, разрывы и топтание на месте. У В.И. Красикова я нашел комментарий

к событиям тех лет: «Тьма хороших интеллектуалов могла в лучшем случае конкретизировать, детализировать, закрывать белые пятна на готовом полотне, сотканном метафизической интуицией гения. Но возобновить прерванное мог только другой ключевой субъект познания, рождение которого проблема личностная. Сколько потенциальных гениев остались в закупоренном состоянии, будучи не в силах превозмочь прежде всего себя, свою инфантильность, а потом уже и чужую парадигмальную чару, социальные суггестии? Потому со смертью ключевого субъекта познания в той или иной науке она замирает вплоть до появления других, которые подхватят эстафету через отрицание-превозмогание парадигмы» [94, с. 235].

Пока же, в 80-х, стали часто публиковаться статьи, начинавшиеся словами *серьезную озабоченность вызывает состояние современной отечественной лингвистики....*

Обратимся к одной из них, принадлежащей Ю.Н. Караулову, который в 1982 году возглавил Институт русского языка им. В.В. Виноградова АН СССР.

«Современное состояние науки о языке характеризуется парадоксальным фактом: сегодня написать теоретическую работу, выдвинуть новые идеи, даже создать целую новую теорию легче (заметим еще – и престижнее), чем внедрить уже имеющиеся идеи, воплотить готовые теории. Можно даже сказать, что в языкознании сегодня наблюдается перепроизводство идей: есть порождающая теория, но нет ни порождающей, ни трансформационной грамматики какого-то конкретного языка, есть теория тезаурусов, но нет тезауруса хотя бы одного из литературных языков народов нашей страны; более того, не для всех языков созданы и толковые словари. Таким образом, при наличии известной нужды в таких лингвистических объектах, воплощающих теорию, как грамматика нового типа или словарь нового типа, в сегодняшнем языкознании, тем не менее, стихийно складывается тенденция к преобладанию теоретических работ, т. е. к созданию избыточного числа фактичес-

ких описаний, но более высокого уровня, так сказать, второго порядка, в которых обычно только намечаются новые подходы, иллюстрируются некоторые возможности выдвигаемой идеи, указывается направление, в котором надо идти, чтобы получить определенный результат. Авторы учат, как надо делать, но не делают сами, поэтому результата как такового не бывает, новая вещь в итоге такого исследования не получается, создается лишь, как замечает остроумно один известный лингвист, «информационный шум» <...>.

Издание наших книг способствует утверждению иллюзии, что они-то и есть если не единственный, то основной практический результат. Однако подобный результат находит применение лишь в работах небольшого числа родственных специалистов, причем, иногда его использование не идет дальше формальных ссылок в библиографии. Круг, так сказать, замыкается. Это работа на себя, работа, направленная на самосовершенствование, саморазвитие, своего рода лингвистический культуризм <...>. Речь идет только о том, что подобная направленность исследований не должна становиться, как это бывает, к сожалению, в сознании самих ученых, единственной целью и самоцелью лингвистики. Нам надо бы помнить, что решение далеко не всякой проблемы увеличивает наши знания, расширяет круг представлений о языке вообще, а потом ведь и не все знания оказываются полезными и нужными. <...> Что касается трудоемкости непосредственного внедрения, т. е. трудоемкости работы по созданию новых лингвистических объектов, то в наш век коллективного творчества, всесоюзной и международной кооперации и координации исследований, это препятствие на пути расширения практических выходов науки о языке, казалось бы, легко преодолимо. Однако, как показывает опыт такой кооперации и координации, объединение усилий ученых – от коллектива, работающего над какой-то темой в пределах одного института, до международного сотрудничества целых учреждений – приводит пока только

к экстенсивному росту, увеличению масштабов, так сказать, обрабатываемых площадей <...> Прогнозирование развития науки о языке, в том числе и долгосрочное планирование, всегда осуществлялось либо по проблемам, а значит не предполагало какого-то практического выхода за исключением учебников, либо по темам, а значит – «по площадям», когда практическим результатом должна стать сама проработка темы, некоторое описание, книга, серия, подразумевающая, естественно, рассмотрение и решение входящих в тему проблем. Планы фактически никогда не включали целей. Отсутствие целевой ориентации приводило, в частности, к тому, что материал, всегда имеющий тенденцию расти до бесконечности, в ряде случаев начинал господствовать над исследователем, выводил от основной идеи. Определяющим становился ложный пафос полноты описания, которая на деле никогда не может быть исчерпывающей, и в итоге важные и нужные работы растягивались иногда на десятилетия» [85, с. 26–33].

Таким образом, основная проблема, с которой столкнулось сообщество лингвистов 80-х, – это общественная ценность качества научного результата и поиск ответа на вопрос, какое научное достижение является действительно значимым. Тогдашнее научное сообщество демонстрировало черты частичной закрытости и нетолерантности к новым идеям. По словам В.Е. Чернявской, когнитивные, т. е. собственно познавательные, факторы пришли в противоречие с социально обусловленными, внешненаучными факторам [164, с. 78].

Вяч. Вс. Иванов так будет вспоминать о судьбе В.В. Виноградова: «Я думаю, что не аресты и повторные ссылки и ругань в газетах сломили Виноградова, а уже после всего этого внезапно пришедшее вознесение его и возведение в ранг заместителя Сталина в языкознании: о сталинских сочинениях на эту тему Виноградов написал около полутора сотен статей! Труднопереносимой его чертой было презрительное отношение к большинству людей вокруг. Добро бы он просто брюзжал и ворчал

на тех многих, кто этого заслуживал. Он окружил себя ничтожествами и льстецами, в удобный для них час низвергших его с академических высот. Отделение литературы и языка, где он до этого низвержения долгие годы был полновластным правителем, до сих пор хранит следы того времени, когда он начал насаждать карьеристов и подхалимов» [80, № 3, с. 166].

В конце 80-х гг. лингвисты, каждый по своему, попытались осмыслить пройденный ими путь – от середины XX века.

В.К. Журавлев так проследил судьбу советской лингвистики второй половины XX века: «Первоначально многие считали лингвистику *pilot science* – ведущей наукой, наукой-эталонном, использовали ее идеи, приемы и методы при решении своих задач... Но сегодня престижность нашей науки, кажется, падает... Лингвисты получали звания академиков и право удовлетворять научное любопытство «за казенный счет» [76, с. 18–19]. Вот и Р.М. Фрумкина в своих воспоминаниях честно признается, вспоминая 80-е, «...таким образом, я за государственные деньги занималась любимым делом, и государство же обеспечивало связь между мною и моим потенциальным читателем» [160, с. 167].

Естественно, что за обрывом традиции последовал кризис идей. Это уже эпоха 90-х. Максим Соколов так охарактеризует то время: «Страна тяжело поворачивалась после большевицкой порухи и все для того, чтобы русская культура явила собой рагу из разогретых к ужину несвежих бартовщины и фукотовщины под соусом из еще более несвежих проклятых поэтов. Еще можно смириться с тем, что в продовольственных лавках торгуют импортными неликвидами с просроченным сроком давности, но когда в области духа наблюдается культовое поклонение импортному утильсырью двадцатилетней (как минимум) давности, это значительно труднее списать на временные неудобства переходного периода» [147, с. 535–536].

Конец XX века действительно оказался для советской и постсоветской лингвистики временем кризиса идей. Мысль

отвлеченная, лишенная прагматических ориентировок, претендующая на построение мировоззрения, не встречала общественного энтузиазма. Обыватель, романтически интересующийся, есть ли жизнь на Марсе, стал анахронизмом. Анахронистичным казалось любое умственное конструирование, не обещающее быстрых практических результатов. Изменилась ментальность не научных работ, изменилась ментальность человечества. В сущности, все захотели из теории получить немножко хлеба с маслом. И вся направленность мысли стала именно такой. Бескорыстное искание истины, как называли науку раньше, подверглось всеобщему осмеянию, в том числе и в среде ученых.

Б. Акунин просто и емко отобразит сложившуюся ситуацию в романе «Ф.М.»: «Антонина Васильевна выходила за старшего научного сотрудника, доктора наук, зарплата четырехста рублей с надбавками. Это раньше очень много было. А что теперь что? Другие как-то приспособились...» [5, с. 126].

А вот по таким автобиографическим заметкам политических деятелей постперестроечной эпохи, конца 90-х г. XX в., какие приводятся ниже, вполне достоверно можно судить об отношении власти к науке. Перед нами фрагмент из книги А.М. Брячихин, префекта Западного административного округа г. Москвы при Ю.М. Лужкове:

«...У меня сохранилось письмо избирателя: «Тут у нас один ученый заявил: «Ученым нечего терять, а приобретут они все». Бейте их, Алексей Михеевич, бейте, не бойтесь!» Я понимал, что это шутовское пожелание имеет под собой очень серьезную основу. Работая в Севастопольском районе, где только научно-исследовательских институтов было тридцать, я часто встречался с научными работниками (кстати, академики Е.М. Примаков и Л.И. Абалкин выдвигали меня кандидатом в народные депутаты СССР) и убедился, что в Советском Союзе перепроизводство ученых, которые десятилетиями писали монографии и диссертации, имели избыток свободного времени

(поскольку мало кто интересовался этими работами), ездили на овощебазы, зарабатывали отгулы, гуляя с повязками «народная дружина» по вечерним улицам, играли в настольный теннис на рабочих местах – все это хорошо знакомо вам, читатель, по фильмам и книгам про творческую интеллигенцию «застойных» времен.

И когда началась перестройка, именно творческая интеллигенция первая оказалась у микрофонов на трибунах – голосистая, языкастая, на вид приятная, бедная, честная. Она рванула во власть, сминая все на своем пути, – нищие ученые одолели «богатых партократов», «зажравшихся красных директоров», «ястребов-генералов», всех! Именно та самая интеллигенция, которая, невзирая на реальную жизнь, вдалбливала в головы и «партократов», и директоров, и генералов железобетонные основы марксизма-ленинизма и оказалась не в состоянии осмыслить реальное состояние нашего общества, не предложила никаких новых путей для развития страны – и эта интеллигенция победила, хотя в результате стала жить намного хуже. Плоды «побед» интеллигенции теперь очевидны всем! <...> Тогда, в конце восьмидесятых, меня поражала общественная ложь. На каждом углу кричали о привилегиях партийных работников, но избирателям моим в голову не приходило допросить с таким же пристрастием сословие наших рвавшихся во власть почтенных академиков, профессоров, докторов наук. А у этого сословия зарплаты были от 1 200 до 1 800 рублей, квартиры в элитных домах от ста метров и больше, дачи на участках по пятьдесят соток, «рабочие» дачи, служебные автомашины, спецполиклиники Четвертого управления Минздрава, закрытые столы распределения продуктовых заказов, возможности получения дефицитных тогда книг. В Севастопольском районе проживало триста тысяч человек, бюджет района – сорок миллионов рублей. Сравните: всего на семь тысяч работников академических вузов тратилось тридцать миллионов рублей! И вот некоторые из них (акаде-

мики, профессора, доктора наук) первыми кричали о заевшихся «партократах» и о своих страданиях в период «застоя» – и рядовые избиратели им, к сожалению, безоглядно поверили. Я согласен, что крупные ученые не должны бедствовать. Но их достаток должен быть оплачен работами, приносящими обществу несомненную пользу <...> В 1990 году я направил руководству страны записку о неотложных мерах по практической перестройке академической науки. Предлагал ликвидировать специальное обслуживание ученых, пересмотреть порядок их награждения, научные учреждения перевести на самоокупаемость и сократить параллельные структуры, чтобы два института не делали за казенный счет одну и ту же работу. Записка эта бурно обсуждалась в Академии наук, ученые (естественно) встали стеной на защиту своих карманов, но довольно скоро проблема эта уже перестала волновать меня: пришедшие во власть «младшие и старшие научные сотрудники и завлабы» быстро привели науку к нищете, о каких привилегиях можно теперь говорить, когда директора научно-исследовательских институтов стреляются потому, что их сотрудникам месяцами не платят зарплату...<...> И нельзя сказать, что положение обществоведческих научных учреждений сегодня в России незаслуженно. Нынешняя нищета прямое следствие десятилетий безделья <...> Пересказы жизни западных стран ее не заменят. Ученые не находят себе места даже в коммерческих структурах потому, что в них платят за результат, а у российской науки с результатами туговато, много болтовни. Если просеять болтовню, что останется: или слизанный «один в один» западный опыт, или детское упрямство «как надо делать, я не знаю, но вы делаете все не так». Гадалок, обличителей хватает, а специалистов – почти нет. Талантливые ученые, дельные экономисты найдут себе место в жизни, их труд будет оплачен по достоинству, остальным же придется менять профессию. Это жестокий процесс естественного отбора, но он сейчас идет во всех сферах жизни. Жалко и учителей, и инженеров, и писателей,

и журналистов, и художников, и актеров, и военных, и врачей. Ученых жалко меньше всего – они были заводилами и участниками бездумной «перестройки». Теперь настала их пора плачливаться» [40, с. 121–126].

Не надо думать, что подобные взгляды на гуманитарную науку свойственны лишь чиновникам. Парадоксально, но сами филологи – маститые филологи – в какой-то момент тоже поняли свою несостоятельность. Меня поразили слова академика Ю.С. Степанова, которыми он неожиданно и внешне немотивированно завершил свое предисловие к книге «Квадратура смысла», посвященной французской школе анализа дискурса: «Ю. Степанов (академик с шестидесяти лет). На островах Фиджи людей, достигших шестидесяти лет, удавливают шнурком, чтобы они не мешали жить молодым. А мы выбираем их в академики (Анатоль Франс). – Еще одна черта близости Франции и России...» [87, с. 11]. Но за двадцать лет до этого А.Ф. Лосев будет говорить о том же. В.В. Биbihин сохранил его слова для нас – запись в дневнике бесед с Лосевым от 04.07.1976: «...а в академии что творится!...Да вот, видишь ли, академики бывают скромные. А бывают нескромные. Скромный член-корреспондент получает за звание 250 рублей в месяц, даже если нигде не работает и никуда не ходит; академик получает 500. Эти деньги неприкосновенные, до конца жизни. Но скромными академики не хотят быть. Хотят заведовать академическим институтом, это 900 рублей в месяц, а замдиректор 700 рублей; или в издательстве директорствовать, или еще где-нибудь...Помимо этих деньжонок, разные преимущества, связь с периферией, устройство конференций, контакты с иностранцами...Словом, это кормежка такая» [29, с. 48].

И все потому, наверное, что «тоталитарный период» в истории страны был периодом скорее идеализма, чем материализма. В СССР общая тенденция была доведена до логического конца: в виде некоего идола выставлялась идея о том, что, кроме хлеба насущного с маслом насущным, вообще ничего не

существует. Постепенно советская наука и становилась провинциальной. «16.02.1975. Вот она где, наука-то! Не на Арбате, а в Париже!...А здесь в глуши, на европейских задворках, в Москве...», – скажет А.Ф. Лосев своему секретарю (В.В. Библихину) [29, с. 59].

То, что это вообще случилось в 90-е, во многом обусловлено не только тем, что денег стало мало в науке, а тем, что государство и общество к науке, в том числе лингвистике, потеряло интерес. Вот как охарактеризует ситуацию 90-х в науке Т. Чередниченко: «В то время, по сути дела, в мире существовало две науки: советская наука и наука Соединенных Штатов Америки. Безусловно, была наука во Франции, в Великобритании, была наука в странах СЭВ, была наука в Монголии и Китае. Но все эти периферийные науки не были самодостаточными. Советская наука и американская наука были самодостаточными. Они могли развиваться внутри себя, практически не контактируя друг с другом, и могли выдавать не только важнейшие и передовые фундаментальные результаты, но и результаты прикладные. И вот начались экономические реформы. Наука не могла существовать отдельно. Когда корабль тонет, радиорубка не может быть спасена. И поэтому, когда финансирование научных исследований сократилось в 15–20 раз, наука в бывшем СССР перестала быть делом государственной важности. Позиции глобальной сверхдержавы постсоветская наука утратила. Сначала казалось, что выход очень прост: сократим ученых в 9–10 раз и доведем численность ученых до такой величины, когда они будут получать столько же, сколько американские ученые. Наверное, это могла решить какие-то частные задачи, какие-то проблемы, стоявшие перед наукой, проблемы отдельных ученых, они получали бы большие деньги, они занимались бы исследованиями в более благоприятном режиме, гораздо более благоприятном режиме. Но проблема была в том, что тогда тонкая пленка постсоветской науки прорвалась бы окончательно и остались бы небольшие бугорки в Москве,

в Санкт-Петербурге, возможно, в Новосибирске, может быть, на Урале, и все» [163, с. 80–82].

Это о науке вообще, не только о лингвистике. Конкретно о ней в конце 90-х В.В. Колесов скажет с горечью: «Серьезную озабоченность вызывает состояние современной отечественной лингвистики». И далее: «Ее романтический взлет в середине века оставил ряд первоклассных идей, которыми долго жили и мы, и зарубежные коллеги; теперь все это сменилось провинциально мелочным заимствованием тех крох с пиршественного стола русского языкознания, которые за рубежом кое-как приладили для собственных нужд. Ложно поняты потребности времени, аляповато сформулированные как «практическое применение», «достоинство научной школы», «оригинальное направление» и проч., дезориентировали научную молодежь, уводя ее от плодотворных традиций отечественной лингвистики. Дело доходит до того уровня науки в ее развитии, за которым пустота термина скрывает эклектизм знания, и тень схоластики уже нависла над нами» [91, с. 280–298].

Не только В.В. Колесов заметил эти изменения в научной среде лингвистов. А.И. Белецкий назовет свою статью в сборнике «В мастерской художника слова» так – «Наука и схоластика», и напишет такими словами о наболевшем: «К сожалению, часто приходится наблюдать и на аспирантских докладах, и на защитах иных диссертаций, как игра в термины является средством прикрытия убожества теоретической мысли. Стоит послушать иного «ученого», как сыплются с его уст – «откровения новых стилевых качеств», «художественная эманация», «емкий роман», «опосредование», «текстологический материал», «текстуарий». Начинаящий студент потрясен: вот он, язык настоящей науки! Бедный, он не понимает, что это пыль и мусор сыплются на его молодые мозги. Это не наука, это только одна имитация науки» [26, с. 146].

Но вот В.В. Колесов перечисляет главные, с его точки зрения, схоластические черты постсоветского лингвистического

знания конца XX века: «Ограничение основных тем исследования – основополагающее требование. Сосредоточенность на синтаксисе или фразеологии <...> Смена «исследовательских волн» поражает каждое новое поколение ученых <...> Это способствует проявлениям схоластического знания: сосредоточенности на своей исследовательской школе, устремленности к комментированию собственных авторитетов с целью увеличения их «рейтинга», к аналитичности исследовательских процедур без последующего синтеза в познанном объекте, разобщенности в исполнении научных программ <...> Личные отношения между исследователями также усугубляют ситуацию. В результате возникает агрессивно выраженная приверженность к собственному научному направлению, что создает питательную среду для воссоздания «школьности» <...> Многие так называемые открытия представляют собой переформулировку уже известного науке, но по открытиям – реальным и достоверным – других школ. Огромный научный потенциал тратится на удовлетворение личных амбиций «основоположников» и их восхвалителей <...> Как следствие, отсутствие общей теории восполняется изложением и комментированием текстов, признанных авторитетными <...> Своего рода средневековые флорилегии и сборники мудрости появляются в изобилии под видом хрестоматий и переводных тематических сборников <...> Научная молодежь, падкая на моду, подхватывает старые истины в новых упаковках, и процесс дальнейшего усыхания научной ценности исследования развивается <...> Дедукция как основной метод исследования при почти полном игнорировании присущих филологическим наукам индуктивных методов <...> Предметом схоластического языкознания является авторитетный текст («история вопроса»); не случайно большинство современных работ по общему языкознанию представляет собой рефераты, обсуждающие подобную литературу вопроса, желательно на иностранных языках, и посвященную никому не понятным экзо-

тическим темам <...> Постоянно ощущается несводимость формально-логических схем к предметно-логическим схемам <...> Эрудиция как воплощение учености сегодня в избытке представлена многими примерами. Если автор имеет счастливую возможность издавать свои книги, всегда заметно, что энциклопедичность иных сочинений целиком подчинена целям классификационным и рекламным, а не задачам углубленного исследования предмета <...> Понятно, почему только что приведенные суждения не были опубликованы в свое время. Они подчеркивали важность работ не тех авторов <...> Много приходится читать диссертаций, отзывов и рецензий по затронутым здесь и смежным вопросам. Несправедливого в них очень много. По личному опыту: призывы к диссертантам ссылаться на первоисточник, а не на труды своего научного руководителя, который забыл этот первоисточник указать, встречаются обычно веселым перемигиванием присутствующих <...> Все чаще встречается утверждение, похожее на заклинание, о том, что А.А. Зализняк «в своих пионерских работах открыл нам древненовгородский диалект» – это удивительно, ибо открыл его в полноценно законченном виде А.А. Шахматов – сто лет назад. Забыть так скоро? Но трудно признать пионерскими в этом смысле работы указанного автора, особенно теперь, когда о пионерах не пишут даже газеты <...> Профессионал ли мы, если не уважаем прошлое? Или нам навязывают новую этику?» [91, с. 337–338].

Эта этика связана, в том числе с уходом лингвистов из науки в беллетристику – явление по отношению к науке внешнее, но имеющее внутренние аналогии. Лингвисты становятся в определенной степени беллетристами, оставаясь в рамках своей профессии. По словам М. Кронгауза, можно говорить о своего рода «беллетризации» науки. На смену подчеркнутому структуралистскому равнодушию к объекту исследования (не важно, что изучать, важно как!) приходит увлеченность этим объектом и потребность передачи этой увлеченности подразу-

меваемым собеседникам. На смену отчужденности объекта исследования от исследователя приходит понимание науки как диалога об этом самом объекте. На смену чистой семантике научного текста (текста об объекте) приходит прагматика. Появляются роли говорящего (исследователя) и адресата (читателя или оппонента). Роль адресата становится все более важной. Именно поэтому вместо трудно читаемых или просто нечитаемых описаний (структурализм принципиально не учитывал интересы читателя) предлагается по возможности увлекательное чтение, что ведет к созданию беллетристики научной... Что и означает, по-видимому, конец эпохи [9, с. 529–560; 6].

Действительно, в 90-е ученым, не в последнюю очередь, лингвистам было вновь навязано графоманство. Научная публикация сама по себе перестала быть мерой вклада отдельного субъекта познания в общенаучное поступательное развитие в силу того, что объем вводимых в научный обиход текстов не отражал адекватно объема «приращенного» нового знания. Однажды полученный и в определенный момент новый научный результат просто варьировался ученым и повторялся им во многих публикациях. Помимо прочего, ученые, обладавшие высоким научным престижем, цитировали преимущественно «себе подобных» [164, с. 79]. Ничего нового. Возрождалось советское графоманство, которое, к 1960-м годам уже стало комическим персонажем советской культуры. В этой связи поучительно вспомнить рассказ Терца-Синявского «Графоманы», который воспроизводит всю историю советского графоманства: рассказ одновременно высмеивает и реабилитирует графоманство, выявляет сложные иронические игры и двусмысленности, характеризующие письмо, как литературное, так и нелитературное. В советской научной культуре 70–80-х гг. герой-графоман получает свой заслуженный «лавровый венок».

Перед нами отрывок из юмористического рассказа популярного советского писателя В. Голявкина под названием «Аврелика. Доктор филологических наук»:

– За свою жизнь я сделал выдающееся открытие,– улыбнулся он устало,– пустил по свету слово АВРЕЛИКА. Докторскую диссертацию защитил на это слово. Сотни страниц исписал бисерным, мелким почерком. Старался больше есть, чтобы курить поменьше, поменьше спать, чтобы больше написать. С тяжелыми свинцовыми веками и отяжелевшим желудком бил в одну точку...– Он откинулся в кресле и закрыл глаза, давая понять, что бить в одну точку с тяжелыми веками и отяжелевшим желудком далеко не легкое занятие.– Труд кропотливый, повседневный, повсеместный, постоянный, неисчерпаемый...– продолжал он, но я перебил:

– Аврелика?

– Ударение на первой букве,– поправил он,– вы неправильно произносите....

Я все-таки спросил:

– Каким же образом вы пустили по свету это свое слово?

Он глубоко вздохнул. Не так-то, мол, все просто было.

– Постараюсь объяснить. Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Итак: в любом разговоре вы вставляете постоянно слово АВРЕЛИКА...

– Ну, так, а дальше что?

– Вы проделываете это с серьезным лицом,– выставил он указательный палец перед своим носом,– иначе...

– Что?

– Провал. Воспримут несерьезно....Итак, тот, кому вдалбливаете аврелику, сам в конце концов начинает произносить это слово, то есть ваш собеседник в свою очередь пересыпает свою речь авреликой, и таким образом аврелика передается друг другу.

– Для чего?

– Мое учение АВРЕЛИКИЗМ, погодите улыбаться, необходимо человеку как вода. Как воздух. Как стройматериалы, в конце концов, бетонные перекрытия, блочные дома, музыкальные инструменты, автобусы, троллейбусы, балконы, авиационная промышленность, еда, питье, самовары и одежда!

– По-вашему, выходит, засоренная речь лучше чистой речи?

– Не в этом суть. В крайнем случае, можно делать ударение на последнем слоге, слово-то остается. Да и не в ударении дело, если на то пошло. Гибкость всегда хороша. И везде....

– Но почему вы уверены, что ваше слово пошло по свету?

– Здесь у меня целая теория. Сотни страниц, исписанных мелким, бисерным почерком. Все учтено. И оговорено....

– Не все,– сказал я,– далеко не все. Себя вы не учли.

– Как то есть?

– Забыли пересыпать свою речь авреликой,– сказал я.

Он спохватился:

– О да... Аврелика... тьфу, черт, аврелика... конечно же, аврелика, да, да...

(Теория, не связанная с практикой, сотни страниц, исписанных мелким, бисерным почерком,– коту под хвост.)

Он все твердил:

– Забыл, забыл пересыпать...

– Из пустого в порожнее,– добавил я с удовольствием.

А он утомленно улыбнулся. Он давал понять, что всю жизнь пересыпать из пустого в порожнее не легкая работа, тяжкий труд. И от этого сознания улыбка не сходила с его лица, становилась резче, четче, каменным становилось у него лицо и каменной была улыбка. И легкое слово «аврелика» превратилось у него в камень, тяжелый, громоздкий, брошенный посреди дороги и мешающий проехать и пройти» [53, с. 342–346].

Гласность и перестройка 80–90-х гг. возродили массового ученого-любителя, так скажет С. Бойм [36, с. 260]. Правда, это тоже было не ново. Еще в 70-х возник вопрос: можно ли получить «интеллект взаимы». Именно таков был первоначальный вариант названия сатирической комедии «Пена» Сергея Михалкова, постановка которой в Московском театре сатиры состоялась в 1976 году. Написана она была в годы расцвета так называемой производственной темы в советском искусстве.

Напомню сюжет: директор одного крупного научного учреждения Махонин желает защитить докторскую диссертацию. Сам написать ее он не умеет, да и не хочет, вот и воспользовался услугами некоего Уклейкина, который не безвозмездно согласился помочь создать докторскую диссертацию для бездарного руководителя, стремящегося стать почтенным академиком. Корпорация лиц, скромно пожелавших остаться неизвестными, за находящуюся «в пределах разумного» сумму, состряпали ему докторскую диссертацию. Функции «связного» были возложены на некоего Солому – прирожденного бизнесмена от научных трудов. И если бы не энергичное вмешательство юридических органов и прессы...?! И все всё понимали уже тогда. В.В. Биbihин запишет в дневнике то, что скажет в 1971 году А.Ф. Лосев: «20.06.1971. Докторская защита состоит из одной формалистики, сама по себе она пустое дело. Начать с того, что без кворума диссертация провалилась, так что надо сидеть, изображать из себя кворум. Я ухажу при всякой возможности в другую аудиторию, и пока они так канителиятся, я успеваю с несколькими человеками переговорить» [29, с. 42].

Все это вызвало протест, в том числе в виде попыток «выхода из структуры», как скажет об этом В. Налимов [116, с. 43].

Да, в советской культуре действительно существовала такая форма протеста – возможность выйти из структуры, оставаясь в ней. Это – творчество, художественное, пародия на лингвистику, на науку. Это игра ума, умственный эксперимент, где проведен смотр всех языковых возможностей. Это и есть главное – любоваться словом и в нем представить читателю или слушателю другую культуру – пусть пародийно, загадочно или иронично, играя и словом и расстановкой акцентов. Как образно скажет С.С. Неретина, «это путешествие дилетантов, создающее образ культуры», «в науке и культуре XX века лейтмотивом современности является переосмысление своих будто бы незыблемых начал; мы вольно или невольно проигрываем в нынешней, сиюминутной ситуации казалось бы забытые темы

и средства изображения; выявляется та, по выражению Ю.М. Лотмана, закономерная и целессобразная неправильность, которая и составляет сущность нового прочтения старого, что объясняет в иных отношениях загадочный факт гетерогенности и полиглотизма советской научной языковедческой культуры» [119, с. 164]. Более того, гетерогенность соседствует с разрывом континуальности, а это, по словам М. Ямпольского, есть форма беспамятства. Парадоксально, но именно беспамятство позволяет преодолеть меланхолию, являющуюся, согласно Фрейдю, *работой памяти*, выражающейся в практике пародирования. Пародия, как известно со времен тыняновских штудий, – это форма переписывания текста, в нашем случае – научного текста по языкознанию. И в то же время – это форма литературной референции. Главным объектом пародирования явился, таким образом, научный лингвистический текст [179, с. 10–11].

Еще в середине 60-х появляется публичный интеллектуальный эпатаж, который провокационно и агрессивнo, на грани скандала, снижает образ науки, в нашем случае – советской лингвистики – через подчеркнuto пародийное использование ее основных черт. В первую очередь, – представление научного как «ученого» (от «образованщины» до умственной и социальной неполноценности), но в любом случае, по словам Б.В. Дубина, как неуместное, неадекватное, несвоевременное [66, с. 163].

Самый ранний, наверное, С. Довлатов: «Агапова достала блокнот и записала на чистой странице – Левин. Стала перебирать знакомых мужа... А вот приходил на днях один филолог со знакомой журналистской... Или даже, кажется, переводчик. Служил, говорит, надзирателем в конвойных частях... Жуткие истории рассказывал... Фамилия нерусская – Алиханов. Бесспорно, интересный человек... Бывший надзиратель оказался дома.... Алиханов встретил ее на пороге. Это был огромный молодой человек с низким лбом и вялым подбородком. В глазах его мерцало что-то фальшиво неаполитанское. Затеял ка-

кой-то несуразный безграмотный возглас, и окончить его не сумел... Комната производила страшное впечатление. Диван, заваленный бумагами и пеплом. Стол, невидимый под грудой книг. Черный остов довоенной пишущей машинки. Какой-то ржавый ятаган на стене. Немытая посуда и багровый осадок в фужерах. Тусклые лезвия сеledок на клочке газетной бумаги... Вы филолог? – спросила Агапова. – Точнее – лингвист. Я занимаюсь проблемой фонематичности русского «Щ»... – Есть такая проблема? – Одна из наиболее животрепещущих... Слушайте, что произошло? Чем я обязан неожиданному удовольствию...лицезреть?... Надзиратель опрокинул вторую бутылку. – Мы готовим радиопередачу «Встреча с интересным человеком». Необходим герой с оригинальной биографией. Вы филолог. Точнее – лингвист, бывший надзиратель. Человек многоплановой жизни... У вас многоплановая жизнь? – Последнее время – да, – честно ответил надзиратель. – Расскажите поподробнее о ваших филологических исследованиях. Желательно, в доступной форме. – Я вам лучше дам свой реферат. Что-то я плохо соображаю. Где-то здесь. Сейчас найду.... Алиханов метнулся к напластованиям бумаги... [64, с. 44–46].

Прием обесмысливания составляет программируемый социальный эффект – показать отношение общества к действительности, как у Вл. Новикова в «Романе с языком»: «...да, в филологической сфере свинства тоже немало, но именно такого, слава богу, нет: ни ко мне никто не пристраивался, ни сам я в короткую пору администрирования отнюдь не пытался откусить часть авторства таких грандиозных изобретений, как «Интонационные особенности взволнованной речи женщин среднего и пожилого возраста» или «Семантические аспекты футбольной лексики» [122, с. 214].

Это стеб на уровне массовой коммуникации: по сути речь идет, как считает Б.В. Дубин, о групповой (группа – лингвисты) негативной самоидентификации [66, с. 164]. Прекрасный прием – рассказ М. Веллера: «Был такой анекдот: Профессор

филологии посетил публичный дом. И вот после любви, отдыхая с девицей в кровати, он заговорил с ней об единственном, что знал – о литературе. И тут девица проявляет такую начитанность, такую эрудицию и полет мысли необыкновенный, что профессор в изумлении восклицает: «Боже, девушка, что же вы здесь делаете? да вам надо... в университет, на филфак!» На что девица, потупившись от смущения, с неловкой укоризной возражает: «Ах, ну что вы, профессор, меня мама сюда-то еле отпустила...». И еще: «В Большом Доме на Литейном был соответствующий отдел, укомплектованный все больше интеллигентными филологами с университетским образованием, которые, как полагается нормальным филологам, ничего в жизни не умели, а умели только читать книги. Из небогатого умения этих книжечеев государство пыталось извлекать сильную для себя пользу. Они весь рабочий день читали себе вволю изданные на Западе книги наших эмигрантов, анализируя их на предмет вредоносности. За это филологам платили прекрасную зарплату офицеров КГБ, чтоб они не вопили о ненужности гуманитарной культуры в СССР и не впадали в диссидентство [46, с. 73, 247].

Для советской эпохи 60–90-х годов характерна тотальность подобного провокативного отношения к науке о языке, непрерывность его производства. Совсем короткая литературная басня начала 80-х годов XX века, принадлежащая писателю М.Г. Семенову – «Новое в орфографии»: «Со стародавних времен в лесу существовало правило, согласно которому пернатые обитатели перечислялись по алфавиту. Примерно так: Аист, бекас, воробей, грач, дятел и так далее. Естественно, что ястреб всегда стоял в конце списка. Нашлись ловкие толкователи, признавшие такой порядок несправедливым, не отвечающим современному уровню развития языкознания. И вскоре во все лесные ведомства поступило распоряжение министерства просвещения, чтобы отныне списки пернатых составлялись по-другому. А именно: Ястреб, аист, бекас, воробей, грач и т. д. Трущобные лингвисты

сейчас заняты срочной разработкой научного обоснования этого феномена в лесном языке» [142, с. 252].

Согласимся в Б.В. Дубиним, что эти компенсаторно-негативные формы самоидентификации через отчуждение и снижение образа советского ученого-лингвиста связаны с их попытками обратиться к современности, с выходом в сферу актуального, безотлагательного, сегодняшнего действия в широких масштабах, на уровне общества. Больше того, это особый тип реакции на проблематичность ситуации, в которой лингвистов обвиняют в дистанцированности от этой самой актуальности [66, с. 165].

Так, у М. Успенского: «На краю Ямы, возле деревянного кумира Владыки Проппа, остановились, чтобы подождать коротконового князя. Кумир был вырезан грубовато, но умело: всякий враз признал бы высокий лоб, добрый взгляд, аккуратные усы и крошечную бородку. Очи Владыки обведены были двумя кружками – без них, верили, он плохо будет видеть. Поклоняться Проппу стали еще в незапамятные времена, такие незапамятные, что никто и не помнил, что это за Пропп такой и зачем ему следует поклоняться. Много чего знали про Белбога и Чернобога, про Громовика и Мокрую Мокриду, да и про Отсекающую Тени рассказывали немало лишнего; некоторые самолично видели издалека Мироеда, а вот насчет Проппа никто ничего определенного сказать не мог, у него даже жрецов своих не было. Знали только, что жил он на свете семь с половиной десятков лет и установил все законы, по которым идут дела в мире. Законов тоже никто не помнил, хотя исполнялись они неукоснительно.

Жихарь взглянул в лицо идолу, вздохнул:

– И ты такой же! Я ли тебе не жертвовал – и новеллы сказывал, и устареллы!

Пропп ничего не ответил, только вздохнул в ответ и, казалось, хотел бы развести деревянными руками, да были они вытесаны заодно с туловищем и ничего не вышло» [154, с. 22–23].

Почему, например, Пропп? Да потому, что в 1955 г. советская фольклористическая библиотека пополнилась обширнейшей монографией В.Я. Проппа «Русский героический эпос», персонажи которого кажутся сошедшими не из текстов былин, а со страниц очерка Полевого, картин Васнецова, газетных передовиц и экрана кино. Разительный контраст эпосоведческого сочинения Проппа с его прежними работами объяснялся идеологическими проработками конца 40-х – начала 50-х гг., заметно проредившие профессорский состав Ленинградского университета. Травля ученых с нерусскими фамилиями не обошла стороной и Проппа, давшего к тому лишний повод изданной в 1946 году монографией «Исторические корни волшебной сказки». Положительно отрецензированная В.М. Жирмунским в начале 1947 г., спустя несколько месяцев книга Проппа оказалась в центре «партийного поношения» академика А.Н. Веселовского за пристрастия к иноземным сравнениям. Теперь уже, обильно цитируя Сталина, Ленина, Калинина и Жданова, Пропп упрямо начинал свой труд с патриотических великорусских заявлений, а подытоживал его заявлением о том, что, хотя «былинная форма» эпоса прекращает свое существование, «эпос не отмирает, а поднимается на совершенно новую и более высокую ступень»: «Через книгу, печать, школы, вузы и академии эпосы народов СССР становятся всеобщим народным достоянием и будут существовать в таких формах, в каких это было невозможно до революции, когда эпос только вымирал и был объектом замкнутого академического изучения, когда певцы выступали только в городах на эстраде, как редкое зрелище» [34, с. 164–165].

Как видим, в подобного рода стебных текстах выделяется, подчеркивается, проблематизируется какая-то сторона определенная общегруппового комплекса, свойственная «лингвистическому братству»: значение и символы успеха, профессиональной компетентности, современности, социальной вовлеченности, активного идейного самоопределения

в рамках партийной борьбы, гражданской озабоченности, включая жалобы на «положение интеллигенции» и «забвение культуры», сохраняя, по выражению А. Осповата, «невинность собственных слов».

Проникновенно напишет Вл. Новиков в «Романе с языком»: «Не слишком ли легка жизнь филолога? Даже гении испытывали смущение от того, что называют все по имени, отнимают аромат у живого цветка. А мы отнимаем аромат у имен – собственных, нарицательных. Одушевленных и неодушевленных, – и не только не стесняемся этого, но и гордимся, видим себя на какой-то высшей ступени. Может быть, эта арrogантность идет от имперской традиции: Петр и Екатерина, Ленин и Сталин – все они были большими языковедами – и оттого наша профессия неадекватно возвысилась?» [122. с. 112–113].

Но в собственно культурном плане это означало «конец лингвистики» – конец претензий лингвистической общественности на абсолютное право представлять все самое значительное в культуре – будь то история или современность.

Этот феномен связан с вполне конкретными историческими обстоятельствами – периодически повторяющимся распадом и дифференциацией жестко организованного социального целого: научного сообщества, профессионально занимающегося исследованием языка. Эти периоды: начало 50-х гг., середина 60-х и начало 70-х гг., начало 80-х гг., середина 90-х гг. XX века. Ну а символы и персонификации, по словам В.П. Дубина, «образуются из репертуара реальных действующих лиц и воображаемых фигур, подвергающихся ернической пародизации («обстебыванию»)». Один только пример: «С моей легкой руки все мы имели прозвища. Общее для нас было: «ушаковские мальчишки», выдуманное какими-то зоилами, но нам это нравилось, и мы с гордостью носили эту кличку. Вышло как в свое время ироническая кличка «могучая кучка» – не в насмешку, а во спасение. А «внутри» были свои клички и прозвища. Сам Дмитрий Николаевич назывался Шер-Метр, причем обе поло-

вины сего наименования склонялись: Шер-Метр, Шера-Метра, Шеру-Метру..., а ударение притом – конечное. О самостоятельности обеих половин этого «шеронима» свидетельствовал тот факт, что дочь моя Мария, будучи во младенчестве, называла Д.Н. – дедушка Шер. С.И. Ожегов назывался – жидовин Ожиговнр, с эпитетом «бабьскъ ходокъ» в свете его успехов в среде женского пола (по едловой линии Шер-Метр называл его Талейраном). Г.О. Винокур (имевший в более молодые годы сложносокращенное наименование ГригбосВин) назывался Цвятюк, что шло и от его соответствующих качеств, и от реплики Достигаева в «Егоре Булычеве» на сообщение мадам Звонцовой прослушать анекдот: «Это такой цветок!» – «Хорош цвятюк!» У А.М. Сухотина была кличка Феодал, в силу его дворянского воспитания и особых талантов и интересов, иногда возникало и «анларжисман» Феодал-Титькин через песенку: «Сухотин, Сухотин – пташечка...» посредством ступени «Сухотин, Сухотин, Сухотитечькин...», откуда: Сухотитькин и просто Титькин. Р.И. Аванесов прозывался Крупный, так как в одной ведомости на «литербеторное снабжение» (паек по литере Б) Р.И. был поименован «крупный профессор». А.Б. Шапиро именовался Обраменько Борищ (где намек на «Синтаксис» педагога Абраменко, коего как автор учебника заменил А.Б.). При этом фамилия А.Б. склонялась по 1-му склонению: у Шапиры, к Шапире, с Шапирой... М.В. Сергиевский был возведен в шотландский ранг яко: мак-Сим, а я имел два наименования: бытовое – Шерелев и «парадное» – Александр, глаголемый Сукин (по имени одного персонажа «Гистории о Великом князе Московском» А.М. Курбского, о чем я писал «кандидатскую» работу у Д.Н., оканчивая университет» [Язык и личность: 174–178]. «Символические ресурсы при этом, по российским условиям, черпаются в не до конца официализированной идеологии и вместе с тем области, в которую все так или иначе проецируется – в области гуманитарной науки» [66, с. 174].

По мере того, как писался этот очерк, становилось ясно, что помимо классических трудов прошлого просто необходимо включить в круг рассмотрения дополнительно в качестве исходного материала целый ряд других источников: записные книжки и дневники, корреспонденцию, автобиографии и биографии. Ведь только из таких источников можно почерпнуть сведения о том, как ученый в действительности проводил свои исследования, об интеллектуальных и социальных влияниях, сопутствующих им, о случайных находках идей и данных, о заблуждениях, оплошностях, отклонениях от первоначального плана работы и о всяких других эпизодах, которые редко попадают в опубликованные материалы. Рассказ о человеке или рассказ о самом себе это частично рассказ об эпохе [128, с. 3, 18–19].

Удивительно, но попытка написать историю советской лингвистики второй половины XX века началась именно с персоналий. В 1968 году В.Я. Лоя опубликует «Историю лингвистических учений», которую начнет с фразы: «Ни одна наука не может успешно развиваться без изучения своей истории». К концу 60-х в чем-то и советское языкознание уже представляло собой историю. Поэтому автор смог писать о «достижениях советского языкознания». Однако история советского языкознания в его представлении – это история отдельных личностей: Л.В. Щербы, В.А. Богородицкого, Е.Д. Поливанова, Д.Н. Ушакова, М.А. Пешковского, И.Ю. Крачковского, Н.В. Юшманова, Д.В. Бубриха, Я. Эндзелена, Л.А. Булаховского, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова и В.М. Жирмунского. Двое из перечисленных в момент создания книги были живы, еще трое – умерли в начале 60-х. Можно сказать, что В.Я. Лоя по «горячим следам» писал свою историю. Но, как уже было сказано, это была история в лицах. Вот как выглядел фрагмент книги, посвященный В.М. Жирмунскому: «В.М. Жирмунский. Виктор Максимович Жирмунский (род. 1891) – выдающийся советский филолог-германист. В 20-х гг. он выпустил интересные исследования по

поэтике и разработал очень обстоятельный труд о «Фаусте» Гете. В дальнейшем Жирмунский больше работает как языковед-германист, обращая значительное внимание и на немецкий фольклор. Из многочисленных трудов Жирмунского сами главными являются «История немецкого языка» и «Немецкая диалектология» [108, с. 257–258].

Объяснение выбору такого жанра в советской исторической литературе по языкознанию можно «вычитать» из работы И.Е. Аничкова «Очерк советского языкознания» 1973 года: «В советском языкознании положение в буквальном смысле невероятно неблагоприятное. Если описать его, не сказав предварительно о причинах такого неблагоприятия, слушатель или читатель не поверит сообщаемому, заподозрит значительные преувеличения и неточности. Подготовить читателя к тому, чтобы он поверил сообщаемым ему невероятным, хотя и достоверным, фактам, можно только предварительно познакомив его с причинами создавшегося положения. Эти причины начали действовать в ранние годы Советской власти, даже еще в дореволюционное время. Изложение их неизбежно должно принять форму краткого очерка советского языкознания. Пятидесятилетие существования советского языкознания удобно рассматривать по периодам и лицам, каждое из которых одно за другим в тот или иной период играло в нем главную роль. Таких лиц и, соответственно, периодов было четыре: Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов и В.М. Жирмунский. Познакомимся с фрагментами книги, посвященным двум последним языковедам:

«Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) имел секрет и представляет проблему. Секрет его состоял в следующем: будучи по национальности евреем, он в ранней молодости, еще в дореволюционные годы, стал православным по убеждениям и до самой смерти оставался в какой-то мере православным, что не мешало ему с самого октября всегда быть по отношению к Советской власти вполне лояльным. Проблема,

которую он представляет, такая: был ли он литературоведом или языковедом или как тем, так и другим? Эта проблема решается следующим, непредвиденным образом: он был крупным литературоведом, на определенном этапе своего научного поприща поставившим перед собой цель переключиться на языковедение, но, хотя и достигшим этой цели видимым образом, по существу потерпевшим тут неудачу и грамотным языковедом не ставшим. Избранная им литературоведческая тема и его обращение в православие были взаимосвязаны. Он специализировался по теме «немецкий романтизм», который он трактовал широко и глубоко, с охватом его религиозного характера, его влияния на русское славянофильство в широком смысле, включающее Тютчева и Достоевского, воспринимавшееся им (не строго правильно) как наш русский романтизм, и на более поздний русский символизм, вершиной которого он справедливо признавал Александра Блока <...> Главная лингвистическая работа его – «Учебник истории немецкого языка» – страдает очень существенными недостатками. Лжелингвист И.И. Мещанинов написал на нее положительную рецензию. Другая лингвистическая работа, точнее, серия работ его, посвященная описанию имевших распространение на территории Советского Союза диалектов немецкого языка, по отзывам компетентных специалистов, составлена небрежно, неоригинальная и не является надежным источником по немецкой диалектологии. Хотя В.М. Жирмунскому и удалось видимым образом достигнуть поставленных им перед собой целей, он в лингвистике не только не сумел послужить науке и принести общественную пользу, но невольно принес прямой и большой вред, впад в дурной историзм и способствовал насаждению у нас пассивного и неэффективного грамматико-переводного метода преподавания иностранных языков <...>

Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969), в 1951 году стал преемником И.И. Мещанинова на постах директора Института языка и мышления им. Н.Я. Марра, переиме-

нованного в Институт языкознания, и академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР. На первом из этих постов он оставался до 1957 г., на втором – до 1963 г. Он был русистом, историком русского литературного языка. Его работы в этой области – из них основная «Очерки по истории русского литературного языка XVI–XIX вв.» (1934 г.), – получили положительную с оговорками оценку компетентных специалистов. Но он выступил неудачно в ролях открывателя новых частей (и, по его терминологии, «частиц») речи русского языка – «категории состояния», «модальных слов», «частиц в узком смысле» и «связок» – и основателя «русской фразеологии». В.В. Виноградов был деятелем ануки трудоспособным, одаренным воображением и умом восприимчивым, но не по-настоящему проницательным. Творческой, или подлинно научной, инициативой он обладал не в большей мере, чем Н.Я. Марр. До выступления Сталина против Марра он, хотя и не выдавал себя за марриста, объявлял Марра замечательным лингвистом и обильно ссылался не только на Марра и на Мещанинова, но также на С.Д. Кацнельсона и на Р.А. Будагова. После 1950 г. он очень быстро нашел общий язык с «покаявшимися» бывшими крайними марристами и выступал в печати в соавторстве с Р.А. Будаговым и с В.Н. Ярцевой. Его сближала с бывшими марристами, в частности, общая вражда к идиоматике. Идиоматика была несовместима с предложенной им «фразеологией», представлявшей вариант раздела науки о языке, условно намеченного под этим названием швейцарским лингвистом Шарлем Балли <...> Будучи с 1951 г. до своей смерти (в 1969 г.) главным редактором журнала «Вопрос языкознания», В.В. Виноградов позаботился о том, чтобы из ряда статей, предложенных в журнал автором этих строк, ни одна не была в нем напечатана <...> Единственным принципиально важным, хотя и не отрадным, событием, происшедшим в последнее десятилетие в жизни В.В. Виноградова, затронувшим советское языкознание в целом,

была состоявшаяся в 1960 г. всецело ошибочная полная реабилитация как ученого-лингвиста И.И. Мещанинова. Вспоминая об этом событии, надо заметить, что активную роль сыграли не В.В. Виноградов, а В.М. Жирмунский и В.А. Аврорин, совместно выступившие как редакторы напечатанного к 75-летию И.И. Мещанинова под заглавием «Вопросы грамматики» сборника статей и как авторы вступительной статьи к этому сборнику [12, с. 420–435].

Как видим, история идей – это не только история проблем, поисков, находок и решений, но и история имен. Эта история многопланова и многожанрова. В ней есть и «выяснение отношений», довольно нелицеприятные. Такое мне встретилось у Г. Гачева: «Мой вурдалак. О М. Эпштейне с комментариями. Комментарий 1 (23.7.94.): Эпштейн Михаил Наумович – молодой и талантливый литературовед и культуролог. В 70-е годы пасся в моих рукописях: все нахваливал и просил еще дать почитать и... ксерокопировал. А потом глядь – по всем моим темам пошел печататься: и о национальном в культуре, и перекресток между гуманитарностью и естествознанием, и жанр «жизнемыслей» («Дневник отца» издал за границей). И все-то у него в товарной форме и проходимо в печать, а у меня – расхристанно и в себя, в отчаянии печататься. Так и чую: вот мой Эдип, призванный отменить меня в культуре. К 1991 году уже три года в США, и сейчас там совсем укрепился.

Комментарий 2 (24.2.98.): Теперь благодуще думаю об Эпштейне. «У Бога обителей много», всем есть место в Духе, не тесно там. Да и у меня стали книги выходить, так что след и от меня останется. Ну и – постарел я, ослабла и гневливость... Однако «строк постыдных не смываю» (как Толстой ошибся, цитируя последний стих пушкинского «Воспоминания»).

Основная запись (28.IX.91.): Ну, смерть моя! Эпштейн снова впился! Вчера часов в семь вечера звонок – и сладенький такой голосок: – Георгий Дмитриевич? Это Миша Эпштейн... Это Юз дал ему мой телефон: хочет, чтобы тот устроил мне пригла-

шение в его университет – в Атланту, на Юге, с лекцией выступить. И вот начал этот меня расспрашивать – обкладывать, как волка флажками-вопросами, разузнавать: печатаю ли я и что, и почему не идет? А «Русский Эрос»? А «Зимой с Декартом»?

– Да нет, – говорю. – Большие вещи сейчас не идут.

А когда узнал, что вышла «Русская Дума», – прямо как взвился в течке-охоте:

– Ой! Не могли ли бы Вы прислать по почте? Я Вам оплачу. Это поможет и приглашению – убедить коллег... А я как раз готовлю курс по русской философии...

– Высосет, блядина! Знает, у кого насосаться идей и образов. И не сошлет... Так и чувствовал, что прицельно спрашивает: разузнает мои силы и когда я концы отдам. Очень доволен был, когда я меланхолически сболтнул, что мое акме уж позади.

– А когда Ваше акме было?

– Лет в 35–50.

Облизывается: он как раз в такой возраст входит.

– А выходит ли у Вас что-нибудь по-английски?

– Да нет, меня трудно переводить – Вы знаете...

И доволен: у него-то все тут идет, на мази. Сидит на компьютере, шпарит эссе за эссе – и печатает свои миниатюрки, по мерке рынка и по потребе мозгов нынешних.

Потом не мог заснуть; а проснувшись в ночи, первое вонзание сознания снова – «Эпштейн!», – и пришлось читать, чтоб заснуть. И то не мог. Так что подрочить еще пришлось – на девку из «Плейбоя», что Юз мне будто для этого дела подкинул. Хотя не мой жанр – нынешние поджарые лианы. Правда, с пышными грудями – такое ныне в моде сочетание у фрукта-плода женского...

Понимаю, как вурдалак-упырь присасывается и сосет кровь – и вся жизнь из тебя выходит. Так и этот – нетопырь.

Ишь, торопится по почте мою книгу получить: мол, поможет объяснить там, что меня пригласить должно... – хотя

тут же сказал, что приглашение делается долго: месяцы, а то и год-два...

Ой, противно! Зараза вошла – и нужно мне это: еще на него тут тратить силы ума и слова, и чувства души?

Юз позвонил – ему выпалил эту свою отраву. Зовет на рынок проехаться через час. Хорошо. Я как раз Эпштейна пропишу.

Ты жизнемыслями сокращаешь себе жизнь – вдвое: мало того, что вчера час с этим хитрым делом имел, – так еще и сегодня на него час потратишь, записывая!..

Верно. Но и освобожусь так – Бог поможет. Гигиена души – очищение через писание.

Пришлось мне говорить ласково и вежливо. Поздравлял его с тем, что так вовремя ускользнул из нашего русского поля: уже два года на Западе, в Америке, с семьей, хотя и там, в Москве, квартиру все сохраняет: как бы на работе тут бессрочной. И поздравлять его с тем, что так удачно: тема русско-американских сравнений сейчас на гребне интереса – и ему тут все карты в руки.

– Да, – довольно подтвердил он.

И думаю: бедная, униженная, оплеванная Россия – теперь предмет для упражнений культурологических, очень уместных и доходных, для вот самозванцев русских – евреев-эмигрантов из России. Они ж тут проходят как русские и знатоки России» [52, с. 328–329].

По мере приближения к концу столетия подобная нелюбезная межличностная инвективность в отношениях между учеными-лингвистами становится все более откровенной, переходя с уровня исповедальной и дневниковой прозы на уровень официальный, попадая в научный текст, в текст монографий. Например у Михаила Вайскопфа в его книге «Сюжет Гоголя»: Несколько примитивные прибавления к данной теме (т.е. гоголевской – В.Б.) обнародовал недавно В. Кривонос. Впрочем, о качестве этой работы – да, кстати, и любых других произведений В. Кривоноса – я предпочитаю не распространяться из сострадания к автору» [44, с. 174].

Время неумолимо, оно движется вперед, унося с собой не только мелкое и частное, но зачастую нечто важное и значимое, что не должно исчезать из жизни. Наверное, поэтому в 2011 г. В.И. Шаховский опубликовал книгу под названием «Отечественная лингвистика в лицах». Вот лишь один фрагмент: «Многоплановый, толерантный профессор – Владимир Григорьевич Гак <...> Я знал, что В.Г. Гак заведует кафедрой французского языка в Московском городском педагогическом институте им. В.И. Ленина, здание которого располагалось на улице Пироговская. Одна из моих статей, которая должна была выйти в журнале «Иностранные языки в высшей школе», рецензировалась Владимиром Григорьевичем Гаком. Статья задерживалась, не принималась к публикации именно потому, что он не успевал оформить свой отзыв. И когда в очередной раз я приехал в Москву и зашел в редакцию этого журнала, Б.А. Лапидус мне сказал, что у В.Г. Гака готова положительная рецензия на мою статью, но мне нужно съездить к нему домой, чтобы привезти рецензию в редакцию. Так я впервые познакомился с Владимиром Григорьевичем. <...> Меня всегда очень удивляло, как московские преподаватели, профессора принимали меня – периферийного, неизвестного преподавателя из какого-то пединститута. Это было, с одной стороны, лестно, а с другой стороны, ответственно. Ведь радушный прием мне оказывался потому, что так было принято, был такой стиль тогдашней московской профессуры и тех людей, о которых я пишу в данной книге. <...> Владимир Григорьевич взял мою диссертацию, полистал ее и сказал: «Оставляйте, буду читать». Отзыв, который он дал на мою работу, был положительный. Но с ним повторилась та же ситуация, что и с рецензией на статью в «Иностранных языках в высшей школе». Владимир Григорьевич действительно был перегружен работой и не успевал оформлять все свои рукописи рецензий самостоятельно, тем более, что тогда компьютеров не было, и это всё надо было делать на машинке. Он отдал мне рукописный вари-

ант отзыва, который я напечатал, заверил и сдал в Диссертационный Совет. <...> У меня остались очень добрые и теплые воспоминания о Владимире Григорьевиче. Я горжусь тем, что его жена Хосесина и после его смерти общалась со мной через письма, в которых она упоминала, что Владимир Григорьевич отзывался обо мне всегда очень хорошо...» [167, с. 51–56].

И вот тут самое время задуматься о разнице между учениками и последователями. В 2004 году В.В. Биbihин запишет в своем дневнике воспоминаний о А.Ф. Лосеве: «учеников он не оставил». Об отсутствии учеников у Ю.М. Лотмана будет писать Р.М. Фрумкина: «Незадолго до своей кончины Ю.М. Лотман писал, что у него нет учеников. Я думаю, что у Юрия Михайловича учеников и не могло быть... Чтобы иметь последователей, мало с кафедры предлагать идеи, которые имеют шанс быть подхваченными теми, кто сидит на ученической скамье. Надо еще, чтобы эти идеи были изначально поняты адекватно замыслу Учителя. Чтобы они были развиты прежде, чем успеют устареть. Чтобы будущие ученики не использовали эти идеи для пущей важности и самоутверждения ради, со ссылками наподобие: «Еще мой учитель говорил, что Волга впадает...». Дело в том, что легче всего профанируются именно самые красивые, самые неожиданные идеи...» [161, с. 157].

К сожалению, в отечественной науке о языке были и остались непопулярными попытки проследить собственные истоки – не в смысле перечня великих имен и отсылок типа «еще Выготский...Бахтин...Тынянов» и т.п. Но несомненно, что мы не привыкли изучать сложные процессы рецепции идей, высказанных нашими знаменитыми предшественниками – неважно, Выготским, Якобсоном или Лотманом. Конечно, классическое наследие продолжает потихонечку развиваться и дорабатываться, но теперь по отношению к нему проявляется некий синдром усталости, как скажет У. Эко [171, с. 22].

Можно ли на этом пока завершить рассказ о советской лингвистике второй половины XX века? Наверное, да. Глав-

ное – как его красиво завершить? Возможно, так. В.В. Бибихин (28.04.2004): «Дом, библиотека, дело Лосева словно горят; оставленное им сжигают, и у меня восторг пожара. Дело не движется, учеников он не оставил, привязанные к нему теперь не бескорыстны. Сережа¹ говорит: это признак общего конца». Чуть раньше. А.Ф. Лосев (23.06.1974): «Происходят периодические катастрофы мира; ну так что же, мир сгорит, зато потом из пламени возникнет новым мир...»

Чуть позже. А.Б. Бушев (01.07.2013) специально для нашей Антологии подготовит материал, названный им – случайно или неслучайно? – «Догорает эпоха».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Достижения советского языкознания в области русской диалектологии// Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XVII (1958 г.). Вып. 1.

2. Авдеенко А.О. Над Тиссой (из пограничной хроники). М.: Детгиз, 1954.

3. Актуальные проблемы советского языкознания 1982–1986 гг./отв. ред Ф.М. Березин. М.: ИНИОН АН СССР, 1987.

4. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. Сборник обзоров / Отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН РАН, 1997.

5. Акунин Б. Ф.М.: Роман. М.: ОЛМА-Пресс, 2006.

6. Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991.

7. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 1999.

8. Алпатов В.М. Что такое Московская лингвистическая школа? // Московский лингвистический журнал. 2001. Т.5. № 2.

9. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.

¹ В.В. Бибихин так именует С.С. Аверинцева.

10. Алпатов В.М. Лингвистические идеи Г.А. Климова // Вопросы языкознания. 2009. № 3.
11. Алпатов В.М. Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5.
12. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997.
13. Антология феноменологической мысли в России / Сост., общ. ред, предисл. и коммент. И.М. Чубарова. М.: Логос, 1997.
14. Анфертьева А.Н. Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра (электронный ресурс <http://iling.spb.ru/history/anfer.html>)
15. Апресян Ю.Д. О Московской семантической школе// Вопросы языкознания. 2005. № 1.
16. Ахмеров К.З. Языкознание в Башкирии // Вопросы языкознания. 1953. № 3.
17. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов». М.: Наследие, 1994.
18. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М.: Наука, 2002.
19. Базылев В.Н. Нужно ли писать в конце XX века историю языкознания СССР (филологический прелюд) // Язык. Сознание. Коммуникация сборник научных статей филологического факультета МГУ. Вып. 14. М.: МАКС-Пресс, 2000.
20. Базылев В.Н. Традиция, мерцающая в толще истории// Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания: антология. М.: Academia, 2001.
21. Базылев В.Н. Лингвистические повороты (эпистемологическое эссе)// Ученые записки Ульяновского ГУ. Сер. Лингвистика. 2002. Вып. 1(7).
22. Базылев В.Н. Лингвокогнитивный поворот 80-х: «новояз» или «новодел» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума: в 2 ч. Ч.1. Волгоград: Перемена, 2003.

23. Базылев В.Н. Историография: ее место в структуре современных лингвистических исследований // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: межвузовский сборник научных трудов. Бийск: Бийский ГПУ им. В.М.Шукшина, 2008.

24. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века. Традиции и новации: монография. М.: Изд-во СГУ, 2009.

25. Барбаре Д.К. Латышское советское языкознание за 30 лет. Рига: Ювента, 1976.

26. Белецкий А.И. Наука и схоластика // А.И. Белецкий. В мастерской художника слова. М.: Высшая школа, 1989.

27. Березин Ф.М. История советского языкознания: хрестоматия. М.: Высшая школа, 1981.

28. Березин Ф.М. История языкознания и историография языкознания // Язык: теория, история, типология. М.: Эдиторал УРСС, 2000.

29. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.

30. Биbihин В.В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

31. Библиография библиографий по языкознанию. Аннотированный систематический указатель отечественных изданий. М.: Государственная библиотека им. В.И. Ленина, 1963.

32. Богданов К.А. От первоэлементов Н.Я. Марра к мичуринским яблокам. Рациональность и абсурд в советской науке 1020–1950-х гг. // Абсурд и вокруг: сборник статей/отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004.

33. Богданов К.А. О крокодилах в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

34. Богданов К.А. Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

35. Богданова О.В. Полипараметрическое исследование ядра лексической системы французского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский ГУ, 2003.

36. Бойм С. Общие места. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
37. Борисова Е.Г. О «кризисе лингвистики» // Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1.
38. Брейдо Е.М. Между старым и новым // Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1.
39. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998.
40. Брячихин А.М. Автобиография префекта. М.: ЗАО СП Контакт РЛ, 1999.
41. Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М.: Наука 1978.
42. В научном поиске: к 50-летию Института истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа: Башкирский филиал ИЯ АН СССР, 1982.
43. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
44. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М.: РГГУ, 2002.
45. Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2001.
46. Веллер М. Легенды Невского проспекта. СПб.: Пароль, 2004.
47. Вопросы социолингвистики. Материалы советских социолингвистов к XII всемирному конгрессу социологов / Отв. ред. К.В. Бахнян. М.: ИНИОН РАН, 1990.
48. Гамкрелидзе Т.В. Р.Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3.
49. Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте переломной эпохи) // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука: Восточная литература, 1993.

50. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

51. Гаспаров М.Л. Взгляд из угла // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

52. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.

53. Голявкин В.В. Большие скорости: роман, рассказы. М.: Советский писатель ЛО, 1988.

54. Гончарова В.В. (2012) Особенности современного документального потока в области лингвистики // электронный ресурс: http://libconfs.narod.ru/2002/8s/s8_p8.htm

55. Горбаневский М.В. В начале было слово. Малоизвестные страницы из истории советской лингвистики. М.: Издательство УДН, 1991.

56. Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М.: Наука, 1993.

57. Гуськова А. В.В. Виноградов и дело «русских фашистов» // Наш современник, 1995. № 1.

58. Гуцул Л.А. Молдавское советское языкознание. Кишинев: Штиинца 1975.

59. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания. М.: Флинта: Наука, 2009.

60. Десницкая А.В. Вопросы типологии предложения и проблема происхождения номинативного строя индоевропейских языков в исследовании советских лингвистов (Глава из истории советского языкознания) // Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, ЛО, 1984.

61. Десницкая А.В. (2004) 50 лет академического лингвистического института (электронный ресурс <http://iling.spb.ru/pdf/des/004des.html>)

62. Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и в борьбе. М.: Палея, 1995.

63. Добренко Е. (2013) Споря о Марре // Новое литературное обозрение. 2013. № 119 (электронный ресурс <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/d36.html>)
64. Довлатов С. Старый петух, запеченный в глине. М.: Локид, 1997.
65. Дружинин П.А. Идеология и филология. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 592 с.
66. Дубин Б.В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: с социологии культурного перехода // Слово-письмо-литература: очерки по социологии современности. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
67. Ермолаева Л.С. Мирра Моисеевна Гухман (машинописная рукопись из архива автора).
68. Ерофеев В.В. Последний русский философ. Лабиринт. М.: Зебра Е, 2006.
69. Еськова Н.А. Популярная и занимательная филология. М.: Флинта: Наука, 2004.
70. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Академический проект, 1995.
71. Жовтис А.Л. Непридуманые анекдоты: из советского прошлого. М.: Изд-во ИЦ-Гарант, 1995.
72. Жолковский А.К. Мемуарные виньетки. М.: Изд-во журнала «Звезда», 2000.
73. Жолковский А.К. (2004) О Мельчуге (электронный ресурс: <http://pco.iis.nsk.su/simics/informatics/fet/zholkov.htm>)
74. Жубанова А.А. Современное состояние и перспективы изучения и преподавания истории казахстанского языкознания // Вестник ПГУ. Серия филологическая. 2008. № 4.
75. Жубанова А.А. Грамматические концепции в казахстанской лингвистике XX века: динамика, структурирование, связи: монография. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2010.
76. Журавлев В.К. Язык, языкознание, языковеды. М.: Наука, 1991.

77. Земская Е.А. О Московской школе функциональной социолингвистике // Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004.
78. Зубкова Л.Г. Из истории языкознания. Общая теория языка в аспектизирующих концепциях. М.: УДН, 1992.
79. Иванов Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
80. Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (*Воспоминания*) // Звезда. 1995. № 1, 2, 3.
81. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 6: История науки. Недавнее прошлое (XX век). М.: Знак, 2009.
82. Из истории отечественной филологической науки: тезисы докладов конференции (Москва, декабрь 1994). М.: Институт языкознания РАН, 1994.
83. Из работ московского семиотического круга/сост. и вступ. ст. Т.М. Николаевой. М.: Языки русской культуры, 1997.
84. Кайдаров А.Т. Основные вехи развития лингвистической мысли Казахстана за 60 лет // Известия АН Каз. ССР. Серия филологическая. 1977. № 1.
85. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981.
86. Касавин И.Т. Познание в мире традиций. М.: Наука, 1990.
87. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса/предисл. Ю.С. Степанова. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999.
88. Кельмаков В.К. Удмуртское языкознание: краткий очерк. Ижевск: Удмуртский ГУ, 1990.
89. Кибрик А.Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов // Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1.
90. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.

91. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999.
92. Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб.: СПбГУ, 2003.
93. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
94. Красиков В.И. Человеческое присутствие. М.: Гриф и К, 2003.
95. Красухин К.Г. Школа, не попавшая в струю (машинописная рукопись из архива автора).
96. Кронгауз М. (2003) Лингвистика и беллетристика// Русский журнал. 22.05.2003 г. (электронный ресурс http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20030522_mk.html)
97. Крысин Л.П. Персоналии// Крысин Л.П. Русское слова, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2005.
98. Крысин Л.П. (2010) Прошлое и настоящее российской лингвистики (электронный ресурс: <http://polit.ru/article/2010/11/16/krysin/>).
99. Кто есть кто в кавказоведении: биобиблиографический словарь-справочник/сост. М.Е. Алексеев. М.: Academia, 2000.
100. Кузнецова А.И. Международные конгрессы как зеркало лингвистической жизни// Филология на рубеже XX–XXI веков: тезисы докладов международной конференции, посвященной 80-летию Пермского университета. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1996.
101. Лаптева О.А. Становление (машинописная рукопись из архива автора).
102. Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М.: Наука, 1988.
103. Леонтьев А.А. Была ли господствующая идеология марксистской? // Из истории отечественной филологической науки: тезисы докладов конференции. М.: ИЯ РАН, 1994.
104. Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы международной конференции. М.: МГУ, 1995.

105. Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
106. Линс У. Опасный язык. Книга о преследовании эсперанто. М.: Права человека, 1999.
107. Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994.
108. Лоя Я.В. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1968.
109. Любимов Н.М. Лингвистические мемуары. М.: Изд-во «Крус», 1994.
110. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. и коммент. Я.В.Василькова, М.Ю.Сорокиной. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.
111. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. М.: Наука, 1992.
112. Максютова Н.Х. Языкознание в Башкирии // Вопросы языкознания. 1967. № 5.
113. Методологические проблемы истории языкознания: реферативный сборник / Под ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН АН СССР, 1974.
114. Московско-тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления / Сост. С.Ю. Неклюдова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
115. Московский методологический кружок в лицах / Сост. М.С. Хромченко. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006.
116. Налимов В.В. Испытание Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. М.: Водолей, 2002.
117. Некоторые аспекты исследования языка в советской лингвистике 1977–1981 гг. М.: ИНИОН АН СССР, 1981.
118. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке. М.: Флинта, 2008.

119. Неретина С.С. Тропы и концепты. М.: Институт философии РАН, 1999.
120. Никитин О.В. История лингвистической науки 1930–1960-х гг. (переписка С.А. Копорского с коллегами) // Вопросы языкознания. 2002. № 5.
121. Николаева Т.М. Лингвистика на исходе XX века // От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.
122. Новиков В. Роман с языком. Три эссе. М.: Аграф, 2001.
123. О важнейших результатах научно-исследовательской работы в области филологии в 1980 г.: реферативный обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1981.
124. Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / Под ред. А.А. Реформатского. М.: Наука, 1965.
125. Общее и прикладное языкознание. Библиографический указатель с 1936 по 1967 гг. / Сост. А.А. Реформатский, Р.Р. Мдивани. М.: Наука, 1972.
126. Общее и прикладное языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР в 1968–1977 гг.: Вып. 1–13 / Сост.: Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат. М.: ИНИОН АН СССР, 1981–1986.
127. Общественные науки в СССР: Языкознание. № 1 / Отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН АН СССР, 1979.
128. О коллегах и товарищах: московские востоковеды 60–80-х годов. М.: Наука: Издательская фирма «Восточная литература», 1994.
129. Ольшанская Е., Богуславский И., Иомдин Л. (2004) Машинный перевод (электронный ресурс: <http://archive.svoboda.org/programs/civil/2004/civil.012104.asp>).
130. Паперный В. «Культура два». М.: Новое литературное обозрение, 1996.
131. Педагогическая поэма создателей: 70 лет Московскому областному педагогическому институту им. Н.К. Крупской. М.: Современные тетради, 2001.

132. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
133. Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М.: Лабиринт, 1998.
134. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.: Рэфл Бук, 2001.
135. Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. Сборник обзоров и рефератов/отв. ред. член-корр. В.Н. Ярцева. М.: ИНИОН РАН, 1992.
136. Ревзин И.И. Воспоминания // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки русской культуры, 1997.
137. Рейтблат А. Почитать или продолжать? // Новое литературное обозрение. 1996. № 18.
138. Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
139. Романенко А.П. Советская словесная культура. М.: Едиториал УРСС, 2003.
140. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997.
141. Сартбаев К.К. Языковедение в Киргизии: Краткий очерк. Фрунзе: Илим, 1985.
142. Семенов М.Г. Голова дракона: фельетоны, рассказы, очерки, басни в прозе. М.: Советский писатель, 1982.
143. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983.
144. Слюсарева Н.А., Страхова В.С. История языкознания. Вып. 7.: Советское языкознание. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1976.
145. Советская жизнь. 1945–1953/сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2003.
146. Советское языкознание за 50 лет/отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Издательство «Наука», 1967.
147. Соколов М.Ю. Чуден Рейн при тихой погоде. Новые разыскания. М.: Русская панорама, 2003.

148. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
149. Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / Сост. Ф.Д. Ашнин. М.: Наука, 1965.
150. Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания: антология / Сост., предисл. и коммент. В.Н. Базылев / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001.
151. Сусов И.П. История языкознания. М.: АСТ, 2006.
152. Ураксин З.Г. Развитие башкирского языкознания за годы советской власти // Советская тюркология. 1972. № 2.
153. Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В.Ю. Розенцвейг // Wiener Slawistischer Almanach. 1992. Sonderband 33.
154. Успенский М. Там, где нас нет. СПб.: Азбука, 2001.
155. Филологические исследования в Удмуртии. Ижевск: Удмуртский ГУ, 1977.
156. Филологические науки в Украинской ССР. Сб. рефератов. Киев, 1990.
157. Филологический факультет Московского университета: очерки истории/под ред. М.Л. Ремневой. М.: Издательство Московского университета, 2001.
158. Филология на рубеже XX–XXI веков. Тезисы Международной научной конференции / Гл. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1996.
159. Фрумкина Р.М. «Куда ж нам плыть?»// Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1.
160. Фрумкина Р.М. О нас – наискосок. М.: Русские словари, 1997.
161. Фрумкина Р.М. Внутри истории: эссе, статьи, мемуарные очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
162. Фундамент и этажи: выступления участников круглого стола по истории ОСИПЛа // Знание – сила. 1989. № 6.

163. Чередниченко Т. Россия 1990-х. Актуальный лексикон истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
164. Чернявская В.Е. Нетолерантность в науке, или Когда научное открытие становится несвоевременным // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Е.А. Баженовой. Вып. 12. Пермь: Пермский ГУ, 2008.
165. Чикобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания. М.: Учпедгиз, 1959.
166. Чудакова М. Обвал поколений // Новое литературное обозрение. 2006. № 77.
167. Шаховский В.И. Отечественная лингвистика в лицах. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
168. Шейнин Л.Р. Записки следователя: Рассказы. М.: Художественная литература, 1980.
169. Шишкина Л.С. Язык как естественная модель становления целого // Синергетика и методы науки: сб. ст. СПб.: Наука, 1998.
170. Штайн К.Э. Культурное достояние России: пермская научная школа функциональной стилистики // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7 / Под ред. М.П. Котюровой. Пермь: Пермский ГУ, 2004.
171. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: «Александрия», 2007.
172. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Издательство политической литературы, 1964.
173. Югов А.К. Думы о русском слове. М.: Современник, 1972.
174. Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М.: Наука, 1984.
175. Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира: энциклопедия: в 3 т. М.: Советский писатель, 2000.

176. Юдакин А.П. Славянская энциклопедия: в 3 т. М.: Советский писатель, 2005.
177. Язык и личность. М.: Наука, 1989.
178. Язык и наука конца 20 века: сборник научных трудов / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995.
179. Ямпольский М. Беспмятство как исток. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
180. Gipper H. Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit in der Geschichte der Sprachwissenschaft//Logos Semantics. *Studia Linguistica in Honorem Eugenio Coseriu*/ eds. H. Geckeler, B. Schlieben-Lange, J. Trabant, H. Weydt. Berlin-New York, 1981.

ЧАСТЬ 2. АНТОЛОГИЯ

В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ¹

Раздел 1. Чему нас учит история науки о языке?²

Будагов Р.А. Чему нас учит история науки о языке (печатается с сокращениями по изданию: Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX–XX вв. Из истории лингвистических учений. М.: Наука, 1988. С. 286–317).

С первого взгляда, кажется, что на поставленный здесь вопрос ответить нетрудно. В действительности, – очень трудно. В самом деле: для чего нужна история науки, если наука уже существует? Чему может научить история, если сама история – достояние прошлого? Нужно ли знать старую науку, если все мы – современники «новой науки о языке», и что означает здесь «новое» на фоне «старого»? Вот лишь некоторые вопросы, которые должны быть итогом всего предшествующего изложения <...>. В последующих строках речь пойдет только об общих проблемах истории науки о языке <...> По целому ряду причин, проблемы лингвистической историографии стали актуальными именно в наше время. Дело в том, что в середине текущего столетия в связи с развитием различных структурных методов изучения языка многие ученые стали утверждать, что «старая лингвистика» совершенно устарела и никому больше не нужна <...>.

¹ Аллюзия на строки из песни времен Гражданской войны.

² Название одной из статей Р.А. Будагова, приводимой в Антологии.

Многим все еще кажется, что современность «снимает» прошлое, что первое несовместимо со вторым.

В чем специфика лингвистической историографии, в чем ее особенности и чему она учит? Отметим, прежде всего, что не существует общепринятой, хотя бы в какой-то мере, периодизации и классификации истории науки о языке. Часто, например, можно встретить такое деление: лингвистика до Соссюра и лингвистика после Соссюра. При всем значении Соссюра и его «Курса общей лингвистики» в истории науки все же остается неясным подобное противопоставление «до и после» <...>. В мировой науке о языке сейчас имеются и «чистые теоретики», которых мало интересует конкретный материал разных языков, и «чистые практики», на лицах которых всякий раз появляется улыбка, когда они узнают о горячих спорах, посвященных природе языка и его многообразным функциям. Истина не сводится к автоматической середине: взять немного от «чистых теоретиков» и немного от «чистых практиков». Лингвистика нашего времени нуждается в таких тщательных конкретных исследованиях, которые были бы глубоко осмыслены со строго определенной теоретической и методологической позиции. Такая позиция должна определяться истолкованием языка, прежде всего, как «действительного реального сознания», как «непосредственной действительности мысли». Все остальное во многом будет зависеть именно от этого <...>.

В еще более сложном положении оказались наука о языке и ее историография в середине нашего столетия. В лингвистике стали складываться такие направления, о которых уже трудно говорить как о направлениях в пределах одной науки. Во многих странах стали появляться публикации, сообщающие о разных лингвистических науках (науки – во множественном числе), о том, что лингвистика раскололась, в результате чего возникли несходные научные дисциплины, нередко не имеющие между собой ничего общего <...>.

Перелом произошел не сразу, но в лингвистике он явно обозначился к 60–70-м годам нашего столетия. Такие лингвисты уже советской эпохи, как М.Н. Петерсон, П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский, связаны с фортунатовским направлением, а такие ученые, как В.В. Виноградов, Л.П. Якубинский, И.И. Мещанинов, В.М. Жирмунский, В.И. Абаев, Г.О. Винокур, Ф.П. Филин, – со вторым (идущим от А.А. Потебни) направлением.

Разумеется, прямолинейное противопоставление несколько упрощает реальную действительность науки, но в целом оно справедливо, так как объясняет сущность разных направлений в истории науки. Не считается с этим историк науки не имеет никакого права <...>. Проблема классификации различных современных направлений в лингвистике весьма осложняется еще и тем, что многие лингвисты выдвигают принцип эклектичности (все направления одинаково хороши, все они прогрессивны, все они в равной степени перспективны, все они автоматически дополняют друг друга), как принцип будто бы вообще характерный для современной науки. Не так давно, в частности, появилась статья под названием «Неуязвимость американской лингвистики», автор которой видит подобную «неуязвимость» в способности американских ученых соединять в науке, казалось бы, несоединимое в единое целое – механистическую концепцию Блумфилда и менталистические построения Фосслера, Шпитцера и Хомского. Но ведь каждому, мало-мальски образованному филологу хорошо известно, что Блумфилда «соединить» с Фосслером невозможно, так как их исходные теоретические позиции не имеют ничего общего, а методика изучения языков буквально ни в чем не соприкасается. Больше того: одна методика исключает другую, одна методология опровергает другую.

Между тем подобная эклектика, по мнению автора статьи (а он имеет многих союзников), обеспечивает американской лингвистике неуязвимость. Мы, дескать, против всякой «односторонней» философии. Все философские «подходы» к языку

одинаково хороши. Мы плюралисты, а не марксисты. Думается, что здесь-то и обнаруживается уязвимость тех американских ученых, которые разделяют подобные взгляды (к счастью, их разделяют не все специалисты).

Разумеется, XX век, в особенности его вторая половина, внес много нового и интересного в науку о языке, как и во многие другие науки. Коммуникативная функция языка приобрела универсальное значение и распространение. Образовались новые области в самой науке о языке, такие, например, как инженерная лингвистика, теория и практика машинного перевода с одного языка на другой (первые опыты в этой области относятся к 1946 г. и имеют, таким образом, уже сорокалетнюю давность). Возросла роль всевозможных технических ресурсов языка. Вместе с тем создание искусственных языков (кодов), при всем их значении в нашу эпоху, должно вестись с учетом принципиального различия между природой естественных языков человечества и природой кодовых построений, преследующих, прежде всего, технические цели. Нельзя забывать об этом различии: естественный язык любого народа – это его духовное достояние, искусственный язык – техническое устройство, выполняющее определенное задание, сколь бы ни было оно само по себе важным и значительным.

Об этом приходится думать, так как отмеченное различие далеко не всеми учитывается. Лингвистическая историография не может пройти мимо подобных вопросов <...>.

Поиски универсального критерия, который отделяет современную лингвистику от ее прошлого состояния, весьма часто приводят к ошибочным заключениям, противоречащим элементарным фактам.

Утверждают, например, что вся лингвистика XX века отличается от прошлого ее состояния, прежде всего, тем, что «структура языка стала господствовать над единицами языка. Но так ставить вопрос вообще нельзя: структура языка не может существовать без единиц, ее образующих и ее формирующих <...>.

Все это имеет прямое отношение и к историографии. Поиски критерия, отделяющего лингвистику XX в. от ее предшествующих состояний, часто приводят к весьма неточным или даже несостоятельным утверждениям. Сколь бы ни было значительным открытие системного характера языка, оно не должно приводить к ошибочным утверждениям, которые противоречат элементарным фактам <...>.

Нельзя не считаться и с тем, что в лингвистике, как и в любой науке, есть вечные проблемы, которые нельзя исчерпать, ибо они безграничны и обновляются в каждую новую эпоху. Таких проблем много. К ним, в частности, относятся: взаимодействие языка и общества, языка и мышления, формы и значения. Поэтому несостоятельными оказываются утверждения, согласно которым перечисленные проблемы будто бы устарели: они «заменяются» коммуникативными аспектами языка <...>.

Все направления современной лингвистики всегда обязаны помнить о практике, о том, что они дают практике. В этом случае практика – это не только производство и техника, но и вся культура народа, истолкованная в самом широком смысле. Культура же народа во многом опирается на культуру родного языка, выразителя духовного уровня народа. Между тем далеко не все весьма разнообразные и пестрые современные лингвистические теории оглядываются на практику, серьезно считаются с нею <...>.

Весь XX век, вплоть до наших дней, характеризуется острой борьбой теоретически разных направлений в лингвистике. Что же касается периодизации, то ее нельзя строить, как это обычно делается, по принципу «признают – не признают» (например, признают систему в языке или не признают и т. д.), а по совершенно другому принципу: как те или иные лингвисты, те или иные лингвистические школы и направления истолковывают систему, истолковывают слово, истолковывают соотношение формы и значения, наконец (и это особенно важно), как они понимают природу языка и его функции.

Только по таким показателям можно строить историю науки о языке, особенно в XX в. В противном случае мы никогда не поймем, почему, в частности, прилагательное социальный применительно к языку, например, у А. Мейе имело совсем другое значение, чем, казалось бы, то же прилагательное применительно к языку у К. Маркса и Ф. Энгельса, а позднее у В.И. Ленина <...>.

Чему же учит нас лингвистическая историография? Лингвистическая историография – это история пауки о языке в ее теоретических аспектах. Она учит нас разумно понимать новые идеи в лингвистике на фоне того, что было известно или неизвестно раньше. Она учит нас разумно оценивать подлинно новое в науке в отличие от мнимого «нового», от того, что с помощью новых терминов подается как «новое», будучи в действительности хорошо забытым старым. Она учит нас мудрости.

Наконец, еще одно замечание. Конечно, современные лингвистические теории требуют более сложной и многообразной терминологии, чем теории, например, пятидесятилетней давности. Но хотелось бы, чтобы современная лингвистика в целом не отличалась от лингвистики середины нашего века, прежде всего, неоправданной сложностью, а нередко и неясностью своей терминологии. Между тем терминологическая неясность и искусственность пронизывают многие наши книги – и отечественные, и зарубежные. Следует всегда помнить прекрасный завет А. П. Сумарокова: «Витийство лишнее природе злейший враг», и поэтому не следует «орнировать (украшать) изложение чужими словами». К тому же подобное «орнирование» часто обнаруживает лишь убогость мысли тех или иных исследователей.

Наши современные споры о природе языка и его функциях должны опираться на отличное знание самой истории науки о языке. Только в этом случае подобные споры могут быть плодотворными.

★

Будагов Р.А. Мы должны знать историю советского теоретического языкознания (печатается с сокращениями по изданию: Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. М.: Наука, 1985. С. 255–268).

Как это ни странно, история советского языкознания остается областью, все еще очень мало изученной. Причин такого положения много. Попытаюсь обратить внимание на некоторые из них. За последние четверть века получило почти всеобщее распространение среди советских лингвистов противопоставление «современная лингвистика – несовременная лингвистика». Оказалось неясным: а где же должна располагаться советская наука о языке? Если отождествить ее с «современной лингвистикой», то с какой «современной лингвистикой»? Дело в том, что под «современной лингвистикой» понимают то «математическую лингвистику», то генеративную грамматику, то так называемую лингвистику текста, то, наконец, все, что не похоже на «традиционное языкознание» (в бранном значении последнего прилагательного).

Остается до сих пор неясным, каково же место советского языкознания в лингвистике последних шестидесяти лет? <...> Я понимаю, что написать историю советского языкознания – задача по многим причинам непростая. История нашей науки – это история развития марксистской науки о языке, а марксизм применительно к теории языка понимается различно. Больше того. Находятся ученые, которые считают, что лингвистика может опираться лишь на специальные теории, тогда как общие марксистские положения о природе языка «никакого теоретического оружия» специалистам не дают. В 1973 г. можно было прочесть: «Стоит вспомнить, в каком теоретическом вакууме оказались советские лингвисты, когда у них из-под ног было выбито «новое учение о языке» Н.Я. Марра – у них в распоряжении не оказалось никакого теоретического оружия» (Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973. С. 126). Таким образом, автор приведенных строк не считает марксизм

теоретическим оружием лингвистов, если после Н.Я. Марра он отказывается видеть «теоретическое оружие» у советских языковедов. Поэтому и неудивительно, что тот же автор, перечисляя выдающихся лингвистов нашего столетия (начиная от Соссюра), не находит нужным вспомнить хотя бы кого-нибудь из русских ученых. Как будто бы и не существовали до и после Н.Я. Марра такие выдающиеся лингвисты и филологи, как Шахматов, Щерба, Якубинский, Виноградов, Жирмунский, Мещанинов, Абаев, Крачковский, Ларин и многие другие. Создается совершенно искаженная картина истории советского языкознания: сначала Н.Я. Марр, затем эпоха структурализма, который, вслед за американским структурализмом, распространяется и у нас. Автора подобных рассуждений не интересует ни вопрос о том, что структурализм структурализму рознь (проблема сводится к тому, как понимать структуру языка и какие выводы из подобного понимания делать), ни то, что и до Н.Я. Марра, и при жизни Н.Я. Марра наша наука интенсивно развивалась, а у Н.Я. Марра, наряду с явно ошибочными представлениями, имелись и интересные идеи (как известно, Н.Я. Марр был отличным знатоком многих древних языков), ни, наконец, то, что и в «современной лингвистике» идет острая борьба между различными, порой диаметрально противоположными концепциями природы и функций языка.

Серьезность положения в том, что нежелание знать историю советского языкознания свойственно не одному, а многим авторам. Вот что сообщает другой лингвист: «Современное состояние разработки проблемы (речь идет о проблеме языка и мышления. – Р. Б.) абсолютно несопоставимо с прошлым» (имеется в виду период до дискуссии 1950 г. – Р. Б.) (Серебренников Б.А. О путях развития языкознания. Известия АН СССР. СЛЯ. 1973. № 6. С. 516). Если же помнить, что данная проблема, наряду с проблемой языка и общества, является одной из основных в советском теоретическом языкознании, то станет ясно, что, по убеждению автора приведенной цита-

ты, нельзя говорить о преемственности в развитии советского языкознания. Получается так: все, что делалось для изучения взаимодействия языка и мышления, «абсолютно несопоставимо» с тем, что должно делаться теперь. История советского языкознания разрывается на несовместимые, не имеющие ничего общего периоды. Это, разумеется, неверно и фактически, и теоретически <...>.

Положение в нашей науке существенно изменилось после лингвистической дискуссии 1950 г. Справедливая критика «классового характера языка» и так называемых четырех элементов Н.Я. Марра, к сожалению, создала у ряда лингвистов убеждение, будто бы следует подальше держаться от общественных функций языка, чтобы не допустить «вульгарно-социологических ошибок». В стороне оказалась на некоторое время и проблема языка и мышления. Возникла нелепая теория, согласно которой языки будто бы только изменяются, но не развиваются. Между тем проблема развития как теоретическая проблема всегда была в центре внимания не только филологов, но и философов, в том числе и таких, как Кант и Гегель, не говоря уже о философах-марксистах. К счастью, однако теории, противоречащие фактам, обычно оказываются недолговечными и захватывают лишь определенную группу лингвистов <...>.

Сейчас часто приходится слышать рассуждения такого характера: язык многоаспектен и многогранен, поэтому к нему применимы все подходы, все методы изучения и даже все методологические концепции. Поэтому долой конфронтацию, да здравствует плюрализм взглядов! По этому поводу недавно совершенно справедливо уже было замечено: «Перенесение плюралистических представлений о свободе в сферу науки, в сферу философии разрушает фундамент познания» (см. редакционную статью «Воинственный материализм – философское знамя коммунизма». Коммунист. 1982. № 4. С. 62). Действительно, если понимать природу языка с диаметрально проти-

воположных позиций – материалистических и идеалистических, то и все остальные проблемы науки о языке предстанут в различном виде: сущность слова, назначение грамматики, причины развития языка и т. д. Если природа языка определяется, прежде всего, тем, что сам язык – это «действительное практическое сознание», а его знаковые функции вторичны, то все основные теоретические проблемы языка получают совсем иное осмысление сравнительно с методологически противоположной концепцией, согласно которой язык – это, прежде всего, знаковая система, а его способность отражать действительность либо вторична, либо совсем сводится к нулю (Блумфилд и его последователи). К тому же недопустимо смешивать различные методы исследования языка и методологию научной позиции исследователя <...>.

Часто считают, что своеобразие позиции советских лингвистов в отличие от позиции ученых, разделяющих идеалистические взгляды, сводится лишь к конкретным, более или менее частным вопросам: у нас в стране, например, структура языка обычно понимается как структура нежесткая, а в ФРГ или в Америке – обычно как структура более жесткая. Но проблема методологических расхождений не сводится к такого рода более или менее частным расхождениям (хотя и они существенны), а определяется, как мы видели, глубокими теоретическими причинами, относящимися, прежде всего, к осмыслению самой природы языка и его центральных функций, к пониманию качественных различий между искусственными кодовыми построениями и естественными языками человечества.

Проблема взаимодействия наук – важная проблема нашего века. К сожалению, однако ее часто неправомерно сводят к подчинению одной науки другой науке. Между тем речь должна идти о взаимодействии наук, а не об уничтожении специфики отдельной науки. При этом не следует забывать, что каждая наука располагает своим понятием точности. Даже физики точность науки понимают иначе, чем математики. Это суще-

ственно, когда речь заходит о взаимоотношениях между лингвистикой и математикой. Как недавно было совершенно справедливо замечено, «в универсальность математических построений верят больше всего не математики, а профаны», поэтому филологу «следует остерегаться математических побрякушек» (Грекова И. Кафедра. Новый мир. 1978. № 9. С. 166). Сказанное, разумеется, не означает, что взаимодействие между лингвистикой и математикой невозможно. Оно давно существует и развивается. Но подобное взаимодействие должно не на словах, а на деле продвигать науку о языке вперед <...>.

Коснусь еще в нескольких словах педагогической стороны истории советского языкознания. Когда начиная с 1960 г. у нас стали выходить в русском переводе сборники зарубежных лингвистов, то само по себе это было полезное и нужное издание: общение между учеными разных стран обычно обогащает каждую национальную науку. Но сборники та протяжении свыше десяти лет неправомерно назывались «Новое в лингвистике» (изд-во «Прогресс»). Из уже вышедших одиннадцати томов, только начиная с восьмого тома сборники, наконец, стали называться справедливо – «Новое в зарубежной лингвистике». Казалось бы, «мелочь». Нет, не мелочь. У начинающих ученых складывалось впечатление, что «все новое» создается не отечественными, а зарубежными лингвистами. Это и фактически неверно, и педагогически безответственно. Разумеется, среди зарубежных филологов и лингвистов имеется немало выдающихся ученых, с работами которых необходимо знакомиться. Но, во-первых, в упомянутых сборниках публикуются не только исследования подобных ученых, но и работы рядовых авторов и, во-вторых, у нас не выходят аналогичные сборники («Новое в советской лингвистике») для сравнения и сопоставления. Между тем по многим вопросам филологии теоретическое первенство принадлежит отечественным исследователям.

Мы плохо защищаем авторитет нашей советской лингвистики. Приведу здесь один пример. В 1977 г. в Гааге вышел боль-

шой интернациональный сборник в честь 80-летия Р.О. Якобсона (он родился в 1896 г.). В одной из статей этого сборника утверждается, что до 1917 г. Якобсон учился у русских филологов дооктябрьского периода, а после 1917 г. уже он, Якобсон, стал воздействовать на советскую филологическую науку, в особенности после 1956 г., когда ученый побывал в СССР и внушил некоторым советским ученым, какими научными проблемами им следует заниматься в дальнейшем. Р.О. Якобсон, был, как известно, видным и разносторонним филологом. Это бесспорно. Все же остальное в подобных рассуждениях неверно. Если отдельные советские филологи стали заниматься «филологической тематикой Якобсона», то это ни в коей мере не относится к советскому языкознанию в целом. Я, в частности, убежден в методологической несостоятельности одного из центральных тезисов Якобсона, согласно которому язык большого писателя тождествен его мировоззрению. Говорить о тождестве разных категорий (языка и мировоззрения) нельзя. А понятие тождества и понятие взаимодействия – это совсем разные понятия. Что же касается популярной доктрины Якобсона о бинарности всех категорий в языке и в искусстве, то и эта доктрина у нас неоднократно критиковалась (ярко об этом писал В.Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха». М., 1976). К сожалению, мы не всегда умеем отстаивать свою собственную методологическую концепцию.

Говоря о значении истории советского языкознания, необходимо, прежде всего, хорошо ее знать <...>.

*

Звегинцев В.А. Что происходит в советской науке о языке? (печатается с сокращениями по изданию: Язык и социальное познание. М.: Центральный совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 3–39).

У советского языкознания трудная судьба. И если бы была написана его история, это помогло бы извлечь уроки,

которые способствовали бы его более целенаправленному развитию. Но история советского языкознания не написана, хотя можно с легкостью подобрать значительное количество публикаций, относящихся к разным этапам развития советского языкознания и далеко не однозначно излагающих его «актуальные задачи». Попыты изложения истории советского языкознания в его основных тенденциях или в различных его разветвлениях принадлежали зарубежным исследователям, которые нередко руководствовались мало приемлемыми для советской науки целями.

В истории советского языкознания много общего с историями других наук, путь которых изобиловал горькими событиями, отвлекавшими их от выполнения своих прямых обязанностей <...>.

Последующее изложение не ставит своей целью воспроизвести историю советского языкознания хотя бы даже в самых, общих чертах. Обращение к отдельным этапам прошлого диктуется лишь стремлением понять современное его состояние.

Собственно со статьи А.С. Чикобава и началось осуществление того переломного процесса, который оказал такое огромное влияние на последующее развитие советского языкознания <...> А.С. Чикобава умер в 1984 году. В советских лингвистических изданиях был помещен один-единственный отмечающий это печальное событие некролог, в «Известия АН СССР. ОЛЯ»). В нем отмечались его заслуги в области изучения иберийско-кавказских языков. И не было сказано ни слова о той роли, какую он сыграл в истории советского языкознания, начав дискуссию 50-го года. Это ли не знаменательная иллюстрация к тому, корни, казалось бы отжившего прошлого, остались, и они продолжают давать побеги, о чем еще придется поговорить ниже <...>.

Первые годы после дискуссии 50-го года советская наука о языке была занята решением проблем сталинского языкознания и освоением вновь обретенной материалистической ком-

паративистики. Как уже отмечалось, если не считать таких специфически «сталинских» проблем, как проблема внутренних законов развития языка и проблема основного словарного фонда, обе эти задачи фактически были однозначными. И когда в результате исторического развития советского общества Сталина пришлось вычесть, никаких коренных преобразований в советской науке о языке не произошло. Просто сравнительно-исторический подход к изучению языка продолжал укреплять свой статус материалистического языкознания и под него стало подводиться соответствующее идеологическое обоснование. Так как марризму, несмотря на все его усилия, не удалось искоренить традиции русской компаративистики, они теперь были мобилизованы для утверждения позиций советской науки о языке на новом этапе своего развития.

Но обращение к сравнительно-историческому языкознанию по сути дела означало предписание глядеть назад, к тому, что было создано в довольно-таки далеком прошлом и что, отнюдь не изжив себя, подверглось значительному переосмыслению. Кроме того, в то время, когда происходили описанные внутренние события, в международной лингвистике возникло много нового, о чем советские языковеды имели весьма туманные представления или о чем они вовсе ничего не знали. Фактически вся зарубежная лингвистика была представлена всего лишь тремя книгами: «Курсом общей лингвистики» Ф. де Соссюра (1933 год), «Языком» Э. Сепира (1934 год) к «Языком» же Ж. Вандриеса (1937 год). Вокруг этих книг и обращалась вся полемика советского языкознания с буржуазным языкознанием. Прекрасным примером такой ограниченной узкими рамками полемики может служить упоминавшаяся уже книга И.И. Мещанинова «Общее языкознание» (1940 год).

И тут следует помянуть добром деятельность издательства «Иностранная литература». За время своей работы в 50-е и 60-е годы издательство познакомило советских лингвистов не только с трудами тех ученых, о которых они знали только

по наслышке (О. Есперсена, Г. Пауля, Л. Блумфилда, Н. Трубецкого, А. Мартине и пр.), но также с вновь возникшими лингвистическими школами и направлениями (дескриптивной лингвистикой, глоссематикой, Пражским лингвистическим кружком, лингвистикой универсалий, генеративной лингвистикой и пр.). Лингвистическая серия издательства «Иностранная литература» отличалась при этом большой оперативностью, держа советских ученых в курсе всех текущих событий мировой лингвистической науки (что в первую очередь находило свое выражение в сборниках «Новое в лингвистике» и что продолжено в сборниках «Новое в зарубежной лингвистике» издательства «Прогресс»).

Это многообразие научных данных естественным образом должно было получить свою аргументированную оценку. Она, как правило, и давалась в тех предисловиях и комментариях, которыми сопровождалась все эти издания. С ними можно было соглашаться или не соглашаться и в последнем случае выдвигать иную точку зрения, доказательно ее обосновывая.

Однако и тут сработала инерция господства предельно упрощенного идеологического критерия, подавляющего всякую научную доказательность. Именно этот критерий и объединил таких завзятых марровцев, как Ф.П. Филин или В.И. Абаев с О.С. Ахмановой, Р.А. Будаговым и В.З. Панфиловым, самозванно объявившими себя верными хранителями идеологической чугунной печати. И как раньше Ф.П. Филин прикреплял ярлык социал-фашиста ко всем, кто осмеливался защищать сравнительно-историческое языкознание, так теперь О.С. Ахманова характеризовала Л. Ельмслева не иначе, как агентом американского империализма.

Но, пожалуй, главными жупелами, с которыми в первую очередь воевала названная сугубо ортодоксальная группа языковедов, стремившаяся обеспечить себе господствующее положение, были структурализм и Н. Хомский. Имя этого последнего и ныне не рекомендуется поминать на ночь. Усилиями

лингвистических ортодоксов Н. Хомский превратился в почти мистически зловещую фигуру, в которой сосредоточивается вся буржуазная скверна <...>.

Почти во всех случаях поношения лингвистического структурализма ему противопоставлялось в качестве единственно правомерной материалистической альтернативы сравнительно-историческое языкознание. <...>.

Для В.И. Абаева и его соумышленников подход к языку как к структуре, и отключение от его исследований идеологических критериев есть ни что иное, как выражение крайней формализации и дегуманизации науки о языке, принимающей формы модернистской лингвистики (термин «модернизм» употребляется только в негативном значении и он, как правило, прилагается ко всему, что не укладывается в эти предначертания) <...>.

Дело однако не в В.И. Абаеве, и он поминается здесь лишь как представитель того направления, которое задано было марризмом, которое представляется отнюдь не этой одинокой фигурой, и которое, – что самое печальное и настораживающее, – продолжает давать свои побег и в современном языкознании. Так, если и продолжать придерживаться фигуры того же В.И. Абаева, то в напечатанной им статье в 1986 году можно прочесть вариации на все ту же тему: «Формализация языкознания достигла предела в структурализме. Как в истории организмов возникают виды, не способные к дальнейшему развитию, так в истории любой науки могут возникнуть направления, которые ведут в тупик. Таким тупиковым направлением в языкознании являлся структурализм» (Абаев В.И. Языкознание описательное и объяснительное // Вопросы языкознания. 1986. № 2). И такого рода идеи популяризирует на своих страницах ведущий советский лингвистический журнал, словно не ведая об оформившейся к настоящему времени прибегающей к математическому моделированию компьютерной лингвистике, за которой стоят проблемы глобального масштаба.

Заканчивая рассмотрение судьбы структурализма в советской науке, нельзя не отметить того разительного обстоятельства, в соответствии с которым, если под идеологией (о которой так печется тот же В. И. Абаев) разуметь философские обоснования этого исследовательского метода, то они, как это явствует из приведенных выдержек из философских справочников, находятся в резком противоречии со всем тем, что изрекается по этому поводу самозванными ортодоксами. Идеология фактически оборачивается против них <...>.

В 1983 году Б.А. Серебренников (уже будучи академиком) опубликовал книгу «О материалистическом подходе к явлениям языка», вызвавшую среди советских языковедов замешательство. Подвергнув рассмотрению ряд фундаментальных проблем лингвистики и проанализировав способы и средства, какими эти проблемы решаются рядом лингвистов, Б.А. Серебренников констатировал, что марризм и не умирал и продолжает давать свои достаточно обильные побеги и ныне. Марризм на нынешнем этапе своего существования принимает форму, которую Б.А. Серебренников назвал неомарризмом. Он при этом предупреждает: «Марризм в деятельности неомарристов принимает более утонченные и завуалированные формы». И при этом поименно указывает, кто входит в когорту неомарристов.

Весьма характерно то обстоятельство, что в ней оказываются не только те ученые, научная родословная которых восходит непосредственно к «новому учению» о языке Н.Я. Марра, но также и те, кто в свое время боролся с марризмом, – например уже упоминавшиеся О.С. Ахманова и Р.А. Будагов. Как могло случиться, что теперь они оказались в одном ряду? Следует думать, что все объясняется тем, что был упущен тот аспект, который, как указывалось, объединил марризм с лысенковщиной, пролеткультом, «платформой» Покровского и пр. Тот самый аспект, который любое научное содержание сводит к идеологическому потенциалу. Применительно к язы-

кознанию он, словами Ф.П. Филина, принимает такую форму: «Освобождая науку от идеалистических фикций, мы тем самым создаем условия для подлинного ее расцвета и ставим преграду для ее использования против прогресса».

Не допускать! Вот лозунг, который объединяет, казалось бы несоединимые фигуры. Не допускать генетики, кибернетики, теории относительности и многого другого. Не допускать структурализма, формализма, использования математических методов и также много другого, на что Ф.П. Филин, В.И. Абаев, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, В.З. Панфилов и присные ни поставят клеймо «идеалистического», огородив дорогу к научному прогрессу одним и тем же набором авторитетных цитат, которыми они пользовались и тогда, когда воевали друг с другом. Так что же происходит в советском языкознании в настоящее время? Частично об этом и была речь выше. Но, конечно, феномен неомарризма далеко не покрывает собой всей картины современной советской науки о языке. Естественным образом ее достижения, в первую очередь, связаны с исследованиями русского языка – описаниями его грамматического строя, работами по исторической и современной лексикографии. Но вне внимания советских лингвистов не остались также языки Востока и Запада, изучению которых посвящено немало специальных монографий. Активное участие принимают советские ученые и в разработке проблем, связанных с такими исследовательскими направлениями, как социолингвистика, прагмалингвистика, логический анализ естественного языка, коммуникативная грамматика и пр. И все же...

Здесь достаточно упомянуть о чисто внешнем факторе! Советский Союз, бесспорно, занимает среди развитых стран первое место по наименьшему количеству лингвистических периодических изданий. Фактически в Советском Союзе издается один единственный собственно лингвистический журнал общесоюзного значения. В крайне небольшом количестве других журналов, помещающих на своих страницах статьи по

лингвистике, – вроде «Известий АН СССР. ОЛЯ» или «Филологических наук» – лингвистика представлена лишь как одна из частей филологического комплекса наук. И это при том, что колоссальную страну населяют сотни народов, говорящих во многих случаях на совершенно неописанных языках <...>.

Единственный в Советском Союзе лингвистический журнал продолжает публикацию статей, либо пропагандирующих взгляды неомарристских ортодоксов, либо старательно отгораживающих теоретические пределы, преступать которые возбраняется советским языковедам. Эта политика находит свое отражение и в административных мероприятиях, направленных на организацию научной работы. И осуществляется она учеными-аппаратчиками, занимающими вполне почетные посты. В контексте же настоящего изложения, пожалуй, наиболее наглядным образом малоутешительное положение в советском языкознании характеризует тот прием, который был оказан упоминавшейся книге Б.А. Серебренникова, направленной против того, что он назвал неомарризмом. Было сделано все возможное, чтобы представить ее появление в виде поступку дурного тона, замечать который не принято в великосветском научном обществе.

Застойная ситуация, сложившаяся в современном советской языкознании, находит свое выражение и в тех ее аспектах, которые непосредственно связаны с практическими потребностями страны. Их учет заставляет по-новому взглянуть и на сам статус науки о языке в современном мире <...>.

Что касается советской науки о языке, то, как показывает настоящее изложение, она с самого своего начала основывалась на идеологической метафоре, при которой идеологические аргументы превалируют над научными доказательствами. К сожалению, советское языкознание не освободилось от настоящего воздействия этой метафоры и поныне <...>.

Не приходится скрывать, что мировая наука о языке, занятая решением множества других проблем, которые она полу-

чила в наследство от прошлого, и которые были продиктованы иными научными метафорами, оказалась все еще не способной дать ответы, которые поставила перед нею компьютерная метафора. Но она хорошо осознала всю решающую значимость связанных с ней насущных потребностей и делает все возможное, чтобы удовлетворить их.

Совершенно очевидно, что и советская наука о языке обязана повернуться лицом к этим потребностям, если она не хочет отстать от своего времени. К этому ее обязывает весь ход компьютерной революции, оказывающий мощное воздействие на все виды общественной и даже личной жизни. Наука о языке ныне является одним из самых существенных компонентов в реализации тех обещаний, которые сулит компьютерная революция. Именно поэтому советская наука о языке, не забывая своих прежних научных долгов, обязана идти теми же путями, какими идет компьютерная революция, и в современном мире ее место – в одном строю с ней.

*

Жирмунский В.М. О теории советского языкознания¹ (печатается с сокращениями по изданию: Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. С. 11–26).

Подводя итоги нашей научной работы накануне знаменательной даты 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, своевременно поставить вопрос о том, что сделано советским языкознанием в области основополагающих теоретических вопросов нашей науки.

Известно, что на протяжении последних десяти лет лингвистами и нелингвистами неоднократно повторялась стереотипная фраза, будто в советском языкознании царит методологический «застой» или «разброд». После ряда лет господс-

¹ Это был доклад Научного совета по теории советского языкознания на годовой сессии Отделения литературы и языка АН СССР 3 февраля 1966 г.

тва различных догматических «учений» в теории советского языкознания будто бы образовалось пустое место, своего рода «вакуум», который надлежит поскорее заполнить новыми универсальными теориями – отечественного производства или импортированными из-за границы.

Мне приходилось уже неоднократно, устно и в печати, выступать против этой точки зрения – неправильной, несправедливой и нигилистической. Советское языкознание имеет свое методологическое лицо (хотя не все работы советских лингвистов выглядят на одно лицо, как это по-прежнему хотелось бы некоторым вульгаризаторам); оно имеет свои проблемы, выдвинутые «коллективным разумом» советских ученых в процессе многолетней совместной работы – вопреки «администрированию» в делах науки; оно пользуется своими методами, очень разнообразными, но всегда опирающимися на философию марксизма-ленинизма, которая рассматривает язык в двух его диалектически взаимосвязанных аспектах: как «важнейшее средство человеческого общения» (Ленин) и как «непосредственную действительность мысли» (Маркс); оно опирается на большую традицию прогрессивной лингвистической науки прошлого, русской и мировой, развивая и пополняя ее новыми научными достижениями и методами.

Наглядным свидетельством активности научной мысли в области теоретических проблем языкознания являются, в частности, многочисленные всесоюзные или краевые конференции на темы лингвистической теории, созывавшиеся за последние годы в Москве, Ленинграде и других крупных научных центрах Советского Союза. Метод широких научных конференций и дискуссий теоретического характера прочно вошел в эти годы в обиход советских научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений. Созыву каждой конференции предшествовало опубликование развернутых тезисов намеченных докладов; результаты проведенных научных встреч в большинстве случаев опубликова-

ны или публикуются в форме тематических сборников или коллективных монографий.

К числу таких научных мероприятий большого масштаба относятся прежде всего две комплексные всесоюзные конференции по проблемам «Язык и мышление» (1965) и «Язык и общество» (1966), созванные Сектором общественных наук и Отделением языка и литературы при участии Института языкознания и ряда других гуманитарных институтов АН СССР. В Москве состоялись: в 1963 г. организованная Институтом народов Азии теоретическая конференция на тему «Лингвистическая типология и восточные языки»; в 1964 г. конференция филологического факультета Московского университета по сравнительной грамматике индоевропейских языков; в 1964 г. – Института славяноведения по проблемам лингвоэтнографии и ареальной лингвистики. В 1964 г. в Саратове состоялась поволжская межвузовская конференция по теме «Язык и общество»; в 1964 и 1966 гг. Самаркандским университетом были созваны две конференции всесоюзного значения по вопросам общего языкознания (первая была посвящена памяти проф. Е.Д. Поливанова, научная деятельность которого в последний период его жизни была связана с Узбекистаном); в августе 1966 г. в Тарту состоялся симпозиум по вопросам семиотики; в ноябре 1966 г. в Ашхабаде – конференция «Развитие стилистических систем в литературных языках народов СССР». В Ленинграде с 1960 по 1965 г. имели место четыре конференции по морфологии слова в языках разных типов и конференция по теме «Эргативная конструкция в языках разных типов» (1964), созванные Ленинградским отделением Института языкознания совместно с Научным советом по теории языкознания <...>.

Для координирования и активизации научной работы по теории языкознания Президиумом АН СССР был организован в сентябре 1961 г. при Отделении литературы и языка АН Научный совет по теории советского языкознания <...>.

Единственный лингвистический журнал Академии наук – «Вопросы языкознания», – «теоретический орган» советского языкознания, в настоящее время уже не в состоянии нормально обеспечить растущий круг интересов советской науки <...>.

Я остановлюсь в дальнейшем на тех основных теоретических вопросах, которые, как мне представляется, стояли и по-прежнему стоят в центре внимания советской лингвистики и получили в ней своеобразное новое решение, определившее ее лицо.

1. Проблемы «социологии языка» («социальной лингвистики») <...>. К сожалению, за годы, последовавшие за лингвистической дискуссией 1950 г., у нас на некоторое время утвердилось абстрактное, внеисторическое понимание так называемого «общенародного языка», советская диалектология совершенно перестала учитывать вопрос о социальных носителях и социальной дифференциации местных диалектов, который был намечен в довоенных работах Б.А. Ларина, проф. Н.М. Карийского и некоторых других <...>.

2. Сравнительно-историческое изучение генетически родственных языков было в советской лингвистике еще недавно отстающим участком. Этому способствовало не только нигилистическое отношение акад. Н.Я. Марра и его школы к проблемам и методам того, что он называл «буржуазной индоевропеистикой», но в еще большей степени – недостаточное знание иностранных и древних языков у нашей лингвистической молодежи, которое принуждало ее замыкаться в узкой сфере только своего родного языка (будь то русский или узбекский) или языка своей непосредственной научной специальности (будь то немецкий или английский). В настоящее время это отставание понемногу преодолевается почти на всех участках. Мы уже располагаем некоторыми систематическими трудами в области сравнительно-исторического языкознания, использовавшими передовую методику советской и зарубежной науки,

как четырехтомная «Сравнительная грамматика германских языков» (М., 1962–1966), встреченная рядом сочувственных отзывов в советской и зарубежной научной печати <...>. Проблема реконструкции «праязыка» (или, что то же самое, «языка-основы») была до недавнего времени своего рода пугалом для многих советских лингвистов вследствие компрометирующих политических ассоциаций с малограмотной «арийской теорией» немецких нацистов. В настоящее время проблема эта разрабатывается в советском языкознании в той более четкой и близкой к исторической реальности форме, которая подсказана достижениями современной лингвистической географии («ареальной лингвистикой»), нередко с широким использованием новых методов структурного анализа. Из специальных работ следует отметить в особенности исследование В.В. Иванова и В.Н. Топорова, безвременно погибшего молодого компаративиста В.М. Иллича-Свитыча, В.И. Абаева – по иранским языкам «скифской группы», А.В. Десницкой – по реконструкции протоалбанского и связанной с нею иллирийской проблеме <...>.

3. В вопросах теории грамматики советское языкознание опирается на большую прогрессивную традицию изучения грамматики русского языка, восходящую к Ломоносову и Востокову. Труды Буслаева, Потебни, Фортунатова, Бодуэна де Куртенэ, Шахматова, а в советское время акад. Л.В. Щербы и акад. В.В. Виноградова, несмотря на принципиальные различия в грамматических теориях этих ученых и созданных ими школ, были заложены, преимущественно на русском материале, теоретические основы грамматического описания языка. Идея так называемой «научной» (или «теоретической») грамматики современного языка долгое время была специфичной именно для русской лингвистической науки. В советские годы она послужила основой для систематического преподавания этого предмета как особой научной дисциплины, не имевшей до самого последнего времени соответствий в программах зарубежных высших учебных заведений, в особенности немецких,

где всецело господствовал младограмматический «историзм», отождествлявший науку о языке с историей языка <...>.

4. Вопросы лингвистической стилистики («лингвостилистики») связаны с рассмотрением языка в многообразии его социальных функций – как речи научной, художественной, ораторской, разговорно-бытовой, письменной или устной и т. п. <...>.

Желательно только отметить в заключение как отрадный факт растущее сближение «старого» и «нового» языкознания, наметившееся в процессе исследовательской работы. «Борьба на уничтожение» за последнее время сменяется стремлением к научному размежеванию и в то же время к плодотворному сотрудничеству. Никто уже, по-видимому, не утверждает, вслед за футуристами 10-х годов, что нужно «сбросить Пушкина с парохода современности», т. е. отказаться от будто бы «донаучных», «интуитивных», «субъективных» методов, которые господствовали в прошлом в мировом и в советском языкознании.

Я думаю, что на этой основе можно вести совместную работу, учиться друг у друга и двигать дальше теорию и практику советской лингвистической науки.

*

Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и в борьбе (печатается с сокращениями по изданию: Дешериев Ю.Д. Жизнь во мгле и в борьбе М.: Палея, 1995. С. 224–227).

В области науки о языках в 1950 г. была проведена дискуссия по указанию Сталина. В день открытия дискуссии я находился в городе Гродно в Белорусской ССР, куда я был приглашен для чтения лекций по языкознанию студентам Гродненского пединститута. Итоги этой дискуссии были подведены в статье Сталина, а не специалистами лингвистами. Тем не менее, и это следует подчеркнуть справедливости ради, в статье были разумные, правильные положения (некоторые из них не

раз высказывали и языковеды еще до Сталина), способствовавшие отказу от научно-несостоятельных утверждений Н.Я. Марра и его последователей. Он поддержал обоснованную критику марризма. Вместе с тем языковеды и лингвистические научные издания оказались в скованном положении. Скрытая обида языковедов была вызвана тем, что не им поручили проведение дискуссии, а политическому органу. Но дело в том, что в тех условиях, и это также следует подчеркнуть! дискуссия вряд ли могла быть успешной на страницах малоизвестного научного журнала, поскольку Н.Я. Марр считался основателем марксистского языкознания. Может быть, поэтому 80% статей, присланных в редакцию газеты, были промарристскими. Поэтому, может быть, успех дискуссии объяснялся статьей Сталина, провозглашенной «гениальным творением» вождя. При этом замалчивался диктаторский тон статьи, совершенно не свойственный научным дискуссиям.

В марте 1953 г. умер Сталин. К власти пришел Н.С.Хрущев. Началась борьба против последствий культа личности Сталина. В научных учреждениях, учебных заведениях, издательствах и редакциях газет развернулась новая кампания борьбы с цитатами из книг, статей и выступлений главным образом Сталина и его комментариев. Находившиеся даже в печати книги были задержаны, особенно по гуманитарным наукам. Моя монография, «Бацбийский язык» также находилась в издательстве. Примерно, в июне 1953 года состоялось расширенное заседание Бюро Отделения литературы и языка АН СССР, на котором выступил с сообщением на тему о борьбе с цитатничеством заведующий Отделом филологии Издательства «Наука» Владимирский. Он сообщил, что все работы по литературоведению и языкознанию сняты с подготовки к изданию, за исключением двух книг: одной по литературоведению и одной по языкознанию, т.е. моей монографии «Бацбийский язык», в которых нет много цитат. Он не сказал о каких цитатах идет речь. Но все присутствующие понимали, что речь идет глав-

ным образом о цитатах из работ Сталина. Вдруг кто-то из присутствовавших задал вопрос: «Почему у этих двух авторов не было цитат?». Наступила тишина. Вопрос был совершенно неожиданный и небезопасный в условиях культа личности. Но в условиях борьбы с цитатничеством такой опасности не было. Председательствовавший академик В.В.Виноградов с улыбкой на устах искал взглядом одного из двух авторов монографии, которые не страдали цитатничеством. Я сидел почти у входа в его кабинет, за спиной высокого В.В. Иванова, работавшего в ЦК КПСС. Его присутствие означало, что обсуждаемому вопросу придается политическое, государственное значение. Вдруг академик Виноградов обратился ко мне, с той же улыбкой на устах: «Юнус Дешериевич, скажите, пожалуйста, почему в Вашей книге нет большого количества цитат». Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что сказать. Улыбка на устах Виноградова показалась мне ехидной. Значит, он считает вопрос неуместным и нелепым, – подумал я. Пока я размышлял, в кабинете наступила тишина. Мне показалось, что все присутствующие интересуются моим ответом. Я не знал, как ответить на этот нелепый, а в других условиях – провокационный вопрос. Но что-то я должен был сказать. И я ответил: «Потому что товарищ Сталин ничего не писал о бацбийском языке». Раздался гомерический смех. Все засмеялись, в том числе и академик Виноградов. Комичность ситуации заключалась в том, что Сталин ничего не писал и о других языках. Тем не менее, его «обильно» цитировали, опасаясь обвинения в недооценке его статьи. Из моего ответа формально вытекало, что Сталин писал о всех других языках. Судя по моему ответу, я находил или искал себе поддержку в этом ложном утверждении. Это рассмешило всех присутствовавших, понимавших, что в воздухе все еще витал культ личности. Поэтому надо быть осторожным. Еще не было XX съезда КПСС и разоблачительного доклада Н.С. Хрущева о культе личности и его трагических последствиях.

Чтобы больше не возвращаться к вопросу о сталинских цитатах при обсуждения научных проблем, хотелось бы, забегая вперед, показать здесь же, как был найден более спокойный, без крайностей, взвешенный научно-демократический путь рассмотрения сложных вопросов в истории отечественной науки последних десятилетий. Такая новая постановка проблемы была осуществлена на расширенном заседании Ученого Совета Института языкознания 20 февраля 1962 года.

Разоблачение культа личности Сталина и его трагических последствий способствовало активизации бывших ортодоксальных марристов. Они пытались отвергнуть итоги лингвистической дискуссии, требовали смены антимарристского руководства Отделения литературы и языка (т.е. академика В.В. Виноградова) и Института языкознания. В Отдел науки и высших учебных заведений ЦК КПСС пригласили академика В.В. Виноградова и предложили ему провести расширенное Сопещание ведущих языковедов всех направлений с докладом об отношении к статье И.В. Сталина по языковым проблемам, к итогам лингвистической дискуссии и к «новому учению» о языке Н.Я. Марра в новых условиях.

После возвращения из ЦК КПСС Виноградов вызвал директора Института языкознания Б.А. Серебренникова и меня как заместителя директора. Виктор Владимирович сообщил нам о предлагаемом Сопещании ведущих лингвистов Москвы и докладе на нем.

Рекомендуют мне – сказал он – выступить на этом Сопещании с таким докладом. Но я много раз выступал с восторженной оценкой статей Сталина и итогов лингвистической дискуссии по языкознанию, поэтому мне сейчас просто неудобно выступать с их критикой. Вам, Борис Александрович, следовало бы выступить на этом сопещании с таким докладом, обратился Виноградов к Серебренникову.

– Мне также неудобно, Виктор Владимирович, – я тоже выступал более 70 раз с восхвалением трудов Сталина и итогов лингвистической дискуссии.

– Тогда, Юнус Дешериевич, вам придется выступить на этом совещании с докладом. Вы же не выступали с такими оценками соответствующих работ Сталина и итогов лингвистической дискуссии, – обратился ко мне академик Виноградов.

Мое согласие выступить с таким сложным докладом на намечаемом совещании ведущих языковедов, представителей других общественных наук объяснялось тем, что я считал нужным попытаться поддержать академика-секретаря Отделения литературы и языка Академии Наук СССР академика В.В. Виноградова и директора Института языкознания члена-корр. АН СССР Б.А. Серебренникова, поскольку они оба считали неудобным для них выступить с предложенным докладом.

Конечно, не требовалось особой одаренности, чтобы понимать всю сложность сложившейся ситуации и необычные трудности докладчика. Следовало попытаться объективно оценить не только «Новое учение о языке», но и обстановку, которая была создана в научных учреждениях и высших учебных заведениях в условиях культа Марра и культа Сталина, При этом без ярлыков, научно обоснованно отвергнуть несостоятельные положения и методы, а также несвойственные науке приемы грубого произвола и подавления свободомыслия, характерные для обоих направлений. Вместе с тем мы призвали ученых к спокойной научно-исследовательской деятельности, используя все положительное в трудах как марристов, так и всех участников лингвистической дискуссии. Принцип свободы мнений в науке должен осуществляться последовательно. Между тем оппозиция, особенно некоторые бывшие марристы, со злорадством рассчитывали на то, что Виноградов или Серебренников выступят с указанным докладом, чтобы обвинить их не только в приспособленчестве, но и в беспринципности. В то же время они надеялись на то, что доклад могут поручить представителю оппозиции, который основное внимание может уделить критике роли Виноградова и Серебренникова в популяризации и пропаганде работ Сталина по

языкознанию. Поскольку я не занимался популяризацией и пропагандой «гениальных трудов» Сталина или Марра в качестве ортодоксального марриста или сталиниста, они полагали, что мне не поручат этого доклада. Предложенное направление преодоления пережитков прошлой идеологизированной борьбы в науке нашло одобрение почти всех участников расширенного заседания ученых. Так, профессор М.М. Гухман, которая относилась к ярым сторонникам «нового учения о языке» Н.Я. Марра, в своем выступлении по докладу отметила: «В докладе... дана не только критика неверных положений, имеющих в работе И.В. Сталина, но и намечена конструктивная линия дальнейшего развития советского языкознания» (см. Выписку из Протокола № 1 заседания, с. 3). Профессор В.Н. Ярцева, на которую в свое время ортодоксальные марристы смотрели косо, заявила: «Достоинством доклада... было то, что это был научный, серьезный и профессиональный разбор работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Беда в том, что работа И.В.Сталина была для нас – профессионалов, не только руководством, но и единственно возможным образцом. Самым тяжелым моментом эпохи культа личности было то, что догма мешала развитию науки» [62, с. 4].

*

Кривонос А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» (печатается с сокращениями по изданию: Кривонос А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». М.: Издательство «Че-Ро», 2006. С. 669–707).

Состоялось ли «творческое» развитие «марксистского языкознания»? Главной особенностью советского языкознания – пишет Ф.П. Филин – ... являются поиски построения марксистско-ленинского учения о языке, и в этом отношении

у нас имеется немало достижений. Именно в этом заключается специфика советского языкознания, в этом его важнейшие заслуги перед мировой наукой о языке». Ф.П. Филин, понимает, кое в чём прав, истина может быть только одна, но этой истиной он считает «марксистско-ленинское языкознание» <...>

Однако в настоящее время существует только один тип языкознания – эмпирическое, которое далеко шагнуло вперёд благодаря усилиям тысяч лингвистов: структуры и взаимодействия элементов многих языков хорошо изучены. Но нет языкознания теоретического: мы не знаем истинной сущности взаимоотношения языка с реальным миром, мышлением, сознанием, логикой, речью, текстом, мы не знаем многого об истинной сущности фонемы (хотя эту проблему решали, естественно, схоластически, три фонологические школы – Московская, Ленинградская, Пражская, – так и не поняв роли фонем в процессе человеческого мышления), морфемы, слова (знака), предложения, соотношения вербального и невербального мышления; вопроса о том, как язык устроен в мозгу, почему мы понимаем друг друга, и многого другого <...>.

Обезопасив себя от возможных искривлений линии партии в языкознании частоколом цитат из «классиков», можно было, как выражался И. Сталин по поводу марризма, «лежать на печке и гадать на кофейной гуще». Эти теоретические работы лингвистов не выходили за границы традиционных представлений, накопленных в мировой науке о языке. И, тем не менее, советское языкознание выдавалось за самое передовое в мире и самое верное, основанное на «марксизме-ленинизме» и считалось особым языкознанием, но было явно изолировано от столбовой дороги мирового языкознания <...>.

Ф.М. Березин считает «марксистско-ленинское языкознание» «особым направлением в мировой науке о языке»: «Советскими языковедами достигнуты определённые успехи в решении методологических вопросов языкознания на основе марксистско-ленинских позиций. В таких трудах, как «Лени-

низм и теоретические проблемы языкознания» (1970), в работах В.З. Панфилова «Взаимоотношение языка и мышления» (1971), «Философские проблемы языкознания» (1977) и других подробно освещаются такие фундаментальные проблемы, как проблемы соотношения категорий мышления и категорий языка, понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма, природа лингвистических абстракций в свете ленинской теории познания, соотношение общей методологии языкознания, специальных лингвистических методов и методики изучения языка, соотношение индукции и дедукции при исследовании языка и другие вопросы». И далее: «Введение в языковую практику многообразных языковых систем, разработка теоретических вопросов фонетики, грамматики, лексики и лексикографии, внедрение в лингвистику новых идей описательного, сравнительно-исторического и других методов, разработка вопросов социолингвистики, прикладной лингвистики – всё это подчёркивает широкую многоаспектность советского теоретического языкознания и делает его особым направлением в мировой науке о языке».

Отличительной чертой советского языкознания была тесная связь теории и практики, оно «опиралось на теорию, основанную на знании законов общественного развития» (Н.С. Чемоданов). Основной путь к пониманию языка, по словам А.С. Мельничука, лежит через разработку новой системы понятий языкознания и переосмысление в теоретическом плане с позиций марксистской методологии всех основных абстрактных понятий традиционной лингвистики, включая понятий системы языка. Всё правильно: нужна новая система понятий, переосмысление всей теории языка. Но далее А.С. Мельничук, не отделяя себя от «марксистско-ленинского языкознания», пишет, что книга В.З. Панфилова («Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты», М., 1977) «отразила современное состояние марксистско-ленинской разработки вопроса о взаимоотношении языка и мышления».

Ф.П. Филин, Р.А. Будагов, В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский на словах проповедают «творческое применение марксизма» в языкознании: «Советское языкознание ... существует как методологическое целое, а не только как географическое понятие. Творческое применение марксистско-ленинской методологии несомненно принесёт ещё много важных открытий и позволит совершенствовать методы исследования» (Ф.П. Филин). «Советская наука о языке... стремилась и стремится занять своё место, свою идейную позицию в острых методологических спорах нашего века. Эта позиция определялась и определяется марксистским осмыслением природы языка и его важнейших функций ... в их современном состоянии» (Р.А. Будагов). «Творческое применение марксизма-ленинизма является непременным условием успешного решения коренных проблем современного теоретического языкознания; вместе с тем это в свою очередь должно способствовать дальнейшей разработке марксистско-ленинской теории познания, более углублённому и конкретному исследованию категорий диалектического и исторического материализма» (В.З. Панфилов).

Вот как «творчески» развивает «марксистское языкознание», например, Г.В. Колшанский: «...абстрактное мышление, выработанное человеком, без языковой формы является *contradictio in adjecto*. Это утверждение исключает возможность мыслить вне языка...». Но особенно смехотворную концепцию Г.В. Колшанский выдвинул относительно теории «текста», назвав его основной единицей языка. Текст, по мнению Г.В. Колшанского «функционирует в обществе в качестве основной языковой единицы... Текст «заслуживает»... изучения как полноценной единицы языка.... текст является единицей коммуникации, в то время как предложение является единицей языка». Далее Г.В. Колшанский уточняет понятие текста: он рассматривает «текст как макроединицу языка» <...> Вот до какой ереси может додуматься профессор Московского лингвистического университета, порхающий между логикой и лингвистикой, и

по-настоящему не приблизившийся ни к той, ни к другой. Тем не менее, эта «теория» нашла поддержку профессоров этого и других университетов и некоторых членов-корреспондентов Академии наук, по своему теоретическому лингвистическому уровню не уступающих школьному учителю.

Состоялось ли на самом деле творческое развитие «марксистско-ленинского языкознания», как об этом постоянно пишут Б.А. Серебренников, Р.А. Будагов, Ф.П. Филин, В.З. Панфилов, А.С. Мельничук? Вот как об этом свидетельствует В.М. Алпатов: во многом происходит возврат к тому, что провозглашалось в журнале «Вопросы языкознания» в 1952–1955 гг., и от чего журнал сильно отошёл в последующие полтора десятилетия, разве что без прямого цитирования сталинских работ. В 70-е годы возврат к сталинским положениям, а тем более «к некоторым марристским идеям был шагом назад». «Ф.П. Филин, Р.А. Будагов и В.З. Панфилов называли себя марксистами и критиковали своих противников за «идеализм». Однако высказывания классиков марксизма у них в основном имели косвенное отношение к их реальным идеям...». Позиция этих трёх лингвистов имела совершенно определённые истоки, довольно мало связанные с марксизмом. В.М. Алпатов называет три таких позиции: 1) Понимание языкознания как чисто исторической науки. Это обычная позиция XIX века в языкознании. 2) Чистый эмпиризм, нелюбовь к абстракциям, тоже восходящая к XIX веку. 3) Прямолинейная связь между развитием общества и развитием языка Эта черта идёт от марризма, хотя и сглаженного, без четырёх элементов и прочей фантастики. Ю.С. Степанов пишет: «...при чтении многих работ по философии языка нельзя отделаться от впечатления, что «Говорить – это всё, что они умеют делать» <...>».

Нет ни «марксистско-ленинского», ни «буржуазного» языкознания, а есть истинное научное языкознание, которое ещё надо искать и искать. Развал экономической, политической и социальной системы СССР одновременно показал нам, линг-

вистам, что и теоретическое языкознание стояло на глиняных ногах, и от него мало осталось позитивной теории. Теория «марксизма-ленинизма» в языкознании – это удар по истинной теории языка, который был растянут на десятилетия. Вся интеллектуальная жизнь в стране была взята под контроль и подчинена идеологической доктрине «марксизма-ленинизма». Везде введена цензура, нельзя было опубликовать ни одного научного сборника без визы цензора, нельзя было послать научную статью по языкознанию даже в ГДР, нельзя было съездить даже в ту же ГДР на лингвистический симпозиум без разрешения партбюро своего же института <...>

Откуда же появилось «марксистско-ленинское языкознание» как особое учение о языке, полностью якобы отличное от мирового языкознания и противопоставленное ему, и могло ли оно быть научным в полном значении этого слова? Из идеологии коммунизма, из социально-экономических теорий и законов, во многом отличных от законов языка. Затем это «марксистско-ленинское языкознание» переросло в доктрину, в «марксистско-ленинскую» библию, которой должны следовать все языковеды. Вот основные тезисы этой «библии»: «Марксизм-ленинизм – единственно правильный компас для любого учёного, в том числе и для языковедов... Критерием тут является отношение к единственно верной основе познания мира – марксизму-ленинизму, незыблемость основ которого подтверждена всем ходом истории современного общества» (Ф.П. Филин). «Творческое применение марксизма-ленинизма является непременным условием успешного решения коренных проблем современного теоретического языкознания...» (В.З. Панфилов). «Советская наука о языке ... стремится занять своё место, свою идейную позицию в острых методологических спорах нашего века. Эта позиция определялась и определяется марксистским осмыслением природы языка и его важнейших функций...» (Р.А. Будагов). «...Основную задачу советское языкознание видит в том, чтобы всюду противостоять немарксист-

ским теориям в языкознании и бороться с ними...Материалистический подход к явлениям языка предполагает изучение языка таким, каков он есть, без всяких идеалистических добавлений, искажающих его сущность» (Б.А. Серебренников).

Однако постоянное навязывание одних и тех же идеологизмов расхолаживало лингвистов, освобождало их от умственной работы. «Самое же опасное – это тот случай, когда традиционно сложившаяся интерпретация бессознательно действует так, что человек проходит мимо фактов и даже не хочет обращать на них внимание» (Н.И. Жинкин). Мы так привыкли к стрельбе пустыми «марксистскими» фразами, что уже не замечаем их абсурда, а авторы этого абсурда тешат себя надеждами, что они развивают «марксистско-ленинское языкознание» и тем самым оказывают большие услуги науке и обществу. Некоторые работы по теории языка в исполнении некоторых «руководящих» лингвистов (Г.В. Колшанского, Б.А. Серебренникова, В.З. Панфилова, Р.А. Будагова, Н.С. Чемоданова, Ф.П. Филина и др. интересно читать лишь как лингвистические сказки.

И. Сталин отверг Н.Я. Марра по следующим пунктам: 1) язык как надстройка, 2) классовость языка, 3) попытка прикрыться цитатами из работ классиков марксизма-ленинизма как удобным щитом. Но и послемарровский период в теоретическом языкознании был полной демагогией, все теоретики языка встали в ряд сталинистов. Н.Я. Марр низвергнут – и правильно, – но на смену ему хлынул мутный поток примитивизма, словоблудия, дилетанства, вохваления вождя. Последователей сталинской теории языка было много, разных, но каждый подстраивал свою теорию языка под один и тот же «марксистско-ленинско-сталинский» официоз. Профессор О.И. Москальская, мой уважаемый преподаватель по ВИИЯ, вдруг прозрела и поняла, что она, оказывается, о языкознании ничего не слышала: «Сущность категории артикля стала мне действительно ясной только в свете учения И.В. Сталина

о специфике общественного характера языка как средства общения и в свете сталинской положения о том, что «структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох». В «сталинский период» языкознания предлагалось отказаться от разграничения фонологии и фонетики и даже отвергнуть понятие фонемы (см. заключение по дискуссии о фонеме: Известия АН СССР, ИЛЯ, 1953. № 6), в результате, чего – откат от мирового уровня по изучению фонологии, хотя именно Россия стала родиной открытия фонемы. Так что И.Д. Арутюнова не может считать себя первопроходцем в борьбе против «дегуманизации» языка из-за введения в языкознание антинаучного понятия фонемы.

«Марксистско-ленинское языкознание» пятидесятых и более поздних годов пронизано поклонением единственному лингвистическому Богу – И. Сталину и его теории языка. Сейчас нам из-за границы прислали новую лингвистическую соску под названием «когнитивной лингвистики», которую мы будем ещё долго сосать, покуда не объявится или очередной И. Сталин (в более мелких масштабах), или не придёт к нам лингвистический мессия и не спасёт российское языкознание. Но сейчас у теоретического языкознания путается под ногами шумная и навязчивая реклама «когнитивной лингвистики», раздуваемая продолжателями Западной лингвистической моды. «За последние годы у нас и за рубежом появляются молодые учёные, которые считают излишним получать профессиональную лингвистическую выучку». И далее: «Следствием такого легкомысленного подхода к своей специальности является отсутствие профессиональных знаний...» (Ф.П. Филин). В рамках обсуждаемого здесь пространства теоретических основ языка обнаруживается масса случайных, пустых, бессодержательных «теорий» и «теореек», сотканных из противоречивых утверждений, влияющих на процесс производства знания о теории языка, поскольку эти «теории» читают. И в то же время, не имеющих к науке никакого отношения. Я мог

бы, например, тоже вместо «когнитивной лингвистики» ввести в языкознание новую теорию языка – «теорему о когнитивном затылке». Пусть лингвисты гадают, что это такое.

Лингвисты нередко пишут сказки про белого бычка: ведь теоретическое языкознание не имеет истории. То, что было ранее, проходит мимо последующих поколений учёных, и каждый начинает с чистого листа. Вместо того, чтобы оценить старое, усвоить и диалектически переработать его, выработать соответствующие аксиомы языкознания и идти дальше -лучше сказка, но своя. Некоторые лингвисты жалуются на то, что до сих пор «не сформулирован идеальный проект лингвистики, т. е. не определены ответы на вопросы о том, что нужно изучать, и почему ценностью считается изучение именно «этого», а не чего-либо иного» (А.В. Кравченко). Как справедливо пишет Р.М. Фрумкина, наука живёт доказательствами, а не догмами. Как я показал в этой книге, «марксистско-ленинское языкознание», поскольку оно живёт не творческим развитием своего учения, а догмами, трещит по всем швам <...>.

В языкознании (да и не только в нём) десятилетиями разрушался индивидуальный механизм мышления, механизм дискуссий и обсуждений, механизм выработки индивидуального лингвистического мнения, механизм подключения каждого к конкуренции идей. Идеалом было цитатничество, стратегия и тактика научного творчества была разработана 150 лет тому назад «классиками» и подгонялись на злобу дня в докладах генеральных секретарей. Научное мышление требует определённой социальной среды, предусматривающей столкновение идей, их распространение, обоснование и опровержение. А разрушить такой механизм – значит разрушить научное мышление, что и происходит в языкознании <...>.

Проблема новой теории языка назрела и никому не удастся отмахнуться от нее или пересидеть острую ситуацию в каком-либо уголке лингвистического здания. Правда, в этом лингвистическом уголке толпятся уже некоторые скороспелые

лингвистические теории и теориейки и ждут своего бесславного конца (это, прежде всего, «когнитивная лингвистика» и «языковая картина мира»). Созревшая ситуация в языкознании требует особой смелости мысли. Опасность состоит только в том, чтобы мы заранее сами себе не внушили, что этого не может быть, потому что этого никогда не может быть. Элементы такого догматического, консервативного подхода особенно вредны при рассмотрении фундаментальной методологической проблемы – проблемы взаимодействия наук в исследовании сущности языка, против чего категорически выступает Е.С. Кубрякова <...>.

Советская лингвистика, как пишет А. Соломоник, под влиянием механистически понимаемого материализма чуралась формализованного подхода к языку. Все ведущие советские школы, которые благополучно свергали друг друга, были согласны в одном: формализованный подход к языку-табу, так как он противоречит материалистическому мировоззрению. Но так как знак в равной мере принадлежит и реальному миру и системе, в которую он входит, следует изучать его как с одой, так и с другой стороны, а также в обоих направлениях. Тогда по-иному будет решаться и проблема значения, которая давно зашла в тупик в лингвистике, и проблемы формальной логики на языковом материале.

Научная демагогия – один из главных аргументов в арсенале советских лингвистов, работающих в области теории языка, а также психологии и философии. Например, А.А. Леонтьев, хорошо усвоив этот метод, проявляющийся во многих его работах, анализирует высказывания крупных «буржуазных» учёных (М. Хайдеггера, Ортега-и-Гассета, К. Ясперса) следующим образом: «Все эти люди – буржуазные философы с известными именами. В их словах очень ясно отразилась человеконенавистническая сущность капиталистического общества» <...>.

Вот конкретные партийные решения о проблемах лингвистики: «О задачах советской филологической науки в све-

те решений 26-го съезда КПСС». Вот наше свободное научное творчество в языкознании: партия указывает, чем и как каждый из нас должен заниматься в языкознании. Р.М. Фрумкина пишет: «...во все времена лингвисты были обречены на непосредственную причастность к «идеологическому фронту». В культурной реальности это соответствовало государственной установке на тотальную идеологизацию любых проявлений духовной жизни... Проблема «язык и мышление» ... была отягощена идеологией в высшей степени».

«Марксистско-ленинское языкознание» проблему понимания сущности языка загнало в тупик, из которого нет никакого выхода: все выходы заблокированы разными теориями и теориейками, всё больше и больше препятствующими раскрытию тайны языка.

В интенсификации научных исследований были заинтересованы прежде всего те, кто громче всех и практически ежедневно возвещал о борьбе за построение нового типа общественных отношений. Но, как оказалось, забота об этом провозглашались лишь на словах. На деле же догматизм в науке, унификация и крайняя идеологизация духовной, всей общественной жизни, политическая и идейная монополия вели не к прогрессу, а к застою, упадку и регрессу. Надо ли долго говорить о том, что при таком отношении... [наука] не нужна была властям. Но не нужна она была и тем, кто в академических мантиях выступал не более как комментатором классиков марксизма и «исторических решений КПСС» <...>.

Ситуация в языкознании была такова, что все искали судорожно – не сказали ли по данному вопросу что-нибудь «классики марксизма». Небывалая по размаху догматизация марксизма всегда сопровождалась призывом творчески развивать марксизм. Однако из истории не только языкознания, но и других наук не известно ни одного случая такого творческого развития, кроме «творческих» работ И.В. Сталина по вопросам языкознания <...>.

В науке уместны только научные факты, а не академические чины. «Существенный недостаток современной лингвистики мне видится не в её эзотеричности («недоступности непосвящённым», ну зачем пугать читателя греческой терминологией, неужто так беден русский язык?), а в отсутствии серьёзной методологической рефлексии (зачем это неуместное слово, притянутое за волосы из психологии, т.е. «размышление») о предметах и внутренних путях самой этой науки» (Р.М. Фрумкина) <...> «Марксистско-ленинское языкознание» вылилось, действительно, во-первых, в некую «крайность», во-вторых, в некую «мечту», в «иллюзию», тормозившую развитие науки. «Русская крайность» в какой-то степени проявилась также в поголовном заимствовании всего «нового» из Западных «научных» арсеналов и продолжающих подпитывать российское языкознание, фактически оказавшихся самым настоящим лингвистическим блефом <...>.

Как преодолеть ошибки «марксистско-ленинского теоретического языкознания»? «Официальная поддержка враждебной науке «нового учения о языке» сменилась поддержкой традиционной науки, что было шагом вперёд, но общий принцип административного подхода к науке ни в чём не изменился, во многом дожив до нашего времени» (В.М. Алпатов). «...Чтобы изгнать идеологию из такой науки, как лингвистика, предстоит ещё понять, какие тезисы, установки, позиции суть следствие укоренившихся в нас самих идеологем... Наивно думать, что преодолеть идеологемы можно путём простого отказа от навешивания ярлыков. ... Обрыву культурной традиции в науке надо противопоставить кропотливое и целенаправленное создание недостающих звеньев цепи. Этот процесс невозможен без свободомыслия, понимаемого как норма. Для диалогического и диалектического мышления нужен «человек сомневающийся», человек вопрошающий, человек свободный» (Р.М. Фрумкина). Р.М. Фрумкина справедливо выступает против догматов-ответов «как известно». Наука невозможна без

преимственности. Движение науки идёт в двух направлениях: одни закономерности, будучи открытыми и описанными, помещаются в рубрику «как известно», другие пересматриваются в свете новых данных и из этой рубрики уходят, потому что теперь уже известно иное. Ничто, укрытое за стеной «как известно», не должно обладать статусом неприкосновенности. Вопрос о состоянии теории развития языка в «марксистско-ленинском языкознании» не в последнюю очередь зависел от подготовки кадров по этому вопросу, и главным рассадником такой подготовки должна была бы быть кафедра общего языкознания МГУ как ведущего учебного заведения страны. Но какие кадры могла выпестовать эта кафедра и могла ли она стать действительно ведущей, если с 1971 по 1997 год (26 лет!) этой кафедрой заведовал совершенно не разбирающийся в теории языка академик РАО Ю.В. Рождественский, основными научными интересами которого были темы: «Техника, культура, язык», «Общая филология», «Введение в культуроведение», «Теория риторики», «Принципы современной риторики», «Мораль, нравственность, этика», «Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование». А в «Лекциях по общему языкознанию – всё те же проблемы и никакого «общего языкознания»! Официальный гриф: «Учебное пособие для студентов высших учебных заведений по специальности «филология». Естественно, учение о сущности языка у Ю.В. Рождественского затмили его беллетристика и пустословие о «языкознании как гуманитарной науке», о риторике, лингводидактике, культуре речи, нравственности, этике, которые относятся к культурологии и к методическому циклу, а не к теории языка. «...Лингводидактика ... является такой отраслью методической науки, которая прокладывает путь собственно методике как теории методов обучения» (И.И. Халеева). Студентам даётся суррогат, из которого неясно, что же такое «язык» и что такое «общее языкознание». Членов этой кафедры Ю.В. Рождественский увёл в сторону от магистральных путей исследования проблем истинного

«общего языкознания» и каждый из них копался в своих проблемах, не очень связанных с теорией языка. С 23 июля 1982 года кафедра общего языкознания Ю.В. Рождественского была слита с кафедрой структурной и прикладной лингвистики. «Просуществовавшая бесславно шесть лет объединённая кафедра общего, сравнительно-исторического и прикладного языкознания была разделена...» (А.Е. Кибрик).

*

Раздел 2. 50-е годы. Марксизм и вопросы языкознания¹

Чикобава А.С. Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке (печатается с сокращениями по изданию: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 22–39).

Советскому языкознанию предстоит наметить научно-исследовательской работы в области языка. Это стало возможным благодаря трудам И. В. Сталина по вопросам языкознания. Первый из них – «Относительно марксизма в языкознании» – был опубликован 20 июня 1950 г. в газете «Правда» (два других – «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам» – опубликованы там же, 4 июля и 2 августа 1950 г.).

История языкознания не знает работ, которые вызвали бы столь радикальные изменения в положении нашей науки, которые оказали бы столь мощное и столь благотворное влияние на развитие языковедческой мысли.

Вскрыв подлинные причины застоя в советском языкознании, развенчав марровскую вульгаризацию марксизма, положив конец аракчеевскому режиму «учеников» и последователей Н. Марра, труды И.В. Сталина вывели советское языкознание из кризиса, который был создан господством так называемого «нового учения» о языке Н. Марра и аракчеевским режимом марровцев.

Труды И.В. Сталина указали пути обновления и мощного расцвета советской науки о языке.

¹ Название работы И.В. Сталина.

Более того. В трудах И.В. Сталина заложены основы марксистского языкознания. И.В. Сталин обосновал марксистскую теорию сущности языка. И.В. Сталин обосновал марксистское понимание основных вопросов теории развития языка. И.В. Сталин выдвинул руководящие положения по специальным методологическим вопросам исторического и описательного анализа языков. И.В. Сталин внес полную ясность в вопрос о первичности звукового языка. И.В. Сталин сформулировал марксистское понимание вопроса о роли языка для мышления.

До опубликования названных трудов И.В. Сталина советское языкознание располагало отдельными положениями и высказываниями классиков марксизма – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина по принципиальным вопросам науки о языке. Эти положения выдвигались в связи с анализом основных вопросов науки об обществе.

С выходом в свет труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» советское языкознание получило систему обоснованных положений по всем узловым вопросам науки о языке, принадлежащих перу классика марксизма.

«Внедрить марксизм в языкознание» – так сформулирована И.В. Сталиным основная задача, разрешить которую призвано советское языкознание. Внедрить марксизм в языкознание – это, в первую очередь, значит разработать систему общего языкознания на принципах марксизма, на положениях и высказываниях классиков марксизма по языку, на основе сталинского учения о языке.

Какое место занимает теория языкознания в системе науки о языке, чем отличается теория языкознания от философии языка, каково назначение этой теории? <...>

Наука о языке и есть историческое языкознание. Стало быть, общее языкознание, как теория науки о языке, не может не быть, должна быть теорией исторического языкознания. В этом и выражается принципиальное расхождение между общим языкознанием и идеалистической философией языка.

Философия языка не является теоретическим обобщением результатов исторического языкознания; философия языка не что иное, как дедуктивная теория языка; поэтому философия языка и могла существовать задолго до возникновения науки о языке. Общее же языкознание может существовать лишь при условии существования языкознания в целом, теоретическим обобщением которого ему надлежит быть.

В историческом языкознании находит выражение исследовательская практика научного изучения языков; благодаря историческому языкознанию мы располагаем точно установленными фактами. Общее языкознание призвано теоретически обобщить результаты, добытые в процессе изучения языков, осмыслить результаты исследовательской практики. Факты еще не составляют науки, но, однако, без надежных, точно установленных фактов никакой науки быть не может. В фактах не нуждаются религиозные воззрения, фактами не связывают себя метафизические системы философов. Наука в принципе отличается от них, прежде всего, тем, что она немыслима без точно установленных фактов. Большинство специалистов обычно и занято добычей фактического материала. Ограничиваться этим – далеко не идеал научной работы, но это все же лучше, чем беспочвенное теоретизирование при отсутствии надежного фактического материала: без акрибии в добывании конкретно-исторического материала никакие научные обобщения не были бы возможны. Осмыслить добытый конкретный материал, обосновать специальные методы добывания материала, создать из фактов науку как систему знания, помочь исследовательской практике – дело необходимое, и это приходится на долю теории данной науки.

Исследовательская практика без теории, осмысляющей добытый материал и приемы анализа материала, слепа; теория, лишенная надежной базы конкретно-исторического, научно установленного материала, пуста. Советской науке не нужны, ни слепая практика, ни пустая теория.

Исследовательская практика и теория редко находятся в нормальном соотношении; обычно наблюдается диспропорция: теория науки, как правило, отстает от исследовательской практики науки. Исследовательская практика эмпирической науки стихийно материалистична, чего нельзя сказать о теоретических обобщениях науки. Ни один специалист, занятый изучением фактов действительности (минералов, растений, животных, рукописей музея или археологического инвентаря), никогда не сомневался в том, существуют ли реально изучаемые им объекты или они являются <...>

Исследовательская практика науки стихийно материалистична. Теория науки должна быть сознательно материалистической. Наука материалистическая и в исследовательской практике и в теории, свободная от внутренних противоречий, явится передовой наукой, самым мощным воплощением человеческой мысли. Такова наша, социалистическая, марксистская наука, противопоставляющаяся буржуазной науке по своим принципиальным установкам, превосходящая ее по точности полученных результатов, отличающаяся от нее по практическому применению, которое она получает в борьбе за лучшее устройство человеческой жизни <...>.

В этой связи нельзя не коснуться вопроса о лингвистическом наследии. Н. Марр находил возможным заявить: яфетическая теория установила, что «есть лингвисты, но науки об языке доселе не было».

И.В. Сталин осудил такое отношение к лингвистическому наследию: «Послушать Н.Я. Марра и особенно его «учеников», можно подумать, что до Н.Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н.Я. Марра».

«Н.Я. Марр внёс в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н.Я. Марра».

На примере оценки генеалогической классификации и сравнительно-исторического метода И.В. Сталин показал, каким должно быть правильное отношение к наследию: отвергая научно несостоятельное, отбирать, сохранять научно ценное, положительное.

В этом отношении показательно, что И.В. Сталин, вскрыв несостоятельность теоретических обобщений «нового учения» и отбросив их, подчеркнул, что «у Н.Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливо написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, нужно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти немало ценного и поучительного. Понятно, что это ценное и поучительное должно быть взято у Н.Я. Марра и использовано».

Взять и использовать ценное и поучительное – такова сталинская формула отношения к лингвистическому наследию.

Мы рассмотрели основные вопросы, планомерное изучение которых стоит в порядке дня, решение которых необходимо для создания марксистского общего языкознания.

*

Кусикьян И.К. О моих ошибках, связанных с «новым учением» о языке (печатается с сокращениями по изданию: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1953. № 5. С. 136–141).

Значение критики и самокритики исключительно велико в наши дни, в период строительства коммунизма, когда необходимо вести усиленную борьбу с пережитками капитализма в сознании людей. Ошибки Н.Я. Марра и его последователей связаны именно с этими пережитками, которые и привели сторонников «нового учения» о языке к вульгаризации и извращению марксизма.

Как бывший последователь Н.Я. Марра, я ясно сознаю необходимость не только безоговорочного отказа от всех положений так называемого «нового учений» о языке, но и критики

своих работ, написанных до 1950 г., с тем, чтобы разобраться в причинах и результатах допущенных мною ошибок.

В своей работе до 1926 г. я придерживался положений сравнительного языкознания. Читая курс древнеармянского языка (в Москве), я основывался отчасти на работах старых армянских лингвистов (Айтыняна, Дашьяна и др.), отчасти же на работах А. Мейе.

В эти годы я пришел к мысли, что необходимо в области языкознания перейти на позиции марксизма. В 1923–1926 гг. ряд языковедов стал утверждать, что Н.Я. Марр совершает «революцию» в науке о языке, вводя в нее марксистский метод изучения языковых явлений. В связи с этим я с 1926 г. стал слушать лекции Н.Я. Марра, изучать его печатные работы. Немалую роль в стимулировании интереса к яфетической теории сыграли и неоднократные выступления с рекламированием теории Н.Я. Марра – М.Н. Покровского, В.М. Фриче и других.

У меня сложилось неверное убеждение, что язык – надстройка над базисом. Это было результатом того, что я неверно истолковал известные положения Маркса о надстройках, изложенные в его «Введении» к «К критике политической экономии». Я считал, что все положения так называемой яфетической теории подкрепляют основное положение о надстроечности языка. Таким образом, неверное понимание сущности языка и некритическое признание положительной оценки, которую тогда уже получила теория Н.Я. Марра среди части философов, привели меня на ложный путь в области языкознания.

С 1929 г. я стал устно и печатно пропагандировать яфетическую теорию Н.Я. Марра как «достижение» марксизма в языкознании (начав с изложения его «Бакинского курса»).

Многочисленные вопросы слушателей заставили меня сделать некоторые выводы относительно ряда «недостатков» в яфетической теории, в палеонтологическом методе Н.Я. Марра. Я внес некоторые «поправки» в положение Н.Я.

Марра о четырех элементах, якобы лежащих в основе лексики всех языков мира, и здесь проявились ошибки, уже лично мне принадлежащие <...>. Таким образом, я внес компромиссное решение <...>. Разумеется, такое «исправление» не могло «улучшить» теорию Н.Я. Марра; оно было вредно в том отношении, что являлось попыткой замазать одну из грубейших ошибок Н.Я. Марра.

Приняв марровские элементы с «поправкой», что их множество, но они классифицируются по четырем типам, я полагал, что теория Н.Я. Марра дает возможность связывать лексику языков различных семей <...>. Этим я стремился доказать, что на древнем этапе есть общность между языками различных семей, но нет заимствований. Иначе говоря, в этом будто бы обнаруживается единство языкотворчества. Немарксистское положение о единстве законов глоттогонического процесса, выдвинутое Н.Я. Марром в качестве одного из положений яфетической теории, я пытался обосновать на материале армянского языка. Здесь я допускал две грубейшие ошибки против основных положений марксизма о языке. Прежде всего, делая попытку связать армянский язык с неродственными языками, я тем самым отрицал внутренние законы развития языка. Во-вторых, опираясь на немарксистское положение о единстве глоттогонического процесса, я проводил идею, противоречащую марксистскому учению о развитии племенных, народных и национальных языков, – идею космополитическую и антиисторическую. Вслед за Н.Я. Марром я использовал армянский язык для мнимых доказательств, с одной стороны, единства законов семантики для языка различных семей, и с другой – развития семантики по «стадиям» мышления <...>. Применение ложного положения о единстве глоттогонического процесса к армянскому языку я считаю своей грубой теоретической ошибкой <...>. Однако я не выступал с критикой «теории» стадильности, полагая, что Н.Я. Марр обосновывал свою «теорию» на значительно более широком языковом

материале. В этом сказалось догматическое отношение к «новому учению» о языке <...>. Следует признать, что бесплодность ряда утверждений Н.Я. Марра я осознал уже в конце 30-х годов, когда начал работать над грамматикой современного армянского литературного языка <...>. С немарксистским положением о надстроечном характере языка тесно связано признание классовости языка. На этой ложной идее построено «Введение» моей грамматики современного литературного армянского языка <...>. Следствием ошибочных позиций в области языкознания явились неверные критические выступления с оценками работ по армянскому языку <...>. Следуя за Н.Я. Марром, я в то же время замечал отдельные недостатки в его построениях. Однако с их критикой я не выступал. Поэтому слова И.В. Сталина о том, что до начала дискуссии «ученики» Н.Я. Марра замалчивали неблагоприятное положение в языкознании, полностью относятся и ко мне.

Итак, мои ошибки в области языкознания заключаются в основном в том, что 1) я считал язык надстройкой над базисом; 2) яфетическую теорию Н. Я. Марра, в 30-х годах переименованную в «новое учение» о языке, я считал осуществлением задач марксизма в языкознании, учением о языке как надстройке и пропагандировал его печатно и устно; 3) отмечавшиеся мной отдельные недостатки в теории Н.Я. Марра в виде противоречий, неразвитых положений и т. п. я рассматривал как результаты роста так называемого «нового учения» о языке, полагая, что они будут преодолены по мере развития частных исследований; 4) отдельные положения «нового учения» о языке я пытался применить к армянскому языку; извращенно представляя себе историю армянского языка, я рассекал самый язык на части, следуя ложному принципу классовости; это нашло отражение в ряде статей и рецензий, а также в работе по грамматике современного литературного армянского языка, не вышедшей в свет.

Причиной моих ошибок следует считать начетническое отношение к положениям диалектического и исторического

материализма, неверное истолкование положений К. Маркса о надстройке. Но мой догматизм проявился и в настойчивом уклонении от критики недостатков в «новом учении» о языке, недостатков, не раз замечавшихся мною.

После выхода в свет работ И.В. Сталина по языкознанию я безоговорочно отказался от всех положений «нового учения» о языке. Выступая с критикой ошибок, допущенных мною, я считаю, что это лишь часть дела. Самокритика нужна не только для признания своих ошибок и их анализа, но, что самое существенное, необходима для исправления допущенных ошибок с тем, чтобы работать в направлении развития марксистского языкознания.

*

Александров Г.Ф. Обскурантизм и демагогия «семантического идеализма» (печатается с сокращениями по изданию: Александров Г.Ф. Труды И.В. Сталина о языкознании и вопросы исторического материализма. М.: Госполитиздат, 1952. С. 418–447).

Сталинская характеристика классово́й сущности надстройки, её активного служения своему базису является ключом к пониманию роли современной буржуазной философии и социологии, составляющих неотъемлемую часть надстройки над базисом монополистического капитализма. Философские и социологические воззрения империалистической буржуазии теснейшим образом связаны, слиты с её реакционной антинародной политикой, с её хищническими интересами и подчинены этим интересам. Эти философские и социологические воззрения далеки от науки, как небо от земли; это – беззастенчивая и вместе с тем цинично маскируемая ложь, с помощью которой империалисты тщатся укрепить загнивающий, разлагающийся капиталистический базис и оправдать политику экспансионизма, которая служит той же цели <...>

В США эту роль холуев американской буржуазии выполняют прагматисты-инструменталисты, мистики-спиритуалисты, националисты-расисты и космополиты, неомальтузианцы, идеалисты-семантики, томисты и т. п. В Англии наряду с неомальтузианцами и космополитами подвизаются неореалисты, логические позитивисты, фидеисты-социологи и фидеисты-«естествоиспытатели». Во Франции распространены такие «течения», как неотомизм, интуитивизм, экзистенциализм, в Западной Германии—идеализм фихтеанского и гегельянского толка, экзистенциализм и т. п. Буржуазия для того и создаёт многочисленные разветвления идеалистической философии и социологии, чтобы разными приёмами добиться одной цели – растления сознания масс, укрепления своего господства <...>.

Выражением маразма буржуазной философии является распространение в США и Англии так называемого семантического идеализма. Семантические идеалисты – типичные субъективные идеалисты, отличающиеся от махистов разве только тем, что они объявляют «элементом» всего сущего не ощущения как таковые, а слова, грамматические формы и т. п. Соответственно этому задача философии сводится ими «к анализу», т. е. к идеалистической фальсификации языка. Наука, по мнению семантических идеалистов, должна отказаться от сопоставления своих положений с объективной реальностью, от проверки своих выводов практикой. Объективная реальность – это-де лишь слова, выражения. Следовательно, наука обязана сравнивать слова, предложения лишь с другими словами и предложениями, считая эти слова и предложения обозначением субъективного состояния человека, его ощущений. Семантики утверждают, что все заблуждения, как в теории, так и на практике, происходят от того, что люди вкладывают в слова объективное содержание, рассматривают слова как обозначение неких объективно существующих вещей. Вследствие этого возникает «лингвистический хаос» – люди в сущнос-

ти не понимают друг друга и, больше того, превратно понимают друг друга и окружающие явления, принимая слова за вещи и воюя с ветряными мельницами. Отсюда-де все социальные конфликты; между тем стоит лишь людям поближе узнать и научиться лучше понимать друг друга, как исчезнут всякое зло и несправедливость на земле. Философы-семантики активно проповедают эту выгодную для буржуазии ложь. В свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания реакционная сущность семантического идеализма становится в особенности очевидной.

Среди многих сотен наёмных учёных лакеев буржуазии едва ли найдётся один, признающий неразрывную связь языка с развитием общества, с деятельностью и творчеством народных масс, не извращающий эту связь. Все они занимаются пережёвыванием произвольных конструкций, надуманных хитросплетений, изобретают всякого рода логические фокусы, суля путём магических комбинаций, предложений и слов найти выход из всех бед и зол современного капиталистического мира. Р. Карнап, о котором мы уже упоминали, старается свести вопросы философии и логики к синтаксису, убеждая при этом, что правила сочетания слов в предложениях и расположение предложений в речи условны, произвольны и что не существует каких-либо объективных закономерностей, которые бы их определяли. С точки зрения субъективных идеалистов, не, только внутренняя структура языка не имеет никакой закономерности, внутренней логики, но и формы языка произвольны, субъективны <...>. Недаром семантические идеалисты всю эту область знания—законы развития языка, человеческой речи, состояние словарного запаса и т. д. именуют «тёмными дебрями языка» <...>.

Идеалистическое истолкование основных проблем языкознания такими буржуазными лингвистами, как Соссюр, Мейе, Шухарт и др., привело буржуазную лингвистику к явной деградации <...>.

Разоблачая Н.Я. Марра как упрощителя и вульгаризатора марксизма, товарищ Сталин показывает, что Марр в своих ошибочных взглядах в ряде пунктов прямо смыкался с идеалистическими теориями буржуазного языкознания <...>.

Новейшие открытия марксистской науки, особенно же учение И.В. Сталина о языке, дают в руки последовательного материалиста огромной, разящей силы оружие против любой разновидности семантической философии. Субъективные идеалисты старались закрепить реакционные вымыслы логического позитивизма с помощью семантических спекуляций. Своим гениальным обоснованием основных законов развития языка товарищ Сталин доказал полную беспочвенность и научную несостоятельность семантического идеализма. Сталинский анализ основоположений научного языкознания камня на камне не оставил от попыток логических позитивистов опереться в борьбе против материалистической философии на выводы языкознания. Подлинно научные выводы в области языкознания, сформулированные товарищем Сталиным, наголову разбивают все попытки семантического обоснования субъективного идеализма <...>.

Марксистские положения по вопросам языкознания, выдвинутые и обоснованные товарищем Сталиным, опрокидывают и наголову разбивают всевозможные ухищрения семантиков-идеалистов. В свете сталинского исследования совершенно очевидно, что все ухищрения семантиков-идеалистов, выхолащивающих реальное общественное содержание языка и пробавляющихся субъективистскими конструкциями в области языкознания, должны быть и будут похоронены.

Семантические мракобесы сознательно запутывают вопрос о сущности языка, делают всё для того, чтобы подорвать любовь народов к своему родному языку, как к орудию общения людей, к национальной форме культуры.

Главный тезис, на котором сошлись все разновидности реакционной, идеалистической, семантической филосо-

фии, состоит в том, будто «язык не выражает ничего рационального» <...>.

Чего только при помощи подобного рода «философии» не обосновывают буржуазные идеалисты-семантики!

Одни из них оправдывают ведущиеся империалистами войны, стремясь выгородить поджигателей войны, отвести негодование масс, которым они говорят: «Займитесь-ка лучше собственным языком, очистите его от ненужных понятий, и тогда не будет войн и борьбы классов». Другие, как небезызвестный человеконенавистник-неомальтузианец В. Фогт, опять-таки скрывая от масс источники и причины нищеты, бедствий, голода, безработицы, обращаются к языку, к семантике, стараясь внушить, будто человек не может выразить словами действительность и будто в этом причина ошибок, несчастий и бед. Третьи, как это делает С. Чейз, призывают подвергнуть семантическому анализу такие слова, как «труд» и «капитал», «прибыль», «коммунизм», «капитализм» и другие, с тем чтобы люди поняли, наконец, что им собственно не о чем спорить, что они могут жить в мире. Дело дошло до того, что приказчики американских монополистов в комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о правах человека выступили с протестом против запрещения фашистской деятельности и фашистских организаций в США, Англии и других странах, так как, по их мнению, понятие «фашизм» слишком неопределённо <...>.

Нет нужды более подробно говорить о том, кому служат взгляды семантических мракобесов. Так, казалось бы, отвлечённые проблемы языка, мышления, гносеологии оказываются в условиях буржуазного общества подчинёнными интересам господствующих эксплуататорских классов. Едва ли возможны более наглядные свидетельства служебной роли философских взглядов идеологов современной империалистической буржуазии.

И. В. Сталин, неопровержимо доказав связь языка со всей жизнью общества, зависимость развития языка от развития

общества, обратил в прах буржуазную идеалистическую лингвистику.

*

Пути развития советского языкознания: к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции: редакционная статья (печатается с сокращениями по изданию: Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 3–17).

Пути развития языкознания в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции определялись следующими общественно-историческими факторами: а) утверждением и развитием в нашей стране нового общественного строя – социалистического; б) многонациональным составом Советского государства и коренными изменениями в нем положения народов, его образующих, и отношений между ними, а в связи с этим – открытием новых путей для культурного развития этих народов; в) особой культурной ролью русского языка, как языка мировой по значению русской литературы, культуры и науки. Великая Октябрьская социалистическая революция еще более повысила международное и межнациональное значение русского языка, изучение которого стало кровным делом всех народов Советского Союза и все шире распространяется за рубежом. Развитие языкознания, определяемое этими факторами, протекало в условиях выработки новых – марксистских – основ научного исследования при воздействии: научного наследия, оставшегося от прежнего времени, и развивавшейся по своим путям зарубежной науки о языке. Без осмысления этих социально-исторических причин и условий нельзя понять ни глубокого своеобразия хода развития советского языкознания, ни особенностей его содержания, ни его нынешнего состояния. Рост культуры народов Советского Союза с общими для всех них и национально-специфическими чертами, расцвет отечественной науки, распространение всеобщей грамотности и, в связи с этим, рас-

ширение в социалистическом обществе сфер употребления как русского, так и иных национальных письменных литературных языков – все это вызвало напряженную деятельность советских языковедов, направленную на углубленное теоретическое и практическое изучение структуры и закономерностей развития самых разнообразных языков больших и малых народов нашей страны <...>.

Эта работа дала свои результаты; в настоящее время все народы нашей страны имеют свои собственные школьные грамматики как для общеобразовательной школы, так и для педагогических учебных заведений; советское языкознание имеет научные грамматики также почти всех языков народов Советского Союза. Для многих из этих языков впервые были созданы подробные научные грамматики (например, для башкирского, кумыкского, каракалпакского, аварского, лезгинского, абазинского, коми и др.). Особенно следует отметить появление научных грамматик таких мало изученных языков, как палеоазиатские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, горские языки Кавказа. За последние семь лет только Институтом языкознания АН СССР составлено более 40 научных грамматик по более чем 30 языкам народов Советского Союза <...>..

Общественно-политическое значение русского языка как языка русского народа, языка великой революции; культурное значение этого языка как языка великой литературы, развитой науки; разветвленное и связанное с давней славистической традицией всестороннее изучение этого языка, высокая научная разработанность вопросов его строя, его истории – все это обусловило крупнейшую роль науки о русском языке в научном изучении языков других народов Советского Союза <...>. В 1956 г. были утверждены уточненные и унифицированные «Правила русской орфографии и пунктуации», вышел в свет приспособленный к этим правилам справочный «Орфографический словарь русского языка». Издан также словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» <...>.

Создана двухтомная Академическая грамматика современного русского языка, дающая наиболее полный охват фактического материала и обобщающая достижения русской грамматической науки послереволюционного периода. В многочисленных монографиях, диссертационных работах, статьях получили освещение разнообразные частные вопросы морфологии, синтаксиса и словообразования русского литературного языка в его историческом развитии. Впервые в истории русской филологии подготовлен и издается большой Академический словарь языка А.С. Пушкина – основоположника нового русского литературного языка. Помня завет В.И. Ленина о создании образцовых толковых словарей современного русского языка, советские языковеды развернули большую работу по подготовке словарей разных типов. В последние два десятилетия составлены четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, вышли из печати 5 томов академического 14-томного «Словаря современного русского литературного языка» и 1-й том нового четырехтомного «Словаря русского языка». Создание словарей русского языка сыграло значительную роль в развитии лексикографии национальных языков СССР. В течение последнего десятилетия сформировалась новая отрасль науки – лингвистическая география. Создается капитальный труд – атлас русских народных говоров <...>.

Перед советским языкознанием в области грамматической науки встала задача, прямо противоположная идее универсальной философско-логической грамматики старого типа: задача раскрытия грамматического строя языков разных структур строго в рамках этих структур в соответствии со спецификой каждой структуры. Такой путь может создать действительно прочную основу для выяснения и установления общезыковых закономерностей, в частности – для выяснения так называемых внутренних законов развития языка – их природы, сферы и границ их действия, их исторической

судьбы <...>. В 40-е годы отдельные интересные результаты в области сравнительного языкознания встречаются даже в трудах лингвистов марровского направления, использующих сравнительный метод, но широко сочетающих его с исследованием скрещивания языков (В.И. Абаев) и с типологическими исследованиями (С.Д. Кацнельсон, А.В. Десницкая). Применение типологических сопоставлений для доказательства сравнительно-исторических гипотез все шире используется за последние десятилетия и в зарубежной науке. Очень любопытна тождественность результатов, полученных независимо друг от друга Э. Бенвенистом и С.Д. Кацнельсоном благодаря сравнительно-историческому и типологическому изучению индоевропейских суффиксов порядковых числительных и суффиксов степеней сравнения. Следует отметить, что актуальность применения типологических сопоставлений в сравнительном языкознании признается большинством современных лингвистов: этому вопросу был посвящен особый доклад на Международном лингвистическом конгрессе в Осло в текущем году. После лингвистической дискуссии 1950 г., после выхода в свет работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» наметилось некоторое оживление в области сравнительно-исторического исследования родственных языков. Появилось несколько ученых монографий и статей по славянскому сравнительному языкознанию (см. особенно труды акад. АН УССР Л.А. Булаховского по славянской акцентологии, ряд исследований по вопросам глагольного вида и времени и т. и.). Ценный материал для балтийского языкознания содержится в последней монографии чл.-корр. АН СССР Я.М. Эндзелина по латышской топонимике. Возрос интерес к изучению таких языков, как клинописный хеттский (труды проф. Г.А. Капанцяна, Г.В. Гамкрелидзе и др.), тохарский. Развертывается работа по этимологии и сравнительно-исторической лексикологии индоевропейских языков (иранских, славянских, германских). Обсуждаются проблемы сравнительно-исторического

синтаксиса применительно к разным семьям языков. Углубилась и расширилась сфера сравнительно-исторического исследования финно-угорских языков после важных по значению и широких по охвату трудов Д.В. Бубриха [ср. его очерки исторических грамматик удмуртского, эрзянского, финского (суоми) языков]. Все более усиливается подготовка к созданию сравнительно-исторической лексикологии и грамматики тюркских языков. Возрастает интенсивность изучения в сравнительном плане монгольских языков (см., например, «Сравнительно-историческую грамматику монгольских языков» проф. Г.Д. Санжеева). Исследуются в сравнительно-историческом плане картвельские языки, и созданы предпосылки для создания их сравнительно-исторической грамматики. Успешно ведется сравнительное изучение других групп кавказских языков. Таким образом, хотя после лингвистической дискуссии 1950 г. еще не достигнуто очень значительных и, во всяком случае, желаемых результатов в сфере сравнительно-исторической лингвистики, но наметился явный и очень резкий перелом в отношении к этому важному направлению <...>.

В союзных и автономных республиках возникли новые научно-лингвистические центры (Тбилиси, Ереван, Баку, Ташкент, Алма-Ата, Якутск, Махачкала, Сыктывкар и др.). Характерной чертой советского языкознания является глубокая и тесная связь его с другими науками, конечно, прежде всего – с общественными, но отчасти и с науками математического, естественно-научного и технического циклов. Советское языкознание не обособляется от филологии в широком смысле этого слова, но опирается на все достижения филологии и само содействует им. Связь с марксистским литературоведением особенно наглядно наблюдается в исследованиях по истории литературного языка, по стилистике языка художественной литературы и народно-поэтического творчества. В общем понимании закономерностей исторического процесса языкового движения и в конкретных изучениях историй отдельных язы-

ков советское языкознание пользуется в качестве своей базы марксистской теорией исторического развития общественных явлений и, следовательно, неразрывно связано с историей и марксистско-ленинской социологией, с археологией и этнографией. Одной из проблем, постоянно стоявших в центре внимания советских лингвистов, является вопрос о связи языка и мышления. Применительно к древнейшему периоду эту проблему пробовал решить акад. Н.Я. Марр, использовавший наблюдения Кассирера, Леви Брюля и других зарубежных этнографов и лингвистов. В том же направлении шло исследование этой проблемы в работах В.И. Абаева. В исследованиях А.П. Рифтина и С.Д. Кацнельсона сказывается заметное влияние книги А. Соммерфельта «Язык и общество». Спорность, а нередко и ошибочность этих теорий, касавшихся главным образом архаичных периодом развития языка и мышления, очевидна. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены, прежде всего, по линии собирания новых этнографических и лингвистических данных, относящихся к племенам, наименее развитым в социально-экономическом и культурном отношениях <...>. В связи с вопросом о сотрудничестве лингвистов с представителями других наук и в связи с проблемой прикладной лингвистики следует отметить значение давно уже установленного контакта фонетистов – учеников Щербы с работниками связи. Благодаря этому контакту был выполнен ряд исследований по лингвистической статистике. Развитие математической лингвистики в нашей стране за последние годы было связано с работой над машинным переводом и над информационными машинами. Впрочем, здесь мы стоим лишь на пороге самостоятельных исследований как конкретного, так и теоретического характера. Напряженная и разносторонняя деятельность советских языковедов протекала в сложной и противоречивой обстановке действия двух методологических систем. Одна из этих систем – важнейшая – шла из марксизма как общей методологии обще-

ственных наук; вторая – из различных методологических направлений, проникших в наше языкознание из других философских систем. В первое время после революции наиболее влиятельными из этих направлений были: психологическое (идущее от школы Бодуэна де Куртенэ), социологическое (идущее от школы Соссюра и Мейе) и эстетическое (идущее отчасти от разветвлений потебнианства, отчасти от эстетики символизма и футуризма, отчасти от школы Б. Кроче) <...>. Главные усилия советских языковедов – из числа тех, кто видел ограниченность старых направлений, сосредоточились на выработке таких общих положений науки о языке, которые могли бы с наибольшей полнотой выявить существо языка и природу языковых явлений. Опору в этой работе советские языковеды стали видеть в марксистском положении о материальной основе общественного бытия и в положении о борьбе классов, как содержании и движущей силе исторического процесса в период классового общества. На этой основе сформулировались две важнейшие линии советского материалистического языкознания первых десятилетий после революции: изучение языка в связи с материальной культурой и изучение языка в аспекте классовой борьбы. Обе указанные линии наиболее отчетливое выражение получили в работах Н.Я. Марра и его последователей. В этих работах проявилось и то успешное и плодотворное, что такие направления исследования могли дать, и то ошибочное и искусственное, что они с собою несли. Изучение языка в тесной связи с материальной культурой сильнейшим образом повысило значение данных языка для раскрытия истории материальной культуры древнейших эпох жизни человечества и позволило с гораздо большей полнотой и ясностью оценить памятники этой культуры. В связи с этим возникшая еще в рамках сравнительно-исторического изучения существующих и исторически прослеживаемых языков гипотеза особой языковой семьи – яфетической – переросла в концепцию о яфетической стадии в истории развития языков

вообще, а в дальнейшем – в антиисторическое учение о стадильном развитии языков вообще. Такой поворот имел некоторые положительные и – в большей степени – отрицательные следствия. Положительным следствием было чрезвычайное расширение орбиты изучаемых языков, включение в нее древнейших языков Передней Азии. Плодотворность такого включения выявилась в последующей истории языкознания – в обращении многих ученых, шедших по своим путям, к изучению древних языков Закавказья и Передней Азии (в работах акад. И.И. Мещанинова, чл.-корр. АН СССР Г.В. Церетели) в их сопоставлении, что уже привело к большим научным результатам (ср. также описательную грамматику урартского языка Г.Л. Меликишвили). Отрицательным следствием было создание на основе учения о стадиях концепции единства глоттогонического процесса, приведшей к антиисторическому, произвольному сближению фактов отдельных языков – как в действующем состоянии этих языков, так и в их прошлом – без опоры на реальный исторический материал, с игнорированием конкретной исторической этимологии. Это привело к ошибочным толкованиям многих важных фактов, к множеству ложных и мнимых «обобщений» и толкало лингвистов на путь абстрактных построений. Изучение языков в аспекте борьбы классов чрезвычайно повысило внимание к фактам языка, отражавшим общественную жизнь, позволило с большей полнотой и конкретностью понять социальную природу языка. На этой почве возникшее еще раньше и развивавшееся по своим путям в зарубежном языкознании социологическое направление у нас вылилось в ошибочную концепцию языка как надстроечной категории. Положительным следствием развития социологического исследования языка было расширение круга языковых фактов, изучаемых в социальном аспекте. Плодотворность такого расширения выявилась: а) в более отчетливом определении разных типов социальных диалектов; б) в постановке вопроса об общем языке в условиях действия ши-

роко развитых местных диалектов; в) в приходе к новому-строго историческому-пониманию явления, именуемого национальным языком, пониманию, приведшему в дальнейшем к гипотезе о движении языка от состояния, характерного для языка племени, к состоянию, характерному для языка народности, и в дальнейшем – к языку нации; г) в новом – исторической – трактовке явления, именуемого «литературным языком», и в расширении его проблематики. Отрицательным следствием отношения к языку как надстроечной категории было создание концепции классового характера языка. Эта концепция привела к стремлению оценивать явления языка в том же аспекте, как и явления, характеризующие правовые, политические, этические, эстетические и философские системы. Те же явления борьбы различных идеологических концепций, какие наблюдаются в праве, политике, этике, эстетике и философии, стали искать непосредственно в самом языковом материале как таковом. Это приводило к искусственному толкованию ряда языковых фактов и отвлекало лингвистов от понимания природы языка как общественного явления, не входящего ни в базис, ни в надстройку. Сложилось искаженное понимание семантического развития языка, семантика языка смешивалась с идеологией, мышление – с мировоззрением. В дискуссии 1950 г. по вопросам марксизма в языкознании И. В. Сталин убедительно показал неправильность концепции языка как надстроечной категории. С тех пор понимание языка как общественного явления *sui generis* вместе с положением о языке как практическом действенном сознании и с положением о языке как орудии развития и борьбы и стали основными теоретическими и методологическими принципами советского языкознания. Первое положение определяет пути изучения природы языка и его функций, второе – пути изучения соотношения языка и мышления, а также языка как средства выражения, третье – пути изучения конкретной истории языков. Теоретические и методологические основы советского языкоз-

нения сделали его особым направлением в составе мировой науки о языке и определили своеобразие его содержания. Поэтому всякое сопоставление советского языкознания с другими направлениями мировой лингвистической мысли не может производиться без учета различия в принципиальных и методологических основах лингвистического исследования. Такое сопоставление не может производиться и без учета конкретной истории языкознания в нашей стране за последнее полувековье. Эта история поучительна и знаменательна сама по себе: она наглядно – на живом опыте науки в огромной стране – показывает, как тесно само направление лингвистической мысли, стимулирующее выход на первый план тех или иных конкретных задач, было связано с историей советского общества – многонационального по своему составу, общества, строящего социализм; какое первоначально важное значение имел развертывавшийся в самой конкретной лингвистической работе и сопутствовавший ей сложный и трудный, но совершенно необходимый процесс выработки новых теоретических и методологических основ самой науки о языке.

*

РЕШЕНИЕ Ученого Совета филологического факультета МГУ от 24/ХП – 1958 года (печатается по изданию: Иванов Вяч. Вс. Голубой зверь (*Воспоминания*) // Звезда. 1995. № 1. С. 190).

В общественные организации факультета в ноябре 1958 года поступили сигналы об антипатриотическом поведении преподавателя кафедры общего и сравнительного языкознания Вячеслава Всеволодовича Иванова. Для проверки этих сигналов президиум Ученого Совета факультета назначил комиссию в составе проф. Самарина Р.М., Ломтева Т.П., Ефимова А.И., доцентов Звегинцева В.А., Соколова А.Г., секретаря партбюро доцента Юшина П. Ф. и председателя профбюро, доцента Бабенко И.И.

Комиссия, ознакомившись с материалами, вызвала на свое расширенное заседание Вячеслава Всеволодовича Иванова и заслушала его объяснение.

В своих объяснениях Вяч. Вс. Иванов заявил о несогласии с оценкой советской и партийной общественностью антисоветского романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

Кроме того, комиссия на этом заседании пыталась выяснить характер отношений Вяч. Вс. Иванова с изменником Родины, невозвращенцем, ныне гражданином США Р.О. Якобсоном. На заседании комиссии Вяч. Всеволодович Иванов отрицал какие-либо личные связи и неофициальные встречи с Якобсоном. Однако впоследствии, спустя несколько дней, в беседе с секретарем партбюро П.Ф. Юшиным он вынужден был признать, что играл роль посредника в организации встречи Якобсона с Пастернаком на даче последнего. Кроме того, в той же беседе Вяч. Вс. Иванов сообщил и о другой частной встрече с Якобсоном в Москве.

Комиссия ознакомилась также с выступлением Вяч. Вс. Иванова на Международном лингвистическом конгрессе в Осло, на Международном Славянском конгрессе в Москве и с его статьей, напечатанной в № 5 журнала «Вопросы языкознания» за 1 958 год. Из этих материалов видно, что Вяч. Вс. Иванов всячески поддерживает и популяризует работы Р. Якобсона как в своих выступлениях на международных съездах, так и в советской прессе.

Такой характер личных связей и апологетическое отношение к идеям, концепциям и личности врага марксизма Якобсона несовместимы с достоинством советского ученого-патриота.

Идейно-моральная неустойчивость Вяч. Вс. Иванова проявилась и ранее (в публичной защите идейных ошибок профессора С.М. Бонди, отмеченных в решении МГК КПСС в 1957 году).

Комиссия считает также необходимым подчеркнуть, что за годы пребывания Вяч. Вс. Иванова на факультете он не про-

явил себя активным общественником и борцом за внедрение марксизма-ленинизма в языкознание.

Таким образом, на основании длительной и подробной беседы с Вяч. Вс. Ивановым и всестороннего обсуждения указанных выше фактов комиссия пришла к единодушному заключению, которое она выносит на рассмотрение и утверждение Ученого Совета:

1. Вячеслав Всеволодович Иванов своими антипатриотическими поступками и поведением в отношении с Б. Пастернаком и Р. Яacobсоном обнаружил отсутствие элементарной идейно-моральной устойчивости, необходимой для советского ученого и преподавателя-воспитателя советских студентов.

2. В длительной товарищеской беседе в комиссии Вяч. Вс. Иванов не проявил никакого стремления осознать допущенные им ошибки и, как обнаружилось позднее, проявил неискренность, скрыв ряд существенных фактов, касающихся его встреч с Яacobсоном.

3. Освободить Вячеслава Всеволодовича Иванова по изложенным выше мотивам от должности преподавателя филологического факультета Московского университета.

Председатель Ученого Совета филологического ф-та МГУ
профессор Самарин Р.М. (подпись)

Ученый секретарь (А.Д. Калинин) (подпись)

(печать филологического факультета МГУ)

*

Раздел 3. 60-е годы. Советское языкознание на подъеме¹

Виноградов В.В. О преодолении культа личности в советском языкознании (печатается с сокращениями по изданию: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М.: Издательство «Наука», 1964. С. 9–29).

Приступая к разговору о последствиях культа личности Сталина в области советского языкознания, было бы нецелесообразно ограничиться лишь перечнем и анализом отдельных ошибочных или спорных (но догматизированных в обстановке культа) лингвистических положений и формулировок, содержащихся в статье «Относительно марксизма в языкознании» и последовавших за ней (после внезапного обрыва дискуссии) сталинских ответов на письма и вопросы. Ведь культ личности существовал и до 1950 г. Он разлагал языковедческую науку, тормозил ее развитие. Лингвистическая дискуссия в 1950 г. была вызвана нетерпимым положением в нашей науке, созданным двадцатипятилетним господством марровского «нового учения» о языке. Трудно сказать, чем был вызван неожиданный для всех поворот в отношении Сталина к этому «учению», о многолетней официальной поддержке которого он не мог не знать, но при любом историческом истолковании этого поворота остается фактом, что тот режим, который сам Сталин охарактеризовал как «аракчеевский», мог возникнуть и развиваться в наших лингвистических научных

¹ Заголовок статьи В.В. Виноградова в Известиях АН СССР. ОЛЯ. 1951. Т. X. Вып. 3.

учреждениях и в филологических высших учебных заведениях только на почве культа личности.

Внутренний идеологический характер этого «режима» и после дискуссии 1950 г. по своему существу мало изменился. Он приобрел лишь иную направленность: вместо фантазий Марра догмой сделались мысли Сталина по вопросам языкознания. Далеко отклоняться от них и даже самостоятельно развивать их не очень рекомендовалось. Можно было только их «комментировать» и приводить все новый и новый материал для их подтверждения. Так строились и почти все диссертации того времени.

Но вместе с тем нельзя забывать и о большой положительной роли, которую сыграло для нашего языкознания освобождение советских лингвистов от догм и фантастики марровского «учения». Нельзя отрицать, что без вмешательства Сталина в лингвистическую дискуссию такого освобождения в условиях культа личности не могло бы быть. Реабилитировать идею генетического родства языков, понятие языковых семей, сравнительно-исторический метод, отказаться от безусловного признания идеологически абстрактной «стадиальности» языкового развития и т. д. без вмешательства Сталина едва ли удалось бы. Сам Сталин, быть может, и не придавал особенно большого значения реабилитации этих и других основополагающих аксиом и выводов классического языкознания, но замечания его по этим вопросам дали возможность советской лингвистике возвратиться на большую дорогу мирового языкознания и этим сыграли важную историческую роль.

Необходимо ясно воссоздать картину состояния лингвистической работы накануне дискуссии 1950 г. Выводы биологической дискуссии 1948 г. были механически и полностью перенесены главарями марровского направления на лингвистику. Борьба против своеобразно понимаемого «космополитизма» и «низкопоклонства перед Западом», которая велась в литературе и искусстве во второй половине 40-х годов, служила

основанием для демагогического зачеркивания значения всей современной зарубежной лингвистической науки <...>.

Поэтому, разоблачая сейчас с наибольшею последовательностью и строгостью все упрощения, упущения и ошибки Сталина, указывая на урон, нанесенный науке их канонизацией, нельзя забывать и о том, что вмешательство Сталина в науку о языке (пусть это вмешательство было чисто административным) положило конец самому трудному периоду в истории нашей науки, какого не было в советское время ни в одной другой науке, даже в биологии.

Поэтому, критикуя Сталина, сопоставляя его схематические рекомендации с современным состоянием соответствующих вопросов, подчеркивая его ошибки, надо четко отделять их от тех элементарных положений, в выдвигании которых никакой особой заслуги Сталина не было, но которые сами по себе не перестают быть правильными.

Нет необходимости устраивать критический осмотр и испытание наукой и временем всем теоретическим положениям, выдвинутым Сталиным в брошюре «Марксизм и вопросы языкознания». Достаточно остановиться на наиболее существенных из них.

Сталинский тезис о языке как явлении ненадстроечном рассматривался в качестве наиболее сильного аргумента против марровского учения о языке. Марр действительно считал язык идеологической надстройкой. В «новом учении» о языке этот тезис был органически связан с тезисом о стадильном развитии языков. В настоящее время, когда созданы все возможности для более детального и вдумчивого анализа сталинской аргументации, в ней можно обнаружить немало непоследовательностей и противоречий. Выступая как противник Марра, Сталин тем не менее смыкался во многом с Марром в понимании самой сущности надстройки, и в лингвистических высказываниях Сталина многое непонятно, если мы будем их рассматривать вне контекста «нового учения» о языке <...>.

Сталин упустил из виду, что в определенных исторических условиях надстройка может оказывать довольно сильное влияние на развитие языков. Разве возникновение европейских национальных литературных языков, таких, как английский, немецкий, французский, испанский и другие, не было связано с возникновением централизованных буржуазных государств? Ярким примером влияния социалистической надстройки на развитие языков могут служить многочисленные языки народов Советского Союза. Правильно поставив вопрос об исторической устойчивости языка и его роли как межклассового средства общения, Сталин, тем не менее, многого в этом вопросе не учел и дал противоречивое и одностороннее понимание надстройки <...>.

В статье «Относительно марксизма в языкознании» Сталин полемизировал не столько с Марром, сколько с теми языковедами – участниками дискуссии, которые под знаком защиты марровского учения в сущности отстаивали вульгарно-социологический подход к языковым явлениям <...>.

Упорно подчеркивая безразличие языка по отношению к классам и осуждая попытки языковедов опереться на высказывания классиков марксизма, ясно и определенно указывавших на наличие фактов социальной дифференциации в языке, Сталин свел на нет значение исследований в области подлинной социологии языка <...>.

В вопросах, заданных Сталину, был правильно подмечен отход его от традиционного марксистского определения языка. Вопрос гласил: «Маркс и Энгельс определяют язык как «непосредственную действительность мысли», как «практическое действительное сознание». «Идеи, – говорит Маркс, – не существуют оторвано от языка». В какой мере, по Вашему мнению, языкознание должно заниматься смысловой стороной языка, семантикой и исторической семасиологией и стилистикой, или предметом языкознания должна быть только форма?». В ответ Сталин вынужден был признать, что семантика «являет-

ся одной из важных частей языкознания» и ей «должно быть обеспечено в языкознании подобающее место» <...>.

Из взглядов Сталина логически вытекало пренебрежительное отношение ко всем фактам языка, зачисленным в разряд «диалектов, жаргонов, салонных языков» <...>.

Одностороннее и упрощенное толкование коммуникативной функции языка привело Сталина к ошибочному выводу, согласно которому язык всегда был и остается одинаково единым и безусловно общим для всех членов общества, для всех социальных и территориальных групп, из которых состоит тот или иной народ, на всех этапах развития общества – от первобытно-общинного родового строя до высокоразвитого классового общества <...> .

Не находятся ли эти не поддающиеся доказательству высказывания Сталина в явном противоречии не только с данными истории конкретных языков, но и с известными теоретическими выводами Маркса и Энгельса, согласно которым «... в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках... отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией» <...>

В формулировке Сталина максимальное упрощение приводит к искажению реальных соотношений в языке. Грамматика имеет дело не со словами, а только с формами. Разные «ярусы» языка в работе Сталина смещены. Отсюда и вульгаризаторская формула о том, что грамматический строй непосредственно отражает изменения в промышленности, сельском хозяйстве, науке, технике и т. д. <...> Во всяком случае, эта сталинская формула о непосредственном отражении грамматическим строем языка изменений в хозяйственной жизни общества вступает в непримиримое противоречие с его же тезисом о сходстве грамматики и геометрии. Эта аналогия между

грамматикой и геометрией очень полюбилась современным американским лингвистам; она встречается, например, в работе проф. Р. Якобсона «Грамматика поэзии и поэзия грамматики». Сталин уподобляет грамматику геометрии, которая «дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов» <...>.

Само собой разумеется, что Сталину было трудно разобраться во всех этих вопросах и поэтому он ограничился лишь общими замечаниями относительно семантики, предостерегая только от злоупотребления ею <...>.

Несмотря на наличие в брошюре Сталина большого количества неточных, а иногда прямо ошибочных положений, несмотря на то, что некоторые вопросы, которых касался Сталин, получили в его брошюре чрезвычайно упрощенное решение, она была неправомерно возвеличена, объявлена «гениальным» трудом, знаменующим новый, высший этап в развитии советского и мирового языкознания. Возникли такие формулировки, как «сталинское учение о языке», «сталинский этап в развитии языкознания» и т. д. Это типичный признак культа личности. Даже в тех случаях, когда Сталин лишь повторял общеизвестные элементарные истины, многими они рассматривались как великие открытия, углубляющие наши представления в данной области языкознания. Изложенные в брошюре Сталина положения воспринимались догматически, как не подлежащие не только пересмотру или уточнению, но даже творческому осмыслению.

Многие статьи и брошюры, вышедшие в это время, лишь повторяли и толковали положения Сталина; в тех случаях, когда авторы обращались к конкретному языковому материалу, они нередко ограничивались лишь применением к этому материалу положений брошюры Сталина, что не могло не приводить к упрощенному, даже одностороннему освещению ряда фактов из истории языков и их современного состояния. Но было бы несправедливым в то же время утверждать, что в течение 1950–1956 гг. не выходили ценные исследования по

различным языкам. Советское языкознание продолжало двигаться вперед.

Можно назвать значительное количество таких работ, где упоминание имени Сталина и цитирование его брошюры носили чисто внешний, декларативный характер, не отражаясь существенно на содержании самого исследования. Но бесспорно, что одновременно с такими трудами выходили книги и статьи, в которых ошибочные или неточные положения Сталина определяли самое существо работы. Даже такое явно ошибочное утверждение Сталина, как признание «курско-орловского диалекта» основой русского национального языка, находило истолкование и «подтверждение» у продолжателей; и если некоторые исследователи делали попытки, так сказать, приспособить это положение Сталина к реальным, давно известным фактам (выдвижение, например, роли южновеликорусского наречия в процессе формирования русского национального языка), то другие авторы, грубо искажая факты, прямо противопоставляли эту «гипотезу» традиционному положению о роли московского диалекта в процессе складывания русского национального языка <...>.

В области исторической лексикологии господствовали труды, имеющие целью доказать устойчивость очень примитивно понимаемого «основного словарного фонда» и некоторую подвижность «словарного состава» языка; при этом языковые факты нередко искусственно подгонялись к этим положениям Сталина <...>.

Тяжелые последствия для исторических исследований имело догматическое усвоение положений Сталина о характере исторического развития языков: всю сложность процессов языковых изменений сводили к «основным элементам», которые «развертывались» от этапа к этапу путем постепенного и длительного накопления элементов нового «качества» и т. д.; своеобразие периодов, характеризующихся резкими сдвигами в языке, оставалось необъясненным и необъяснимым. Те

же выводы и утверждения механически переносились на изучение истории литературных языков. Одним из последствий культа личности Сталина в языкознании было сужение круга языковедческих проблем, подлежащих рассмотрению и исследованию. Это относится, например, к области семантики, к связи языка мышления и др. Сталинская оценка семасиологии привела к резкому снижению или даже прекращению на время семасиологических исследований. Вообще наметилась тенденция ограничиться тем кругом проблем, который затронут в брошюре Сталина. В связи с этим, например, упал интерес к фонетике и фонологии, совершенно были заброшены типологические исследования.

Выступление Сталина, освободившее советское языкознание от пут марризма, и особенно от порожденного обстановкой культа личности, произвола учеников и последователей Марра, тормозивших развитие советского языкознания, в то же время не привело к расцвету науки о языке, так как наложило на нее новые путы, сковало развитие языкознания новыми догмами.

*

Конрад Н.И. О перспективах развития советского языкознания (печатается по изданию: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М.: Издательство «Наука», 1964. С. 5–8).

Вопрос о перспективах развития советского языкознания вполне законен. Мы понимаем его так: дело идет о языкознании, т. е. о науке. О науке – значит о теории и методологии. Разговор о перспективах дальнейшего развития языкознания в нашей стране тем самым должен вестись вокруг основных положений самой науки, т. е. теории и методологии.

Что побуждает нас призвать нашу научную лингвистическую общественность к такому разговору? Современное положение в науке о языке у нас и во всем мире. Это положение, по нашему мнению, определяется пятью фактами.

Факт первый. Как всем нам хорошо известно, в нашей стране велась и ведется большая и плодотворная работа по изучению языков народов Советского Союза. Работа эта создает прочную основу для всей деятельности нашего общества в области образования, просвещения. Она является вкладом лингвистов в дело строительства культуры и науки в нашей стране.

Уже на этой почве перед исследователями вставали и встанут многие вопросы теории и методологии лингвистического исследования. Эти вопросы обсуждаются не только в печатных работах, но и на специальных конференциях.

Вместе с тем на теоретические вопросы наталкивал и сам материал исследования – языки народов нашей страны. Они бесконечно разнообразны. В них представлено очень большое число различных языковых групп, отличных друг от друга генетически и структурно. Нередки различия и в уровнях развития языков. Но все они функционируют в единой общественной среде, на равных началах, с одними и теми же общественными и культурными задачами.

Все это, в свою очередь, ставит перед лингвистами, занятыми изучением этих языков, теоретические и методологические вопросы, в значительной степени новые для науки о языке. Такие вопросы также уже вышли из пределов отдельных работ и стали предметом общественного суждения. Напомню хотя бы одну из конференций последнего времени: конференцию в Ленинграде по вопросам аналитических конструкции в языках различных типов.

Второй факт. Во всем мире, особенно в последние десятилетия, наблюдается одно очень ярко выраженное явление: огромное расширение общественного диапазона языковой коммуникации и соответствующее увеличение ее общественной силы. Это проявляется во влиянии языка – в той форме, которая действует в такой коммуникации, – не только на сознание людей, но и на их поведение, общественное поведение. На этой почве возникли новые представления не только о роли

языка в общественной жизни, но и о различных планах языка, формах его выявления, сферах его функционирования; сложились различные свои теоретические концепции. Мы не можем пройти мимо этих концепций и должны разобраться в них и определить свое отношение к ним.

Третий факт. Общественная обстановка во всем мире и отвечающий ей современный уровень цивилизации потребовали и ввели в действие ряд новых средств общественной языковой коммуникации – средств технических. На этой почве сложилась глубоко своеобразная отрасль прикладного языкознания, исследователей которой часто называют лингвистической инженерией. В ряды языковедов вступил и очень уверенно занял в них свое место новый тип языковеда – инженер-лингвист.

Но на этом дело не остановилось. Тот аспект, в котором язык предстал в этой инженерно-лингвистической сфере, вызвал к жизни свою собственную систему приемов обращения с языком, свою лингвистическую технологию, а на этой почве зародились и получили развитие концепции, определяющие и саму природу языка. Это также факт, мимо которого пройти невозможно.

Четвертый факт, с которым мы также весьма явственно сталкиваемся, это появление новых теоретических положений в связи с развитием самой лингвистической науки. Всякая наука имеет собственную внутреннюю логику, направляющую течение научной мысли как вглубь, так и вширь. С этой стороны в высшей степени поучительно развитие лингвистических концепций, выдвинутых в свое время школой Бодуэна де Куртене в нашей стране, развитие этих концепций в работах членов Пражского лингвистического кружка, в дальнейшем – в особых формах и направлениях – в работах представителей Копенгагенской школы языкознания и далее – в работах некоторых американских лингвистов.

Другим примером действия внутренней логики развития науки может служить разработка вопросов языковой типоло-

гии, кстати сказать, той отрасли лингвистики, в создании которой наше языкознание также принимало большое участие.

Пятый факт, и последний, заключается в воздействии на языкознание других наук. Языкознание, как и всякая другая наука, существует в мире, где все явления общественной жизни, а вместе с ней и жизни природы так или иначе связаны между собой и воздействуют друг на друга. Поэтому влияние на науку о языке других наук – и общественных и естественных – вполне закономерно и неизбежно и даже в известной мере необходимо. Необходимо хотя бы потому, что нередко именно под влиянием каких-либо наук формируются новые положения языкознания. Наглядное подтверждение этого факта дает сама история языкознания.

Если обратиться к мировой лингвистической мысли последних десятилетий, нетрудно увидеть, какое большое влияние оказывают на языкознание другие науки, вернее их отдельные направления.

Упомяну хотя бы о несомненном воздействии на языкознание тех отраслей логики, которые называются логикой отношений и математической логикой. Упомяну о влиянии социологии, особенно того направления социологии, которое называют бихевиоризмом. На стыке языкознания и социологии возникло то, что называется антропологическим направлением в науке о языке.

Наконец, сильное влияние на языкознание имеют и те новые науки, которые именуются семиотикой и кибернетикой.

Таковы пять фактов, которые, по нашему мнению, обуславливают нынешнее состояние лингвистической мысли.

Но тут необходимо учитывать одно особое обстоятельство. Многие из тенденций, обрисовавшиеся в современном языкознании, по-своему выводят науку о языке в план общего мировоззрения, в план идеологии. И наоборот, многие чисто мировоззренческие факторы оказывают самое непосредственное воздействие на языкознание. И это относится равным образом

ко всем направлениям современной лингвистической мысли, в том числе и к тем, которые протекают в сфере как будто самого прикладного, самого «технического» языкознания. Самым явным образом связаны с мировоззрением те отрасли науки о языке, которые возникли под влиянием кибернетики.

Таково состояние мировой лингвистической мысли в наше время. Как наша собственная лингвистическая работа, так и мировая наука о языке привели у нас к очень большому оживлению теоретической мысли. Совершенно несомненно, что языкознание в нашей стране в последние годы вступило в полосу своего подъема. Факт в высшей степени отрадный и обнадеживающий. Достаточно вспомнить целый ряд конференций как в Москве и Ленинграде, так и во многих городах Советского Союза, на которых обсуждались чисто теоретические вопросы.

Но в этом безусловном оживлении есть кое-что, что образует новые трудности. Все еще замечается известная склонность к догматичности, стремление преодолевать имеющиеся ошибочные или разрешать спорные положения с помощью именно догматических утверждений. Нередко такой «обратный догматизм» вызван вполне понятной резкостью отгалкивания от догматизма прежней формации. Но все же здесь следует вспомнить о том, что настоящая борьба с догматизмом не может быть эффективной, если она ведется с помощью того же догматизма.

Мы можем все это преодолеть, и для этого у нас есть необходимые условия. У нас была и еще, к счастью, живет и работает группа лингвистов, всегда, даже во времена особой силы догматизма, искусственно и принудительно ограничивавшего исследовательскую мысль, ведущих свою работу во всеоружии лингвистических знаний и на должном общетеоретическом уровне. У нас всегда была и есть многочисленная группа лингвистов, ведущих работу исключительно важную по своему культурному значению, — работу по изучению язы-

ков народов нашей страны; группа лингвистов – несравненных знатоков самого разнообразного языкового материала, привыкших считать лингвистическим фактором лишь то, что дает языковой материал в его действии. У нас есть кадры молодых лингвистов – образованных, талантливых, с большим тяготением к большим теоретическим проблемам, – тяготением, подкрепляемым при этом весьма острым ощущением новых путей, по которым идет наука.

Но при всех этих различиях все мы в одинаковой мере проникнуты единым желанием: делать именно то, что нужно нашему социалистическому обществу; проникнуты желанием сделать науку о языке в нашей стране достойной величия нашего общества. Таким образом, мы считаем, что настоящее серьезное обсуждение в печати перспектив развития советского языкознания у нас состояться может.

Как же мы должны его провести? Для ответа на этот вопрос надо сначала сказать, чего мы не должны делать. Мы не должны тут же, с самого начала, предлагать нашей лингвистической общественности какую-нибудь готовую теорию. Мы не можем этого сделать сейчас, во-первых, потому, что у нас нет еще всех необходимых данных, если помнить о том, что представляет в настоящее время мировая наука в языке вообще. Мы не можем этого сделать, во-вторых, потому, что нам нужно сначала выслушать мнение не одного какого-нибудь лингвиста, пусть и очень авторитетного, или какой-нибудь группы единомышленников, а по возможности разных лингвистов, представителей различных направлений и оттенков лингвистической мысли.

Мы должны поставить перед собой такие проблемы: 1) знаковости в языке; 2) внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в языке; 3) количественных и качественных явлений в языке; 4) грамматической теории, особенно в связи с вопросами типологии.

*

Югов А. К. Эпоха и языковой «пяточок» (печатается с сокращениями по изданию: Югов А.К. Судьбы русского слова. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 3–17¹).

<...> Рассказывал мне Борис Викторович Шергин, этот – и в сотый раз не премину сказать! – замечательный русский писатель, под стать Пришвину и Бажову, писатель, сильно способствовавший вожделению севернорусской речи. Слушал он однажды, как наставляли своих учеников, будущих исполнителей былин и сказаний, сперва одна руководительница, а затем другая. Первая была почти неграмотная. Просто – сказительница. А другая – фольклористка, кандидат наук. Будущих читателей народного художественного слона, естественно, волновал вопрос: что и для кого читать?

– Слово к человеку примеряйте! – кратко посоветовала им сказительница.

– Ориентируйтесь на интеллектуальный горизонт, на сферу интересов аудитории! – изъяснила другая.

Поняли, конечно, но ведь ни одного же русского словечушка! Частные как будто примеры, но их же неисчерпаемое множество. И житейская наша речь и художественная русская литература невероятно засорены иностранными словами и синтаксическими оборотами, при этом без всякой надобности, а просто в силу некоей умственной лени, небрежения к родному языку, чем кичились в былые времена гуляющие по заграницам дворянчики. Свидетельством того, что именно от дворянского сословия исходила зараза безнародности, сиречь космополитизма, могут быть среди множества прочих <...> Все еще не выполненным остается и нами, писателями, и учеными завет Ленина об очистке русского литературного языка. Это вопрос большой и не только

¹ Надо сказать, что в 1972 г. этот материал был переиздан (Югов А.К. Думы о русском слове. М.: Современник, 1972. С. 52–66), что свидетельствует о его актуальности.

чисто литературный или научный, а общенародной важности политический вопрос <...>.

В свое время «Литературная газета» начала было отличное патриотическое дело, выступив со статьей А. Добрянского «Сорняки низкопоклонства», в которой приводились вопиющие примеры засорения терминологии нефтяного дела (дробней перегонки нефти) английскими словами. Какой поток писем-откликов хлынул в редакцию! Здесь представлены были люди разных профессий и разного образования. У всех наболело! Жаловались инженеры, жаловались кондитеры. В ненапечатанном письме инженера-нефтяника В. Пархоменко сообщалось, между прочим, что книга «Стахановцы бакинских полей», предназначенная для рабочих, настолько была засорена английскими терминами, что трудно было понять советскому рабочему даже сущность «крекинга». Еще бы! Без всякой нужды мы втащили в дробную перегонку нефти, где неоспоримо русское первенство, сотни таких слов, как лубрикетинг, микстер, стреннинг, чиллер, ресивер, рисайкл, квенчинг, кулинг, саллютайзер, инхибитор и т. д. Где же тут вещественность, зримость для русского нефтяника?! Какая чудовищная расточительность умственных сил и времени! Это сплошь чужесловный словарь! И какой тормоз здесь росту русских рабочих кадров! А между тем, по сообщению того же самого инженера, диссертация одного молодого нефтяника, целиком посвященная русской терминологии крекинга, была признана делом излишним! <...>

Я особо прошу читателя вдуматься в нижеследующее. Труды наших фольклористов, да и вообще людей, изучающих живой русский язык, все копятя и копятя бесценные сокровища самоцветов и перлов русской речи. Но так как пуристические окрики со стороны современных каченовских, отлучение просторечия от книги, от газеты, от радиовещания запугивают и прозаиков и поэтов, то сокровища народного просторечия лежат втуне, они пылятся и тлеют в сундуках фольклористов:

«Злой Кащей над золотом чахнет!» Эти сокровища должны быть творчески претворены, переплавлены прозаиками и поэтами.

Поменьше надо стеснять писателя и поэта в выборе речевых изобразительных средств. Побольше доверия их знаниям, таланту, вкусу и разбору! И многие из числа виднейших наших языковедов именно так и смотрят на это.

Увы! Целый век и еще четверть столетия минули с тех пор, как великий основоположник русского литературного языка, борясь за его слитие с живым языком трудового народа, провозгласил: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка». За это время были у нас и Крылов, и Лев Толстой, и Маяковский – подлинно исполины в этой борьбе за народность литературного русского языка, за вокнижение не только словаря трудовых масс, но и неразрывного с ним речестроя. А что же, а что же?! Одержало ли полную победу великое движение, зачинателем коего был Пушкин? Угомонились ли сенковские, каченовские и гречи наших дней? Нет и нет! Напротив, вопреки тому непреложному факту истории, что в нашем Отечестве вот уже более пятидесяти лет, как рабочий класс и трудовое крестьянство взяли государственную власть в свои руки и строят коммунизм, вопреки тому факту, что творцы художественного слова ныне почти сплошь из рабочих и крестьян, им, писателям и поэтам, приходится претерпевать упорный, я бы сказал, «хронический» натиск в такой великой области народной культуры, как русский литературный язык. Прислушайтесь к сетованиям писателей и поэтов: редкий из них не вспомнит горьких для него случаев, когда он вынужден был (под давлением «священно-непрерываемого» справочника выбросить то или иное слово, а иногда и выражение но причине якобы «нелитературности» оного. За последнее время у нас не было недостатка в грубых и всегда мнимочуемых окриках за «просторечие», «провинциализмы», «диалектизмы» в языке того или иного писателя. Кто во что горазд! <...>

И весьма возможно, что сей безнадежный спор будет прикончен справкою из так называемого «ушаковского» словаря, где слово «влезть» опорочено, а на каком основании, одному аллаху ведомо, – пометкою «разговорное» (то есть, понимай, «нелитературное»). Как же нам быть-то теперь? Каким словом заменить этот глагол? «Влезть»? Но влезают во что-либо. Влезть на дерево нельзя <...>.

Под опалой «запретителей» находятся – и уже много лет! – хотя бы так называемые присоединительные связи русского языка, свойственные в особенности устной речи народа, по многократно воплощавшиеся и в творениях наших классиков, те самые присоединительные связи, которыми, по словам В.В. Виноградова, Пушкин поразил своих современников <...>.

Не буду таиться: вот так, в таком направлении и преподавал бы я так называемую «стилистику». И тогда, мне кажется, и стало бы понятным и оправданным суждение Виссариона Белинского, что стилистика должна быть завершением, венцом грамматики. А еще непререкаемая истина, хотя и не для всех привычная, дана в том суждении мыслителей языка, что не язык народа строится по учебникам грамматики, а грамматика извлекается из языка. И – стилистика тоже! Она – в словаре. Она – в речестрое народном Истинная стилистика. Хотите создавать подлинную науку, – назовем ее привычно «стилистика», – поклонитесь земным поклоном словарю народа.

Нужно откровенно сказать, с бедой вкусового, мнимонаучного запретительства еще можно было бы совладать, если бы рядовые запретители не находили себе опору в дурной, заведомо обветшалой традиции некоторых наших лексикографов, которую они без должного пересмотра восприняли от старых, дореволюционных времен. У нас вошло в дурной лексикографический обычай пятнать словарь русского народа неодобрительными и даже прямо запретительными пометами: «просторечие», «областное», «разговорное», «устарелое», а еще, когда речь идет о каких-либо орудиях труда, то в большом

ходу помета: «спец.», то есть специальное, «ножовка» (пила) – «спец.»; «коловорот» – тоже «спец.». Скоро доживем, до того, что и «гвоздь», и «лопата», и «стопор» будут «спец.»!

Посмотрим же, от каких слов «предостерегают» советских граждан. Это не цитаты, я считаю это горсточкой улик.

«Авось» – сложное наречие, издревле общенародное. Надо ли разъяснять его изумительную выразительность и мыслемкость? Вероятно, ни одни из русских классиков не отказывал этому наречию в литературности. Не чурались они этого слова и в поэзии, исполненной лирики: «Авось на память по неволе придет вам тот, кто вас певал» (Пушкин). У Гончарова: (Штольц) «неспособен был... броситься на стену на авось». Правда, в академическом словаре 1789 года это слово объявлено было «простонародным». И вот «хвост» этого отвержения от литературных прав тянется и к нашей лексикографии: в новом академическом словаре 1957 года «авось» снабжено пометой «разговорное», то есть опять-таки не вполне литературное. А почему, спрашивается?

Надо быть решительно тугим на ухо в русском языке, чтобы «предостерегать» русского человека против таких слов, как «позариться» (и пример-то ведь дан какой чудесный: позариться на чужие деньги); «пожива»; «подмащивать» (несовершенный вид глагола «подмостить»); «подмоклый», «понабрать» (понабрал повсюду работы, еле справляется); «понавидаться» (понавидался разных диковин); или вдруг объявить, неведомо почему, сложный предлог «по-за» «областным» (?!). Позволю себе спросить, какая же из областей нашего Отечества является счастливым обладателем этого сдвоенного предлога? Курская, Вологодская, Московская? А пример-то дан из Гоголя: «Здесь Чичиков... скорее за шапку да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо».

Наречие «походя» тоже объявлено лишь «разговорным», а пример приведен из трудов Ленина: «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом...» <...>.

Павел Петрович Бажов дал такой отзыв об этом словаре: «Обычный недуг этого словаря: в нем никогда не найдешь того, что особенно нужно». Известно, что «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный Владимиром Далем в итоге сорокасемилетнего титанического труда, содержал в себе свыше двухсот тысяч слов, да ученый редактор четвертого издания профессор Бодуэн де Куртенэ прибавил еще двадцать тысяч слов. В четырехтомнике же Ушакова оставлено только... восемьдесят пять тысяч двести восемьдесят девять слов! Справедливость требует уточнения: особенности морфологии и синтаксиса Маяковского также были исключены из этого «толкового, литературного» словаря за «неологизмы», которые, дескать, не утверждены еще в языке <...>.

Барски-пренебрежительное отношение к труду и к трудовому народу, укреплявшееся не только одними гимназиями, а и всей системой классового общества, сказалось в презрительном отрицании законнейшего права трудовых масс участвовать своей живой речью, всем своим жизненным укладом в созидаании великого общенародного литературного языка <...>.

К счастью, и здесь, как всюду, мудрость Коммунистической партии указала нам выход – благотворный и скорый. Выход этот – в трудовой перестройке всего нашего образования <...> Закон об укреплении связи школы с жизнью вернет живой, рабочей речи ее право быть неотъемлемой частью языка великой нашей литературы. Герой современности – это и тракторист, и доярка, и слесарь..., а не только человек гуманитарных наук. В Записке Н.С. Хрущева справедливо указаны изъяны прежнего обучения в школе: «Наша общеобразовательная школа страдает тем, что ставит своей целью дать выпускникам определенную сумму абстрактных знаний, достаточных для получения аттестата зрелости» <...> Трудовая перестройка школы очень скоро скажется и на языковом воспитании подростков и юношества, на представлениях молодежи о языке....Это приведет к широчайшему, глубинному и вещественному знанию языка <...>.

Писателей и поэтов великой эпохи теснят на языковой «пяточок» словарники и «узаконители» ветхого, каченовско-греческого закваса. Но мы можем и должны сказать: больше доверия свободному, самостоятельному языковому мышлению самого учителя, самого редактора! Сколь многие из них обладают уже и своими трудами по русскому языку и учеными званиями. Они не обязаны следовать повелительному гнету научно не обоснованных справочников и целого ряда брошюр по «стилистике» <...>.

*

Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? (печатается с сокращениями по изданию: Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? М.: Издательство «Наука», 1968. С. 9–12, 257–268).

В последнее время в среде советских философов, социологов, лингвистов, а также ученых других специальностей заметно возрождение интереса к проблеме всеобщего языка. В октябре 1963 г. на заседании Президиума Академии наук СССР член-корреспондент М.Д. Каммари назвал проблему всеобщего языка весьма актуальной и жизненной и признал, что наши ученые в разработке ее «запоздали по крайней мере лет на двадцать, если не больше». В сборнике статей Института философии АН СССР «От социализма к коммунизму» (1962) он писал о вполне реальной перспективе создания всеобщего языка: вопрос о создании общего языка всех народов выдвигается «всем ходом развития мировой системы социализма, и он несомненно будет решен на основе последовательного применения принципов пролетарского интернационализма».

В материалах к лекциям «Научный коммунизм», составленных коллективом авторов и недавно (1965) выпущенных Издательством политической литературы, высказывается двойственная концепция «либо – либо»: либо один из национальных языков постепенно станет общим для всех наций, все более расширяя интернациональный фонд своей лекси-

ки, либо всеобщим станет совершенно новый язык, созданный на научной основе. Весьма знаменательно признание, высказанное в одной из этих лекций: «Научный синтез всего ценного, что имеется в существующих языках, нельзя считать утопией...».

В коллективном труде «О коммунизме», выпущенном Политиздатом, член-корреспондент АН СССР историк М.П. Ким пишет: «Проблема единой формы будущей коммунистической культуры это в конечном итоге проблема единого для всех языка. Не станет ли им какой-нибудь из современных национальных языков? Дать определенный ответ на этот вопрос сейчас невозможно. Вернее всего... человечество... выработает новый язык, который вберет в себя самые совершенные качества современных национальных языков» .

На страницах журнала «Коммунист» член-корреспондент АН СССР Б.Г. Гафуров отмечал пробуждающийся в Советском Союзе интерес к проблеме языка коммунизма: «В связи с переходом от социализма к коммунизму нас не может не интересовать вопрос о дальнейшем сближении социалистических наций в СССР, а также проблема будущего слияния наций и образования единого языка».

В одном из номеров журнала «Коммунист» за 1965 г. помещена статья Ю.Д. Дешериева, М.Д. Каммари и М.А. Меликяна, в которой говорится, что «проблема создания международного вспомогательного языка должна быть решена, исходя из современного состояния и перспектив дальнейшего развития общества, науки и техники. Успешное решение этой проблемы – одна из важнейших задач языкознания».

Сотрудничество лингвистов, социологов, философов-логиков и терминологов, представляющих все области науки и техники, здесь совершенно необходимо <...>.

Лингвистов больше интересует проблема вспомогательного языка, чем единого: они не заглядывают слишком далеко вперед. Об этой проблеме в последнее десятилетие

тие писали в свои [статьях Е.А. Бокарев и О.С. Ахманова, В.П. Григорьев, упоминали В.В. Иванов и Ю.К. Лекомцев, А.В. Суперанская и другие наши языковеды. Она воспринимается все чаще как актуальная проблема настоящего, тогда как единый общечеловеческий язык – проблема отдаленного будущего, к которой неизвестно когда и как можно будет приступить. Характерно в этом отношении рассуждение члена-корреспондента АН СССР В.А. Аврорина: он уверяет, что «у нас нет никаких объективных данных судить о том, в каких формах будет протекать процесс образования единого языка: будет ли это чем-то вроде спортивных соревнований по олимпийской системе с конечной победой одного из языков, будет ли это постепенное смешение всех или хотя бы нескольких из существующих языков на основе полного равноправия или, наконец, это будет искусственно созданный язык с логически безукоризненной структурой. Решение этих вопросов и даже составление прогнозов в этом отношении – дело отдаленного будущего».

Авторы некоторых статей и брошюр, в которых затрагивается проблема всеобщего языка, либо упоминают о едином общечеловеческом языке неведь какого отдаленного будущего, не видя, что в перспективе ближайшего будущего стоит проблема вспомогательного международного языка, либо упоминают о вспомогательном, побочном языке, не видя, что за ним встает проблема основного языка нового человечества, в дальнейшем единого. При этом они полагают, что в наше время начать научно разрабатывать, теоретически решать вопросы всеобщего языка еще рано: будто бы для этого еще нет нужных фактов, достаточных данных. Едва коснувшись проблемы языка нового человечества, они тотчас же отходят от нее со словами, полными неопределенности: «На какой стадии развития коммунизма произойдет этот процесс, покажет будущее». Или: «Каким будет этот язык грядущего коммунистического общества, на какой стадии он сложится, покажет время».

Те, кто рассуждают подобным образом, видят только настоящее – многоязычье при отсутствии общечеловеческого языка – и отдаленное будущее – общечеловеческий язык при отсутствии многоязычья. Но ведь между этими двумя противоположными состояниями всемирного общества должен неизбежно лежать весьма длительный исторический период всеобщего двуязычья (на первом этапе – и триязычья там, где уже существует двуязычье). Всеобщим языком наряду с существующими может стать либо один из национальных по происхождению, либо один из существующих проектов вспомогательного языка, либо научный синтез языков человечества, который требует обстоятельнейших исследований очень большого объема, широкого международного сотрудничества.

Какой из этих трех возможных вариантов следует признать наилучшим, оптимальным? Об этом надо думать, писать, говорить, спорить уже сегодня. Язык будущего есть проблема настоящего: в будущем (быть может, не столь далеко, как это кажется) всеобщий язык перестанет быть проблемой – станет живой реальностью как второй язык всех народов мира. Именно в наши дни проблема всемирного языка может и должна стать объектом плановой научной разработки.

Настоящая работа представляет собой развитие и конкретизацию тезисов доклада «Проблема всеобщего языка с позиций марксизма-ленинизма», с которыми автору довелось выступить перед лингвистической комиссией Наркомпроса РСФСР весной 1936 г. Понадобились усилия почти всей сознательной жизни для того, чтобы начатый в юности труд довести до конца <...> .

2. ЛИНГВИСТИКА ВЫСШИХ УРОВНЕЙ – КРИТИЧЕСКАЯ И ТВОРЧЕСКАЯ

Перефразируя известное изречение Маркса о философах, можно сказать, что лингвисты до сих пор лишь описывали и объясняли различным образом языковую действитель-

ность мира, – задача состоит теперь в том, чтобы ее изменить. Это однако не означает изменения существующих языков, ни тем более отказа от них, этого богатейшего языкового наследия предшествовавших поколений. Это означает лишь создание совершеннейшего из языков на основе критической переработки языкового опыта человечества, его повсеместное распространение и использование наряду с издавна существующими языками.

Марксизм ставит вопросы, писал Ленин, «но не смысла одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...». В применении к лингвистике это требует научного предвидения языка будущего и практической деятельности, направленной на превращение этого предвидения в жизнь.

Лингвистика не может оставаться наукой только двух временных измерений – познающей прошлое языков (чем занимается лингвистика историческая) и их настоящее (чем занимается лингвистика описательная, структурализм в частности): она должна думать и о языке будущего <...>.

Прежде чем приступить к «строительству» всеобщего языка, необходимо разработать во всех деталях его план, его схему – определить его лексическое содержание в понятиях, грамматическую структуру в категориях, а также фонемический строй и соответствующий ему алфавит. Первые две задачи особенно сложны. И здесь поначалу необходимо определить общие научные принципы построения лексики и грамматики всеобщего языка <...>.

Каков же должен быть фонемический строй общечеловеческого языка? Для ответа на этот вопрос необходимо возникновение новой фонологии – критической. Не констатация фонемического строя того или иного языка, тех или иных языков, а критическая и сравнительно-критическая оценка их, выработка точных критериев определения степени благозвучнос-

ти языков. Нередко говорят, что, например, итальянский или французский языки – красивы по звучанию. А в чем именно заключается их благозвучие? И можно ли создать язык более благозвучный, чем эти языки и любой другой эволюционного происхождения? В разработке критической фонологии и ее требований, без сомнения, могут помочь и новейшие – машинные – методы фонетических исследований, звукозапись и ее расшифровка. Законы языкового благозвучия могут и должны быть найдены и сформулированы.

Наряду с решением всех этих новых задач, встающих перед лингвистикой социализма, необходима и разработка усовершенствованного алфавита для усовершенствованного языка: существующие алфавиты, изобретенные в далеком прошлом, далеки от совершенства <...>.

Проблема всеобщего языка неотделима от проблемы совершенствования языка, которая обычно называется проблемой прогресса в языке. В чем состоит прогресс в языке? На этот вопрос еще нет научно обоснованного и общепризнанного ответа <...>.

Всеобщий язык на сегодня лишь идея – идея, выдвинутая всем ходом общественной истории. А ведь никакие – даже самые реалистические – идеи сами по себе осуществляться не могут. По словам Маркса и Энгельса, «для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу».

В научном решении проблемы общего языка всех народов заинтересованы народные массы всех стран, рабочий класс, трудовое крестьянство, прогрессивная интеллигенция, учащаяся и трудящаяся молодежь.

Самое трудное – сделать первый шаг по новому пути к новой цели. Таким шагом на пути создания всеобщего языка могла бы быть организация в Институте философии и Институте языкознания Академии наук СССР групп или секторов по изучению и разработке философских, социологических и лингвистических проблем всеобщего языка, в Институте стандар-

тизации Совета экономической взаимопомощи социалистических стран – группы или сектора международных проблем терминологии. Эти группы или секторы могли бы работать по согласованным планам, регулярно собираться на совместные совещания и публиковать результаты своих научных исследований в общих сборниках.

Следующим мероприятием могло бы быть учреждение (на основе указанных групп и секторов) Института международных лингвосоциологических исследований. Программу работ составили бы следующие задачи: изучение всех созданных ранее интерлингвистических проектов и практического применения некоторых из них, изучение работ по созданию языка-посредника автоматического перевода и новых методов лингвистических исследований – с целью использования тех и других в интерлингвистике, выработка общих взглядов по основным вопросам всемирного международного языка на основе все более детальной и глубокой разработки всех аспектов проблемы, подготовка кадров интерлингвистов и организация международной дискуссии по ней на страницах специального месячного журнала на главных языках мира. Важны будут и социологические исследования потребностей народов в общем языке, этнически нейтральном, и реальных возможностей для решения проблемы такого языка в обозримом будущем.

В решении проблемы языка будущего нельзя забегать вперед – это верно, но равным образом нельзя и отставать от жизни. Для осуществления идеи всеобщего языка сегодня надо делать то, что возможно сегодня, завтра то, что возможно завтра, начиная с малого, видеть перспективы – и ближайшие и дальнейшие.

Известно, что против любой новой идеи, против любого начинания можно выдвинуть те или иные возражения. И они всегда выдвигаются скептиками. Скептики и здесь будут мешать: одни станут упорно игнорировать идею общего языка всех народов; другие уверять, что это еще несвоевременно,

надо подождать; третьи – что это вообще невозможно – создание живого языка наряду с языками, чья жизнь исчисляется многими столетиями, тысячелетиями. Но осмелится ли кто-нибудь утверждать, что всем понятный и всех общающий язык вообще не нужен ни сегодня, ни завтра, ни в дальнейшем?

Можно оспаривать что угодно в предлагаемой трактовке проблемы всеобщего языка, но вряд ли оспоримо, что пришло время для теоретической разработки всех ее аспектов.

*

Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет: редакционная статья (печатается с сокращениями по изданию: Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 3–21).

<...> Достижения советского языкознания, опирающиеся на богатое научное наследие отечественной лингвистики, обусловлены не только могучим расцветом разных областей науки в советскую эпоху, не только углублением связей языкознания с другими науками (прежде всего – с общественными, отчасти же и с науками математического, естественнонаучного и технического циклов), не только множеством новых задач и проблем огромной важности, порожденных открытием внутренних законов развития языков, но и целым рядом общественно-исторических факторов – факторов социалистического развития нашей страны. К этим факторам, прежде всего, следует отнести коренные изменения в языковом и культурном развитии народов социалистического общества, образующих многонациональный состав советского государства, с одной стороны, а с другой – особую культурную роль русского языка как языка мировой по значению русской литературы, науки и цивилизации. Расцвет национальных культур осуществляется параллельно с развитием важнейшего их элемента – национальных языков <...>. Вместе с тем Октябрьская революция неизмеримо повысила международное и межнациональное значение русского языка, изучение которого стало кровным делом всех

народов Советского Союза и все шире распространяется за рубежом, по всему миру. В той или иной степени русским языком практически владеет почти все население нашей страны. Его признали родным (по данным переписи 1959 г.) около 125 млн жителей Советского Союза, из них более 10 млн граждан, принадлежащих к другим национальностям. Отношение к русскому языку как ко второму родному языку создает у народов Советского Союза своеобразную форму двуязычия. Это – новое историческое явление, порожденное спецификой социалистического строя и не нарушающее принципа равноправия всех языков. Перед советским языкознанием возникла новая сложная социолингвистическая задача – исследование соотношений и взаимодействий разных языков народов Советского Союза с русским <...>. Новые виды и типы изменений разных сторон современного русского языка, а также характеристики намечающихся тенденций в его новой истории нашли значительное отражение в четырехтомном труде Института русского языка АН СССР «Русский язык и советское общество» <...>.

Одним из значительнейших достижений советской лингвистики является создание письменности для 50 языков народов СССР <...>.

Разветвленное и связанное с давней славистической традицией всестороннее изучение русского языка в советскую эпоху, естественно, больше всего было сосредоточено на процессах изменений современных произносительных его норм (с начала XX в. по 60-е его годы), типов словообразования, сфер лексики, взаимодействия и трансформации его синтаксических конструкций (в кругу простого и сложного предложений), отчасти некоторых сдвигов в области морфологической структуры <...>.

Многое сделано в современной русской описательной диалектологии и лингвогеографии. Широко освещаются перспективы взаимоотношения литературного языка и диалектов в социалистическом обществе <...>. Вышел первый том русс-

кого атласа – «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1958) и закончена обработка материала и подготовка карт по всем другим великорусским диалектным зонам. «Диалектологический атлас белорусского языка» (Минск, 1963) явился первым полным атласом славянского языка, дающим богатый материал для современной и исторической диалектологии белорусского языка, для истории языка и народа. Сдан в печать первый, и идет к концу работа над вторым томом украинского атласа <...>. Выход в свет первых выпусков «Словаря русских народных говоров» и первого выпуска «Псковского областного словаря», задуманного Б.А. Лариным, свидетельствует о зрелости нашей диалектной лексикографии, способной широко и разносторонне решать сложные и спорные вопросы фиксации и систематизации материала словарного состава наших диалектов <...>. В 50-е годы было начато экспериментальное изучение фонетики ряда тюркских языков. В настоящее время изучен и описан фонетический строй всех тюркских языков <...>. Советское языкознание стерло белые пятна с языковой карты Кавказа. Впервые изучены и описаны языки андо-цезские, шахдагские и др. Детальные описания фонетики (работы чл.-корр. АН СССР Г.С. Ахвледиани, проф. Н.Ф. Яковлева) и грамматики (труды чл.-корр. АН СССР А.Г. Шанидзе, акад. ГрузССР А.С. Чикобава, проф. Н.Ф. Яковлева, проф. Л. И. Жиркова) кавказских языков позволили выработать методику исследования специфических черт этих языков – таких, как, например, именные классы или особые глагольные категории (версия, потенциал, союзность), эргативная конструкция предложения <...>.

В связи с обострением интереса к образованию в национальных культур и формированию новых наций, национальных письменностей и национальных языков в пределах Советского Союза на основе философии марксизма-ленинизма осуществляется новый синтез таких областей общественных наук, как история, языкознание и литературоведение <...>.

Со всей остротой встал вопрос о создании теоретических основ учения об эстетике слова и о поэтической речи. Выяснилась необходимость разностороннего изучения исторических связей и взаимодействий развития литературного языка и языка художественной литературы. Широко развернулась научно-общественная деятельность в сфере теории и практики культуры речи <...>.

Становление, развитие и оформление различных направлений сравнительного языкознания в СССР определялось и направлялось тремя факторами, значимость и диапазон которых не были одинаковыми на протяжении развития советского языкознания; этими факторами были: традиции дореволюционного русского сравнительного языкознания, поиски новых решений и постановка ряда новых проблем в советском языкознании в плане сравнительно-исторического изучения многочисленных языков Советского Союза и, наконец, осмысление и творческая адаптация новых течений и современных приемов исследования в зарубежном сравнительном языкознании. Следует указать на то, что развитие советской компаративистики протекало весьма сложно и не было лишено внутренних противоречий. Можно было полагать, что в советский период развернется и будет значительно углублена работа в области сравнительного языкознания как продолжение традиции компаративизма в России, ярко и оригинально сказавшихся в московской школе сравнительного языкознания в области индоевропеистики, славистики и классической филологии, в петербургской школе ориенталистики и романо-германской филологии, а также в пробивавшем себе путь компаративизме в Казани, Киеве, Одессе, Харькове, Ереване и в Тбилиси. Однако появление и экспансия нового учения о языке Н. Я. Марра, сопровождавшаяся нарушениями общепринятых норм научного поведения и научной критики, как и выводы, которые были сделаны из этого учения в последующее время рьяными последователями и неопитами нового учения о языке, привели

к тому, что не только оказались прерванными замечательные традиции дореволюционного сравнительного языкознания, в отдельных областях далеко опередившего опыт сравнительного изучения языка в Европе и в Америке, но, за ничтожными исключениями, работа в области сравнительного языкознания в 30–40-е годы по сути дела прекратилась или была в значительной мере свернута. Лишь после дискуссии 1950 г. представилась возможность вновь вернуться к проблемам сравнительного языкознания на материале языков разных систем. То, что было сделано в СССР менее чем за два десятилетия в этой области, позволяет со всей определенностью утверждать, что советские компаративисты имеют свой собственный научный метод, свои оригинальные приемы исследования, заставляющие говорить о советской школе компаративизма. В свете этих достижений не представляется удивительным заявление ведущих компаративистов США о том, что дальнейшая разработка сравнительной грамматики индоевропейских и германских языков невозможна без учета опыта работы советских компаративистов в этом направлении <...>. Не следует думать, что советское сравнительное языкознание замыкается лишь кругом индоевропейских языков. Необходимо подчеркнуть, что в области финно-угроведения, тюркологии, монголистики, кавказоведения, а в последнее время и в области африканистики появились исследования, посвященные сравнительно-историческому анализу фонологических, морфологических, синтаксических и словообразовательных явлений в соответствующих кругах языков <...>.

Общий обзор путей развития советской лингвистики необходимо пополнить указаниями на достижения структурного и прикладного языкознания. Хотя структурные методы начали развиваться у нас довольно поздно, развитие их протекало весьма бурно, и за последние пятнадцать лет в этой сфере были достигнуты определенные результаты. Вначале в центре внимания советских ученых, занимавшихся машинным пере-

водом, находились практические проблемы составления алгоритмов анализа и синтеза текста, автоматических словарей и т. п. И хотя на этом пути были сделаны существенные успехи, позволившие более четко осознать проблематику перевода, все же преувеличенные надежды первых лет постепенно уступают место убеждению, что задача автоматического перевода требует для своего полного решения знаний и средств, которыми ученые до сих пор не располагают. Отсюда, с одной стороны, повысился интерес к построению четко формализованных моделей языка, а с другой стороны, центр тяжести переместился от синтаксиса к семантике. В технике моделирования языка пока получены некоторые результаты как в области математического исследования абстрактных свойств языка, так и в области построения и лингвистической интерпретации различных видов моделей языка <...>. Отрадно отметить, что исследования в области моделирования языка (в том числе и структурно-типологические исследования) все более тесно увязываются с традиционной морфологической и синтаксической проблематикой. Если 10–15 лет тому назад многие наши структуралисты настойчиво прокламировали свой разрыв с традиционной проблематикой языкознания, то в настоящее время все более ясной становится связь и преемственность проблематики старой и новой лингвистики. Что касается повышения интереса к семантической проблематике, то он действительно характерен как для ученых, занимавшихся непосредственной реализацией идеи машинного перевода, так и для тех, кто занимался преимущественно исследованием общих проблем структурной типологии. Интерес к семантике стимулировался не только изысканиями в области перевода, но и интересом к общим проблемам коммуникации в человеческом обществе и возникновением в связи с этим новой науки семиотики <...>. Интерес к проблемам коммуникации вызвал к жизни и целый ряд исследований, посвященных выяснению теоретико-информационных характеристик русского языка.

Среди многочисленных статистических исследований языка, проводившихся в последние годы, привлекают внимание работы акад. А.Н. Колмогорова, в которых был поставлен вопрос о «мере гибкости» языка и было показано, как важно учитывать во всех исследованиях языка разветвленную синонимию разных уровней. Здесь исследования по структурной и прикладной лингвистике непосредственно сомкнулись с проблематикой стилистики, давно уже занимавшей советских лингвистов, а в последнее время выдвинувшейся в число основных лингвистических дисциплин. Типологические классификации языковых систем исторически были отправной точкой развития типологии <...>.

Подводя итоги общему обзору развития советского языкознания за пятьдесят лет, в качестве существенных и своеобразных черт истории нашей науки в советскую эпоху можно, отметить следующее: 1. Теснейшая связь советского языкознания и выдвинутых им социолингвистических проблем с историей многонационального по своему составу советского общества, строящего коммунизм. История советского языкознания развивалась на основе живого опыта социалистического строительства национально-языковых культур народов Советского Союза с учетом сложных соотношений и взаимодействий этих культур. Само собой разумеется, что эта новая «живая жизнь» советского языкознания не была оторвана от лингвистической теории и практики всей мировой языковедческой науки в целом. На этой богатой и сложной почве выросло чрезвычайное многообразие описательных грамматик и словарей языков народов Советского Союза, народов стран Востока и Запада. 2. Своеобразное и глубокое изучение историй литературных языков разных народов, бурно развивавшееся в советском языкознании и выдвинувшее его в этом кругу проблем и достижений на одно из первых мест в мировой науке о языке. 3. Самостоятельное, ищущее новых путей, разностороннее по охвату материала развитие теории и практики сравнительно-

исторического языкознания (особенно быстро продвигающееся в области индоевропеистики, а отчасти и финно-угроведения). 4. Оригинальные и во многом независимые от развития языковедения в других странах поиски теоретических и конкретно-лингвистических направлений в кругу типологического изучения языков мира. 5. Все большее сближение тематики, проблематики, а отчасти и методологии «классического» и структурного языкознания, новый, плодотворный синтез их и возникающее на этом пути углубление лингвистических задач и целей общей теории языкознания.

*

Письмо В.А. Лисицкого заведующему отделом науки и учебных заведений Центрального комитета КПСС тов. С.П. Трапезникову (печатается по машинописной рукописи из архива автора).

В 1965 году я обратился с письмом в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС о состоянии дел на факультете романогерманской филологии Воронежского государственного университета. Мое письмо проверялось комиссией Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, было признано обоснованным и по нему были сначала даже приняты кое-какие меры. Однако уже через несколько месяцев события приняли совершенно другой оборот и привели к тому, что сейчас факультет по существу развален и прочно забетонирован в этом разваленном состоянии.

С внешней стороны на факультете имеют место все те же «старые» недостатки, о которых сообщалось в моем письме и которые хорошо известны руководящим органам (Министерству, Обкому КПСС и, по-видимому, Отделу науки и учебных заведений ЦК КПСС). Это – травля и выживание квалифицированных филологов, а также способной молодежи, низкий уровень теоретических курсов, читаемых на факультете, анархия и кустарщина в преподавании зарубежной литерату-

ры, искажения учебного плана и многое другое. Сохранился и главный позор факультета, резюмирующий все перечисленные выше «частные» недостатки – факультет уже 8 лет не растет в научном отношении. За это время в коллективе, имеющем более 120 преподавателей не подготовлено ни одного кандидата наук по основным специальностям (если не считать нашу кафедру, где этот рост, однако, также недостаточен).

Новое в нынешнем состоянии факультета заключается в следующем. Если раньше все перечисленные недостатки рассматривались (и были в действительности таковыми) как продукт деятельности полностью скомпрометировавшей себя группы руководителей факультета (Г.Е. Веделя, А.П. Старкова, Х. Морено-Пальи), то сейчас они выглядят как непосредственный результат совершенно некомпетентного и безответственного руководства факультетом со стороны ректора и парткома университета. Раньше, когда министерские комиссии громили факультетских руководителей, руководители университета лишь горестно вздыхали, да обещали принять меры, но затем сами же вытаскивали их на свет божий и вдохновляли на новые действия. Теперь ректор университета проф. Б.П. Мелешко уже открыто поддерживает «методистов» – руководителей факультета, а по его высказываниям о работающих на факультете филологах можно изучить спряжение всех «сильных» глаголов (*я разогнал, мы разгоним, пусть убираются* и т. п.). На этом принципе и было построено в последнее время управление факультетом, что, естественно, завело в тупик как факультет, так и самого ректора (нетрудно представить себе, чем может быть филологический факультет без филологов).

Все эти проблемы однако имеют и более глубокие аспекты, которые в нашей реальной действительности затемнены многочисленными привходящими обстоятельствами. Сразу же после приезда последней комиссии (май 1965 г.) стало очевидным, что факультет может сформироваться как солидная университетская единица лишь в том случае, если на

него будут приглашены 3–4 работника высшей научной квалификации – доктора наук или кандидаты, которые в ближайшее время станут докторами (надо сказать, что в отношении романо-германской филологии ВГУ должен оказывать влияние на обширный район России, поскольку в ближайших университетах – Горьковском, Казанском, Саратовском, Ростовском – эта специальность не представлена). Только это и могло обеспечить эффективный научный рост молодых работников факультета. Но против этой идеи, выдвинутой мной и первоначально «поддержанной» ректором, сразу же подняли ожесточенную кампанию руководители факультета (Г.Е. Ведель, Х. Морено-Пальи, А.П. Старков и бывший секретарь партбюро факультета А.Ф. Выставкина). Они, по существу, сорвали переход в университет проф. Н.И. Самохвалова, поставив перед ним условие сохранить все нелепости, которые были установлены ими в преподавании литературы и принять участие в борьбе против «группы филологов». Также были прекращены контакты с проф. Венгеровым, искавшим возможности перейти в наш университет. Сорван был переход в университет доц. М.В. Раевского (который раньше работал у нас и был выжит Р.Е. Веделем) – известного ученого-германиста, заканчивающего сейчас докторскую диссертацию. После этих событий (а также после травли и разгона филологов, вызванных непосредственно тем, что Совет факультета не переизбрал Г.Е. Веделя деканом на новый срок) отказались от перехода в университет и другие высококвалифицированные филологи, с которыми я вел переговоры «по поручению ректора»: Н.Ф. Пелевина, С.Г. Линский, Ю.В. Зыцарь. Нетрудно увидеть, что Г.Е. Ведель, Х. Морено-Пальи и А.П. Старков действовали в этом случае вполне «логично», т.к. появление на Факультете научно подготовленных работников сразу же и вполне конкретно определило бы истинный характер их занятий. К тому же по существующим законам и нормам им пришлось бы рано или поздно уступить этим работникам свои руководящие посты.

Труднее объяснить поведение ректора университета. Сначала проф. В.П. Мелешко горячо одобрил и даже расхваливал мою идею о приглашении на факультет научных работников высшей квалификации. Вскоре, однако, выяснилось, что это был всего лишь дипломатический прием, использованный ректором, чтобы выиграть время после встряски, которую учинила факультету комиссия Министерства. Уже через несколько месяцев он стал открыто заявлять «массам», что никаких ученых на факультет он больше не примет, и практика вполне подтвердила это: именно в последнее время были проведены на заведование некоторыми кафедрами такие работники, которые явно не в состоянии выполнить указанную задачу (обеспечить научный рост кадров).

С удивлением я недавно узнал (от секретаря Обкома КПСС В.П. Усачева), что перед начальством ректор по-прежнему «ведет разговоры» о приглашении на факультет опытных ученых. И он, конечно, может спокойно их продолжать, поскольку ему отлично известно, что ни один сколько-нибудь серьезный филолог не подойдет теперь и на пушечный выстрел к нашему факультету (после всех событий, которые на нем произошли и слава о которых, разумеется, прокатилась по всем вузам).

На первый взгляд кажется, что союз ректора с незадачливыми руководителями факультета покоится на каких-то личных моментах (ловкие деятели завоевали симпатии своего шефа). Отчасти оно так и есть. Но в этой проблеме есть и более серьезные обстоятельства. На одном из совещаний зав. кафедрами нашего факультета (в прошлом году) ректор так разъяснил свое кредо: «Вас сбивает с толку, – сказал он, – что факультет ваш называется филологическим. Отсюда у некоторых работников стремление заниматься научными проблемами и приобщать к ним студентов. А главная задача факультета состоит в том, чтобы помогать другим факультетам изучать иностранные языки». Таким образом, функции университетского факультета романо-германской филологии, по мнению

ректора, ничем существенным и не отличаются от функций кафедры иностранных языков любого вуза. Эти в принципе неправильные представления о задачах факультета, и о сущности университетского филологического образования и оказались той «теоретической базой», опираясь на которую ректор университета подбирает для факультета руководящие кадры. Этим же вполне объясняется нежелание иметь на факультете подготовленных научных работников.

Противоречивость своей позиции, невидимому, чувствует и сам проф. Мелешко. Ведь если факультет будет работать на уровне и в духе кафедр иностранных языков, то он окажется таким камнем на шее университета, который долго не даст ему подняться на приличный уровень (например, попасть в число 25 ведущих вузов страны), так как по количеству преподавателей – это самый крупный факультет университета (имеющий в то же время ничтожный процент работников с ученой степенью). Но для выхода из этого положения у проф. Мелешко, по существу, не оказалось ничего, кроме несерьезных советов работникам факультета (преподавателю К.И. Лазаревой он рекомендовал, например, защищать диссертацию по русскому языку, т. е. по специальности, по которой она не имеет никакой подготовки).

Выше я определил систематическую травлю и выживание филологов как одно из частных обстоятельств, характеризующих жизнь факультета. Но это справедливо лишь в одном отношении: если бы на Факультете появилось несколько самостоятельных ученых, все склоки и преследования отпали бы сами собой (таково же мнение В.П. Усачева). Однако в университете они проводятся с дальним расчетом: поскольку вести о преследованиях и изгнаниях быстро распространились по другим вузам страны, то для Г.Е. Веделя и Х. Морено-Пальи эта травля стала надежным и относительно спокойным средством (ведь все это поддерживается ректоратом и парткомом университета) держать филологов высшей квалификации на почтительном расстоянии от факультета.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ректор и партком во всех вопросах, касающихся нашего факультета, очень четко противопоставляют свою линию установкам Обкома КПСС и Министерства. Причем на уровне высших инстанций это противопоставление затушевывается всякими разговорами, заверениями, ложной информацией и т. п., в то время как внутри университета оно большей частью откровенно подчеркивается. Приведу несколько примеров, выясненных мной частично из беседы с В.П. Усачевым. Обком КПСС и Министерства полностью поддерживают идею приглашения на факультет работников высшей научной квалификации. Ректор же прямо заявил, что никакого приема на работу таких специалистов не будет. Эту линию он и проводит в жизнь (а бывший секретарь партбюро факультета А.Ф. Выставкина объяснила даже, почему – «пришлось бы увольнять «своих» работников»). Обком КПСС считает нецелесообразным дальнейшее пребывание на факультете доц. Г.Е. Веделя как работника, полностью себя скомпрометировавшего. (Тот же В.П. Усачев говорил о необходимости «передвинуть» его куда-нибудь). В пику этой установке Г.Е. Ведель был снова выдвинут на руководящую работу (секретарем партбюро факультета), где он с еще большей энергией продолжает свои авантюры. Обком КПСС, естественно, поддерживает и требование об открытии на факультете кафедры зарубежной литературы (тем более, что отсутствие такой кафедры существенно ограничивает возможности лекционной пропаганды по этой линии в городе и области). Ректорат упорно не желает этого делать. Причина, по существу, та же: открытие этой кафедры привлекло бы на факультет квалифицированных филологов, чего больше всего боятся ректор и факультетские руководители.

Считаю, что Обком КПСС поступил неправильно, санкционировав в свое время расправу с членами Совета факультета, голосовавшими против избрания Г.Е. Веделя на должность декана. Эта санкция и послужила предлогом для

того произвола, который установился на факультете, и привела его к такому состоянию, которое отнюдь не радует и самих работников Обкома.

Весной 1967 г. я (вместе со ст. преподавателем Б.Н. Гвоздовичем) посетил секретаря Воронежского Обкома КПСС тов. В.П. Усачева с целью выяснить его мнение относительно дальнейших перспектив развития нашего факультета. В ходе довольно продолжительной беседы (я высказывал, в общем, те же соображения, что и в настоящем письме) никаких сколько-нибудь существенных расхождений между нами, по-моему, не обнаружилось. В.П. Усачев высказал мнение, что через год-полтора положение на факультете должно коренным образом измениться. Он обещал поговорить с ректором, от которого мы и должны были получить ответ. И ответ не заставил себя ждать. Уже через полтора месяца я получил предложение ректора убираться из университета, а вместе с тем и наглядное представление о том, во что обходится нашему брату визит к высокому начальству. Соответствующее внушение было сделано ректором и Б.Н. Гвоздовичу.

Вот уже шестой год мы добиваемся создания в университете достойного факультета романо-германской филологии и понимаем это как важную государственную задачу. Это, по существу, единственный путь для серьезного подъема научно-филологической работы пединститутов и квалификации учителей иностранных языков на обширной территории России. И мы отнюдь не терпим одни только поражения и неприятности. Напротив, в свое время авантюристическую линию Г.Е. Веделя поддерживали многочисленные преподаватели вузов и школ, «Учительская газета», Министерства, Воронежский Обком КПСС. Сейчас во всех этих инстанциях уже вполне здоровые взгляды на состояние дел на нашем факультете. Последний бастион, в котором укрылись наши методисты, – это руководство университета.

В марте с.г. партком университета обсуждал на своем заседании идейно-политическую работу на факультете. По су-

ществу же это было обсуждение деятельности факультета в целом. И хотя некоторые члены парткома (напр., тов. Угай и Афонюшкин) справедливо критиковали факультет, в целом заседание отчетливо показало, что руководство университета не предусматривает ни одной меры, которая существенно изменила бы положение. Ни у ректората, ни у парткома не обнаружилось сколько-нибудь ясного плана дальнейшего развития факультета. Тем самым заседание убедительно показало, что без решительного вмешательства вышестоящих органов руководство университета не намерено и не способно добиться какого-то перелома в деятельности факультета.

На мой взгляд, сейчас созрели все условия для устранения последних препятствий к созданию нормального и солидного факультета романо-германской филологии в Воронежском университете (хотя после нанесенного ему ущерба это дело будет трудным уже само по себе).

Мои предложения.

1. Прислать в университет авторитетную комиссию (недостаток прежних комиссий состоял в том, что они не были достаточно влиятельными и не всегда добивались результатов, хотя и давали правильные оценки) от Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС и Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР (или СССР) для анализа руководства факультетом со стороны ректората и парткома и для объективной оценки результатов этого руководства. Было бы полезным, на мой взгляд включение в состав этой комиссии филологов высшей научной квалификации (хорошо бы профессоров Московского или Ленинградского университетов).

2. Считаю совершенно необходимым удалить доц. Г.Е. Веделя с факультета и освободите доц. Х. Морено-Пальи от должности декана. Речь идет в данном случае даже не о наказании этих деятелей за развал факультета (различные взыскания за это Г.Е. Ведель получал и раньше). Просто эти фигуры стали теперь настолько одиозными, что ни о каком привлечении но-

вых работников (а следовательно ни о каком серьезном улучшении дел) без отстранения их от руководящих постов говорить не приходится.

3. Решить вопрос о декане, способном добиться перелома в деятельности факультета и прежде всего укомплектовать его филологами высокой научной квалификации. Если это решение не будет найдено, то факультет следует слить с филологическим, хотя бы до тех времен, когда возникнут условия для создания крепкого научного руководства факультетом романо-германской филологии.

4. Уже в этом году создать кафедру зарубежной литературы и навести порядок в преподавании этой важнейшей дисциплины.

5. Все курсы по общему языкознанию изъять с кафедр филологии (где они читаются работниками, не имеющей необходимой подготовки) и передать на кафедру общего языкознания.

6. Устранить нарушения учебного плана, отмеченные последней комиссией. Пересмотреть состав Совета факультета.

Все другие недостатки могут быть постепенно устранены в ходе повседневной работы.

Зав. кафедрой французского языка доктор филологических наук профессор В.А. Лисицкий. Воронеж, 11 апреля 1968 г. Адрес: Воронеж-38, ул. Пешестрелецкая, д. 139 кв. 30. Лисицкий Виктор Афанасьевич.

Раздел 4. 70-е годы. Обвал поколений¹

Березин Ф.М. Советскому языкознанию – 60 лет (печатается с сокращениями по изданию: Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 3–26).

Советские языковеды, как и все советские люди, отмечая юбилейные даты образования советского государства, с законной гордостью взирают на путь, пройденный нашей страной. «Достижения родины Октября за шесть десятилетий являются убедительным свидетельством того, что социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества», – говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала грандиозную ломку не только в сфере общественно-экономических и социальных отношений, но и в области науки. Наука, в том числе и языкознание, была привлечена к служению народу, первому в мире социалистическому государству, новому обществу, практические нужды которого она была призвана обслуживать <...>. Итоги языкового строительства в советской стране обобщены в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик»: «Важным результатом успешного решения национального вопроса в нашей стране является всестороннее развитие языков всех социалистических наций и народностей Советского Союза. Более 40 народов,

¹ Название статьи М. Чудаковой, приводимой в очерке.

не имевших в прошлом своей письменности, обрели в советский период научно разработанную письменность и имеют теперь развитые литературные языки. Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества. Он стал могучим орудием взаимосвязи и сплочения советских народов, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры». Деятельность советских языковедов по созданию новых литературных языков привела к углубленному практическому и теоретическому изучению самых разнообразных языков нашей страны, расширила диапазон исследовательской работы, поставила перед советскими языковедами новые специфические задачи. Наряду с этими практическими первостепенной важности задачами перед советскими языковедами возникла необходимость перестроить на основах марксистской материалистической методологии саму теорию языкознания. Основой советского языкознания стала марксистско-ленинская философия, диалектический метод как всеобщий способ познания и революционного изменения действительности <...>. Марксистская интерпретация таких важнейших проблем языкознания, как проблема сущности языка как общественного явления, проблема методологии и методов исследования, соотношения материального и идеального в языке, взаимоотношения языка и мышления, специфики языкового знака, социальной природы языка и многих других в настоящее время приобретает особенно большое значение потому, что, как подчеркивалось в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на XXV съезде партии, «в борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтралizmu и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям». На состоявшейся в ноябре 1974 г. Всесоюзной научной конференции по теоретическим вопросам языкозна-

ния в одном из докладов (А.С. Мельничук) справедливо отмечалось, что «в течение последней половины столетия язык и языкознание превратились в своеобразную арену упорной и непримиримой борьбы двух антагонистических философских лагерей – диалектического материализма, с одной стороны, и различных направлений идеализма и позитивизма, с другой». Удельный вес теоретико-лингвистической проблематики в современной идеологической борьбе неизмеримо вырос, и отставание с теоретической разработкой новых проблем советскими языковедами всегда используется буржуазным идеалистическим языкознанием, которое в ряде случаев стремится навязать свое осмысление и оценку некоторых лингвистических фактов. Некоторые советские языковеды не сразу, к сожалению, разобрались в несостоятельной философской базе квазилингвистических построений Н. Хомского, основанных на худших вариантах философского эклектицизма. Нельзя не согласиться с мнением американского лингвиста Ч. Хоккета, который объяснял некоторую популярность взглядов Хомского в Советском Союзе тем, «что антиматериалистическая и антинаучная основа его взглядов до сих пор не была обнаружена». За последнее время советские языковеды убедительно доказали порочность философской основы и лингвистических понятий теории Н. Хомского. Советскими языковедами достигнуты определенные успехи в решении методологических вопросов языкознания на основе марксистско-ленинских позиций. В таких трудах, как «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания» (1970), «Энгельс и языкознание» (1972), в работах В.З. Панфилова «Взаимоотношение языка и мышления» (1971), «Философские проблемы языкознания» (1977) и других подробно освещаются такие фундаментальные проблемы, как проблемы соотношения категорий мышления и категорий языка, понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма, природа лингвистических абстракций в свете ленинской теории познания, соотношение общей мето-

дологии языкознания, специальных лингвистических методов и методики изучения языка, соотношение индукции и дедукции при исследовании языка и другие вопросы <...>. В работах В.М. Солнцева, А.С. Мельничука делается попытка осмысления онтологической природы языковой системы и языковой структуры <...>. В современной идеологической борьбе большое значение приобретает выработка точной научной терминологии, адекватно отражающей новые понятия. Понятно поэтому, почему советские языковеды все больше и больше обращают внимание на раскрытие роли творчества В.И. Ленина в обогащении русской и мировой речевой культуры, на освещение всего стиливого многообразия ленинского языка. Ведущаяся в настоящее время в Институте русского языка АН СССР работа по подготовке «Словаря языка В.И. Ленина» направлена на то, чтобы показать все богатство, многогранность и выразительность лексических и фразеологических средств языка В.И. Ленина. Изучение словарного наследства В.И. Ленина особенно важно для исследований по терминологии и фразеологии, так как в произведениях Ленина сконцентрирована основная общественно-политическая лексика и фразеология конца XIX– первых десятилетий XX в. <...>. От советских ученых требуется не только знание в своей специальной области, но и постоянная осведомленность о том, что пишут и их зарубежные коллеги и представители смежных наук. В постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» была поставлена задача дальнейшего повышения идейно-теоретического уровня и эффективности общественных наук, поиска новых путей, ведущих к более тесному интернациональному сплочению ученых-марксистов. Один из таких путей заключается во всемерном развертывании информационной работы. Этой цели служит выходящая с 1973 г. серия «Языкознание», которая ставит своей целью ознакомить с лингвистической работой, ведущейся в

союзных и автономных республиках, краях и областях нашей страны, а также дать своевременное изложение теоретических положений, содержащихся в работах зарубежных лингвистов, в первую очередь языковедов из социалистических стран <...>. Проблема взаимообогащения языков является новой проблемой, характерной для советского языкознания, и составляет одну из задач советской социолингвистики. В процессе такого взаимообогащения возрастает роль русского языка как языка межнационального общения <...>. Изучение общего лексического фонда представляется важным еще и по причине появления сложившейся в нашей стране новой исторической общности – советского народа. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» отмечалось, что русский язык стал не только «языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза», но и «одним из общепризнанных мировых языков!» <...>. Высокого уровня достигло сравнительное славянское языкознание <...>. Показательной в этом плане является монография Ф.П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972), обобщившая все достижения советского и зарубежного сравнительно-исторического славяноведения за последние шестьдесят лет и по-новому освещающая происхождение восточнославянских языков <...>. В современном зарубежном языкознании интерес к языковым универсалиям обнаруживается лишь в начале 60-х годов, в то время как в советском языкознании уже в 40-х годах И.И. Мещанинов указывал, что типология, вовсе не ограничиваясь регистрацией только общих сходжений, должна выяснять общий языковой субстрат <...>. В советском языкознании начала оформляться новая лингвистическая дисциплина – лингвистическое источниковедение, занимающееся всесторонним изучением памятников того или иного языка <...>. Перспективные области для теоретических и прикладных исследований открываются в связи с различны-

ми задачами в рамках проблемы «искусственный интеллект». Однако следует сказать, что практические результаты этих исследований еще недостаточны. Основные успехи в решении лингвистических вопросов для нужд народного хозяйства достигнуты в промышленности без участия лингвистов-прикладников, которые, увлекаясь созданием так называемых «лингвистических теорий», забывают о практических потребностях народного хозяйства. Отрыв от практики не способствует и развитию самой теории, которая становится пустой абстракцией. Это наиболее наглядно выявилося на примере создания систем машинного перевода в нашей стране. Чрезмерное увлечение ложно понятой «теорией» привело к серьезному отставанию в части практики и завело в тупик ряд теоретических направлений языкознания. Некоторые советские лингвисты, видимо, забыли высказывание Энгельса о том, что «чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции». Для советского языкознания за все время его существования характерной чертой была связь теоретических проблем языкознания с практическими нуждами советского общества <...>. История и конкретные достижения советского языкознания привлекают пристальное внимание зарубежных языковедов как из социалистических, так и капиталистических стран. Некоторые языковеды из капиталистических стран стремятся принизить достижения советского теоретического языкознания, а то и вовсе отрицают их. Признается, например, что в советском языкознании блестяще выполняются и дают значительные результаты исследования, проводимые на основе конкретного фактического материала, но в то же время утверждается, что достижения зарубежной лингвистики проникают в Советский Союз с большим трудом и запозданием. Трудно согласиться с этим утверждением, так как, например, почти все работы Н. Хомского (если признавать их новыми

«достижениями» лингвистики) переведены на русский язык, периодически издаются тематические сборники «Новое в лингвистике», содержащие переводы работ зарубежных языковедов. Основные библиотеки Советского Союза получают все зарубежные лингвистические журналы. Все советские языковеды, в той или иной мере владея, по крайней мере, одним из европейских языков, имеют возможность знакомиться с современной лингвистической литературой <...>. Принципы советского языкознания, покоящиеся на марксистско-ленинском понимании языка как общественного явления, на положениях материалистической гносеологии, не устаревают и не подвержены моде; их нельзя менять произвольно; они выработаны всем предшествующим ходом развития советской науки о языке и обуславливают те методы, следуя которым можно понять языковую действительность во всех ее проявлениях. Реальность современной эпохи заключается в том, что невозможно отрицать идейное могущество марксизма-ленинизма как идеологической основы всего комплекса наук, изучающих объективную действительность. Поэтому многие ученые капиталистических стран, в том числе и языковеды, все чаще обращаются к марксистской теории <...>.

*

Структурализм: «за» и «против» (печатается с сокращениями по изданию: Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс», 1975. С. 3–24).

Советский читатель, интересующийся методологическими проблемами современного литературоведения и искусствознания, несомненно, знаком с той острой полемикой о структурализме в этих науках, которая развернулась в последние годы в нашей специальной литературе... Поэтому выход в свет настоящего сборника представляется более чем своевременным. В буржуазном литературоведении и искусствознании струк-

турализм выступает как одно из наиболее влиятельных направлений. В то же время опыты применения структурального подхода к искусству получили определенное развитие и в марксистском, в том числе советском, искусствознании. Существует, таким образом, настоятельная необходимость серьезного обсуждения как специально-научного содержания литературоведческого структурализма, так и теоретических предпосылок и выводов, характерных для тех или иных его интерпретаций.

Значение предлагаемого сборника состоит прежде всего в том, что он подводит некоторые итоги многолетней дискуссии зарубежных ученых о принципиальной возможности, границах и перспективах использования структурных методов в литературоведении и искусствознании, а также дает ценный материал для дальнейшего обсуждения этой проблемы с позиций марксистско-ленинской науки.

Стремление дать объективное представление о сущности спора о структурализме и основных позициях его участников привело составителей к построению сборника по принципу «за» и «против». Издания подобного рода, как известно, высоко ценил В. И. Ленин <...>.

О книге же в целом следует сказать, что принцип «за» и «против» выражен не только в ее оглавлении, но и последовательно проведен через все содержание сборника. И это составляет существенное достоинство настоящего издания. Концепции видных западных структуралистов, работы которых представлены в первой части (Р. Якобсон, Р. Барт, К. Леви-Стросс и др.), подвергнуты критическому рассмотрению с марксистских позиций во второй части книги.

Сборник посвящен современному зарубежному структурализму в науке...; основная часть публикуемых в нем работ датируется периодом 60–70-х годов.

При обсуждении данного вопроса, думается, нельзя не учитывать, что существующее разграничение наук, гуманитарных и естественных, имеет конкретно-исторический характер и

свои фазы развития. «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой паука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука». Обобщая закономерности развития познания в условиях начавшейся научно-технической революции, В.И. Ленин указал на то, что «могущественный ток к обществоведению от естествознания... не менее, если не более, могущественным остался и для XX века». Так или иначе, но с прогрессирующей тенденцией к интеграции, сближению и взаимопроникновению наук не считаться нельзя.

Не подлежит сомнению тот факт, что методы структуральных дисциплин являются специальными, частными в сравнении с основополагающим философским методом диалектического и исторического материализма. Акцентируя это принципиальное и необходимое разграничение, иногда предлагают внести соответствующие коррективы и в научную терминологию. В частности, все нефилософские исследовательские подходы и средства относят на этом основании к разряду конкретных «методик», приемов. Мы со своей стороны хотели бы уточнить лишь саму постановку вопроса. В сфере терминологии есть своя, марксистская традиция. В соответствии с ней понятие научного метода связывается с отысканием новых результатов, с переходом от известного к неизвестному. Уточняя терминологию, следует исходить из того, приводят ли структуральные исследования, опирающиеся на указанные специальные науки, к установлению новых, ранее неизвестных фактов, к новым, нетривиальным обобщениям.

Но существует и другая сторона вопроса. Метод философский и методы или методики специальных наук, конечно, нельзя отождествлять, но нельзя и игнорировать существующую между ними диалектическую взаимосвязь. Конкретно-научные методы представляют собой своего рода конкретизацию философского метода <...>.

Читатель, без сомнения, обратит внимание на тот факт, что авторы статей первого раздела сборника – это, так сказать,

теоретизирующие специалисты в области литературоведения и искусствознания, а также смежных наук – лингвистики, этнографии и др. Как специалисты, они исходят в своих работах из актуальных потребностей своих наук, ищут пути решения конкретных проблем, пути преодоления трудностей, возникающих в процессе познания. Как специалисты теоретизирующие, они не могут не исходить из определенных философско-теоретических предпосылок и, так или иначе, приходят к обобщениям, имеющим мировоззренческое, идеологическое значение. «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, – отмечал В.И. Ленин, – тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы». Это так же верно в применении к вопросам эстетики, как и к политике <...>.

Сказанное выше особенно существенно для марксистского анализа концепций западных структуралистов. Хотя структурализм в литературоведении и искусствознании относится к теориям конкретно-научного уровня и, следовательно, его нельзя смешивать со структурализмом философско-идеалистическим, тем не менее, он испытывает на себе воздействие этого последнего, а также и других течений буржуазной философской мысли.

В западном литературоведческом структурализме можно обнаружить влияние кантианства (идеи априоризма и др.), а также неокантианства, особенно в том его логистическом, рационалистическом варианте, который развивала марбургская школа (Э. Кассирер). Другим источником проникновения в структурализм идеалистических идей была и остается феноменологии. В русле идей Э. Гуссерля развивалась и гештальтпсихология, сыгравшая существенную роль в формировании литературоведческого структурализма. Но наиболее существенным для западного литературоведческого структурализма является непосредственное или же опосредованное влияние неопозитивизма (в частности, логического позитивизма).

С идеями неопозитивизма некоторые общетеоретические положения и выводы западных структуралистов сближает абсолютизация методов специальных, прежде всего естественных, наук, и даже отдельных логико-методологических процедур, применяемых в научном исследовании. В силу объективной взаимозависимости предмета и метода любой науки подобная абсолютизация оборачивается то неправомерным сужением, то столь же неправомерным расширением предмета литературоведения и искусствознания. При этом нередко имеет место довольно обычная для неопозитивизма онтологизация абстрактных объектов науки (логических структур, «конструктов»). Что касается философского структурализма, который получил распространение во Франции и оказал определенное влияние на структурализм конкретно-научный, то следует иметь в виду, что, по мнению специалистов-философов, «во Франции он фактически занял место неопозитивизма, не пользовавшегося влиянием в этой стране», не выдвинув при этом никакой оригинальной «философии структуры» и лишь объединив варианты кантианства, неопозитивизма и даже вульгарного материализма.

Такова природа основных философских влияний, проявления которых можно обнаружить в концепциях западных структуралистов

XX век – век широчайшего использования средств коммуникации. Их изучение обусловило интенсивный рост дисциплин «коммуникативного цикла», прежде всего семиотики – науки о знаковых системах. Почти сразу же были предприняты попытки применить аппарат семиотики к искусству – специфическому средству общения людей. Чем, однако, определяется интерес самих специалистов в области изучения искусства к семиотическим методам?

Прежде всего бросается в глаза многочленность знаковой ситуации: субъект знаковой деятельности – знак (означающее) – значение (означаемое) – референт (денотат) – реципиент...

Имея в виду сказанное, не следует, однако, забывать о том, что опыты разработки семиотики искусства осуществляются на различной и даже противоположной философско-методологической основе. Так, модная на Западе «семантическая философия искусства» эксплуатирует интенсивное научное изучение проблем знака, символа и языка не столько в интересах самого зарубежного искусствознания, сколько с целью модернизации его идеалистической основы. С западной «семантической эстетикой» не следует смешивать марксистские семиотические исследования <...>.

Марксистский анализ литературоведческого и искусствоведческого структурализма требует от исследователя серьезной философско-теоретической подготовки. Общая методология критического анализа концепции подобного рода разработана и с успехом применена на практике классиками марксизма-ленинизма. Ее суть состоит в выявлении реальной проблематики, как гносеологической, так и конкретно-научной, вокруг которой идет идейная борьба, в обнажении гносеологических и социальных корней тех или иных «шатаний мысли», в решительном отсечении реакционных тенденций и в одновременном использовании специальных научных достижений с позиций марксистско-ленинской партийности. Выступающие на страницах сборника ученые-марксисты сознательно следуют этой методологии. В частности, К. Конрад, дав оценку формализму В. Шкловского периода 20-х годов и приступая к критическому анализу структуралистских взглядов Я. Мукаржовского середины 30-х годов, подчеркивает: «И тут тоже нам надо строго отделять анализ от гносеологии». Критический анализ литературоведческого структурализма требует от теоретика, кроме того, достаточной подготовки и в специальных областях современного научного знания. Следует отметить, что включенные в сборник марксистские работы в своей совокупности отвечают этим высоким критериям.

*

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка (печатается с сокращениями по изданию: Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. С. 3–4, 314–318).

Ознакомление с обширной лингвистической литературой как отечественной, так и зарубежной, привело автора к выводу, что несоблюдение материалистического подхода к явлениям языка лежит в основе всех ошибок и теоретических заблуждений. Даже в работах лингвистов и философов, открыто заявляющих о своей принадлежности к марксизму и претендующих на марксистское изложение поставленных ими вопросов, можно встретить противоречия и несоответствия с реальной действительностью. Поэтому постановку вопроса о сущности материалистического подхода к явлениям языка и полноте решения этой необычайно трудной проблемы автор считает делом первостепенной важности <...>.

Следует отметить, что обсуждение методологических вопросов марксистского языкознания в нашей лингвистической литературе происходит не так часто. Серьезные недостатки имеет и преподавание общелингвистических теоретических дисциплин в высших учебных заведениях, наблюдается тенденция узаконить и канонизировать неправильные решения целого ряда лингвистических проблем <...>.

Случаи нематериалистического подхода к явлениям языка наблюдаются почти при решении любой общезыковедческой проблемы. Где причины этих явлений? Причины могут быть здесь вполне определенными.

Нередко наблюдаются случаи, когда наука в своем поступательном развитии создает новые условия для решения уже, казалось бы, решенных проблем. Однако вопреки этим фактам, прежние установки оказываются удивительно устойчивыми и не подвергаются каким-либо изменениям. Психолингвисты все более и более приходят к выводу о том, что человеческое

мышление полиморфно. Между тем формула «Мышление совершается только на базе языка» до сих пор широко провозглашается многими лингвистами и философами.

Многие лингвисты давно замечали, что широко распространенное у нас определение фонемы как звука, различающего значения слов, фактически неправильно, поскольку фонема таким свойством не обладает. Понадобилось несколько десятков лет, прежде чем появилось новое определение фонемы: «Фонема – звук, служащий для различения звуковых оболочек слов», что более соответствует действительности <...>.

Элементы идеалистического подхода к явлениям языка могут содержать и теоретические основы различных лингвистических течений. «Новое учение о языке» Н. Я. Марра фактически было проявлением вульгарно-социологического подхода к явлениям языка, что было совершенно несовместимо с подлинным марксизмом. В свое время на этот недостаток было обращено должное внимание и теоретические основы «нового учения о языке» были развенчаны.

После лингвистической дискуссии 1950 г. в нашей науке стали распространяться идеи структурального подхода к изучению языка. Структурализм имел известное положительное значение. Структуралисты обратили особое внимание на изучение системы и структуры языка, поскольку до появления структурализма эти области языка исследовались явно недостаточно. Однако в теории структуралистов также содержались элементы идеалистического подхода к явлениям языка. Структуралисты стремятся представить объект своего изучения – язык в виде сугубо формализованной и до предела математизированной и логизированной непротиворечивой системы.

Естественно, что такого объекта в природе не существует, хотя язык имеет систему и структуру и может изучаться методами лингвистической математики. Многочисленные неувязки структурализма, его бессилие объяснить в языке «все и вся», неосуществимость идеи машинного перевода и многое

другое явно свидетельствуют о том, что представленный ими сутобо формализованный объект намного сложнее, он понят не так, как нужно было бы его понимать.

Структурализм в настоящее время не представляет какой-либо серьезной опасности. Интерес к нему очень сильно упал, так как сами структуралисты на практике поняли его серьезные недостатки.

Гораздо более опасен неомарризм. Представители этого течения упорно отрицают его существование. Они, дескать, развивают марксизм в языкознании. Один из главных теоретиков этого направления выразился именно таким образом: «Марксизм-ленинизм, – замечает Ф.П. Филин – единственно правильный компас для любого ученого, в том числе и для лингвистов». И далее: «Освобождая науку от идеалистических фикций, мы тем самым создаем условия для подлинного ее расцвета и ставим преграду для ее использования против прогресса».

В дальнейшем, выясняется, что для обеспечения расцвета науки неомарристами осуществляется определенная программа действий.

Первая их задача заключается в том, чтобы свести на нет какое-либо значение лингвистической дискуссии 1950 г. Эта дискуссия изображается как явление совершенно случайное в истории советского языкознания. Не было бы никакого вреда, если бы ее совсем не было.

Вот что писал по этому поводу В.И. Абаев: «...противники Марра не имели сами никакой единой и цельной лингвистической концепции, которая могла бы стать основой советского теоретического языкознания. Тех, кто верил: наконец-то советское языкознание обретет свое настоящее лицо, ждало разочарование. Советское языкознание не обрело настоящего лица». На этом фоне возникает идея о неправомерности критики учения Марра. «...работы Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова и тех советских лингвистов двадцатых–сороковых годов, которые так или иначе находились под влиянием их

теории, – заявляет Ф.П. Филин, – не были сплошными ошибками и недоразумениями».

Неомарристы делают попытку оценить труды Марра, как они говорят, *sine ira et studio*. Вот один из образчиков такой оценки. «Успех деятельности историографа, поставившего своей целью определить место школы акад. Марра в истории отечественной филологии, – замечает в одной из своих статей Р.Р. Гельгардт, – будет зависеть в значительной мере от степени его научной осведомленности.

Конечно, в идеале эрудиция критика должна хотя бы только приближаться к той, какая была у «объекта» ее критического изучения. Думается, не случайно, что до сего времени еще нет общей «фронтальной» оценки с адекватным объемом или охватом проблем и столь же разнообразным и многосторонним аппаратом фактов разносистемных языков, фольклора, этнографии, этимологии, вообще – всего комплекса знаний, какими Марр оперировал. Многочисленные статьи, посвященные разбору отдельных проблем, которые занимали Н.Я. Марра и его школу, иногда напоминают не столько высказывания научных оппонентов, сколько выступления прокуроров и общественных обвинителей» <...> .

Марризм в деятельности неомарристов принимает более утонченные и завуалированные формы. Основные положения учения Марра отнюдь не повторяются буквально, но выбирается надежный теоретический трамплин, отталкиваясь от которого все марровские прежние положения можно было бы восстановить и логически развить. Таким трамплином является тезис: «Все в языке определяется внешними причинами». Так называемые внутренние законы элиминируются и фактически рассматриваются как проявления внешних законов. С неомарристами в известной мере солидаризуется и представитель социолингвистики Ю.Д. Дешериев. Отдельные положения учения Н.Я. Марра вновь защищаются в работах его бывших учеников и некоторых примкнувших в последнее время линг-

вистов: О.С. Ахмановой, Р.А. Будагова, В.И. Абаева, Т.А. Дегтяревой, Г.А. Климова, Н.С. Чемоданова, Ф.П. Филина, М.М. Гухман. Вновь оживляется проблема стадиальности, проблема классовости языка, проблема скачков в развитии языка и т. п.

Неомарризм явно тянет советское языкознание назад к идеализму времен Н.Я. Марра. К счастью неомарризм не имеет слишком широкого распространения среди наших лингвистов. Если отвлечься от этих негативных сторон развития советского языкознания, то можно сказать, что в целом оно развивается по правильному пути. Необычайно расширилась его тематика. Содержательная сторона советского языкознания в настоящее время намного богаче по сравнению с его содержанием довоенного периода. Сейчас в советском языкознании разрабатываются такие проблемы, которые раньше совершенно не разрабатывались, например, проблема языковых универсалий, моделирование языковых процессов, язык в действии, проблемы ареальной лингвистики, проблема субстрата, языковые контакты, текст и смысл, проблемы семиотики, роль человеческого фактора в языке и многое другое.

Усилился интерес к изучению истории языков, проблем семантики, достигнуты значительные успехи в составлении словарей различных языков, а также в разработке проблем синтаксиса. Характерной особенностью работ преобладающего числа советских лингвистов стал научный поиск, стремление обнаружить путем длительного и кропотливого исследования новые истины в науке. И в этом залог успеха.

Раздел 5. 80-е годы. Обрыв традиции¹

К Семидесятилетию советского языкознания: редакционная статья (печатается с сокращениями по изданию: Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 3–8).

Минуло семьдесят лет со дня Великого Октября. Как и вся наша наука, неузнаваемо преобразилось за истекшее время советское языкознание. Из науки кабинетного типа оно стало одной из фундаментальных наук с широкими практическими выходами. Располагая богатыми дореволюционными традициями отечественной лингвистики, преодолевая неизбежные издержки развития, оно достигло немалых успехов. Неизменно расширялась эмпирическая база исследования, охватывающая к настоящему времени практически все континенты земного шара. Множество языков, как на территории СССР, так и за его пределами были впервые введены в обиход науки. Неуклонно ширился и круг теоретической проблематики советского языкознания, разработка которой стимулировалась таким ярким атрибутом ленинской национальной политики в нашей стране, как практика языкового строительства. Стержневыми направлениями лингвистических работ служили темы «Язык и общество» и «Язык и мышление», с разработкой которых так или иначе, непосредственно или опосредованно, связана большая часть всего многообразия сложившейся за это время конкретной проблематики советского языкознания. В его недрах

¹ Слова, принадлежащие Р.М. Фрумкиной, М.Л. Гаспарову и А. Рейтблату.

возникли по существу новые лингвистические дисциплины (социолингвистика, историческая типология, теория разговорной речи, стилистика, фразеология и др.). Совершенствовалась методическая вооруженность наших исследований, располагающая прочной методологической основой в виде философского наследия классиков марксизма-ленинизма. Все более глубокое внедрение в подходе к языковому материалу находили принципы системности и историзма. Неизмеримо вырос международный авторитет советской лингвистической науки. Развивается тесное сотрудничество советских лингвистов с их коллегами из братских социалистических стран (и, в частности, с языковедами Юго-Восточной Азии). Неизменно широким фронтом работ была представлена социолингвистическая проблематика советского языкознания. В центре внимания исследователей были закономерности функционирования языка в обществе, типы языкового взаимодействия (особенно – в условиях социализма), перспективы сознательного воздействия общества на язык (вопросы повышения культуры речи, нормирования и функциональных стилей литературных языков, развития отраслевой терминологии и мн. др.). Оживленно дискутировались актуальные проблемы теории литературного языка. Продолжал расти интерес лингвистов к разговорной речи. Изучение всех этих вопросов сопровождалось разработкой понятийного аппарата социолингвистики. Значительное внимание уделялось изучению роли русского языка как межнационального средства общения в СССР и как средства общения на международной арене. В последние десятилетия все более глубоко исследовалась языковая ситуация в различных регионах мира. Повышалась действенность рекомендаций наших социолингвистов для практики языкового строительства. Конкретными итогами этих усилий явились, в частности, такие важные стороны национальной политики в СССР, как создание письменности и литературных языков для многих народов, совершенствование норм старописьменных

языков. Исследовалась совокупность аспектов темы «Язык и мышление». Основное направление работ в этой сфере составили проблемы взаимоотношения языка и мышления. Изучалась роль естественных языков в отражении действительности (с акцентом на знаковую функцию материальной стороны языковых единиц). Раскрывались конкретные механизмы языка как средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления и его категориальный аспект. В языковедческих и психолингвистических исследованиях обозначилась сфера вопросов об обратном воздействии языка и законов его функционирования на осуществление процессов мышления. Была поставлена проблема выражения в языке таких категорий, как качество, количество, время, пространство, функции и др.<...>. Отставание сравнительно-исторического изучения языков, вызванное длительным господством «нового учения» о языке Н.Я. Марра, стало преодолеваться с начала 50-х годов, когда в центре внимания советских компаративистов вновь оказался методический аппарат исследования (методы реконструкции, понятие праязыковой модели и т. п.) <...>. Естественным стимулом развертывания типологических исследований в СССР послужило привлечение множества разноструктурных языков Советского Союза в обиход науки. Их развитие сопровождалось своего рода внешней и внутренней дифференциацией широкого комплекса по существу разноплановых дисциплин. Так, с одной стороны, происходило отграничение собственно типологических работ от сопоставительных (контрастивных) и характерологических, а, с другой – формально-типологических от содержательно-типологических <...>. Широкое направление работ в советском языкознании составили лингвоприкладные исследования. За последние десятилетия существенно преобразилось их содержание, включившее в себя наряду с традиционной для них проблематикой большую совокупность новых сфер, органически связанных с происходящей в нашей стране научно-технической революцией и актуальными задачами

информатики. В области теоретического анализа структуры текста, семантики и пределов ее формализации получены результаты, используемые в практике. За последнее десятилетие создан ряд систем машинного перевода, успешно работающих в промышленном и экспериментальном режимах. Построены первые многоязычные автоматические словари в помощь переводчику. Прикладная лингвистика внесла существенный вклад в совершенствование лингвистического обеспечения автоматизированных информационных систем (информационные языки, тезаурусы, словарная служба) <...>.

Подводя краткие итоги развития советского языкознания за 70 лет, следует остановиться на том, что все еще мешает его планомерному продвижению вперед. Необходимость этого особенно уместна в настоящее время, когда требуется, как говорится в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на январском Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, «объективная самокритическая оценка состояния дел, отход от формализма и шаблона в работе, поиск новых путей решения проблем». Несмотря на известные достижения, характеризующие ряд направлений отечественного языкознания, отличающие его передовые в мировой науке методологические позиции, в некоторых отраслях лингвистики наметилось отставание от мирового уровня развития идей. Так, в социолингвистике ощущается недостаток в конкретных исследованиях речевых коллективов и речевых сообществ – звеньев, в которых реально и протекает языковая жизнь человека и которые занимают в социальной стратификации промежуточное место между национальным языковым единством и языковой индивидуальностью. Это положение, как и слабая разработанность проблем лингводидактики и психолингвистики, связанных с овладением и владением языком, в известной мере тормозят продвижение и в разработке такой актуальной проблемы, как изучение русского языка в качестве средства межнационального общения в стране. Надо

сказать, что разработка этой проблемы, являющейся в высшей степени комплексной, нуждается в развернутой и эффективной поддержке в социальнокультурной, психологической, педагогической и других научных сферах, а значит, потребует развертывания широкого круга не только лингвистических, но и социологических, этнографо-демографических, культурологических, социально-психологических, историко-культурных, дидактических исследований, а соответственно – организационного участия нескольких ведомств. Подобное объединение возможно лишь в рамках целевой комплексной программы, носящей всесоюзный характер и включающей, наряду с проведением исследовательских работ, также комплекс практических, социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий. Необходимость в подготовке такой программы назрела и медлить более нельзя. Далее, отечественная психолингвистика сделала серьезный шаг по углублению и конкретизации изысканий в сфере взаимодействия языка и мышления, трактуя последнее вслед за отечественной психологией не просто как отражение, но как целенаправленный процесс решения мыслительных задач. Однако в нашей лингвистике в целом слишком медленно разворачиваются исследования когнитивных аспектов языка, лингвистическая когнитология заметно отстает от уровня зарубежного опыта. А ведь с этим направлением связано не только эффективное лингвистическое обеспечение систем искусственного интеллекта, но и прогностические работы по изучению познавательных функций как естественных, так и искусственных языков. Наконец, нельзя не отметить отставания в овладении и широком использовании разнообразных экспериментальных методик. Мировая наука переросла уровень описательства, перешагнула его, широко введя в исследовательскую технологию лингвистики самые разнообразные экспериментальные методы. Лингвисты еще не отрешились, к сожалению, от неоправданно насто-роженного отношения к новым, пусть не всегда доказанным

идеям, которые в силу застарелой привычки воспринимаются иногда как подрыв устоев и получают прежде всего идеологический ярлык, а не спокойную, научно взвешенную оценку. Описательство в этом отношении гораздо безопаснее, и поэтому многие кандидатские диссертации не проблемны, не экспериментальны, а остаются на чисто классификационно-описательском уровне. Необходима глубокая перестройка нашего лингвистического мышления в его отношении к новаторству, к эксперименту, к смелому поиску. Только такой подход может обеспечить прорыв научной мысли в новые сферы. К числу застойных явлений общего характера в нашей науке относится определенное однообразие работ, ведущихся в отраслевом языкознании, догматичность трактовки некоторых общетеоретических положений (в частности, в области соотношения языка и мышления). Все еще далеко не всегда находят своевременную поддержку поисковые работы. С другой стороны, еще встречается голое – в отрыве от необходимой эмпирической базы – теоретизирование, а иногда и факты нигилизма по отношению к тому, что сделано в нашей науке. По-прежнему ощущается недостаток в глубоких фундаментальных исследованиях основных категорий и свойств языка. Преодолению этих явлений могла бы способствовать, в частности, более продуманная практика программно-целевого планирования в общем и отраслевом языкознании, и особенно – в сфере лингвоприкладных работ. В описательном языкознании заметное место все еще принадлежит стереотипным грамматикам, создающимся по шаблонам, предложенным иногда несколько десятилетий назад. Отсюда – настоятельная необходимость совершенствовать методы описания языков. В некоторых отраслях языкознания вообще приходится говорить о чрезмерно затянувшемся периоде самих по себе необходимых описательных работ <...>. Говоря о недостатках в нашей работе, целесообразно сказать и о неудовлетворительном состоянии обсуждения опубликованных работ и практике превращения научных

конференций из лабораторий творческих дискуссий в органы вещания идей их участников. Совершенно новые задачи встанут перед советской наукой о языке в плане охватившего всю нашу страну процесса перестройки, смысл которой партия видит в решительном преодолении застойных явлений в создании эффективных механизмов ускорения в развитии советского общества в целом. Сейчас должно быть бесспорным, что для принятия активного участия в этом глобальном процессе сама наша наука должна во многом перестроиться. Сказанное означает, что лингвистам предстоит скорейшим образом ликвидировать складывавшийся в определенные годы механизм торможения, наполнить конкретным содержанием принятую на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза стратегию ускорения, и, в частности, наладить опережающее развитие фундаментальных исследований. В этом отношении после январского Пленума ЦК КПСС лингвисты имеют в своем распоряжении ясное руководство к действию: «По-прежнему острыми, во многом нерешенными остаются такие важные вопросы, как четкая координация академической, вузовской и отраслевой науки, интеграция усилий естественных, технических и общественных наук, комплексность проводимых исследований, глубина постановки фундаментальных проблем и повышение эффективности конкретных разработок». Необходимо помнить при этом, что «...успех стратегии ускорения прежде всего зависит от того, как мы решаем задачи научно-технического прогресса, насколько умело соединяем преимущества социализма с достижениями научно-технической революции».

★

Григорьев В.П. Печальная история (печатается с сокращениями по изданию: Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М.: Наука, 1993. С. 170–182).

Отзыв о сборнике научных трудов «Проблемы лингвистической поэтики» (отв. редактор В.П. Григорьев).

Название сборника свидетельствует о том, что читатель сможет познакомиться с некоторыми вопросами науки о поэтическом языке (о языке художественных произведений), с состоянием теоретического осмысления творчества советских поэтов (об этом ясно сказано на обороте титульного листа) – одним словом, с важными и животрепещущими вопросами современного состояния науки о поэтическом языке и литературно-языковой ситуации в сфере словесно-изобразительного искусства. Но ознакомление с содержанием этого сборника вызывает не только чувство неудовлетворенности, но вместе с тем и понятное недоумение: весь материал данного сборника, за исключением небольших статей (общий объем их примерно 90 страниц рукописи из 400: статьи о поэзии Межирова, Е. Винокурова, прозе М. Пришвина и др.), уводит нас в прошлое (к началу XX века), к тому периоду развития учения о языке русской поэзии, который аттестуется как то, к чему *надо в наши дни стремиться*, как то, что квалифицируется как *вершина поэзии*. Только деятельность ученых и поэтов прошлого – это, по словам автора ведущей статьи и ответственного редактора этого сборника, настоящая наука и поэзия русского народа: «Формалисты...поднялись (как мы видели и еще увидим, очень по-разному) над уровнем современной им филологии... Наша филология в целом, к сожалению, не поднялась на этот уровень вплоть до наших дней» (с. 41, 42). Выходит так, что после деятельности Брика и других авторов ничего не сделано за многие десятилетия развития советского литературоведения и советского языкознания: отрицается все (труды академиков В.В. Виноградова, М.Б. Храпченко и многих других), деятель-

ность Ю. Тынянова, оказывается, до сих пор «все еще не может осмыслить наше академическое литературоведение»; автор выражает возмущение по поводу нежелательного, как ему кажется, развития науки о поэтическом языке; по его мнению, языковеды и литературоведы повинны в «неблагодарности 70-х годов по отношению к 20-м» (с. 40).

Автор возмущен и тем, что «об ошибках формального метода написано столько неверного, бездоказательного и, главное, бесперспективного ... не меньше бессодержательного напечатано и по поводу структурализма» (с. 41).

Огульное отношение к достижениям советского литературоведения («Литературоведы активно обсуждают проблемы «типологии социалистического реализма», но «без какой-либо конкретной связи с данными, возможностями и задачами лингвистической поэтики» – с. 54), к попыткам осмыслить стиль эпохи (с. 55, 56) приводит автора к риторическим сентенциям, не подкрепленным каким-либо конкретным материалом, который свидетельствовал бы о наличии некоторых тенденций в развитии науки о поэтическом языке, в развитии языка художественной литературы. Вместо анализа речевого материала – абстрактные рассуждения о трех ступенях изучения поэтического языка (с. 82–86). Более того, вместо объективных наблюдений над достоверным материалом (развитие языка поэзии нашего времени на протяжении многих десятилетий советской эпохи) в работе В.П. Григорьева – схоластические споры о понимании того или иного слова, сопровождающиеся обращением к аргументации деятелей прошлого: Роман Якобсон (с. 30, 47, 35 др.), В. Хлебников (с. 44, 72 и др.) и др., бесконечные ссылки на образцовый почерк определенной группы поэтов: А. Белый, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Хлебников. На страницах пространной статьи встречаются страстные тирады в защиту В. Хлебникова: «странные для обывателя, «неязыковые» для историка литературного языка и «избыточные» для прямолинейного эстетика хлебниковские

поиски были необходимы не только ему для его работы в РОС-ТА, для свержповести «Зангези» и для полного выявления его поэтического таланта, но и всему поэтическому языку, в развитии которого «полюс простоты» и узко понимаемой глубины стал в начале века грозить «полюсу сложности» полной атрофией, а тем самым грозил нарушить необходимую обществу эстетическую биполярность» (с. 59). Выходит так, что никто на протяжении многих десятилетий не смог подняться до уровня, необходимого для того, чтобы осмыслить поэтические поиски В. Хлебникова, которые предопределили поэтический язык; выходит так, что историкам литературного языка, литературоведом не стоило ничем иным заниматься, как только стремиться к познанию того, что вышло из-под пера Хлебникова?! Автор указанной статьи назойливо подсовывает читателю то, чему он поклоняется, маскируя это неприкрытым нигилистическим отношением ко всему тому, что было сделано в советской литературе и науке о языке художественных произведений после В. Хлебникова.

Странная статья ответственного редактора сборника предопределила идейную направленность и многих других статей этого издания, а также расчеты на продолжение такого рода изданий, о чем красноречиво сказано в «Предисловии» (с. 5). Статья В.В. Иванова «Проблема именного стиля в русской поэзии XX в.» также обращена в прошлое; автор уходит от всего того, что, так или иначе, касается языка современной поэзии. Анализ именных конструкций (к тому же весьма поверхностный, терминологически спорный – что это за «именной стиль»?) не выходит за пределы творческих связей, влияний определенной группы поэтов (М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова, О. Мандельштам). Даже поверхностные наблюдения над эстетическими свойствами именных конструкций имели бы, несомненно, больший резонанс, если бы в сферу изучения были включены другие поэты, – тогда бы стала вырисовываться объективно, а не субъективно очерченная традиция в сфере поэтического творчества.

Конкретные положения, вытекающие из материала языка писателя, строятся опять-таки на произведениях литературы начала XX века. Интересная с точки зрения методики анализа текста, обширная (100 страниц) статья Н.А. Кожевниковой посвящена языку и стилю произведений А. Белого. И в этой работе идеи А. Белого превозносятся: выражается сожаление, что они не получили развития в свое время, и утверждается, что они питают современную науку (с. 137). Автор статьи восторженно относится к работе по изучению языка произведений А. Белого, и все творчество этого писателя воспринимается, как «огромный эксперимент» (с. 143). Но было бы весьма полезно для выяснения «проблем лингвистической поэтики» вести наблюдения в сфере эксперимента над языком современных писателей: творческая перспектива на протяжении деятельности писателей старшего и младшего поколений помогла бы прояснить темные пятна в науке о языке словесно-изобразительного искусства. Наблюдения автора над целым рядом поэтических средств (инверсия, повторы, метафоры и др.) представляют интерес, но они не проблемны: нет перспективы их творческой «жизни» на протяжении большого отрезка времени, причем такого времени, в которое происходит борьба советского народа за укрепление силы и могущества своей Родины.

Ориентация на поэтическое мастерство А. Белого в известной мере определила фрагментарность тех «находок», которые дают представление о вкладе А. Белого в развитие поэтического языка; это причастия на *-ши*, *-вши*, слова серии цветообозначений (*черный*, *желтый* и др.), диалектно-просторечные элементы (*бунить*, *гагакать*, *мизикать*, *бубанить*; *мозгопятый*, *блекавый* и мн. др.), сочетания типа *распепешились щеки*, *тяпляпился нос*, *громко бахонит*, *керкает кашлем* и др. – все это то, что трудно признать как моменты, определившие развитие поэтического языка.

Статья В.Н. Топорова (внушительная по размерам (100 страниц) посвящена изучению творчества малоизвестного по-

эта начала XX в. графа В.А. Комаровского, кончившего свою жизнь в психиатрической лечебнице во время буйного приступа. В.Н. Топоров с большим вниманием подходит к характеристике стихов этого поэта; стихи его рассматриваются как «достижения русской поэзии начала XX в.» (с. 236); время деятельности В. Комаровского для В.Н. Топорова – это «замечательнейшая в истории русской поэзии эпоха» (там же). Автор статьи сознательно навязывает читателю материал, уводящий его в область прошлого: это указание на публикации, касающиеся родословной Комаровских, на отношение к фрейлине царского двора, на пребывание в Царском Селе и т. п. (с. 243–250). Поэзия Комаровского, по словам автора статьи, – «настолько самостоятельна и оригинальна, настолько дистанцирована, что вполне понятна известная неопределенность позиции и места Комаровского в поэзии начала века» (с. 256). Величие стихов этого автора в какой-то мере предопределяется его связью с творчеством А. Ахматовой, О. Мандельштама (с. 257 и след.)

Уход в бытийность, в личностный мир богато иллюстрирован пространными выдержками из стихотворений Комаровского. Тенденциозность всего того, что связано с обращением к стихам указанного поэта, раскрывается в заключительных строках автора статьи, для которого наследие Комаровского «предвосхищает позднейшие открытия теоретической поэтики» (с. 309). Но что же он предвосхитил, об этом умалчивается в статье, вместо этого даются тексты, сопровождаемые назойливостью внушения: перед вами великий, но забытый поэт.

Только в небольшой статье Е.А. Некрасовой (20 страниц) о сравнениях в поэзии А. Вознесенского, Е. Винокурова, Н. Матвеевой намечен реверанс в область настоящего: содержатся интересные наблюдения над словесной образностью в поэтических сборниках самого последнего времени.

Статья же О.В. Шульской, хотя и посвящена символике А. Межирова и Е. Винокурова, но исходные позиции – в об-

ласти прошлого (мнение А. Белого о символе принимается как конструктивная точка зрения исследователя, см. с. 333). Мелкие статьи Джанджаковой, Ивановой-Лукияновой, Шепелевой весьма фрагментарны и мало что дают для того, чему посвящен, судя по названию, данный сборник.

Последняя статья Ю.А. Сорокина «Китайская поэзия как объект перевода» – это инородное тело в поэтическом сборнике; китайской поэзией следует заниматься в ином плане, к тому же рассуждения о том, как переводить китайскую поэзию – это сфера переводческой практики.

Общее заключение: содержание статей не укладывается в профиль названия этого сборника; больше того, подбор статей и материала весьма тенденциозен, что ни в коей мере не решает научных проблем лингвистической поэтики. Приходится удивляться тому, почему авторы сборника так отрицательно относятся к биению пульса советской поэзии, советской прозы, почему их манит запах далекого прошлого, почему это «прошлое» – вершина того, к чему надо стремиться деятелям филологии в наши дни.

Главному редактору издательства «Наука» тов. А.И. Чугуну. Ответ на отзыв анонима о сборнике «Проблемы лингвистической поэтики».

Любое усилие рецензента осмыслить и оценить подготовленную к печати рукопись можно только приветствовать. Это само собою разумеется, если перед нами попытка конструктивного прочтения с ориентацией на всю проблематику предмета, попытка филолога выполнить свою первейшую обязанность – понимать текст. Но даже если рецензент не в состоянии (не может или/и не желает) не выдавать свой угол и свое поле зрения за единственно возможные, следует, прежде всего, попробовать извлечь из отзыва нечто конструктивное. В данном случае этому мешает и индивидуальный стиль рецензии, отвечающий методологии ее автора («назойливо под-

совывает», «маскируя это неприкрытым (!) нигилистическим отношением» – с. 3 и т. п.), но отвлечемся на время от этой приснопамятной манеры.

1. Выход в свет важного сб. работ Ю.Н. Тынянова («Наука», 1977, рукопись была уже в изд-ве) заставляет внести в формулировку на с. 40 моей статьи уточнение (см. начало с. 2 отзыва).

2. Недоумения относительно концовки статьи В.Н. Топорова легко было бы устранить прямой ссылкой на известные работы (или просто имя) М.М. Бахтина, к которым явно относится следующая за процитированной рецензентом в отрыве от контекста фразой статьи (с. 5–6).

3. Из замечаний по статье В.В. Иванова (и карандашных помет в ее тексте) следует, что ряд упомянутых автором поэтов рецензент, вопреки всякой очевидности, не считает «крупнейшими» (ср. с. 130 машинописи и с. 3–4 отзыва). Раздражение рецензента не менее субъективно, чем эта оценка. Но и в случае компромисса остается неясным, каких именно «других поэтов» имеет в виду рецензент (в связи с проблемой именно-го стиля) или хотя бы какие именно контексты, упоминание которых он считает, очевидно, обязательным для самой постановки проблемы. Редактор, естественно, готов обсудить любые конкретные соображения и на этот счет.

4. Уводящим в сторону от сути дела выглядит недовольство мимолетным упоминанием в статье В.Н. Топорова «фрейлины царского двора» и т.п. (с. 5 отзыва). Было бы не просто смешно снимать эти строчки (существенные в сводке данных о поэте); ведь пронизательный рецензент вскрыл – в год 60-летия Октября и в то самое время, когда «происходит борьба советского народа за укрепление силы и могущества своей Родины» (с. 4; а я-то не знал), – что-то вроде редакторской ностальгии по монархии. Подумать только...

Рецензент – не лингвист (хотя, возможно, и дипломирован), не специалист в области лингвистической поэтики; не могу

назвать его и филологом – это значило бы презирать советскую филологию. Этот «филолог» даже не понимает оскорбительности, недопустимости такого рода тезисов, как его ни на чем не основанное утверждение, будто бы, «по словам» Григорьева (с. 1 отзыва; пусть кто-нибудь попробует найти в сб. такие слова или мысли), «только деятельность ученых и поэтов прошлого – это <...> настоящая наука и поэзия русского народа» (!! – это знаки заслуженных рецензентом пары плюсов). Желание и «право» рецензента читать между строк должно иметь пределы. Но его обязанность – сначала научиться читать и понимать тексты научных статей. Этой обязанностью он пренебрег. Ему хочется вести следствие, взгромоздиться на кафедру прокурора, но даже чеховский прокурор-«прыщ» (в известном очерке Горького) обладал – при меньшей, чем у рецензента, самоуверенности – некоторой юридической квалификацией. Редактора сборника поражает небывало (в его практике) низкий филологический, лингвистический, философский, методологический, логический, правовой и, прежде всего, нравственный уровни отзыва.

«Отрицается все (труды академиков В.В. Виноградова, М.Б. Храпченко и многих других)», – пишет рецензент (с. 1) о моей статье. Полагаю, стоило кому-то проверить, как именно пользуется этот «черный» рецензент опасной свободой, предоставленной ему издательством. Даже абсолютно безответственный деятель, сознательно задавшийся в наши дни безумной целью нанести серьезный ущерб советской филологии, произвести «лысенкование» (выражение акад. Прянишникова) лингвистической поэтики, все же постарался бы, наверное, действовать менее грубо, не допустил бы подобных бьющих в глаза передержек. Более 15 лет я стараюсь следить за всем новым в филологии, что имеет хоть какое-либо отношение к лингвистической поэтике, и тщательно выявлять все актуальное и ценное в ее важных, но исключительно сложных и противоречивых традициях. Вместе с тем я критиковал и буду критиковать все, что, по

моим убеждениям, заслуживает критики у любых авторитетов филологии, в том числе и у моих учителей, начальников и коллег, следуя в этом требованиям советской науки, но не позволю никому безнаказанно приписывать мне нигилистическое отношение к ее завоеваниям. Достаточно было элементарного сравнения хотя бы с. 1 отзыва с тем, что реально содержится в моей статье, чтобы дезавуировать раз и навсегда этого рецензента и не заставлять меня, инвалида Отечественной войны, опровергать его грязные инсинуации. Зачем он понадобился издательству, остается только догадываться <...>.

Свое понимание философии истории и методологии критического анализа рецензент проводит через весь отзыв в виде оппозиции «прошлое»/ «наше время», на первый взгляд, вполне невинной, однако на деле вульгаризаторски отсекающей все, что не укладывается в это его до благоглупости куцее «наше время» (об аргументах он не заботится). Пришвин – это еще «современное»; Брик, Якобсон, Белый, Мандельштам, Пастернак, Хлебников, Маяковский, Пушкин, Блок, Цветаева, Ахматова, Комаровский... – это «прошлое» (я следую за логикой отзыва, соотнося ее с содержанием критикуемых статей). Интересно, куда попали бы, скажем, Флоренский, Есенин, Багрицкий, Б. Корнилов, Булгаков, Светлов, Смеляков, Платонов, Д. Бедный, Бодуэн, Потенбя, Аристотель или Вико, подвернись их имена под такое бойкое перо. Якобсон не прав, утверждая, что это дело троглодитов – оставаться троглодитами. Но вот на с. 6 отзыва (ср. с. 1) оказывается, что и обращение к поэзии А. Вознесенского, Е. Винокурова и Н. Матвеевой – это не более, чем «реверанс в область настоящего» (речь идет о статье Е.А. Некрасовой). [В общем, нашелся в сборнике один порядочный автор (проглядел редактор!), да и тот, если правду сказать... Гоголь, Гоголь – наше рецензентское «настоящее»]. Не имеет смысла и здесь напоминать рецензенту о корректности. Но ведь это же недостойно – вырвать сборник из последовательно осуществляемых Институтом русского языка АН СССР планов.

Только что вышла в свет в «Науке» специальная двухтомная работа (при участии ряда авторов сборника) о языковых процессах современной русской литературы (на материале 50–70-х годов); изданы, завершены или завершаются другие работы авторов сборника и других сотрудников Института, непосредственно вызванные к жизни Постановлением ЦК КПСС о литературно-художественной критике ...

И тут появляется наш рецензент и смеет, мягко выражаясь, «грубо» удивляться, видите ли, тому, «почему авторы сборника так отрицательно (!!)

относятся к биению пульса советской поэзии, советской прозы, почему их манит запах далекого прошлого» и т. д. (см. его «Общее заключение» – этот беспардонный по воинствующему антиисторизму и «образцовый» по бездоказательности и невежеству коктейль из передержек и самоуверенной позы ильфо-петровского строчкопыта). Что же, наш «вероучитель» никогда не слышал, ничего не читал о марксистско-ленинских взглядах на соотношение логического и исторического, всерьез желает оторвать синхронию от диахронии, в самом деле не понимает, что Маяковский не может ни «отменить», ни «заменить» Пушкина, Хлебников, Д. Бедный и Твардовский – Некрасова, Федин или Бондарев – А. Белого или Вс. Иванова, Межиров – Блока, Евтушенко – Есенина, Софронов – Прокофьева, что, скажем, Цветаева может оказаться по языку и для языковеда в чем-то более актуальной, чем Н. Матвеева, Р. Рождественский или О. Шестинский, и т. д., и т. п.?
<...>

Мысль же о том, что «прошлое» – это «вершина того, к чему надо стремиться деятелям филологии в наши дни» (придуманно и подчеркнуто рецензентом), рождена не содержанием сборника, не его целями и задачами и не какой-то отдельной вырванной или неудачной его строкой, а лишь горячечным и лживым воображением замшелого сектанта-рапповца, наглядно демонстрирующего (вспомним Маркса), как «мертвый хватает живого». Ср. в этой связи и ленинские положения,

приведенные в предисловии к сборнику «Структурализм: «за» и «против» (М., 1975).

Вот приемы рецензента (перечислю несколько примеров, но я проверил все его утверждения до одного – картина беспроектная):

– «что это за «именной стиль»?» (с. 3) – между тем в статье недвусмысленно объяснено, что это такое;

– Н.А. Кожевниковой «идеи А. Белого превозносятся» (с. 4). – Какие идеи? Антропософия? Глоссология? Скифство? Да нет! Упомянуты конкретные и важные филологические идеи. Сам рецензент вовсе не пытается их опровергнуть: серьезных идей у Белого, видимо, и быть не может. (В общем, простите, отец дьякон, что я подумал, что у Вас в голове идеи. Чехов, Чехов – тоже «современник» нашего рецензента) <...>.

Следует особо подчеркнуть, что рецензент не различает задач литературоведческого и лингвистического анализа. На обороте титульного листа сборника он умудрился вычитать глобальную цель теоретического осмысления творчества советских поэтов (первая фраза отзыва). Между тем задачи сборника куда более строгие и определенные. Можно надеяться, что литературоведы извлекут из его содержания кое-что поучительное, но неправомерен взгляд на лингвистическую поэтику как на служанку литературоведения. Ее объект – язык, и, во всяком случае, пока она вынуждена решать собственно лингвистические задачи (ср. работы В.В. Виноградова и споры вокруг «стилистик») <...>.

В свое время, при подготовке статьи «Речь художественная» для БСЭ, инерция подобного смешения задач, характерная для ряда литературоведов, была по заслугам отвергнута как дезориентирующая читателей, искажающая положение дел в филологии. Замечу, во избежание недоразумений, что есть литературоведы, которые отлично понимают как необходимые связи между лингвистикой и литературоведением, так и невероятный вред поучающего высокомерия второго по от-

ношению к первой (как, разумеется, и наоборот). Например, такой филолог, как М.Л. Гаспаров, был бы, конечно, самым требовательным и «опасным» для авторов, но и самым желанным критиком, понимающим рецензентом сборника. С другой стороны, было бы совсем не просто «подсказать» издательству имя удовлетворяющего всем требованиям науки и «Науки» рецензента из числа лингвистов.

Вот примеры рецензентского высокомерия (если они еще нужны), «надменные конгломераты воинственных полуидей» (А. Межиров):

– Почему О.В. Шульская не вправе принять и точку зрения Белого на символ, поскольку учтены, конечно, и позднейшие точки зрения, о чем рецензент опять-таки нечестно умалчивает – с. 6? Если у рецензента есть своя концепция символа, зачем ее скрывать?

– Одной хлесткой фельдфебельской фразой рецензент разделяется сразу с тремя «мелкими» (!) статьями (там же). Так мог написать и поступить только не просто недоучка, но и вельможа, не по рождению, как Комаровский, Игнатъев или А.Н. Толстой, а по духу, презренный, в глазах Ленина, комчван.

– Фраза о статье Ю.А. Сорокина (там же) – тоже своего рода шедевр. В каком «ином плане» следует лингвисту заниматься китайской поэзией? Хотелось бы знать. Оказывается также, что «рассуждения о том, как переводить китайскую поэзию, – это сфера переводческой практики». А мы-то, глупые, думали, что существуют и лингвопоэтические проблемы теории перевода...

Хватит! Я не выписываю заключительной фразы энгельсовского «Анти-Дюринга» о мания грандиоза, чтобы дать рецензенту лишнюю возможность самому приобщиться к наследию классиков марксизма-ленинизма, в его глазах, очевидно, уже «ученых прошлого» (с. 1). Мой упрек Вам, тов. Чугунов, сводится только к тому, что Вы, полагаю, без проверки, сопроводили своим письмом на бланке издательства «Наука» в Институт

русского языка АН СССР такой отзыв – продукт современного Дюринга от дубинки и кастета. В полемике с ним, в этом беспримерном случае кем-то расчисленного и нацеленного «стихийного бедствия», невозможно было прибегать к языку дипломатии; церемониться с бесцеремонным хулиганом и невеждой – значило бы лишать себя права на минимум необходимой обороны; не я был зачинщиком; не честь мундира (сборник по-прежнему открыт для конструктивной критики), а честь советского ученого заставляет ставить все точки над и.

Аноним раскрыт. Его фамилия – Небаба, бывший музыкальный критик, приятель М.С. Паниковского. Как писали классики актуального «прошлого», интересно было бы встретиться с этим гражданином перед лицом закона (или иной инстанции). Тем временем, мне кажется, давно пора приступать к нормальной издательской работе с текстом сборника.

Готовый предать этот инцидент «грызущей критике мышей», понимающий Ваши, тов. Чугунов, многотрудные обязанности и ожидающий Ваших распоряжений, с уважением к Вам, но не к рецензенту 4–7 ноября 1977 г. В.П. Григорьев, отв. редактор сб. «Проблемы лингвистической поэтики», зав. сектором структурных методов изучения языка и лингвистической поэтики Института русского языка АН СССР.

*

Казарин Ю.В. Личное дело № 684 (печатается с сокращениями по изданию: Русская глагольная лексика: пересечение парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой/ под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 475–485).

Передо мной на столе лежит Личное дело № 684 с надписью в левом углу папки «Кузнецова Эра Васильевна. 880428». Т. е. Дело закрыто 28 апреля 1988 г. Листаю документы, подшитые к Делу: в Листке по учету кадров в графе «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности» всего 7 записей, и все

они касаются или учебы, или работы в Высшей школе. Удивительное постоянство – ни одной побочной работы, даже совместительства не было! Разве что приказом № 501 от 4 июля 1984 года Э. В. Кузнецова назначается временно исполняющей обязанности декана филологического факультета (с 9 июля по 4 августа 1984 г.). А вот п. 10 приказа № 370 от 9 сентября 1974 г., где говорится о назначении доцента кафедры русского языка и общего языкознания Э. В. Кузнецовой заведующей кафедрой современного русского языка на общественных началах. День рождения кафедры современного русского языка.

Узкая полоска бумаги – тот самый роковой приказ о переносе срока переизбрания Э.В. Кузнецовой на должность заведующего кафедрой современного русского языка: приказ № 827 от 1. 10. 86 (п. 5). Срок переизбрания перенесен на декабрь 1986 г. Именно в декабре 1986 г. Эра Васильевна и потеряла кафедру, которой она была и основателем и организатором и которой руководила более 12 лет. Я не был свидетелем тех событий – находился в долгосрочной загранкомандировке, но документы говорят тоже немало: почему в октябре Э.В. Кузнецова могла быть переизбрана на должность заведующего кафедрой, а в декабре вдруг теряет свое детище, свою судьбу, свою любовь? Почему в октябре члены кафедры были согласны на ее руководство (см. отчет), а чуть позже вдруг избирают на эту должность другого, может быть, не менее достойного, но сидящего на чемоданах – уезжающего в долгосрочную командировку за границу?

Может быть, я чего-то не знаю или не понимаю (кто говорит, что знает все, обычно не знает ничего), я не могу судить и обвинять, но вопросы задавать – я вправе.

С просьбой рассказать об этом периоде жизни Э.В. Кузнецовой я обратился к свидетелю тех событий Л.Г. Бабенко: «Как хотелось бы мне пропустить последнюю трагическую страницу жизни Эры Васильевны и истории нашей кафедры! Хочется все забыть и стереть из памяти определенные имена, равно как и

произнесенные осознанно или не совсем осознанно, под влиянием чужой воли слова, корыстные или амбициозные поступки, но, к сожалению, память моя сильнее воли и желания... Боль от безвременной утраты Эры Васильевны слишком сильна и сегодня. Как уже говорилось, Эра Васильевна была человеком открытым, искренним, честным, не способным на лицемерие, ложь и интриги. Порой она говорила слишком откровенные вещи и о себе, и о других, которые, возможно, не следовало бы говорить. Была излишне категорична и прямолинейна. Она совершенно ничего не умела скрывать, не умела хитрить. От окружающих, прежде всего от членов своей кафедры, ожидала подобного отношения к себе. Слишком верила она всем членам своей кафедры, и прежде всего своим ученикам, и не мыслила подвоха, удара с их стороны.

Она проявляла твердость и силу характера только в открытой борьбе. В отношениях с людьми неверными, лицемерными она оказывалась наивной, часто до смешного. Интриговать против нее было нетрудно, ибо все её слабости были на виду.

Создавая кафедру преимущественно из своих учеников и воспитывая их в атмосфере любви, заботы и искренности, но также и суровой требовательности, Эра Васильевна наивно считала себя неуязвимой. Именно поэтому она и оказалась беззащитной перед интригой на своей кафедре. Она только мучительно хотела, но так и не смогла понять мотивы предательства, особенно предательства одной ученицы, выпестованной ею со студенческих лет, от дипломницы до кандидата наук. Она не видела и не понимала того, что видели и понимали все.

Сложилось так, что в октябре 1986 г. Эра Васильевна должна была переизбираться на должность заведующей кафедрой. Она проработала в этой должности два срока, сумела за это время подготовить более десятка кандидатов наук, сформировать научное направление кафедры, выпустить ряд сборников, опыт словаря ЛСГ русских глаголов, сдать в печать коллективную монографию и пр. Эра Васильевна достиг-

ла пика творческой формы. Это был самый плодотворный период ее научной деятельности: за последние 5 лет было опубликовано 20 п. л., в том числе учебник по лексикологии и учебное пособие «Язык в свете системного подхода», было сделано 16 докладов на межвузовских конференциях. Эра Васильевна была охвачена азартом общей коллективной деятельности, вследствие чего свой творческий отпуск, оказавшийся для нее роковым, она хотела посвятить целиком науке (она писала предисловие к словарю-справочнику ЛСГ русских глаголов, занималась его общим редактированием) и, отчитавшись на кафедре, попросила учебную часть университета перенести срок переизбрания на декабрь. Она работала дома, на факультет приходила редко. Этим воспользовались, чтобы не допустить ее переизбрания. Отчет Эры Васильевны по учебной, научной и общественной работе полностью отражает состояние творческого подъема и активной плодотворной педагогической деятельности (и не только в родном университете), общественную деятельность Эры Васильевны.

У читателей может возникнуть вопрос, что послужило поводом для неизбрания Эры Васильевны на должность руководителя созданной ею же кафедры современного русского языка, повлекшей ее болезнь и... Что же, вчитаемся в дело... В нем есть рекомендация кафедры, рекомендация партсобрания и партбюро (тогда это было обязательно), рекомендация аттестационной комиссии университета, подписанная первым проректором профессором А. В. Гайдой Нет подписи декана. Почему? Между прочим, декан профессор Г.К. Щенников в октябре сам напомнил Эре Васильевне о необходимости переизбираться на новый срок и первоначально поддерживал ее кандидатуру. Почему он изменил свое решение?

На него повлиял визит группы преподавателей кафедры современного русского языка, ходатайствовавших о кандидатуре ВРИО заведующего, которой, вероятно, уже не хотелось расставаться с должностью.

Гурий Константинович ничего не стал скрывать от Эры Васильевны, поступил открыто, может быть, даже слишком откровенно: после партсобрания, на котором утверждалась характеристика Эры Васильевны и было принято решение о рекомендации Эры Васильевны к избранию на новый срок, он догнал Эру Васильевну в коридоре и у дверей кафедры сообщил ей, что не сможет в дальнейшем ее поддерживать, ибо три доцента кафедры, ее ученицы (он назвал фамилии) не хотят ее переизбрания и предпочитают кандидатуру недавно утвержденного молодого доктора наук (Эра Васильевна всячески поддерживала и выдвигала этого доктора), за которым они видят будущее. Он добавил, что идеи Эры Васильевны им представляются устаревшими и неперспективными (надо отметить, что этот мотив и после смерти Эры Васильевны долго звучал в оценках научных работ учеников – последователей Эры Васильевны, продолжавших разработку глагольной темы). Думаю, что тогда они никак не предполагали, что их намерения будут прямо изложены деканом Эре Васильевне. К тому же свидетелями разговора Г.К. Щенникова с Эрой Васильевной оказались участники партсобрания И.М. Волчкова, В.Н. Кардапольцева и я. Мы слышали весь разговор и долго после него успокаивали плачущую Эру Васильевну, которая была уязвлена в самое сердце.

Надо сказать, что я тогда была тоже достаточно наивной и, не поверив словам Гурия Константиновича, в тот же вечер попросила его (я была зам. декана по научной работе) все разъяснить в присутствии всех членов кафедры, что он и сделал, пригласив всех в деканат (без Эры Васильевны). При этом профессор Г.К. Щенников добавил, что новый доктор наук его также больше устраивает на должности зав. кафедрой как человек гибкий и дипломатичный.

Упомянутая особа промолчала, тем самым выразив полное согласие с позицией декана и «учениц» Эры Васильевны.

Нельзя осуждать декана за его непоследовательность: не будучи лингвистом, он не мог и не считал нужным разбирать-

ся в приоритетной стратегии научных изысканий кафедры современного русского языка. Он поступил как администратор, прислушавшись к просьбе группы лиц, пожелавших изменить научную ориентацию кафедры и избравших нового лидера.

К тому времени на кафедре современного русского языка действительно наметилась разработка принципиально новой темы (формулировка ее в период творческого отпуска Эры Васильевны была включена в разряд основных тем кафедры, потеснив традиционную для кафедры научно-исследовательскую тему «Системные отношения в лексике»). Думаю, что в дальнейшем обе темы могли бы успешно разрабатываться и Э.В. Кузнецова, наверняка, не стала бы этому препятствовать. Идеологам новой темы нужно было только готовить для ее разработки своих учеников, исполнителей, не разрушая изнутри сложившийся коллектив и сформировавшееся научное направление.

Сейчас по-иному воспринимается и запись в отчете Эры Васильевны, в пункте 7 «рекомендации, пожелания, предложения кафедры»: «Проявлять гибкость в решении частных вопросов. Принимать участие в разработке темы «Живая речь уральского города». Эта запись (заметим, что она сделана еще в октябре) уже не кажется случайной, а воспринимается как глубоко продуманный ход, оказавшийся в дальнейшем роковым для Эры Васильевны.

Эра Васильевна долго пролежала в больнице, и когда четыре месяца спустя на кафедре вновь рассматривался вопрос об избрании на должность зав. кафедрой, все молчали, а Эра Васильевна одна высказала следующее пожелание новой соискательнице должности: «Больше улыбаться подчиненным и меньше улыбаться начальству». Эра Васильевна восприняла случившееся как катастрофу всей своей концепции жизни. А участники интриги, решив главный вопрос, дружно разъехались по границам. Будучи людьми рациональными и расчетливыми, они надеялись, что со временем все забудется и утрясется.

Эра Васильевна осталась в состоянии тяжелой депрессии и до конца своих дней не смогла выйти из него. Всем приходившим навестить ее она задавала вопрос: «Почему в глаза говорили о любви и верности, почему отреклись тайно за спиной?» Именно фактор тайного предательства задел ее больше всего. В последние дни Эра Васильевна часто вспоминала высказывание В.Г. Белинского о том, что честные люди часто проигрывают потому, что действуют открыто и честными средствами, а нечестные выигрывают потому, что опираются на нечестные средства: ложь, обман, клевету, подлость и проч. (привожу по памяти, общий смысл). Эра Васильевна вообще любила собирать различные афоризмы, часто цитировала их в беседах. У нее была даже специальная тетрадь для любимых изречений, в которых она пыталась найти объяснение и утешение.

Медики говорят, что онкологические заболевания зачастую возникают вследствие неспособности выйти из состояния стресса, тяжелой обиды. Не случайно, видимо, религия учит и призывает нас прощать обидчиков, врагов. Есть высший судья, только ему дано право судить. К большому нашему огорчению, Эра Васильевна не смогла и не захотела выйти из состояния обиды, не понимая мотивов ее изгнания. Я хорошо помню, как на кафедре ее аспиранты Е.Г. Соболева, Е.И. Плотникова и я буквально умоляли ее все забыть, думать только о хорошем, настроиться на лучшее. Она была не в силах перестроиться. Она могла жить только в гармонии и любви с близкими, в дисгармонии не смогла.

В июле 1987 г. у нее случился инфаркт селезенки, повлекший за собой злокачественное заболевание крови. Болезнь развивалась стремительно, лечение было тяжелым: операция, химиотерапия и проч. В течение всей болезни Эра Васильевна старалась оставаться самой собой: интересовалась политическими событиями, изменениями в жизни общества, переживала за нас, писала статьи, тезисы, думала о будущем нашем синтаксическом глагольном словаре. В феврале 1988 г. (за два месяца до смерти) собиралась делать доклад на проводимой кафедрой

межвузовской конференции. До последних дней она следила за собой: подкрашивала волосы, делала регулярно стрижку, продумывала наряды.

В последние недели ее жизни я вечерами ходила делать Эре Васильевне обезболивающие уколы (утром и днем их делала медсестра) и видела, как Эра Васильевна сопротивлялась смерти, боролась с ней. Говорят, надо со смирением принимать смерть, Эра Васильевна не хотела умирать, не хотела уходить из жизни, оставлять близких.

В последние три дня, будучи без сознания, она металась на кровати, была беспокойна и громко, страшно кричала имя дочери. В момент (точнее мгновение) ухода Эры Васильевны из жизни (дома были сестра Рита Васильевна, сын Ваня, дочь Ольга и я) потеряла сознание Ольга, на следующий день она попала в больницу и очень долго болела. Владимир Леонтьевич, муж Эры Васильевны за время ее болезни перенес два инфаркта, после смерти Эры Васильевны – третий обширный инфаркт и на следующий год после ее смерти (в сентябре 1989 г.) ушел из жизни вслед за ней. (Записано в октябре 1996 г.)

Последний приказ в Деле № 828 от 26 сентября 1988 г. (п. 9) исключает Э.В. Кузнецову из списков сотрудников Уральского университета в связи со смертью...

Из наших сердец – не исключает. Мы, русские, любим любить и страдать. После всего, что произошло, Эру Васильевну невозможно любить, не страдая. Хоронили Эру Васильевну в пасмурный последний день апреля. Я почти не запомнил этот день. Помню только, что на другой день было солнце.

*

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Александр Лацис как «критик»: письмо в редакцию «Литературной газеты» (печатается по машинописной рукописи из архива автора).

Публикация «Удара по лакунам» на 16-й странице газеты («Литературная газета», 27 июня 1984 г.) поставила нас,

как мы сначала думали, в «тяжелое» положение: эта страница считается юмористической и сатирической, таковым, казалось нам, должен быть и ответ. Но Вы оказали нам, по-видимому, невольную услугу, выбрав в качестве автора фельетона А. Лациса: мы стараемся быть юмористичными и сатиричными в той же мере, как и он, ибо это, оказывается, не столь трудно, как предполагали мы. Нам, специалистам, этот фельетон, как и всякое сочинение «постороннего человека», конечно, показался смешным. Но мы опасались, что он покажется смешным, но уже в силу своих «профессиональных» достоинств, и другим людям. В этом отношении нам, если не крупно, но также повезло. Другим этот «удар» показался не смешным. Предугадывая ваши возражения, сразу же оговоримся: этих других не так уж много, и они наши коллеги и знакомые, которые делились с нами своими впечатлениями относительно вашего «Удара». Возможно, что другие читатели вашей газеты и смеялись. Но в этом позволительно усомниться. И вот по какой причине: и юмор, и сатира, по-видимому, строятся на том, что характеристические (глубинные) черты человека или явления, идеи или текста берутся в целостности и переакцентируются, подаются под неожиданным и дерзким углом зрения («заостряются») в таком контексте, который «непривычен» для них. Но именно целостность понимания рассматриваемой – юмористически или сатирически – сущности проблемы и отсутствует, на наш взгляд, в фельетоне А. Лациса. Но зато присутствует нечто другое, нечто от чеховского Сисоя, который любил повторять лишь одно: «Не ндравится мне!» Если такое сравнение покажется вам неубедительным и малоприемлемым, то можно предложить другое: сравнение с Карениным, который, как известно, «...в области политики, философии, ...сомневался или отыскивал, но в вопросах искусства и поэзии, в особенности музыки, понимания которой он был совершенно лишен, у него были самые определенные и твердые мнения». Этот каренинский «синдром» – «синдром» определенности и твер-

дости мнения без достаточности понимания существа проблемы – характерен, по нашему мнению, для фельетона А. Лациса. Поэтому-то автор фельетона и может с завидной самоуверенностью писать следующее: «Прежде чем подумать, что классик о чем-то не подумал, следует хорошенько подумать», не полагая возможным, что совет о необходимости «хорошенько подумать» может быть адресован и ему: ведь если у него есть определенные и твердые мнения, то, вне всякого сомнения, они единственно верные и окончательные. Сомневаться самому и позволять это делать другим – вредно, бесполезно и излишне. Все уже решено. Пути предначертаны.

Фельетоны пишутся к определенному сроку на основе одной статьи или, в лучшем случае, книги и без сомнений в чем-либо. Какие могут быть сомнения у определенного и твердого человека? Читать и понимать художественные произведения нетрудно. Трудности – от лукавого и ученых. Задача критика-фельетониста – понять, не допустить и защитить. Даже в том случае, когда никто не собирается нападать и ударять; речь идет о весьма сложной проблеме смыслового восприятия художественных текстов, о тех фрагментах в них, которые создают неадекватное понимание и влияют на эстетико-аксиологическую оценку этих текстов читателями. Речь идет о выявлении (предположительном) механизмов создания художественных текстов, о материалах, позволяющих судить о влиянии среды, культурного фона и фонда на художественные произведения, о роли авторской и социальной памяти в творческом процессе или делать предположения о структуре психических типов авторов и читателей.

Обо всем этом можно было бы узнать, если не ограничиваться советом другим «хорошенько подумать», но и сделать это самому. И прочитав не статью И.Ю. Марковиной в журнале и не статью Ю.А. Сорокина в соответствующей книге, а всю книгу, на которую ссылается фельетонист. При желании можно было бы узнать также, что проблема изучения смыслового

восприятия текстов (с точки зрения имеющих в них лакун) не является новой. Она рассматривалась в работах Тикнора, Евлахова, Волошина, Пиксанова, Томашевского, Степанова, Лотмана, Муравьева, Свинцова и ряда других ученых. То, что наши фамилии упоминаются в фельетоне вне этого научного соседства и даже, более того, в соседстве с А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем – высокая, но излишняя честь. Хотя можно понять и фельетониста: упоминание фамилий других ученых искажило бы желаемую картину. Ему, вероятно, хотелось, чтобы читатели убедились в том, какими «пустышками» занимаются некоторые (и кто они такие?) ученые. Видимо поэтому он и решил умолчать о тех, кто занимался и занимается указанными выше проблемами. А заодно и о тех писателях, в чьих произведениях, как полагают исследователи, имеются лакуны (Шекспир, Л. Толстой, Лесков, Ремарк).

Немаловажен и следующий факт: в фельетоне не говорится о том, что случайные и ненамеренные лакуны являются лишь одним из видов лакун – лексических, грамматических, стилистических, этнографических, психологических, поведенческих, кинесических, наличие которых в художественных текстах крайне затрудняет их понимание и оценку. И этот «ход» фельетониста вполне понятен: он не читал диссертации И.Ю. Марковиной, а именно в этой работе рассматриваются виды лакун, влияющих на процесс адекватного понимания художественных текстов, но не поколебался бросить тень на качество этой работы. В глазах читателя «фельетонная» картинка не должна исказиться! Тем более, если речь идет о каких-то пустышках, вроде гоголевских «несообразностей». Ведь в основном-то, – говорил фельетонисту его определенный и твердый внутренний голос, – художественная литература читателя и понимается адекватно».

А вот в этом-то и позволительно усомниться на фоне следующих выводов социологов, изучающих не художественную литературу, а лишь тексты газет: «...в 7 случаях из 10 предъяв-

ленные читателям газетные тексты интерпретировались ими неадекватно цели сообщения, так что замысел коммуникатора оставался нереализованным. <...> ...многие читатели газет вообще не знают или имеют неверное представление о многих видных деятелях науки, искусства, литературы, политики, спорта...». Но об этих фактах А. Лацис, очевидно, и не догадывается. Иначе он бы не был столь поспешен, определен и тверд в своих выводах, особенно в последнем, который он в духе своего фельетона назвал лакуническим, т. е. пустым в смысловом отношении, непонятным и странным, ибо лакуны характеризуются именно такими признаками. Или лакунический вывод А. Лациса не что иное, как шутка? Может быть, шутя, он забыл упомянуть и о том, что мысль в фокусе логического внимания принадлежит не И.Ю. Марковиной, а В.И. Свинцову? Или это – мелочь, не стоящая упоминания в фельетоне, в котором главное не точность, а «художественность» обработки материала? Наверное, все-таки, мелочь, ибо, когда показываешь статью И.Ю. Марковиной Н.В. Гоголю, можно забыть обо всем.

Мы не будем спрашивать 16-ю страницу: «Сколько же лет Аристарху Платоновичу?» мы понимаем, что это «художественный прием», правда, довольно заносенный и ветхий. Мы помним, что стоит хорошенько подумать, прежде чем задавать вопросы, и что когда у оппонента отсутствуют доказательства, то он охотнее всего использует старейший прием ссылки на авторитет. Как известно, «осуществляется» этот прием разными способами: или ссылается на встречу с автором, или цитирует автора. В нашем случае использованы сразу два способа: А.Лацис встречается с Н.В. Гоголем и цитирует то, на что Н.В. Гоголь «молча ткнул пальцем» и «отчеркнул в своей повести». С чем мы и поздравляем фельетониста: не каждому такое удастся.

Смешно? Может быть. Но еще и грустно. Грустно оттого, что читатели должны принимать на веру рассуждения человека, который плохо разбирается в том, о чем он пишет, и от-

того, что перед ними разыгрывается «урок» журналистского (писательского) мастерства не очень высокого качества. И вдвойне «грустно» из-за стараний автора, у которого отсутствуют аргументы убедить читателей в том, что лакуны в тексте «Евгения Онегина» следует рассматривать как никому не мешающую «мелочь» (здоровому смыслу все кажется мелочью), что А.С. Пушкин «обозначил» в черновом варианте, как следует понимать слово «ягоды», и что читатели А.С. Пушкина могут быть спокойны, ибо А. Лацис начеку и защитит их и автора «Евгения Онегина» от происков Ю.А. Сорокина.

Все это дано, конечно, нашим уважаемым фельетонистом не прямо, а косвенно, так сказать, художественно: смеркается, дескать, в лесу раньше, чем в поле, в доме за столом раньше, чем в саду, да и вообще у тогдашних девушек зрение было не испорчено чрезмерным чтением, а вот «для людей с ослабленным зрением становится темновато чуть ли не на час ранее». Мы согласны не обращать внимания на эти лацисовские «мелочи», помня, что имеем дело с художественном реализации поговорки «в огороде бузина, а в Киеве дядька», что перед нами вновь разыгрываемый «урок» логики «несообразностей» в его журналистском варианте. Логика, упрощенной до предела. Рассчитанной на читателей, которых убеждают с помощью еще одного «художественного» приема. К такой логике ни А.С. Пушкин, ни Н.В. Гоголь, конечно, не имеют никакого отношения, хотя, как свидетельствует А. Лацис, Николай Васильевич и «молча ткнул пальцем на строки», указывая на нее. По-видимому, А. Лацис перепутал одну логику с другой, обыденную логику своего понимания (текста) с той логикой абсурда как художественного приема, которая все же не была чужда Н.В. Гоголю. И, возможно, именно на такие моменты и указывают лакуны в гоголевском тексте. Но так обстоит дело с нашей точки зрения. По мнению А.Лациса, этого не может быть, потому что не может быть никогда.

Такая точка зрения не только удобна, но и, по-видимому, позволяет А. Лацису и 16-й странице не ограничиваться фельетонами

на литературные темы. Мы не удивимся, если А. Лацис напишет что-нибудь по поводу научных работ, в которых рассматриваются или гипотезы относительно механизмов старения, или гипотезе Сепира-Уорфа, или, в крайнем случае, теории глобальной тектоники плит. Как говорят, на чужой роток не накинешь платок.

В заключение мы хотели бы задать следующий вопрос, хотя он, может быть, и плохо увязывается со всеми изложенным раньше: «Что же все-таки случилось с 16-й страницей за последние полтора года?» Мы задаем этот вопрос серьезно, надеясь получить серьезный, не гаерский ответ.

*

Юдакин А.П. Остепененная монополия: что тормозит процесс демократизации в науке (печатается по изданию: «Известия». 29.07.1998 г. С. 6).

О застойных явлениях в науке сказано в последнее время немало. Долгие годы, гордо нося лавры «самой передовой в мире», она в то же время утрачивала позицию за позицией. Сегодня мы с горечью констатируем, сколь далека она оказалась от заветных «передовых рубежей».

Одна из причин сложившегося положения – бюрократизация науки. Демократические перемены, о необходимости которых с такой настоятельностью говорилось на XIX Всесоюзной партийной конференции, еще очень робко затронули сферу науки, академической, прежде всего.

Парадокс: институты изобилуют кадрами и в то же время страдают от их недостатка. Противоречие это понять легко, если вспомнить, что для Академии наук не характерна текучесть кадров, их обновление здесь происходит намного медленнее, чем в других сферах народного хозяйства. Из года в год университеты куют большое количество специалистов, но лишь ничтожно малая часть их пополняет академию, и она давно стала великовозрастной. Меры, предпринятые по омоложению науки, пока не принесли ощутимого результата.

Почему? Да потому, что и в науке получило распространение явление, которое я не побоялся бы назвать мафией. В течение последних десятилетий небольшое число лиц (как известных ученых, так и людей, далеких от науки) узурпировало право на монополию научной истины: выходят их книги, разрабатываются их идеи, без ссылки на корифеев науки работа новичка в печать не пойдет. Иногда без тени смущения «монополист» даже диктует молодому автору или докторанту, на какую из его книг следует сослаться. Упаси боже не сделать это: путь в науку будет закрыт.

Каковы же причины столь одиозного явления? Думаю, их две: отсутствие гласности и нарушение демократических начал в производственной и партийной жизни научного учреждения. Я далек от того, чтобы распространять это обвинение на всю Академию наук. Но то, что подобное явление существует, известно любому научному работнику.

Находясь у кормила власти, некоторые научные деятели целенаправленно проводят корыстную кадровую политику. Затем, опираясь на «своих» людей, они определяют направление научных исследований, как на местах, так и в более широком диапазоне.

Но неужели нет ничего, что противостояло бы протекционизму? Есть, но дело, однако, в том, что хороший порядок нарушается сплошь и рядом. Так, согласно существующим положениям, прием на работу в академический институт (или НИИ) должен осуществляться на основе конкурса. На практике же это превратилось в ничего не значащую условность. Под видом конкурса происходит целевой прием. В некоторых академических институтах, например гуманитарного профиля, 15–20 процентов от общего числа сотрудников – родственники. Добавим к этому, что члены одной семьи часто работают в смежных институтах.

Чтобы усилить свое могущество, научная бюрократия направляет фонд зарплаты и фонд поощрения в нужное ему

русло. Скажем, по сей день квалификацию научных сотрудников в академической сфере определяет защита ими кандидатских или докторских диссертаций, что в известной степени связано с материальной заинтересованностью. Но поскольку фонд зарплаты все же ограничен, к защите допускаются преимущественно «свои». Для прочих создаются мелкие и крупные препоны.

В Институте языкознания АН СССР, например, за истекшие пятнадцать лет с десятков сотрудников получили степень доктора филологических наук, но из них половина защищалась на «стороне» или повторно. Как правило, это специалисты высокого класса. Возникает законный вопрос: почему они защищались не в родных пенатах? Очевидно, потому, что на практике научная дискуссия нередко превращается в сведение личных счетов. Только безгласные протоколы знают, сколько загубленных работ скрывается за их сухими формулировками.

Дело, конечно же, не только в незащищенной диссертации и не только в рублях, которые прибавит диплом кандидату или доктору наук, а в том, что человеку, годами, а то и десятилетиями разрабатывавшему определенную проблему, перекрыт путь в науку. Это уже беда...

Здесь уместно вспомнить о реформе ставок, осуществленной в академии в 1985–1986 годы. Замысел был, безусловно, замечательный: честь должна воздаваться по труду. Ввиду того, что эффективность исследовательской работы «новоиспеченных» кандидатов и докторов наук не всегда была высокой, решили внедрить принцип скользящих ставок с более тонкой градацией научных должностей: простое сочетание двух научных степеней (кандидат и доктор наук) и двух должностей (младший научный сотрудник и старший научный сотрудник) сменилось более сложным взаимодействием тех же двух степеней с большим количеством должностей, причем в каждой категории существует ряд все более увели-

чивающихся ставок. Есть успехи на научном поприще – пожалуй повышение в зарплате.

Казалось бы, все хорошо. Но что получилось на деле, когда за него взялись бюрократы? Раньше, когда защита кандидатской или докторской диссертации влекла за собой резкое повышение зарплаты, злоупотребления были слишком заметны. Теперь же, при скользящей шкале ставок, семейственность и протекционизм получили простор: любые действия администрации легко оправдать дежурной фразой: «Эта работа более актуальна».

При таком подходе к научным исследованиям ни один крупный ученый прошлого не мог бы в наше время продвинуться по службе: попробуй докажи актуальность нового направления в науке! Да и по количеству трудов они вряд ли «потянули» бы на высокую ставку. Я уж не говорю о том, что при составлении плана выпуска работ без стеснения допускают грубые нарушения; одна отодвигается как менее актуальная, другой дают зеленый свет, хотя серость ее заметна и невооруженным глазом.

Да, приоритетные направления определяются актуальностью научных разработок. Но по иронии судьбы современная наука не знает «неактуальных исследований». Ведь ни одна кандидатская или докторская диссертация не будет защищена, если автор не сумеет обосновать ее «актуальность». Таким образом, мы пришли к парадоксу: все научные исследования актуальны и, следовательно, приоритетны.

В действительности же мы имеем дело с мнимым парадоксом. Актуальность исследования – категория историческая и составляет прерогативу истории той или иной науки. В повседневности же актуальной считают проблематику, которая разрабатывается большим числом ученых. Это явная ошибка, потому что официально создается возможность не заниматься проблемами трудоемкими, которые не могут принести сиюминутный успех.

На уровне Отделения литературы и языка АН СССР приоритетные направления определяются следующим обра-

зом: отделение поручает ряду лиц, как правило, «монополистам», изложить некоторые соображения по нужному вопросу. Ученый составляет программу (преимущественно по проблематике, разрабатываемой им самим) и свои наметки представляет на суд отделения. Спустя некоторое время высокие инстанции утверждают пути развития отечественной филологии.

Видел ли трудовой коллектив проект приоритетных направлений? Нет, конечно. Ведь уже давно принято считать, что Академия наук состоит из академиков и член-корроров, с их-то мнением, прежде всего, и считаются. И хотя львиная доля научных разработок и публикаций принадлежит перу докторов и кандидатов наук, они как бы находятся за оградой академии, их даже не приглашают на годичное собрание отделения, хотя они обязаны там быть, чтобы знать, в каком направлении развивается отечественная филология.

Но допустим даже, что проект приоритетных направлений по филологии прошел обсуждение в соответствующих трудовых коллективах. И в этом случае он будет страдать однобокостью. Ибо, прежде чем намечать пути развития той или иной науки, необходимо оценить ее достижения на сегодняшний день. А таких публикаций, синтезирующих исследования в той или иной области филологии за некоторый период времени, практически нет. Нет, наверное, потому, что это трудоемкая работа, требующая большого напряжения сил и соответствующей квалификации. Не каждый академик отважится на подобное предприятие, кроме резкой критики ничего не сулящее.

Будем до конца откровенны: не всякий академик или член-корреспондент и сегодня является столь уж компетентным в избранной им специальности. Достаточно свериться по каталогу, чтобы убедиться в том, что некоторые из них опубликовали всего лишь одну-две монографии, да и то давненько. Основная их работа – редактирование. Но человек, мало-мальски посвященный в научный процесс, знает, что редактирование – это зачастую всего лишь почетная обязанность.

Известно, ни одна отрасль науки не сможет динамично развиваться, если недостаточно интенсивно ведутся теоретические исследования. Но случилось так, что борьба с так называемым «новым учением» о языке Н.Я. Марра нанесла серьезный удар по теоретическим разработкам в области языкознания (и далеко за его пределами). Чуть ли не повсеместно бытует представление о том, что языковеды занимаются суффиксами и префиксами.

Это наивное заблуждение, сохранившееся в памяти еще со школьной скамьи. Одни не знают, другие забывают, что языкознание как науку связывают крепкие узы с философией, биологией, психологией, нейрофизиологией и т. д.

Из сказанного сам собой напрашивается вывод о важности теоретических разработок на стыке различных дисциплин. Однако Академия наук не может похвалиться высоким уровнем исследований по этим направлениям (увы, кто-то считает, что они не актуальны и не приоритетны). В Институте языкознания ведутся исследования по психолингвистике и прикладному языкознанию, но расформирована единственная в мире группа философских проблем языкознания, практически не ведутся исследования по семиотике.

Казалось бы, администрация института не чурается творческих преобразований: время от времени здесь укрупняют и разукрупняют подразделения. К сожалению, на практике подобное «творчество» оказывается всего лишь очередным распределением «портфелей». А иначе и быть не может, потому что реорганизация структуры института не определяется творческим подходом к научным проблемам, проводится без учета подлинной актуальности и приоритетности исследований.

Уровень развития науки определяет развитость того или иного общества. Общество не может и не должно позволить, чтобы обесценился труд ученого, чтобы снижался уровень теоретических разработок. Очевидно, сегодня, когда процесс

демократизации охватывает самые разные стороны нашей жизни, не может он обойти и науку.

*

Раздел 6. 90-е годы. Кризис идей¹

Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. (печатается с сокращениями по изданию: Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. К XV Международному конгрессу лингвистов, Канада, г. Квебек, 9–14 августа 1992 г. / Под ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 120 с.).

9–14 августа 1992 г. в Канаде (г. Квебек) состоится ХУ Международный конгресс лингвистов, организованный университетом Лавала совместно с Канадской лингвистической ассоциацией под эгидой Постоянного международного комитета лингвистов. Главная тема конгресса – «Выживание языков, находящихся под угрозой исчезновения». В рамках конгресса состоятся четыре пленарных заседания по темам: 1. Семантика, синтаксис, прагматика. 2. Слово. 3. Исчезающие языки. 4. Направления в исследовании теории языка: Современное состояние и перспективы. Более детальное обсуждение тематики пленарных заседаний будет продолжено в секциях: 1. Звуки, фонемы и интонация. 2. Слово (морфология, лексикология, терминология). 3. Предложение (синтаксис, функционирование и т. д.). 4. Значение (семантика, лексическое и грамматическое значения и т.п.)... 12. Теория языка. 13. Компьютерная лингвистика. 14. Пиджины и креольские языки и др., всего 17 секций. Состоятся также дискуссии за «круглым столом».

Списки пленарных и секционных заседаний в целом показывают, что в центре внимания лингвистической общест-

¹ Аллюзия на раздел книги Т. Чередниченко «Россия 90-х». М., 1999.

венности находятся именно те вопросы, которые с разной степенью интенсивности разрабатываются и в отечественной лингвистике, а главная тема конгресса, связанная с языками малочисленных народов, ей особенно близка, поскольку на территории бывшего СССР «обитает» множество языков такого типа.

Стало уже доброй традицией, что Институт научной информации по общественным наукам совместно с Институтом языкознания АН СССР готовит обобщающие сборники обзоров исследований отечественных лингвистов, вышедших в пятилетний период между двумя конгрессами. Так, к XIII Международному конгрессу лингвистов в Токио был выпущен сборник под названием «Некоторые аспекты исследования языка в советской лингвистике, 1977–1981 гг.» (М., 1982. – 254 с). Аналогичный сборник к XIV конгрессу в Берлине «Актуальные проблемы советского языкознания: 1982–1986 гг.» вышел в 1987 г.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике обзоров анализируются труды советских лингвистов за 1987–1991 гг. Несмотря на то что Советский Союз как государственное образование прекратил свое существование, тем не менее редакционная коллегия сборника сочла возможным и необходимым сохранить в заглавии сборника название «СССР», поскольку практически все работы обозреваемого периода были подготовлены и опубликованы до провозглашения государственной независимости республик СССР. Сборник не претендует на полное описание абсолютно всех работ, вышедших в СССР за последние пять лет. Это было бы нереально из-за многообразия проблематики советского языкознания, обсуждаемой на материале большого числа языков народов СССР и мира. Авторы обзоров поставили перед собой более скромную задачу: представить в сжатом виде исследования по сравнительно немногим «конгрессовским» проблемам, но таким, которые отражали бы основные тенденции разви-

тия отечественного языкознания. Все обзоры распределены по следующим рубрикам: 1. История языкознания. 2. Общее языкознание. 3. Уровни языка.

Кроме того, в самом начале сборника помещен обзор, связанный с основной профилирующей темой конгресса: «Выживание языков, находящихся под угрозой исчезновения».

Условно в число таких языков автор включает языки с количеством говорящих до 10 тыс. человек. В обзоре отмечаются факторы, усиливающие данную угрозу (реальную или потенциальную): интенсивность иноязычного воздействия, массовые переселения, отсутствие письменности и др., а также кратко характеризуются исследования по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике языков малочисленных народов СССР.

В исследованиях по истории языкознания выделяются два основных направлений. С одной стороны, продолжалось изучение отдельных периодов в истории лингвистической науки и отдельных лингвистических школ, истории решения определенных проблем, роли той или иной личности в развитии языкознания. С другой стороны, появились исследования по истории недавнего прошлого отечественной лингвистики. Причем в последнем случае в связи с известными изменениями в общественной и научной жизни проблемы, а также подход и материал исследования часто оказывались новыми. Стало возможным полностью документировать жизнь и деятельность отдельных ученых, целых лингвистических направлений и ряда учреждений. Наука избавилась от многочисленных «фигур умолчания», ранее препятствовавших объективному изучению фактов и событий в истории отечественной лингвистики.

В области теоретической лингвистики рассматривается целый ряд направлений, разрабатываемых в основных языковедческих центрах АН СССР: Институте языкознания, Институте русского языка, Институте славяноведения и балканистики, Институте востоковедения и др., а также на лингвистических кафедрах вузов. Прежде всего, дается обзор ра-

бот по проблемам человеческого фактора в языке, языковой личности, языка и личности, языка и картины мира, языка и логики, когнитологии, семантики и прагматики, теории текста. Отдельно исследуются работы, специально посвященные философским проблемам языкознания. Обращается внимание на уменьшение количества работ в этой области, что, по-видимому, связано с перестройкой общей философской парадигмы в отечественном языкознании, требующей определенного времени для освоения новых фактов и их осмысления.

Работы по сравнительно-историческому языкознанию были посвящены главным образом теории и частным вопросам сравнительно-исторического языкознания, диахроническому изучению отдельных уровней языка, изучению отдельных синхронных срезов в развитии языка, языку и истории, языку и культуре, исторической диалектологии, истории становления литературных языков, этимологии истории письма, языковым контактам, вопросам языкового субстрата, заимствованиям, составлению этимологических словарей, памятникам языка и письменности. На интенсивность разработки проблем сравнительно-исторического языкознания указывает большое количество всесоюзных и международных конференций и совещаний по данной проблематике, проведенных в обозреваемый период.

Современная отечественная социалингвистика характеризуется как широкая и неоднородная по объекту и проблематике исследования область языкознания. Наряду с социально ориентированным изучением отдельных языков (частная социалингвистика) ведутся поиски социалингвистических закономерностей и универсалий, причем как в генетически родственных, так и неродственных языках (сопоставительная и типологическая социалингвистика). Ставится вопрос о разграничении направлений социалингвистики в зависимости от степени прозрачности социальной природы изучаемых явлений. Проводится уточнение

предмета социолингвистики, ее контактов с другими областями, в частности с психолингвистикой.

По мнению авторов обзора по психолингвистике, тенденции развития в данной области характеризуются усилением внимания ученых к содержательной стороне языка, проблемам языкового сознания, методологии психолингвистического анализа, к изучению детской речи и речевого общения, в частности, к деятельностной теории речевого общения. В соответствии с деятельностной онтологией речевого общения коммуниканты, регулируя поведение друг друга, осуществляют свое сотрудничество для организации совместной деятельности. Поэтому цель речевого общения состоит не просто в обмене какой-либо информацией (значениями, смыслами), но в организации сотрудничества.

Состояние современной фонетики и фонологии отмечено смещением исследовательских интересов ученых в сторону создания машинного фонда языка, вопросов распознавания и синтеза речи, что не в последнюю очередь объясняется появлением новых возможностей, предоставляемых компьютерной техникой, позволяющей выявить мельчайшие звуковые и мелодические особенности языка. В то же время работы, выполненные с применением компьютерной техники, дают толчок к постановке и решению новых фонологических и типологических задач. Другая четко выявляющаяся тенденция – отход от чисто фонетических или фонологических проблем, выбор предмета исследования на стыке фонетики и фонологии с семантикой, морфологией и другими дисциплинами лингвистического цикла, а также с математикой и статистикой,

В исследованиях, проведенных в области морфологии за последние пять лет, получили дальнейшее освещение многие традиционно разрабатываемые проблемы, например вопрос о частеречной принадлежности слов, который решается с разных теоретических позиций и на материале различных языков. На основе широкого применения функционально-семантического

подхода исследуются структура и значение грамматических категорий. Большое место отводится изучению взаимосвязей грамматических и лексических категорий, сопоставительному исследованию морфологических систем различных языков.

Исследования синтаксических явлений, с одной стороны, проводятся в рамках общей теории грамматики, причем грамматический строй характеризуется как «система динамической и напряженной организации речевой массы» (В.Г. Адмони). С другой стороны, рассматриваются отдельные частные проблемы синтаксической теории: структурные и семантические особенности различных типов сложных синтаксических образований, предложение в системе языка и в тексте, различные типы синтаксических связей, функциональные характеристики синтаксических единиц.

В заключительном обзоре находят отражение работы, посвященные проблемам лексикологии и фразеологии. Анализ этих работ показывает, что основное внимание исследователей концентрируется на широком круге вопросов, связанных с принципами функционирования номинативных единиц языка. Кроме того, исследуются системность лексики, своеобразие семантики фразеологических единиц, соотношение макрокомпонентов значения номинативных единиц, специфика терминологических подсистем и их соотношение с общелитературной лексикой, своеобразие имен собственных в различных языках и др.

Последняя реферативная часть сборника содержит расширенные рефераты на конкретные работы по отдельным языкам малочисленных народов СССР.

*

Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. (печатается с сокращениями по изданию: Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. К XVI Международному конгрессу лингвистов. Париж, июль 20–25, 1997 г. / Под ред. Ф.М. Березина. М.: ИНИОН РАН, 1997. 86 с.).

20–25 июля 1997 г. в Париже состоится очередной XVI Международный конгресс лингвистов, организованный Парижским лингвистическим обществом под эгидой Международного лингвистического комитета.

Если XV Международный конгресс лингвистов (Канада, г. Квебек, 9–14 августа 1992 г.) был посвящен единой теме – «Выживание языков, находящихся под угрозой исчезновения», – то на пленарных и секционных заседаниях очередного конгресса лингвистов будут заслушиваться доклады по самой разнообразной тематике, в целом традиционной для сообщества лингвистов. Это: 1) история языкознания; 2) философия языка; 3) типология и инварианты; 4) языковая политика в современном мире; 5) диалектология и социолингвистика; 6) психолингвистика и нейролингвистика; 7) усвоение языка и обучение; 8) фонетика и фонология; 9) морфология; 10) синтаксис; 11) генеративная грамматика и формальные типы синтаксиса; 12) семантика; 13) лексикология; 14) пиджины и креольские языки; 15) историческое языкознание; 16) прагматика и лингвистика текста; 17) реконструкция и этимология; 18) компьютерная лингвистика и смежные науки; 19) языки жестов; 20) границы и взаимодействие различных областей языкознания; 21) исчезающие языки.

На секционных заседаниях будут заслушаны доклады, в основе которых лежит проблематика, интенсивно разрабатываемая в российскими языковедами.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике обзоров, написанных сотрудниками Института научной информации по общественным наукам РАН, Института

языкознания РАН, Московского государственного лингвистического университета. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и ряда других научных и высших учебных заведений Москвы, анализируются труды российских лингвистов за 1992–1996 гг. Сборник не претендует на полное описание всех работ, вышедших в России за указанный период.

В отличие от предыдущих сборников обзоров, подготовленных к XIII Международному конгрессу лингвистов (Токио, 1982), XIV Международному конгрессу лингвистов (Берлин, 1987) и XV Международному конгрессу лингвистов (Квебек, 1992), в которых давался обзор работ советских лингвистов по тематическому принципу, в настоящем сборнике представлены обзоры и по конкретным филологиям. Обзоры по тематическому принципу представлены в разделе I.

В обзоре по истории языкознания в центре внимания находится изучение отдельных периодов в истории отечественного языкознания, а также выяснение роли той или иной личности в развитии языкознания. Возможность доступа к закрытым ранее архивным и иным материалам позволила полнее представить историю языкознания советского периода, особенно в 30-е годы. Появились исследования с анализом научной деятельности русских ученых, находившихся в эмиграции, о которых ранее нельзя было писать. Лингвистическое наследие русских ученых зарубежья привлекает все большее внимание историков отечественного языкознания.

В исследованиях по общему языкознанию рассматривается целый ряд направлений, разрабатываемых в основных языковедческих центрах России, а также на лингвистических кафедрах вузов. Это, прежде всего, когнитивный и коммуникативный подход к изучению языковых явлений. Дается обзор работ, посвященных связям лингвистики и философии, роли человеческого фактора в языке, языковой картины мира в жизнедеятельности человека и в теории человека.

В обзоре работ по индоевропейскому языкознанию внимание уделяется как общим вопросам сравнительно-исторического языкознания, так и диахроническому изучению отдельных уровней языка, изучению лексического фонда отдельных индоевропейских языков. В этой области языкознания в рассматриваемый период наблюдалась тенденция к осмыслению накопленных предшествующими поколениями лингвистов фактов и к построению новых моделей реконструкции различных уровней индоевропейского языка.

За истекший период достаточно интенсивно развивалось и прикладное языкознание, понимаемое как приложение лингвистических теорий к решению практических задач информационного поиска, машинного перевода, терминологии, лингводидактики – с получением новых результатов, имеющих не только практическое, но и теоретическое значение. В обзоре по данной области рассматриваются работы по машинному переводу, системам искусственного интеллекта и распознавания речи, терминоведению и логическому анализу естественного языка.

Состояние современной фонетики и фонологии отмечено смещением исследовательских интересов в сторону изучения единиц сегментного и супraseгментного языковых уровней.

В исследованиях, проведенных в области морфологии за последние пять лет, выделяются такие крупные направления, как теоретические исследования по словообразованию и морфологии, типологические исследования по этим разделам, прикладные аспекты морфологических исследований. В последнее время для отечественной морфологии характерен устойчивый интерес к исследованиям по аспектологии русского глагола, различным способам словообразования, разработке морфологических процессов и автоматизации морфологических исследований.

Проблематика, относящаяся к синтаксису, за последние пять лет характеризуется стремлением преодолеть разрознен-

ность синтаксических теорий, рассматривать синтаксические явления в их подчиненности законам общения (здесь синтаксическая проблематика смыкается с проблематикой семантики и прагмалингвистики). Все это привело к доминированию в синтаксических исследованиях функционального подхода. В рамках функционального подхода становится возможным рассмотрение с единых позиций синтаксических объектов разной величины и разной степени грамматикализованности.

В обзоре по лексикологии, фразеологии и терминологии нашли отражение работы, в которых внимание исследователей концентрируется на круге вопросов, связанных с принципами функционирования номинативных единиц языка. Кроме того, дается обзор работ по системности лексики, своеобразию семантики фразеологических единиц, терминологии.

В разделе II сборника представлены обзоры по частным филологиям.

*

Московско-тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления (печатается по изданию: Московско-тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 7–8).

В августе 1964 г. человек тридцать ученых из Москвы и Тарту, прежде всего – лингвистов и литературоведов (преимущественно молодых), по инициативе Ю.М. Лотмана собрались на спортивной базе Тартуского государственного университета Кязэрику для обсуждения некоторых теоретико-методологических проблем гуманитарной науки. Их объединяла общность научных убеждений и идеологических ценностей, стремление к обретению единых операционалистических приемов и категориального аппарата. Эта десятидневная встреча получила название Летней школы по вторичным моделирующим системам.

Данное событие имело свою предысторию – как ближайшую, так и более отдаленную. Однако, если устанавливать хронологические рамки того явления в отечественной интеллектуальной жизни, которое впоследствии получило название Московско-Тартуской (или Тартуско-Московской) школы, временем его возникновения уместно считать именно август 64-го. К этому следует добавить, что кроме тартуских и московских ученых, постоянными участниками Летних школ (и шире – Московско-Тартуской школы вообще) были исследователи из Ленинграда, Риги и других городов.

Основными центрами структурно-семиотических исследований в СССР на протяжении всего периода существования данного направления были Сектор структурной типологии славянских языков Института славяноведения (позднее – Отдел типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики) АН СССР в Москве и Кафедра русской литературы Тартуского государственного университета в Эстонии, причем научная деятельность обоих центров далеко не исчерпывается интересующей нас тематикой.

В течение десяти лет было проведено пять Летних школ – в 1964, 1966, 1968, 1970, 1974 гг. (последняя официально называлась Всесоюзным симпозиумом по вторичным моделирующим системам). Правда, вне этого временного периода состоялась еще одна Школа (1986 г.), но она относилась уже к другой эпохе, имела иной идеологический и научный контекст. Вероятно, для постоянных участников она осталась чем-то вроде юбилейной «встречи ветеранов» и одновременно прощанием с прошлым; показательно, что в своих последующих статьях и эссе, посвященных данной теме, они о ней почти не вспоминают.

С 1964 г. в рамках Ученых записок ТГУ издавались «Труды по знаковым системам», которые можно считать печатным органом Московско-Тартуской школы. Всего выпущено 25 томов этой серии (последний – в 1992 г.); публиковались и сопутствовавшие конференциям сборники материалов.

Описанное событие имело и далеко идущие последствия. Пожалуй, в советской гуманитаристике второй половины века не было ничего, сравнимого с Московско-Тартуской школой – если говорить о впечатлении, произведенном ею на научную жизнь. Речь, конечно, прежде всего, идет об отечественной традиции, причем подобный интерес распространялся далеко за пределы обеих столиц, подчас достигая, несмотря на мизерные тиражи, и весьма отдаленных провинций. Можно предположить, что сформулированный в рамках школы структурно-семиотический подход к гуманитарному знанию во многом определил направленность и характер нашего научного развития последующих десятилетий.

Однако труды Московско-Тартуской школы привлекли к себе внимание и зарубежной науки, получив некоторый международный резонанс. Десятки ее работ были переведены на английский, французский, немецкий, итальянский, испанский и другие языки; о Московско-Тартуской школе написано множество трудов, хотя, конечно, масштаб ее реального влияния на гуманитарные дисциплины в Европе и Америке не надо преувеличивать.

В 1989 г. в «Венском славистическом альманахе» вышла статья Б.М. Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен». Предложенная интерпретация вызвала острое несогласие его бывших коллег по Московско-Тартуской школе, что повлекло за собой со стороны участников Летних школ целую серию полемических статей – «ответов» и просто воспоминаний.

Можно сказать, что научное направление, завершившись и оглядев себя с позиции уже достаточного временного отдаления, вступило в период авторефлексии. Однако можно также предположить, что к настоящему времени и эта фаза развития миновала. Московско-Тартуская школа должна занять свое место в истории отечественной науки в качестве одного из ее эпизодов, о котором судить будут объективно и бесстрашно – как о факте все более и более отдаляющегося прошлого.

Это, конечно, не значит, что наследие школы остается во вчерашнем дне, полностью утрачивая актуальность. Просто используемые ею (и в значительной степени разработанные в ее рамках) структурно-семиотические парадигмы и аналитические приемы (во всяком случае те, которые доказали свою эффективность) перестают осознаваться как специфические лишь для узкого круга исследователей Московско-Тартуской школы и активно отторгаться научными кругами, не разделяющими ее идеологии. Практически они становятся неопознаваемым по принадлежности «общим достоянием», входят в плотно утрамбованную почву гуманитарного знания, поверх которой (и отчасти из материала которой) формируется следующий слой. По времени это почти совпадает с появлением в мировой науке пост-структуралистских концепций, принимаемых, хотя и в разной степени, многими участниками Летних школ.

*

Брейдо Е.М. Между старым и новым (печатается по изданию: Московский лингвистический альманах. 1996. Вып. 1. С. 229).

1. Я не вижу стагнации в современной лингвистике (один из тезисов Н.В. Перцова). Скорее, некоторая внутренняя готовность к смене парадигмы. Накопилось достаточно много проблем, которые не решаются в рамках наиболее популярных в московской лингвистике теорий (Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, И.А. Мельчука), а новые концепции, по-видимому, еще не вполне вызрели.

2. Я вижу два основных симптома: а) отсутствие новых больших задач (скажем, в последнее десятилетие); б) невозможность полноценного решения большинства прикладных задач в рамках только лингвистики. Это в большой степени осознается лингвистами, но, как кажется, пока не вполне понятно коллегам из сопредельных областей знания (специалис-

там в области computer science, психологам, литературоведам, социологам, историкам). Вместе с тем, последнее так же относится к лингвистике, как и к этим наукам.

3. Поскольку лингвистика, единственная из гуманитарных наук, имеет достаточно строгий, хорошо разработанный аппарат, новые объединения гуманитарных наук будут плодотворны на лингвистической базе, но, вместе с тем, вряд ли будут собственно лингвистикой в сегодняшнем понимании.

4. Возражая Н.В. Перцову, хочу заметить, что ориентация лингвистики преимущественно на математику вряд ли плодотворна, поскольку математика вполне уникальна по способу познания, она исходно чисто теоретическая наука, а лингвистика может быть обычной экспериментальной и теоретической естественно-научной дисциплиной.

5. С другой стороны, хочется провести границу между научным и инженерным подходом. То, что связано с computer science, не наука, а инженерия, и от этого вовсе не становится хуже. В прикладной лингвистике неизбежно образуются инженерные области, тесно связанные с программированием и другими областями знания компьютерного цикла. (Это кажется гораздо более естественным, чем математизация.)

В заключение хочется сказать, что для появления новых объединяющих концепций необходимы новые задачи и новая генерация исследователей, способных преодолеть старые теоретические подходы.

*

Хапаева Д.Р. Каникулы языка (печатается с сокращениями по изданию: Хапаева Д.Р. Герцоги Республики в эпоху переводов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 101–135).

Ожидание нового, обращение в поиске новых идей к западной интеллектуальной традиции является неотъемлемой чертой русской культуры, преодолеть которую в полной мере не смогли ни цензура, ни КГБ. ...После падения «железного за-

навеса» интеллигенция привычно потянулась к западу, который должен был избавить от гнетущего чувства неуверенности в правильности интерпретаций и в используемых методах, помочь освоить самые современные направления. В западной традиции российские интеллектуалы искали выход из нелепостей когнитивного хаоса, возникшего на руинах коммунистического режима.

В первые годы перестройки российская интеллигенция имела довольно смутное представление о том, что ждало ее по ту сторону государственной границы. «При раскрытии границ обнаружилось, что существует целый мир с его достижениями или просчетами – неважно, другие интеллектуальные традиции, в которых развитие все это время шло полным ходом. Поэтому встала задача усвоить все это многообразие и осознать, что реально происходило в гуманитарной сфере» – так вспоминает об этом времени Ирина Прохорова, создатель и главный редактор журнала «Новое литературное обозрение».

В результате первого прорыва переводов начала 90-х годов зарубежная наука поразила многоликостью и многообразием, которое сочли залогом неисчерпаемого богатства. Поначалу не возникло особых сомнений в том, что по мере полноценного и всестороннего ознакомления с западной традицией неупорядоченная пестрота сложится в стройную картину <...>.

Российские ученые в какой-то момент оказались подавленными избытком западных текстов на русском языке, которые властно повлияли на реалии местной интеллектуальной жизни. Многообразие новых текстов продолжает вызывать ощущение растерянности у российского читателя и по сей день, пусть и не столь сильное, как в начале 90-х годов <...>. «СССР выключил себя из пестрого потока западной науки на несколько десятилетий, с середины 1930-х до середины 1980-х гг. Перепрыгивание через несколько ступенек вряд ли возможно. Мы одновременно получили продукт, который другие страны и научные школы вырабатывали и получали

постепенно. <...> Мы одновременно читаем и воспринимаем Витгенштейна, Фуко, Умберто Эко, и все это идет в одном на- боре, как будто бы это одновременные вещи» – так характе- ризует эту ситуацию фольклорист, зам. директора Института высших гуманитарных исследований РГГУ СЮ. Неклюдов.

На умственном горизонте потрясенного читателя одно- временно возникли не только Фуко и Эко, но и Гуссерль и Деррида, Мерло-Понти и Де-лез, Зиммель и Лакан, Хайдеггер и Левинас... Их «новизна» – ибо все они в известном смыс- ле были восприняты и продолжают восприниматься как но- винки – помешала поверить в их принадлежность разным эпохам и традициям. Стремление как можно быстрее вклю- чить новые тексты в свой интеллектуальный багаж оставля- ло российской интеллигенции мало времени для того, чтобы ощутить зависимость этих текстов от какого-либо другого культурного контекста, кроме постперестроечной России. Переводы лишили правдоподобия и без того слабо укорененную в отечественной традиции историю идей и грубо на- рушили представления о преемственности и взаимосвязях между школами и направлениями <...>

Произошло «отбрасывание назад», по словам А.Л. Зори- на, литературоведа, в момент интервью – профессора РГГУ. Западный вчерашний день приходит в российское завтра, что угнетающе действует на российских интеллектуалов. Запазды- вание, с которым в Россию приходят уже устаревшие, с их точ- ки зрения, течения мысли, превращает отставание в структур- ную особенность интеллектуального развития страны, с одной стороны, и в источник конфликтов и отсутствия взаимопони- мания внутри интеллектуальной среды – с другой. «Сюда (если говорить не об отдельных выскочках, а о рядовых научных со- трудниках) все доходит с колоссальным опозданием. Но, что не менее прискорбно, непременно доходит. Вся последователь- ность, которая там была, она тоже здесь непременно воспроиз- водится. <...> Эти волны доходят тогда, когда человек, который

читает на оригинальных языках, уже читает о другом, а они тут-то и докатываются. И реакция на них как на архаику вызывает возмущение», – говорит А.М. Эткинд, историк идей и литературовед, в момент интервью – профессор Европейского университета в Петербурге. Конечно, за такой оценкой угадывается желание переложить на переводы ответственность за глубокие проблемы, разрывающие академическое пространство России.

Приведем пока для примера лишь одну из них. По словам моих собеседников, к середине 90-х годов благодаря активной деятельности издательств, переводчиков и интеллектуалов, а также в результате установления контактов с западными академическими центрами, в России с угрожающей быстротой стали множиться «великие западные ученые». (Возможность просто и быстро стать великим, хотя бы в этой далекой стране, сделала весьма соблазнительной для многих западных коллег перспективу перевода на русский язык, что, в свою очередь, способствовало эскалации переводов.) Но постепенно ситуация, когда у каждого русского интеллектуала оказался свой собственный кумир, зачастую неизвестный даже ближайшим коллегам, перестала выглядеть признаком хорошей осведомленности и стала вызывать чувство неуверенности и беспокойства, зазвучала тревожным сигналом исчезновения (иногда даже в рамках узкой профессиональной среды) конвенции величия и границ профессионального поля.

Но главная причина недовольства коренится, конечно, в другом. Долго теплилась надежда на то, что интеллектуальный хаос сложится в упорядоченную систему знаний, утолив теоретический голод и успокоив сомнения. Но ожидания российских интеллектуалов были жестоко обмануты. Когда западные чудеса явились взору тех, кто, сбросив бремя марксизма, отрешившись от советских и антисоветских догм, готов был стать под знамена новых учений, обнаружилось, что сама западная мысль переживает глубокий кризис. Более того, «Запад» рас-

пался на ряд несоотносимых между собой провинциальных мирков, не поддающихся привычному упорядочиванию в несколько ведущих школ или парадигм...Интеллектуальный голод, так же как и ощущение провинциальности, культурной отсталости и растерянности, остался неудовлетворенным, а надежда на то, что все проблемы удастся решить благодаря интеграции в западное интеллектуальное пространство, стала казаться все более призрачной <...>.

Путь к обнаружению печальной истины об интеллектуальном кризисе на Западе пролегал через потрясения от двух других кризисов, разразившихся практически одновременно: распада марксизма и распада советского структурализма.

«В России кризис больших нарративов произошел даже более радикально, чем на Западе. У нас-то вообще строй изменился, у нас всего-то и была одна парадигма, и вдруг все грохнулось... Произошли сдвиги в самых основах жизни... Не будем забывать, что на этих больших нарративах жило и живет огромное количество людей, огромное сообщество, и когда все это обрушивается, происходит некоторый ступор. В России не просто великие повествования исчезли, а институты закрылись, и люди оказались невостребованными», – говорит И.Д. Прохорова <...>.

Не следует забывать и о том, что опьянение свободой от марксистской догмы на время сделало нелепой всякую мысль о кризисе. Лишь постепенно обнаружилось, что распад марксизма оставил пустоту, «вакуум», как иногда выражаются мои собеседники. Тогда же стало очевидно, что публикации «написанного в стол» за годы репрессивного режима не откроют новой страницы в развитии отечественной мысли.

«Наша научная интеллектуальная элита оказалась неприспособленной к плюралистической ситуации. Она жила в искусственных советских условиях... Падение марксизма обнаружило вакуум, а ведь все время приходят студенты и нужно множество задач решать одновременно», – размышляет С.Ю. Неклюдов.

«Советская власть поддерживала единую среду противостояния. И всякий человек, который ее не любил так же, как ты, был тебе интересен. Он становился твоим важным референтом. <...> Тогда было несколько крупных, интеллектуально значимых проектов: «Наука вместо идеологии»: вы нам – идеологию, а мы вам – науку, и «Выживание культуры в тоталитарном обществе». Это были два очень сильных проекта, в которых хотели участвовать тысячи людей. Если бы кто-то сейчас создал такой же проект, у него появилась бы своя имманентная логика. Но я его не вижу кругом себя» – так передает этот дух времени А.Л. Зорин, подчеркивая структурообразующее значение марксизма для поколения тех, чья молодость пришлось на последние годы господства советского марксизма. Отношение к советской власти продолжает и сегодня играть огромную роль для понимания происходящего в российской интеллектуальной среде в значительной степени потому, что привычка рассматривать все сквозь призму «советской власти» не исчезла после падения коммунизма. Сегодня по-прежнему, как и много лет назад, «гуманитарный дискурс охвачен стычками с тоталитаризмом». «У меня и у моих сверстников все вытекало из советской власти. Все – вкусы, пристрастия, интересы и сексуальные неврозы – это был фактор, подавляющий все остальные. У современных молодых людей ничего этого нет, они гораздо свободней по сравнению с нами. У них более чистое интеллектуальное отношение, а не экзистенциональное, как у нас», – продолжает А.Л. Зорин.

Кризис распада советской системы достаточно точно совпал по времени с кризисом отечественного структурализма, представлявшего собой главную интеллектуальную альтернативу засилью истмата с диаматом. По воспоминаниям молодых тартусцев или участников родственных движений (таких, например, как Тыняновские чтения), научная исчерпанность школы, которая ясно чувствовалась в конце 80-х годов, привела к отказу от ее методов в начале 90-х.

«Уже на «Тыняновских чтениях» конца 1980-х годов чувствовалась исчерпанность парадигмы. Возникал контраст между идейным богатством первых конференций и этими заседаниями, где все сводилось к чисто традиционному литературоведению. Когда начинался журнал «НЛО», было ощущение полной исчерпанности того, что позволяло работать в позднесоветский период», – считает С.Л. Козлов, филолог из РГГУ, много лет проработавший редактором журнала «НЛО».

По сути, критика Московско-тартуской школы мало отличалась от критики, адресованной несколько раньше функционалистским парадигмам, в частности, структурализму. Подчинение многообразия жизни редуccionистской схеме, разрыв между эмпирическими исследованиями и обобщениями, создание «эзотерического дискурса» – так можно резюмировать смысл этой критики.

К середине 90-х годов. Московско-тартуская школа, в советские времена символизировавшая и последнее слово науки, и, главное, оппозиционное марксизму научное течение, начала восприниматься даже ее молодыми выпускниками как консервативное, охранительное направление. «С Московско-тартуской школой сейчас не происходит ничего, потому что эпоха ее существования завершилась. Это был культурный феномен, который существовал в определенный исторический период. Конечно, в Тарту продолжают работать замечательные филологи, ученики Лотмана. Они вряд ли согласятся, что школа умерла. Выходят «Труды по знаковым системам», «Труды по русской филологии». Но она больше не является культурным феноменом, каким она была в 1960–1970-е гг. Ее кризис был вызван тем, что изменились социокультурные условия. Школа выросла в условиях советской действительности. <...> И когда этот контекст распался, эта школа превратилась из авангарда в нечто, противостоящее новомодным течениям», – рассказывает филолог, выпускник Тарту, редактор журнала «Критическая масса» Г.А. Морев.

Но если тартуская семиотика перестала всерьез рассматриваться как актуальный научный метод (за исключением сильно поредевшей горстки подвижников), то кризис концепции личности, или, точнее, особого типа социального контракта между интеллигенцией и обществом, сложившегося в московско-тартуской школе и распространившегося далеко за ее пределами, продолжает болезненно переживаться. Кризис отечественного структурализма повлек за собой не просто разочарование в научной доктрине: он поставил под сомнение тот идеал личности, который символизировала собой московско-тартуская школа и который долгие годы был важной ценностью для советской интеллигенции (независимо от отношения – иногда весьма критического – к московско-тартуской школе как к научному проекту). Действительно, для многих представителей интеллигенции связь с Московско-тартуской школой, которая особенно сильно ощущалась в 70–80-е годы, основывалась скорее на близости к воплощенному в ней культурно-антропологическому идеалу, нежели на приверженности структурализму. Именно кризис этого культурного феномена обозначил конец структуралистской парадигмы в России, хотя первые признаки разочарования в семиотическом учении стали проявляться гораздо раньше <...>.

«Констатации кризиса русской филологии стали настолько привычными, что сами по себе мало у кого вызывают возражения» – этими словами А.М. Эткинда можно резюмировать сказанное.... «Сейчас все затихло, все остались при своем, все маргинализируется, хотя научная жизнь кажется налаженной – функционируют кафедры, выходят сборники, но это совершенно потеряло тот ореол культурной значимости, который оно имело в советские годы. <...> Филология приобрела свой нормальный статус академической дисциплины. Факультеты полны студентов, просто это явление перестало выходить за рамки... нормального функционирования науки» – так оценивает ситуацию Г.А. Морев <...>.

На вопрос: что нового происходит, произошло или происходило за последние несколько лет? – мои российские собеседники отвечали: «Ничего».... Российские коллеги без всякого смущения называют «отсутствие жажды нового» главной особенностью интеллектуальной ситуации в России – новых идей не возникает потому, что в интеллектуальном сообществе никто не готов к их появлению и строго говоря, никто больше ими не интересуется. Паралич воли к новому – так определяют коллеги главную проблему «интеллектуального сообщества» <...>.

Современный интеллектуальный застой резко контрастирует с «годами застоя», когда в Москве, Питере, Тарту, по воспоминаниям моих собеседников, жизнь была ключом, рождались новые идеи, имена и открытия... И их жадно желала и ждала эпоха.

«Сейчас в Москве господствует состояние научной растерянности, когда вроде бы есть все возможности... В РГГУ есть семинар во главе с Мелетинским, туда входят ряд больших ученых – Топоров, Гаспаров, Баткин, Кнабе, с молодежью там сложнее... Там временами происходят дискуссии. Но ничего экстраординарного, чтобы опубликовали и потом говорили – такого нет. Я не думаю, что здесь научная мысль бьет ключом. Скорее, она прохладна», – отмечает А.Я. Гуревич.

Ключевым словом, с помощью которого большинство коллег пытаются объяснить, почему не появляется новых течений и сопровождающих их горячих дискуссий, является «фрагментация». Фрагментация предстает как главная причина всех бед и напастей, поразивших российский академический мир.

«– Какие существуют новые интересные направления, какие новые дебаты происходят сегодня в Москве?»

– Я боюсь, что ничего не происходит. Потому что нет общества, которое могло бы породить соответствующую проблематику. Я это объясняю фрагментацией, которая наступила в 1990-е годы». – оценивает ситуацию С.Л. Козлов.

Господствующее представление о распаде среды приобретает свой подлинный смысл и истинную значимость в тот момент, когда к предложенному списку из штук двадцати семинаров, научных обществ и журналов, ваш собеседник добавит от себя еще парочку новых имен и названий, и это отнюдь не поколеблет его решительной оценки происходящего: «Нет, действительно, ничего нового и интересного не происходит». Для примера процитирую вот такой весьма типичный пассаж из интервью.

« – Позвольте, как же вы говорите, что ничего не происходит? Я с ходу назову вам несколько семинаров, каждый из которых собирает по 30–50 человек...

– В терминах Куна происходит нормальная наука, то есть решение чисто конкретных задач в рамках существующих правил игры и образцов. Я мало участвую в этой семинарской жизни. Я сужу по печатной продукции, и обсуждений, событий там очень мало», – говорит С.Л. Козлов. Изобилие «форм научной жизни» рассматривается моими собеседниками не как показатель процветания академической жизни, но скорее оценивается негативно, потому что как раз и означает фрагментацию.

«Москва задыхается от обилия обществ. Этих семинаров очень много, много книг интересных, но только они все интересны исключительно для своей узкой аудитории. Единого пространства, каким был семинар Гуревича в 90-е годы, на который приходили все, теперь больше нет. Есть локальные группы. Есть семинар Зенкина, семинар Гуревича, Репиной, Бессмертного-Данилевского... но они никогда не пересекаются. Они не ходят друг к другу», – недоумевает П.Ю. Уваров.

Понятие «фрагментация» таит в себе несколько разных смыслов. Так, Козлов продолжает:

«Конечно, я это объясняю внешними причинами социально-политического, экономического характера, всеми теми пошлыми общими местами, которые от этого не утрачи-

вают своей обоснованности. В 1980-е годы у людей было время, была определенная материальная обеспеченность, поэтому они могли заниматься наукой, собираться в кружки и т. д. В 1990-е годы условий стало мало. Многие уехали за границу, что означало включение в другие дискурсы и проблематики. Сообщества, которые существовали в Москве, распались. В 1987–1988 гг. все было сосредоточено на политике, наукой занимались по инерции. Другая причина – исчерпанность парадигмы московско-тартуской школы...»

Связь между падением коммунизма и современным кризисом гуманитарного знания, в котором распад парадигм, и прежде всего московско-тартуской школы, играет важную роль, может привести в тому, что советская власть неожиданно предстанет в качестве важного – чтобы не сказать необходимого – катализатора российской интеллектуальной жизни, а логика противопоставления современного упадка прошлому величию воплотится в риторическую идеализацию интеллектуального расцвета эпохи застоя.

«Советская власть поддерживала единую среду противостояния. Я тогда непрерывно ходил на выставки подпольные и полуподпольные, хотя меня не очень интересует изобразительное искусство, устраивались семинары, на которые мы все ходили, и не только молодые люди, такие, как я, – это была какая-то обязанность. Фильм «Зеркало» Тарковского довольно нудный. Но нельзя было на него не пойти, потому что ты сам себя уважать не будешь, если не пойдешь на «Зеркало» Тарковского. Поддержание себя в этой среде требовало от тебя интеллектуальных и ритуальных жертв. Теперь эта среда рассыпалась, и ее больше не существует», – вспоминает А. Зорин.

Конечно, ностальгия по советской власти среди тех, кто противостоял ей, избегая компромиссов, типичных для большинства интеллигенции в годы «мягкого ГУЛАГа», не может быть объяснена просто желанием вернуться в собственную молодость и тем более не является призывом возродить ком-

мунистический рай в «отдельно взятой стране». В ней находит свое выражение безысходность, которую вызывает современное положение дел в российском интеллектуальном мире у тех немногих из поколения «сорокалетних», у кого уже появились собственные имена.

По словам представителей этого поколения, отношение к советскому режиму возводит труднопреодолимый барьер между старшими и младшими коллегами. В основе непонимания поколений – непричастность молодежи к битвам антисоветчиков, ее в лучшем случае «академический» интерес к советскому прошлому, который представители старшего поколения не могут ни оценить, ни разделить, ни – по большому счету – понять и одобрить. Поэтому фрагментация академической среды может среди прочего означать распад сообщества политических единомышленников.

Среди других ее причин называют институциональный кризис и кризис финансирования, разразившийся над академией и высшей школой после перестройки, – кризис, очевидное значение которого трудно оспаривать.

Некоторые коллеги пытаются объяснить фрагментацию не только крахом советской власти и ее институтов, но и «распадом национальных научных школ», «денационализацией науки», «утечкой мозгов», обедняющей российское научное сообщество. Интернационализация российских социальных наук тоже может восприниматься не только позитивно: ее оценка (как и оценка переводов), стала гораздо более амбивалентна в последние годы даже среди прозападнически настроенного фланга российской интеллигенции. Мечта о включении в мировое научное сообщество постепенно развеялась вслед за распадом идеального образа Запада в России 1990-х годов <...>.

Надежды на возникновение новых направлений или новых школ, часто связываются с развитием междисциплинарных исследований, с объединением подходов разных дисциплин. На это средство омолаживания наук многие продолжают

рассчитывать и сегодня, хотя, как известно, лечить науки междисциплинарностью на Западе начали уже довольно давно. Но такая терапия, повлекшая за собой огромные затраты, как организационные, так и финансовые, до сих пор не принесла ожидаемого результата.

Однако главные надежды возлагаются не на междисциплинарность, не на пересмотр границ гуманитарного знания и даже не на совершенствование форм организации социальных наук. Их питает вера в молодежь, в новое поколение.

«В ближайшее время в России произойдет пересмотр многих вещей. <...> Появилась новая генерация, которая еще не имеет собственного языка, но которая себя осознала как новое поколение с другим жизненным, социальным, эмоциональным опытом. И мне кажется, что мы стоим на пороге резкого скачка. В российской ситуации если будут продолжать существовать независимые центры интеллектуальной мысли, а они очень важны, то в какой-то момент произойдет возникновение новых школ» – так определяет эту позицию И.Д. Прохорова.

Энтузиазм, связанный с молодежью, – причем в особенности с провинциальной, не испорченной жизнью в столице и продолжающей еще жить, по мнению московских профессоров, теми же незамутненными духовными ценностями, которыми жила московская интеллигенция в годы застоя, – разделяют многие коллеги. Приведу для примера высказывание А.Л. Зорина:

«– Напротив, в провинции очень интересный процесс идет. Это люди просто еще очень молодые <...> и в провинции у них больше стимулов оставаться в академической среде, чем в Москве. Я несколько лет преподавал в соросовских летних школах, куда собирались люди от Петрозаводска до Калининграда, и на меня это произвело сильное впечатление. <...> Я не люблю разговоры, что в провинции все лучше, но молодые люди из провинции пытливей и умнее, и у них меньше соблазнов, чем в столице, меньше возможностей себя реализовать.

После десяти лет в стране идет большое интеллектуальное движение...».

Итак, оптимисты предлагают ждать, пока молодое поколение неизвестных провинциальных аспирантов оперится, защитит свои диссертации и создаст новые научные школы, о сути которых пока еще трудно высказываться определенно, но возникновение которых в будущем приведет к расцвету гуманитарного знания в России.

Возможно, образ Неизвестного Аспиранта, с которым связываются надежды на возрождение наук, выглядит таким притягательным из-за того, что подлинная глубина интеллектуального кризиса остается не до конца прочувствованной в России. Общую веру в молодежь трудно воспринимать иначе, чем как выражение крайней неопределенности и неясности перспектив обновления наук.

И все-таки, какое оно, «племя молодое»? Что известно о «будущем нашей науки» и отвечает ли это тем надеждам, которые лелеют старшие товарищи? <...> При ближайшем рассмотрении выясняется, что старшим коллегам известно о «научной молодежи» довольно много нехорошего. И дело здесь, конечно, не только в том, что, по словам одних, «студенты и аспиранты, особенно в Москве, ничем не интересуются», и даже не в том, что, по словам других, «безграмотность стала отличительной чертой нового поколения». Дело в механизмах формирования памяти профессии, в том, как воспринимается молодежью наследие, полученное ею от предшествующих поколений. Потому что восприятие «советского профессионального наследия» и отношение к нему, как и к советскому прошлому в целом, предопределяет, зачастую неосознанно, выбор профессиональных стратегий, навязывая стандарты, критерии оценок, профессиональную ориентацию. Политика и формирование профессиональной идентичности оказываются слиты воедино в конфликте интерпретаций прошлого профессии, и это является важной особенностью российских наук <...>.

Ибо, как ни странно это может показаться нашим соотечественникам, для большинства из которых советское прошлое не представляет собой никакой проблемы, память о прошлом (в том числе и вытесненная память) оказывает прямое и непосредственное влияние на «племя молодое»... Было бы странно недооценивать факт, на который справедливо обращает внимание И.Д. Прохорова: мы живем в стране, где практически отсутствует «интеллократия», обладающая в дополнение к административной власти безусловной интеллектуальной легитимностью. Крах советской системы основательно скомпрометировал советские иерархии и способы формирования величия. Но было бы столь же странно не замечать, что за последнее время старые иерархии стали подспудно восстанавливаться, а память академического истеблишмента о своем профессиональном прошлом, оставшаяся столь же избирательной, как и при «старом порядке», начала беззастенчиво претендовать на право предстать в виде единственной версии профессиональной памяти. Особенно активно памятью профессии занялись старшие товарищи, вступившие в мемуарный возраст: помочь поколению «старой номенклатуры» обеспечить достойное место в академическом каноне «новой России» стало предметом их особой заботы. В формировании памяти профессии, которая в конечном счете неотделима от исторической памяти общества в целом, особенно когда речь идет о социальных науках, баланс сил, складывающийся по-разному в разных дисциплинах, в целом оказался скорее в пользу традиционного истеблишмента и традиционных институций. Пути формирования памяти профессии можно проследить на примере филологии.

Феномен московско-тартуской школы помог значительной части советской филологии превратиться в редкий заповедник на территории СССР, сравнительно мало затронутый карнавальными иерархиями советских званий и титулов. Уже в конце 70-х годов благодаря международной известнос-

ти школы и неочевидности идеологической значимости филологии для советской власти, благодаря мощной диаспоре московско-тартуской школы и дряхлости тоталитаризма ни у кого не возникало больших сомнений в том, как отделить агнцев от козлиц – в частности, и у самих членов советского филологического истеблишмента. И хотя лидеры московско-тартуской школы не были открытыми диссидентами, об их «духовной близости» с советским режимом не могло быть и речи: семиотика предлагала альтернативный по сравнению с советским марксизмом взгляд на культуру и общество. После перестройки, когда международная репутация перестала означать «политическую неблагонадежность», акценты величия были окончательно расставлены. Большую роль здесь сыграло появление журнала «НЛО», хотя, конечно, это отнюдь не являлось ни главной, ни единственной задачей журнала. Вот как говорит об этом создатель «НЛО» И.Д. Прохорова: «Главной идеей «НЛО» стало реформирование научной жизни. Не только пересмотреть табель о рангах и отдать должное ученым, реально работающим в филологии, но и актуализировать гуманитарную жизнь. Потому что советская система маргинализировала гуманитарные исследования, несмотря на «заботу партии и правительства». Второсортное стало нормой жизни. И так как отсутствовали критерии оценки и не с чем было сравнивать, то вокруг царили местные знаменитости... Тогда настало время все это осознать и осмыслить... Журнал возник, опираясь на наиболее способную плеяду ученых, занимавшихся историей культуры и литературы. Филология оказалась в чуть меньшем загоде при советской власти, чем другие науки, потому что на нее обращали не такое пристальное внимание, как на историю или философию. Существование МТШ говорит само за себя – ни в истории, ни в философии ничего подобного не существовало. <...> Журнал попытался собрать филологов, не только тех, кто был здесь, в России, но и тех, кто жил за границей, и, опираясь

на среду славистов, попытаться развить интеллектуальную мысль в России».

И несмотря на то, что филологическим аппаратчикам удалось усидеть на своих местах так же, как и их товарищам из других сфер, сложившаяся в филологии ситуация, казалось бы, должна была привести к «победе» памяти профессии, далекой от советского официоза, к передаче профессиональной традиции по альтернативным каналам. Но даже в этой сравнительно «благополучной» дисциплине вопрос о том, в чем состояли особенности «советской науки» и почему об этом следует знать молодежи, встает со всей остротой: «Мне кажется, что если мы действительно озабочены продолжением традиции, если захотим, чтобы в XXI в. новые поколения исследователей продолжали читать русских авторов XX в. и продолжали кое-чему учиться у них (а у них есть чему поучиться!), мы должны ясно понимать, где в «советской науке» заканчивается «наука» и начинается «советская власть». Более того, мы должны уметь разъяснить это будущим читателям. Границы между филологией и идеологией в литературоведении советского времени для представителей младших поколений совершенно неочевидны. Студент-филолог, молодой исследователь <...> встречаясь с текстами советской поры как с неподлежащей идеологической экспертизе сакральной данностью, вправе заключить, что даже самые лучшие из представителей «великой филологии» по какому-то странному обыкновению то и дело уходили от прямых ответов на достаточно ясные вопросы, что-то постоянно недоговаривали, почему-то сплошь и рядом делали заведомо ложные выводы из изученных ими материалов».

Сказанное выше о благополучии филологии не означает, что филологам удалось полностью ускользнуть от компромиссов с самими собой и с советской властью, а безразличие и равнодушие, преобладающие в отечестве по отношению к нашему страшному прошлому, в этой дисциплине отнюдь не оказываются «в среднем резко ниже, чем по стране». Не будем

идеализировать филологию: она остается органической частью постсоветской науки.

★

Шкуратов В.А. Наррадигма и бельсайнтистика (печатается с сокращениями по изданию: Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997. 505 с. С. 174–176).

С помощью слова «наррадигма» я пытаюсь определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах. Между тем у наррадигмального мышления своя, весьма, обширная зона: это – не искусство (производство образов) и не точная наука (производство информации). Я назвал эту сферу мышления в научных образах-представлениях бельсайнтистикой. Слово создано по аналогии с французским посредством нарратива культуры «les belles-lettres» (беллетристика). Если «lettres» (письмена) – заменить на «sciences», то получится «les belles-sciences» – прекрасная наука, бельсайнтистика. Бельсайнтистика бывает весьма искусной словесностью, но она служит иному, нежели художественная литература, так как эстетический эффект, впечатление здесь средство, а не цель. Ее научность избегает однозначной определенности понятий, формализмов, чертежей.

Это и есть мышление языка, наука слова – высшая особенность словесной культуры и в то же время часть культуры мысли. Художественная форма здесь поставлена на службу познания, но она (эта форма) еще в полуродстве с литературой и поэтому довольно легко туда возвращается. Бельсайнтистика обнаруживается там, где мышление конструирует слова вне-референциально, т. е. исходит из морфологии и семантики для создания абстрактной чувственности. Многожды осмеянные гуманистами схоластические «чтойности», «истекаемости» – примеры такого рода словомыслия. Эти схоластические предикаменты обходятся без опор в предметном мире. Они

помогают словомышлению продвигаться в как бы-реальности среди умственных фигур, сотканных из служебных слов, субстантивированных местоимений и прилагательных. Словесность здесь не расширяется в аксиологии словоэнергий, она их оформляет. Это нижний этаж понятийной текстуальности и высший – словочувствснности. Здесь происходит сенсуализация служебной части языка и аксиологи-зация грамматики.

Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мысльобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной. Эти грамматические связки, предлоги, служебные слова и другие логические фигуры сенсуализированы и таким образом дают псевдологическую сущность письменной бельсайнтистики средневековья – схоластике. Схоластика находится между мистикой (книжной чувственностью бескачественных, бесструктурных энергий, сияний, звучаний) и логической арифметикой. Она имеет устойчивость в складе западноевропейского ума, в его силлогистически словесных доказательствах Бога. Она никогда не доходит до разделения слова и фигуры, что обозначало бы смерть для словомышления, которое живет непрерывной семантической трансформацией грамматики. Через языковые преобразования и словообразования устанавливаются новые обращенные к читателю смыслы. Именно на определенности для подготовленного читателя этих словообразований-трансформаций и основана бельсайнтистика, сходная в этом отношении с художественной литературой. В обоих случаях развитие текста опирается на способность постигать словесный ступок в его непрерывных образно-смысловых видоизменениях. Такой текст – самотрансформируемая ткань, неговоренная по элементам. Она определена общими знаниями и гораздо менее явным знакомством с ассоциативным рядом наррадигматики.

Наррадигма учит, как проявляются в ходе толкований и разборов учебно-хрестоматийных и классических текстов но-

вые смыслы. Цель обучения здесь – состыковать художественно-текстуальную структуру с образно-ассоциативным контекстом произведения. В бэбьсайнтистике постоянно совершаются трудноуловимые переводы грамматики в словесные фигуры мысли с опорой на смысл. Референтная основа этих фигур не является предметной, но и не лишена образного обоснования (в отличие от концептов, которые алгоритмизированы в потоке рассуждения).

*

Раздел 7. 2000-е. Догорает эпоха¹

Бушев А.Б. Догорает эпоха (печатается по машинописной рукописи из архива автора).

В конце девяностых годов один известный лингвист, проживающий ныне в Америке, имел успех с книгой виньеток – так, случайные перепевы былого и всполохи «памяти, что возвращает образы и множит», словом, то, что запомнилось. И не обязательно профессиональное, необязательно личное, бытовое, может быть, как свойственно любому человеку, движимое желанием вспомнить годы учения Вильгельма Майстера, молодость. «Молодость моя, утешь, спляши – почему-то так обращалась к ней Марина Цветаева. – Налети малиновою шалью! Шалая моя! Потанцевали досыта с тобой...»

Упомянутый автор хорошо вспоминал известную ученую Ольгу Сергеевну А.² Его преподавательница в Московском университете – из тружеников высшего образования без степеней и званий – говорила о последней: «What I teach you is how to speak English. And then Olga Sergeevna comes and introduces all sorts of theories». Ольга Сергеевна запомнилась ему с сонмом верных учеников, готовых внимать ее лектурам. Она читала лекции, закрыв глаза – чтобы не было лишних морщин, говорила им: «Gentlemen, I expect you to laugh when I am trying to be witty» и говорила на особом старомодном английском языке, изобилующем галлицизмами: «You will endeavor to study

¹ Раздел назван по заголовку публикуемого материала А.Б. Бушева.

² Ольга Сергеевна А. – Ахманова О.С.

Shakespearian Othello and Comrade Scheglov will confine himself to non – Othello». Эти милые воспоминания – виньетки заставили и меня изложить, что запомнилось.

Когда-то я спросил у Георгия Исаевича Богина, кто преподавал у него стилистику. «*Что Вы! Стилистика не преподавалась, не было такой науки*». Элементы функциональной стилистики изучались в курсе общего языкознания. Витенька Ярцева – будущая член-кор. академии наук – летала из Петербурга, где она тогда работала, в Москву и в клювике приносила то, что сказал вождь по вопросам общего языкознания. Шла известная дискуссия пятидесятых годов. Эпоха не была вегетарианской: «Ледник одобряем, камнепад поддерживаем».

Литературу преподавали еще не посаженный Гуковский, Аркадий Долинин. Это была старая методика преподавания литературы. Преподавание велось по сюжетам, не по текстам – построение текста никого не интересовало – с неустанным вниманием к литературной детали. «А какого цвета был у Чичикова фрак?» Горе вам, если вы не знали ответа – с брусничной искрой. Сын Аркадия Долинина – Котя – Константин Долинин – будущий автор курса «Французская стилистика» – учился тогда с Г. И. на одном курсе. Однажды Жора и Котя пошли на субботник. Слово Ленин со товарищи, несли бревно. Жора комлем задел Котю. «*Хули ж ты, б..., Жорка, рыбий глаз, не смотришь... Тра-та-та-та – та-та – та-та*». Г. И. очень смеялся и говорил, что вот так начиналась стилистика. Если говорить серьезно, то Г. И. – выученик лучшего тогда в СССР университета – помнил еще дореволюционную профессию. Вспоминая свои студенческие годы, Г.И. Богин всегда с благодарностью называл своих учителей – академиков АН СССР М.П. Алексева, В.М. Жирмунского и В.М. Алексева (книгу о китайской культуре которого «В старом Китае. Дневник путешествия» он неизменно рекомендовал к прочтению), членов-корреспондентов АН ССР В.Н. Ярцеву, П.Н. Беркова, Р.А. Будагова, академика АН Литвы и члена-корреспондента

АН Украины Б.А. Ларина (привлекшего его к работе в научном кружке), профессоров С.Д. Балухатого, Г.А. Гуковского, А.С. Долинина, С.Д. Кацнельсона, И.И. Мещанинова, Н.Я. Дьяконову, Н.Н. Амосову (была руководителем первой научной работы Г.И. Богина), А.А. Смирнова, других ученых. Где-то в его рассказах фигурировал и студент-фронтовик Ю.М. Лотман, уже тогда отличавшийся своим особым предназначением. Позднее Г.И. Богин общался и получал научные консультации у Ю.М. Скребнева, Б.В. Зейгарник, В.В. Давыдова, З.М. Цветковой, Г.П. Щедровицкого и в Московском методологическом кружке, у Ю.В. Рождественского, пионера структурной лингвистики В.А. Звегинцева, слепого новосибирского философа И.С. Ладенко, который, по словам Богина, видел поболее, чем некоторые зрячие. Г. И. навсегда сохранял доброжелательность и любознательность питерского студента первых послевоенных лет, словно воплощал собой суждение известного русского филолога Ф.А. Фортунатова *«Студент – это тот, кто studet: старательно заботится, ревностно занимается, учится сам, помогает своему учителю учить себя и своих товарищей, наконец – учит своего учителя»*.

Г.И. Богин говорил мне, что владеет всеми языками германского строя, кроме, как ни странно, идиша. В доме на идише не говорили. Про своих родителей, прибывших в Петербург из Глембок (современное село Глубокое под Полоцком, которое он навещал, чтобы представить, как там жили его предки), он говорил: «Это были люди, имевшие высшее образование, но не имевшие по сути среднего». Они шагнули в вузы с рабфаков, стали специалистами. В 1938 году были первые выборы в Верховный Совет СССР. Роза Соломоновна уже занималась психиатрической экспертизой. Один мужик в Петербурге на избирательном участке сказал: «В бюллетене один человек. Это не выборы. Фарс какой-то, нет альтернативы. Этой бумагой только жопу подтереть». Роза Соломоновна смотреть поступившего больного не стала, сказала сразу «не-

вменяем». Г. И. очень смеялся и говорил: «Вот так психиатры помогали народу».

Изучение голландского языка происходило так. В конце пятидесятых годов в ВАКе не проходила кандидатская диссертация Богина. Заправлявшая там Ольга Сергеевна Ахманова уже не считала, что «антисемитизм – религия лавочников». Совместно с Лялькой Москальской они бдительно не пропускали диссертаций евреев. Надежда Мандельштам вспоминала, как те же самые рецензенты зарубали и ее диссертацию, называя ее женой проходимца. В Уфе, где он тогда жил, в противовес всем трудностям, с неприсуждением степени Г. И. решил заниматься голландским языком. Пришел в книжный. Попросил книгу на голландском. Это оказалось «Золото» Полевого. «Купил я, значит, *«Золото» Полового*, и изучил голландский язык». И язык пригодился. В эпоху перестройки с появлением интернета стали присылать приглашения на международные конгрессы. Г. И. поехал в Гуссерлевский Грац, в Польшу, в США увидеть одноэтажную Америку, в Германию на встречу с Сикстинской мадонной. Однажды почта принесла приглашение-заявку на конгресс в Амстердам. В старой Голландии тоже есть национальный спорт «срезать». Этим спортом славятся не только алтайские земляки Шукшина. В ответ на письмо и тезисы по-английски голландцы попросили: «Напишите нам то же самое, но по-голландски». Я – свидетель тому, что в последние годы жизни он на хорошем голландском писал в Амстердам, все хотел постоять на канале – на том, о котором он мальчишкой читал в повести «Серебряные коньки» Мери Мейп Дожд. Голландцы думали, что поставят его в неловкое положение. Но каково же было их удивление, когда они получили ответ на прекрасном голландском языке. «Я представляю вашу страну, с тех пор, как прочитал «Серебряные коньки» Мери Мейп Джордж. Там дети стояли на канале. Эх, постоять бы на вашем амстердамском канале, тем более что и конференция ваша проходит зимою». Диалектика ответа имела успех – автор был приглашен.

В Казахстане, где Г.И. Богин работал деканом в Кокчетавском пединституте и внедрял современные педагогические методики, прежде всего методику фронтального чтения, произошла его встреча с Анастасией Цветаевой, находившейся там в ссылке. Та назвала его Добрым Дух, и однажды, как он вспоминал, украдкой, думая, что он не видит, крестила его. Отсюда и знакомство с профессором Зоей Михайловной Цветковой. Методические и педагогические интересы Г.И. Богина привели его к системе Давыдова – Эльконина, изучению проблем воспитания и образования школьников, развития способности к обобщению, категории рефлексии. Педагогические инновации, вызывающие инновации социальные, всегда были в центре его внимания. Пафос образования для него – обращение к человеку со словами понимания: «хочу понять, потому что хочу по-человечески жить среди людей». Поразителен был юмор Г. И. Помню, много позже, из Казахстана в Тверь ученики прислали статью, опубликованную о нем к семидесятилетию – из коллектива, которому он отдал годы. Почему-то о нем говорилось: был, являлся, создал, добился и т. д. – все в прошедшем времени. «Вот мой некролог», – сказал тогда Г. И. Он удивительно лично чувствовал родной город – город стройный, где «валились с мостов кареты», город построенный для царей, проклятый Евдокией Лопухиной («Быть пугу месту сему»), город императоров Петра и Павла, дуэли Пушкина, город героев Достоевского, наводнений, блокады и других петербургских трагедий. Особой темой устных импровизаций профессора был родной город. В его рассказах представляли старейшая часть Петербурга, Петроградская сторона, улица Литераторов – эпоха родом из детства, дроги, что бежали по немощеной набережной, Большой проспект, Каменостровский с его модерном, сталинская школа, поездки на трамвае в университет. Помню, как в конце девяностых я ранним утром вышел на Черной речке и побрел по тем местам. Рядом когда-то жил художник Филонов, в книжном мальчишкой Богин встречал Иосифа Абгаровича Орбели – ди-

ректора Эрмитажа. Помню, как он рассказывал мне, что Орбели пришел в книжный, купил три комплекта открыток с портретами академиков и взял из каждого из них свою фотографию. Тицеславие разыгрывается и у знаменитостей – будь здоров. Впрочем, говорил профессор, презирать награды приятно, их имея. Признание к Г. И. пришло поздно. Ему был памятен круг его семьи. Когда заболел брат, мать пригласила известного петербургского педиатра Александра Федоровича Тура. Этот легендарный врач, спасавший детей в блокадном Ленинграде, был ее однокурсником. Памятна Георгию Исаевичу была и ее работа в больнице Соловьева. И за всем этим Питер: весь город, все острова: воды и набережные, статуи и сады, мосты и решетки, чугунные розы и лошади... Цирк Чинзелли и Публичка.

Все человеческие встречи – звенья родной цепи. Тронешь одно – отзовется другое. История, которую мне рассказывал Г.И. Богин, вдруг при другой моей встрече оказалась той, которую ему рассказывал другой человек, и этому человеку «вернул» историю я. История вернулась к ней – это и есть молва. Итак, история, которую мне рассказывала филолог Ксюша из Кременчуга – петербургская лимитчица, студентка Петербургского университета, экскурсовод в Спасском-Лутовиново, преподаватель независимого украинского Кременчуга, желавшая нострификации воронежского диплома в Киевском университете.

В тридцатые в Ленинграде проводилась серия паспортизаций. Один еврей захотел, чтобы в паспорте у него было написано *иудей*. Написали, но спохватились и решили, что нет такой национальности, и ему переправили на *индей*. Поразмыслив, поскольку национальности *индей* тоже нет, ему переправили национальность на *индейский еврей*. Так и ходил индейским евреем. С Ксюхой мы познакомились в Киеве. «Обережно. Двери зачинаются. Наступна станция...» На уровне языка мне нравился Киев: дивные названия – Дарница, Оболонь, Труханов остров, Липки, Река Почайна, Река Лыбедь, Подол, Крещатик,

Киево-Могилянская академия, Григорий Сковорода. Киев – свидетельство того, что Восточная Европа древнее Западной. Парадоксально, что неразвитые западные европейцы когда-то дивились богатому и культурному Киеву. Можно только дивиться течению истории, которая, как известно, учит тому, что ничему не учит: Киев – столица Киевской Руси, мать городов русских – переходит в вотчину НАТО <...>.

Помню, как позвонила мне жена Г. И. Софья Кузьминична и сказала: «Пойдете работать в военную академию? Я бы на Вашем месте пошла, не раздумывая». Г. И. спрашивал, что у нас там за кафедра. Я сказал, что на кафедре работали Судзиловский и Аринштейн. Я не застал Судзиловского в работе, но я стал работать на кафедре, которую когда-то возглавлял он, стал осваивать терминологию и методику по его работам. Старые преподаватели рассказывали мне, как работал он, постоянно читая профессиональные журналы и выписывая термины из них на старые библиотечные карточки (советская профессиональная лексикография!). Первое, с чего началось мое знакомство с военным переводом – словарь Георгия Александровича Судзиловского. После аспирантуры, попав по конкурсу в военный вуз, я столкнулся с совершенно необычной средой. Библиотека Военного университета ПВО изобиловала книгами «Будни командира», «Во имя победы», «Искусство военачальника», «Отец солдату». На стенах висели лозунги типа «Без светильника истории тактика – потемки». Взор, блуждающий по стенам с фотографиями ракет, самолетов и командно-штабных учений, наткнулся на странные таблички «Осторожно, ступеньки», «Центр подыгрыша» и так далее. На кафедре работала старенькая лаборантка, которая была вышколена еще маршалом. Она прекрасно помнила все английские термины. Могла удовлетворить любое праздное любопытство. «Зинаида Александровна, что же такое *common strategic rotary launcher*? Секунды не проходило, и вы получали ответ: «Штатная пусковая установка револьверного типа для стратегических ракет». В ее

индивидуальном лексиконе (лексикон индивидуален – психолингвисты правы!) буднично существовали *кабрирование, баражирование, дипольные отражатели, инфракрасные ловушки-трассеры, всепогодная прицельная навигационная система, десантные вертолетоносцы* и множество других столь же интересных и необычных вещей. Хотелось как-то соответствовать этому. Этот опыт работы дал мне уроки работы со специализированными текстами и показал специфику деятельности переводчика на всю жизнь.

На факультете романо-германской филологии, где я трудился, когда был аспирантом, вместе с Богиным, дорабатывало старое поколение преподавателей, но уже формировалось новое. Два этих поколения людей по-разному ассоциировали. Если на стимул «Тамбов» старое поколение часто полушутя цитировало «Тамбов на карте генеральной кружком отмечен не всегда» из «Тамбовской казначейши» Лермонтова, то послевоенное поколение шутило поплше, по-современному «Мальчик хочет в Тамбов» из эстрадного шлягера эпохи перестройки. Справедливости ради отметим, что до тамбовских когнитивных исследований большинству ни тех, ни других, естественно, не было никакого дела.

Буйным цветом цвела «социолингвистика». Полноватая профессор Е. В. Р., работавшая в Твери вахтовым методом (раз в месяц приезжала со станции метро «Красносельская» и читала курс лекций, числясь завкафедрой и имея комнату в общежитии) утверждала, что язык ГДР несомненно прогрессивней языка ФРГ. Она обсуждала новые реалии: *Kommunismus, Sozialismus, Sputnik* в описательных работах по немецкой лексике и злые языки коллег называли ее писательницей. В унисон с ней профессор кафедры романской филологии считал, что язык молдаван, как народа, выбравшего социалистический путь развития в семье единой, не относится к группе отсталых романских языков.

На факультете были опубликованы книги Алексея Леонидовича Пумпянского по билингвальному методу. На старости

лет Пумпянский был прислан в Калининский университет на должность профессора кафедры. Всю жизнь он работал в МГУ с химиками и в международных редакциях типа «Мир». Он был абсолютный билингв, я тогда и не знал, что он закончил университет в Женеве. Лишь после открылось, что его отец был выслан на том самом философском пароходе. Он был барственен в хорошем смысле этого слова. Даже не знаю, был ли он членом партии, но в интригах пытался участвовать. Аспиранты рассказывали, что он принимал их в роскошной квартире на Ленинском проспекте.

На факультете продолжали работать осколки. Была Баранова, закончившая Сорбонну. Дочь купца Баранова, в годы первой мировой войны накормившего пол-России Барановскими пряниками. Купец был прозорлив и дело в 1916 году закрыл – то ли устал, то ли предчувствовал грядущие перемены. Впрочем, спустя пятнадцать лет это не мешало НКВД допытываться, где спрятаны Барановские миллионы. Деньги же ушли на хорошее приданое для семи дочерей. Все они сделали партии и ушли из купеческого сословия. Француженка Клавдия Николаевна была женой гвардейского офицера. Он отсидел лет двадцать, вернулся развалиной, быстро умер. В шестидесятые годы любил вспоминать великих князей на параде. На него шикали его родственники- коммунисты.

К восьмидесятым раны зарубцевались, и Клавдия Николаевна смешно рассказывала о социальных катаклизмах, выпавших на ее долю. Совсем по Ильфу и Петрову смешно рассказывала об уплотнении. Первый этаж родительского дома она предоставила пролетариату. А тут подросла кампания по борьбе с неграмотностью. Милые женщины, которых она пустила в свое жилье, говорили ей: *«Клавдия Николаевна. Что хочешь проси. Полы будем у тебя мыть каждый день. Только не надо грамоты».*

В старенькой церкви при словах псалма «Господи, услышь меня. Во дни воззвав в ночи пред тобою...» появлялась анг-

лист Благовещенская со свечкой. Стояла у Николая Угодника и была бесконечно далека от атмосферы партийных собраний, пятилеток, профсоюзов, пленумов ЦК, вынесших судьбоносные постановления, вспыхивавших ярким светом вытекавших из них бурными ручьями решений (о, эта метафорическая формулировка в газетах: «в свете решений, вытекающих из ...»)

Работала прекрасная тонкая изящная англичанка довоенного поколения Галина Александровна Страковская. Любила драматургию, театр, была вдовой народного артиста, хорошо одевалась, читала английскую классику типа *The Dead Flower* Голсуорси, что-нибудь Моэма, «Американскую Трагедию» Драйзера, «Дженни Герхард», «Сестру Кэрри», «Рождественские сказки» Диккенса, Шоу, Уайльда, Шеридана. Постоянно на лето ездила в Удомельский район. Чеховские места – колдовское озеро и шесть барских усадеб – Островки, Островно, Бережок. Галина Александровна помнила усадебный быт. Она была родственницей известного художника Станислава Юлиановича Жуковского, уехавшего после революции в Варшаву и Париж <...> Галина Александровна легко ушла из жизни, оставив мне два завета: *«Не будьте совком и постарайтесь всегда понимать, что мотивы поведения женщин совсем не похоже на мотивы мужчин»*. Ее приятельница Н. Н. С. – «обыкновенная мешаночка из Торжка» – пережила их всех – и на старости лет работает садовником в близлежащей церкви. И цветы у нее лучшие в округе. Уходила старая Россия...

Работала германист И.Б. Хлебникова, когда-то закончившая Петершуле в Петербурге. Она что-то не поделила с коллегами, и отправилась дорабатывать в Ишим. Помню я и великий исход. В начале в конце семидесятых с факультета стали уезжать еврей-методисты. Григорий Михайлович Райхель, Михаил Абрамович Шапиро, А.Б. Каверин. В начале девяностых годов потянулись из страны преподавательницы помоложе – более десяти человек, зачастую с детьми, с несложившейся судьбой. Где же вы теперь, друзья-однополчане? В

конце нолевых потянулись на Запад наспех созданные в перестройку профессора. И наконец уехал проректор вуза и декан Миша Бархатный. Когда он был студентом, у него был модный велюровый пиджак, и одна из преподавательниц прозвала его «бархатный». Таки закрепилось. Об этой истории писать еще рано. И все же... История поучительна. Если существуют у нас административные центры принятия решений («административный ресурс»), то центры эти всегда благоволили ему. Возможно, это связано с тем, что у нас всегда кто-то выдвинут на роль непререкаемых авторитетов и маяков, возможно и с тем, что его дядя – В. В. М. – когда-то возглавлял кафедру французской филологии в Твери, а потом стал ректором института иностранных языков. Сам же Миша закончил аспирантуру на излете СССР, потом преподавал русский язык в Корее, латынь и английский в Твери. В середине девяностых годов был на стажировке в Калифорнийском университете почти год. Все легко давалось ему. Наука его – дискурс-исследования – была с несерьезным полевым материалом – практически без текстов, рассуждения теоретического характера. Я был свидетелем того, как он их лихо заимствовал, переводил из современных американских руководств по дискурсу. Изучая дискурс, он ограничивался только американскими работами. Но это было ново, новые имена: Дебора Таннен, Камерон, Дебора Шифрин, Лакофф.

Я принимал участие в формальном избрании его деканом факультета иностранных языков ТвГУ, еще будучи аспирантом. Голосование было безальтернативным, носило характер фарса. Все карты спутала вдова Г. И.: «Когда надо будет бросить бюллетень, позовете. Я в соседнем кабинете, принимаю домашнее чтение». Для факультета он сделал немного. Но он был вменяемый человек. Старался быть ровным, жил цивилизованно, без особых проблем, имел ранние благородные седины. Работал советником (переводчиком) у прежнего губернатора, который пил, увел из скудного областного бюджета 400 миллионов рублей, сел, каялся, был выпущен. Миша

получил от него хорошую квартиру, даже полгода вроде бы был руководителем его пресс-службы. Он был из поколения людей, которые увлекались Пинк Флойд, Зеппелин, Роллинг Стоунз, играл на гитаре. Эти тексты масс культуры и были предметом курсовых и диссертационных работ. Напек диссертаций тридцать. Как сказала мне *post factum* жена прежнего декана, не читая. Затем стал проректором университета по науке. Съездил в пару командировок – Германия, Англия. Меня всегда что-то смущало в нем. Я даже говорил об этом Богину, но тот предпочитал видеть в людях хорошее: «Миша старается вырваться из этой примитивной прагматики» – он начинал с лингвопрагматики, которую не жаловал Богин. Вырвался – послал все к черту, эмигрировав в прошлом году в Канаду. По слухам – жена получила хорошее еврейское наследство. А сколько ему было дано, сколько с ним возились. Сделают ли люди выводы и какие?

Новое поколение профессоров и преподавателей было проще, плоше, прагматичнее, шло общим списком своих простонародных фамилий. Желание людей вырваться из страны, отсутствие корней, отсутствие патриотизма, без громких слов. Возможно, сказываются усталость от многолетних бытовых проблем, спертость и духота. В конце тридцатых перед этим стояла и молодая мать Р.С. Богина. *Розка, бери своих двух щенков и айда в Польшу*. Но уже надвигался фашизм, и Роза Соломоновна предпочла Челябинск.

На праздники выпало время разбирать доставшуюся мне часть библиотеки Б.А. Хренова. С первых послевоенных лет до девяностых годов он собирал всю лингвистическую научную литературу по германистике и общему языкознанию, беллетристику английскую и американскую, учебную литературу по английскому языку. Вдова, уезжая в Москву, подарила мне большую часть библиотеки. Словари она – ввиду их якобы большой ценности – забрала с собой, учебную почти всю я отдал Н.Ф. Крюковой, а-pocketбуки и папербеки стоят

на полке и ждут своего часа быть прочитанными. Все разобрано, везде пометы, следы работы над сложной лексикой, следы расширения своего вокабуляра. То поколение постоянно работало над собой, расширяло свою, может быть, в чем-то скромную и недостаточную базу. Обучались ведь только монологической речи, страноведение было примитивно, фонетическая технология отсутствовала. Зато много читали. Борису Арсеньевичу американцы пачками дарили книги, когда он был переводчиком на том самом фестивале молодежи и студентов 1957 года. Рядовая беллетристика. В учебной литературе очень широк учебный тематизм, переводческий тематизм – репертуар варьируется от искусства, литературоведения до военного, технического, юридического и т.д. перевода. У меня создалось впечатление, что я открыл всю свалившуюся на меня научную литературу в последний раз. Я размышлял о наследии теоретиков языка и переводоведов, мало кому сегодня в практических целях нужном.

По теоретической фонетике в переданной мне библиотеке есть Витомская, Васильев, Шахбагова, к ним примыкает тверская Травкина, чуть ли не Торсуева и Дикушина, чуть ли не питерские Зиндер и Матусевич, Лия В. Бондарко. Сумасшедшей силы теоретическая книга Плоткина.

Среди стилистов – это Кузнец и Скребнев, Арнольд, Гальперин, Сошальская, Прохорова, Амосова, Кухаренко, Кунин. В передаче «Большие родители» еще каких-то десять лет назад показывали в последние годы жизни Веру Ивановну Прохорову – наследницу владельцев Трехгорной мануфактуры, сидевшую в лагерях, старую москвичку, специалиста по стилистике.

Там же в библиотеке оказалось исследование языка научной и технической литературы Пумпянским, его же книга «Связь произношения и правописания» о влиянии правописания на произношения за последние четыреста лет!

Советская лексикология – Антрушина, Арбекова, Арнольд, Ворно, Амосова, Гинзбурн, Гринберг.

Многочисленные исследования вариантов английского языка – Швейцер, Беляева, Л.Г. Попова, Г.А. Орлов, Г.Д. Томахин, топонимика Беленькой.

По страноведению Н.Д. Токарева, искавшая реакционную суть империализма, Томахин, Чернов. Редакция работ осуществлялась Яковлевым, обличавшим ЦРУ и Ку-клукс-клан, Язьковым, Сивачевым.

Работы по истории языка и теорграмматике я даже не смотрел. Ильиш, Расторгуева, Смирницкий, Иванова, Брукнер.

Обширнейшее наследие по методике. Методика преподавания английского языка в профтехучилищах. Задачи преподавания английского языка научным работникам. Шубин – все устарело.

В последний раз открыл работы Ширяева, Алексеевой, Черняховской, Бархударова, Гака, Крупнова, Мирама, Латышева, Казаковой, Миньяра-Белоручева, Федорова, Левицкой и Фитерман, двусторонний перевод Фрадкина, общественно-политический перевод Гутнера. Книгу «Муки переводческие» С. Флорина, «Трудности перевода», книгу о газетах Зражевской и Беляевой.

Подумалось вот о чем. Все уходит как в песок. Когда-то был резонанс. Было государственное внимание. Но многие оставались в кругу своей узкой темы. Помню, как проф. Богин говорил мне, что проф. Блох не видит далее своей теорграмматики. Так, мало кому удалось подняться над своей проблематикой, создать труды интересные для специалистов в смежных областях или для неспециалистов. В этих работах отсутствует риторика, отсутствуют страноведение, преимущественно внимание к образцам речи в художественной литературе, отсутствует социолингвистика, отсутствует дискурс. Культурологическое, внеязыковое – вне предмета внимания. Для них характерно исключительное внимание к языковой форме, это внутренняя лингвистика. Им комфортно в ней. Они знают свою проблему досконально. При этом я не уверен, что все прекрасно владеют языком практически.

Все ушло, почти все эти люди тоже ушли, и их идеи ушли с большинством из них. Где вы теперь, кто вам целует пальцы? Кто-то из них наверняка еще работает. Как живут эти люди с опереточными именами – Джульетта Аршавириевна Шахбагова, Людмила Гамаяковна Попова. Кого волнует английский язык в Австралии, теоретическое понимание названий растений австралийской флоры, как ученую Почепцову из Киева?!

Ушло и их гелертерство – варианты и вариации фонем, фузии. Все поглотил прагматизм. Я закрывал эти книги, находил им место на полке и прощался с молодостью. Больше их читать я не намерен, а по работе вряд ли придется.

Вот набросок рассказа о конференции в Торезовском. Я ехал на юбилейную конференцию в Торезовский и думал: «Чего эвенку с нанайцем делить?! Мы – непересекающиеся миры. Эвенк есть мясо, нанайец – рыбу». С утра должный тонус задала суতোлка электрички: «Ну, бляди. Ну, сволочи!!» – кричали пассажиры о железнодорожниках в шесть утра на перроне, когда в последний момент электричку подали к другому перрону и люди побежали по путям. И вот загаженная усадьба Еропкина на золотой миле Москвы, где когда-то жил Соловьев, работал Платтен и другие видные деятели международного рабочего движения, Коминтерна, были вузы в послереволюционное время. Сосинский – внук Чернова, реэмигрант, работавший в «Москоу ньюс» периода перестройки – нелицеприятно отзывался об МГЛУ и вчерашнем, и сегодняшнем. В особом отделе университета, где я подписывал командировку, меня предупредили: «Не болтайте ничего лишнего. Там будут наши сотрудники». На конференции я силился их разглядеть среди массы некрасивых женщин, решал сложный *рекбус*.

«Был ли Илья Романович участником войны, Марк Яковлевич? – спрашивала престарелая профессор Т. Марка Блоха (поколения преподавателей английского языка учили зады теоретической грамматики по его учебнику). – По-моему, нет...» Это был идеализм особого рода, когда простота хуже

воровства. Родственница рассказывала мне, что поговаривали, что перед эвакуацией он забрал весь сахар и смылся. «Да здравствует Илья Романович!» – говорили они об умершем, и в этом виделось его метафизическое бытие с нами. Я наблюдал за Николаевой. Лицо Николаевой было очень простое. Ее отец – когда-то всесильный мэр Москвы – не успел наворовать. Умер он в собесе, получая пенсию. Лужкову такое и не снилось. Говорила она с ошибками, читала с интонациями средней руки студентки. «Кроме того, что он был крупным ученым, у него был большой охват административной работы... Трудно переоценить значение работ профессора Ильи Романовича в две тысячи девятисотом году – подождите, в две тысячи тысячном году. Он был носителем особой, научной интуиции... – говорилось с ударением на слове научный – не нам чета».

Рокарева. Старая, но милая. Бестолковая, полагавшая, что держит все нити в своих руках, тайная англоманка. Она сделала нелепый доклад о произведении Вульф. Вульф была почему-то названа постмодернистом, много говорилось об эротическом подтексте ее рассказов. При этом закатывались глаза, делалось многозначительное лицо. *Киргизия, Украина, Казахстан, Армения – широка география участников нашей конференции.* О, да! Престарелый профессор Рох говорил о своих опусах 1984 года: *это моя удивительная удача.* С годами этот божий одуванчик стал говорить о жизни духа, о семи жизнях текста. Он любил быть наукообразным: выискивал везде интеллективную функцию, диктемы, информемы. В кулуарах суетливо вручал карточки, просил, чтобы пригласили на оппонирование. Травил старые анекдоты: будет хуже, оптимист-пессимист, гимнюк; целовал дамочкам руки, играл в душку-дедушку. «Вы украсили наш президиум как ученый!» – игриво говорила ему старушка Рокарева. «Украсили его также представители армянского общества – забыла фамилию». Рокарева изучала *эфЭкты чтения*: «Слово карнавал абсолютно пригодно в применении к сти-

листическому анализу. С точки зрения того, что жизнь – смена масок. Безусловно, в этой игре присутствует эротический элемент. Отсюда и долгие прогулки по сельской Англии...». На конференции были представители фонда Фулбрайта. Рокарева раздражено выговаривала им: «Трудно сказать, что это такое – Fullbright... Компания? Но слишком много отказов. Так и скажите руководству. Много отказов».

Торговали книгами. *Книги продаются на лотке высшей школы.* Моя молодая коллега сказала, что хорошо, что хоть где-то они начали продаваться. Приехали какие-то армяне, киргизы. Представляете, какая трата средств республики Армения, демократического Казахстана. Представители бывших союзных республик выступали с нелепыми докладами. *Барт и Фуко похожи на анархистские договоры.* Рокарева согласно закивала головой. Все трое казахских учеников профессора И.Р. Гальперина носили фамилию баи: Гяур Курдынбаев, Лаура Курманбаева и Роза Байбаева. Баи – значит богатые.

«Я уже оставляла парочку своих монографий в МГЛУ», – скороговоркой говорила профессор из новых, залетевшая из финансовой академии. Выступали иностранцы, очень немудряще на уровне *words combine with words*. Старушки – божьи одуванчики ударялись по мемуарам: «А какое было это чудное обсуждение – как музыка!» Верно, и голуби тогда какали реже, верилось, и молоко медленнее скисало, и черное море было таким черным, таким соленым.

В выступлениях было все – банальщина и шиза, милая чудинка, откровенная глупость и завиральные идеи, досужие разговоры, мюнхгаузеновские потуги. Настойчиво предлагали купить 474 выпуск научных трудов. Бегло проглядев его, я не пожалел, что у меня не было 473 предыдущих. *Это очень хороший выпуск, он посвящен Илье Романовичу.* Дальше своего коллектива большинство носа не высовывало. Но и свои ценные труды рекламировали как-то неумело. Это объясняло общее плачевно состояние института.

Большинство докладов были лишены реального материала, неverifiedируемы. Ничего не иллюстрировали, были без примеров или содержали детские восторги: «Как хорошо сказал Барт! Об этом Анна Ивановна написала. Это теория Богранда». Кое-что было будто и вовсе не про язык. Надуманные примеры типа *the cat is on the mat*. Шел, как всегда поиск *глубинных смыслов произведения*. Было и оскомину набившее родно мелкотемье: Как надо говорить дИскурс или дискУрс, а как же тогда ресурс, конкурс, ракурс...? Одна женщина – из умных и одиноких – задала вопрос по моему докладу: не предвосхищает ли язык социальные явления и не стоит ли, подобно ленинградскому вузу, изучать язык в единстве с мышление. Я поспешил согласиться, что язык предвосхищает, а не отражает социальные явления. Подумал, пусть будет такая подвижка на пути отхода от материалистической теории отражения. Стоило ли так далеко ездить...

*

На улице Волхонка, от центра пять минут: литературный памятник участникам институтских капустников (печатается с сокращениями по изданию: На улице Волхонка, от центра пять минут: литературный памятник участникам институтских капустников / Сост. А.П. Василевич (М.: Советский писатель, 2002. С. 4–9, 18–25).

От составителя

Множество ярких творческих удач сопутствовали сотрудникам Института языкознания за 50 лет его существования. Но жизнь в Институте не сводилась к одной работе. Одни активно занимались общественной работой – по линии Партии или профсоюза. Другие увлекались спортом, украшая Институт грамотами и кубками. К праздникам вывешивалась стенгазета «Языковед». А еще были «вечера отдыха» с танцами и застольем, в том числе, включавшем изысканные национальные блюда собственного приготовления. Но венцом

общественной активности были, все-таки, капустники. Им и посвящено настоящее издание.

С грустью слушаю единственную запись нашего капустника, сделанную «на гастролях», в Институте русского языка. Конечно, многие шутки безнадежно устарели, но как все-таки приятно погрузиться в ту уникальную атмосферу праздника, когда полный зал ловит каждое наше слово, и мы знаем, что все остроты будут поняты и оценены, и мы немножко звезды, и мы «отрываемся» на полную катушку. В этой записи главное – не текст, а реакция зала.

Капустники ставились примерно раз в год, чаще всего, в канун старого Нового Года. За время их существования было насочинено порядочное количество текстов и стихов. Но, как это часто бывает, «что имеем, не храним». Многие тексты безвозвратно утрачены. Я хотел бы оставить для истории хотя бы то, что есть. Для живых участников – это повод вспомнить молодость. Для нового поколения – своего рода вызов: попробуйте сделать нечто подобное.

Первый капустник Института языкознания на Волхонке увидел свет в 1967 г. Своим появлением он обязан стечению трех обстоятельств. Во-первых, волею судеб среди сотрудников Института в это время оказалась одновременно целая плеяда талантливых авторов. Во-вторых, на редкость талантливой была в этот период аспирантская молодежь – ударная сила актерского цеха. Но самое главное, в Институте появилась очаровательная Вероника Телия. Как это у нас пелось:

В эпоху Мусы Бобыревой/ столы ломичись от ситро. /Сказала Телия с Ростова: /у вас типичное не то./ Сказала ты холоднокровно:/ ваш пансион мне надоел./ Щоб мне так жить, за месяц ровно/ иметь мы будем громких дел./Я вам не скажу за Якобсона, /(до него добраться нелегко),/но от Балаяна до Арона/все заляшут румбу и танго. / Теперь сотрудники при деле, / несут с капустой пироги... / Цыгане к выходу недели / со страшным скрипом сапоги/ Я вам не скажу за всех пижо-

нов, /может, есть шикарней в Сайта-Фе, / но ты, босяк, носил таких фасонов! /И таких фартовых галифе! / Смешались мысли у член-корров, / и все забыли про бонтон./ Микаркии смотрит без укора, / когда танцуешь ты чарльстон.../ Я вам не скажу за всю планету. / Может, где почище есть дыра. / Но нигде, наверно, места нету, / где бы так резвились доктора./ Уже под дверью гоп-компанья, / и произносишь ты: «Вперед!» / наш хор подходит к фортепяне / и диким голосом орет./ Я вам не скажу за Коста-Рику, / Коста-Рика очень далека, / но шарман-лингвистку Веронику/ обожают все наверняка!

(Комментарий: Муся Бобрева – лицо, без которого первый капустник был бы невозможен, ответственная за культмассовую работу в тогдашнем месткоме; Александр Балаян – аспирант Н.Д. Арутюновой; Арон Долгопольский – ныне профессор университета в Хайфе; Микаркин – вахтер Института с непростым характером).

Именно Вероника пробудила дремавшие до того творческие потенции Института, раскрутила мощный механизм, который действовал полтора десятка лет. Как можно было бы определить ее амплуа? Режиссер-постановщик? Хормейстер? Завлит? Ответственный по связям с общественностью? (напомним, что в те времена капустник не мог выйти без одобрения партбюро, и в этом процессе ее личный шарм играл не последнюю роль). Итак, капустник – это Вероника.

Авторы. Наиболее тароватые из них: В.А. Виноградов, Е.М. Вольф, Т.В. Булыгина-Шмелева, А.Б. Долгопольский, М.Е. Алексеев, А.В. Михеев, и др. Но надо сказать, что полноправным соавтором каждый раз выступал капустный Ансамбль. Ведь окончательная редакция и большинство лучших хохм рождались во время репетиций.

Актеры. Условно делились на безотказных (вроде А. Василевича и примкнувшего к нему позже М. Алексеева), которые играли всегда и которым поручали главные роли; надежных (Б. Нарумов, Г. Ермушкин, А. Чеченов, В. Мошкало, Г. Пюр-

беев), которые всегда были на подхвате; зачетных (типа блистательных С. Никитиной или В. Порхошовского) – выступали по мере вдохновения; одноразовых (В. Плунгян, И. Кормушин, А. Шахнарович, Ю. Сорокин и множество других, в том числе неизвестных ныне аспирантов) и, наконец, палочек-выручалочек, в последний момент заменявших выбывших актеров (М. Архангельская, М. Журина, В. Калыгин).

Хор. Постоянно меняющийся коллектив людей со слухом и голосами ниже среднего, но с неутолимой жаждой повеселить и повеселиться. Хористы выполняли большой объем работ. Их выходная песня задавала тон всему спектаклю, а присутствие (даже незримое) на сцене помогало основным актерам справиться с волнением. Попутно они заполняли паузы, участвовали в проходных немых сценах, выносили разнообразный реквизит и, конечно, постоянно подсказывали из-за кулис слова текста. Всех участников хора сейчас, конечно, не перечислишь, но его самым главным цементирующим составляющим была В. Постовалова, которая с редким мастерством умела организовать поющую разноголосую массу. Особо следует сказать о музыкальном руководстве. Ведущая роль здесь принадлежала самой В. Телия, но несколько раз приглашались сторонние специалисты. Среди них выделялась Элеонора Вольская, которую все звали просто Ляля. Это был большой профессионал. Достаточно сказать, что даже сейчас, будучи уже далеко не первой молодости, она неплохо зарабатывает музыкальными уроками, находясь на ПМЖ в Германии.

Музыкальное сопровождение. На первых порах за роялем сидела Л.А. Покровская. Затем она переехала работать в Ленинградское Отделение. Некоторое время ее замещала Л.И. Лухт, но подлинным счастьем для всех нас было появление на месте тапера «варяга» из Института русского языка Бориса Шварцкопфа. Его темперамент, остроумие и самоотверженность пришлось как нельзя кстати. Реквизит. Костюмы и прочие детали реквизита (как правило, бесхитростного)

конструировались по преимуществу самими участниками. Но были и свои признанные специалисты – Е. Иванова (впоследствии Василевич), Н. Колесник, М. Журинская. Особенно удачно костюмерный цех работал в тех случаях, когда требовалось придать актеру-мужчине женский образ. Здесь наблюдался неизменный творческий подъем, и фантазия была ключом.

Репетиции. О репетициях следовало бы писать отдельную книгу. Дело в том, что большая часть того наслаждения, из-за которого, собственно, мы и затевали всю кутерьму капустника, приходилась на этап репетиции. Это был своего рода клуб, в который приходили не только участники спектакля, но и сочувствующие. Это было Общение, Единение, отдых, полет мыслей необыкновенных; масса мелких творческих открытий, зачастую забываемых уже к следующей репетиции. И все в одном флаконе.

Гастроли. Да, слава о наших капустниках была столь громкой, что время от времени коллеги из Института русского языка приглашали нас к себе повторять спектакли, а один из капустников был повторен дважды – еще и в Издательстве «Энциклопедия».

Итак, я представляю материалы капустников. Они следуют в строго хронологическом порядке. От первых капустников осталось 2–3 песни и самые смутные воспоминания об участниках и сюжете. Зато для последних есть полные тексты, но и тут за давностью лет мы даже коллективными усилиями не смогли вспомнить фамилии некоторых участников, и я вынужден был в графе «фамилия» ставить прочерк.

Последний капустник готовился в самый разгар перестройки (1986 г.). Он так и не был доведен до конца, но остался в виде фрагментов и наметок. Именно в таком виде, собственно, и поступал материал в руки коллектива, а конфетка получалась в ходе репетиций. Кроме капустников, авторы баловались и в жанре «куплеты к случаю», и я думаю, будет кстати воспроизвести и их. Это тоже История. Лично

от себя прилагаю несколько миниатюр на лингвистические темы, собранных мною в юности. Тогда они казались остроумными. В конце книги помещен именной указатель, по которому можно судить о цитируемости лингвистов в наших капустных текстах. Ну, и в заключение несколько фотографий из личных коллекции.

НЕДОРОСЛЬ (1970 г.)

Капустник был рекордным по числу участников. Многих удалось уговорить выйти на сцену один-единственный раз в жизни (например, тогдашний ученый секретарь, ныне покойный Саша Шахнарович, сыгравший Цыфиркина, или Саша Балаян, рискнувший спеть собственную песню, в которой упоминалось имя его наставника Э.Л. Макаева и прямой реверанс перед членами Ученого Совета, где ему предстояло защищаться). По сюжету Митрофанушка (А. Насилевич) бродил по секторам, выбирая научное направление по вкусу, причем во всех случаях легко было вычислить пародируемый сектор – они были вполне реальны. Кстати, именно здесь единственный раз в истории на сцену вышел наш неизменный автор, а ныне директор Института В.А. Виноградов. Он представлял памятник и на протяжении всего спектакля неподвижно стоял, держа на груди плакат «КИРИЛЛ». По ходу спектакля в сцене, где Ю. Сорокин (сектор посконнной лингвистики) выпивал настоящую рюмку водку, закусывая огурчиком, памятник смачно кричал, и проделывал то же. В конце же спектакля он поворачивался к зрителям спиной, на которой было прикреплено «МЕФОДИЙ».

Выходная песня: Морозным вечером, вечером, вечером,/ когда лингвистам, скажем прямо, делать нечего./ Мы собрались за столом/ поговорить о том, о сем./ И вдруг решили: дай капустник заведем./ Пора нам на сцену./ Мы монографию, графию сменим на канкан./ Соссюру на смену/ Идет-грядет бессмертный Митрофан./ Берем Фонвизина, визина, визина./

И трансформируем евойные коллизии./ Берем мы также Щедрина: сатира нам всегда нужна,/ хотя – уввы! – небезопасная она./ Пора нам на сцену,/ Одна лишь классика, классика,/ вроде примитив./ Внесет перемены/ не по годам ретивый коллектив./ Языкознание, знание, знание/ пока для нас не потеряло обаяние./ И потому-то в наш сюжет введен герой-языковед,/ и шлет он нам горячий пламенный привет./ Пора нам на сцену,/ Мы монографию, графию сменим на канкан/ Соссюру на смену/ идет-грядет бессмертный Митрофан.

Песня: На днях экзамены,/а стены камни/ у Академии де Сьянс наук!/ Учу грамматику и глоссематику,/ Теперь без Ельмслсва/ Мне как без рук./Дверь прилагательна-/ не обязательно./ Гони параметры -/ сказал Мельчук./ Стратификации и трансформации -/ эх, в Академии де Сьянс наук./ Мне бы попроще как/ достать извозщика,/ чтоб вез в лингвистику/ без лишних мук./ Чтоб без тагметики/ влезть в академики,/ эх, Академии де Сьянс наук.

Гимн людоедов-экзаменаторов: Поставляют нам филфаки/ необученную шваль./ И она к нам прет во фраке,/ элегантна как рояль./ Через тумбу-тумбу раз,/ через тумбу-тумбу два./ И она к нам прет во фраке,/ элегантна как рояль./ Восседавая за столами,/ мы с нее сбиваем спесь./ Спросим, что не знаем сами,/ не ответишь – так не лезь./ Через тумбу-тумбу раз,/ через тумбу-тумбу два./ Спросим, что не знаем сами,/ не ответишь так не лезь. / Мы, как верные собаки,/ стережем науки даль./ Трепещи, пижон во фраке, / элегантный, как рояль./ Через тумбу-тумбу раз,/через тумбу-тумбу два./Трепещи, пижон во фраке,/ элегантный, как рояль

Песня о традициях («Плавно Амур...»): Вечно великие Раск или Гримм./ Все остальное уходит как дым./ Компаративные их имена:/ Пауль, Бругман и Мейе/ (Пауль, Бругман и Макаааев) – /Неприступны, как стена./ В моде теперь Фердинанд де Соссюр./ Он понастроил опасных структур./ Может, в них польза, а может – и вред./ Пауль, Бругман и Мейе/ (Па-

уль, Бругман и Макааев) -/ Дайте, дайте нам ответ./ Кружится вечно науки спираль./ Входят, заходят Балли и Брендаль. / Мы извлекаем отсюда мораль:/ корни, звуки остаются/ (корни, звуки и глаголы) -/А теорий нам не жаль!

Песня: Полюшко-поле, семантическое поле./Сеяли во поле проблемы,/ Эх, да всевозможные проблемы./ Трир в поле сеял,/ И Вайсгербер тоже сеял./ Выросли на поле семантемы,/ идеалистические семьи./ Что нам их семьи? / Понятийна поля нам не надо./ Есть у нас, да есть свои валеры,/ Смыслы и прочие значенья.

Песня: Со времен неандертальца/ мы сосем труды из пальца./ Со времен петикантропа/ порождаем все из трепа./ Предыдущего этапа/ изжевали мы мочало./ Митрофан себе обстряпал диссертации начало./Из Оксфорда и Ларусса/ понадергал матерьяла./ И словарь зулусо-русо/ он составил для начала. – Припев: Поменьше Боппа,/ побольше трепа,/ то есть метаязыка. /Метафония, апофония, -/Не то сочтут за дурака. – Митрофан, не будь растяпой/и ушами ты не хлопай./ Можешь обкорнать Карнапа, /Апресяна или Проппа. – Припев.

Песня: Как родная меня мать провожала./ Тут и вся моя семья набежала. /Ой, куда же ты, Ванек, али пьян ты?/ Не ходил бы ты, сынок, в аспиранты./ Что вы, бабы, завели, чай уж будя./ В аспиранты я пойду, выйду в людя./ Поневоле ты идешь аль с охоты, /Ваня, Ваня, пропадешь не за что ты./ В Академии Наук обсмеются, /чай лингвисты без тебя обойдутся./С философией такой ротозейской, /что бы сталося с наукой расейской?!/ Муж великий Потebня, Потebня, Потebня/ Не доступен для меня, для меня, меня. /Бодуэн де Куртенэ не понятен что-то мне./ Он толкует про фонему, я вздыхаю о луне./ Схватился за Гумбольдта, мочи уж нет./ В глазах у меня помутилось./ Увидел на миг ослепительный свет. /Упал – сердце больше не билось.

Вставной номер А. Балаяна: Се си бон, по какой-то резон /я в научный мезон был как-то раз введен. /Се си бон, я ж завидный гарсон./ Сам ле метр Макаев свои мне дал лесон./ И

счастливей меня не ищите,/ только там, о футюр, там защита.
/Мэ се си бон, ведь не станет, ей-ей, /наш Ученый Консей ман-
же своих детей./ А оппонент – что ж он? – пропоет свой шан-
сон,/ дальний слыша лишь звон, зато блюдя бон тон. /И покуда
бонтон тот незыблем, /наш камрад аспирант не погибнет./ Се
си бон, по какой-то резон/ я в научный мезон был как-то раз
введен./ Се си бон, я ж завидный гарсон./ Сам ле метр Макаев
свои мне дат лесон.

Песня о трансформациях («В лесу родилась елочка...»):
Все больше есть возможностей/ для творческих натур /постиг-
нуть трансформации /поверхностных структур./ В лесу роди-
лась елочка, /росла там много лет, /и сделали из елочки еловый
табурет./ Наука кибернетика/ поставила нам цель: /извлечь из
табуретика/ глубинную модель./ Объект преобразуемый/ мы
всунули во вход./ Его нам трансформировал/ генеративный
код./ И субмолекулярная /модель не подвела./ И много-много
градусов /детишкам принесла.

Песня: Костюм филолога,/ грамматику со скрипом/ ты
на структурный/ на халатик променял./ За эти десять лет/ на-
падок много видел,/ но ты на это все/ по-прежнему плевал./
Эх, оторвали гады черти-структуралы,/ эх, оторвали язык от
мышления./ Эх, оторвали, перемешали/ и не учли огромного
значения.../ Вы не критично/ применяли, переняли/ дескрип-
тивистскую/ модель, модель НС./ Вы оторвали, перемешали,/ и
за деревьями/ не разглядели лес./ Эх, оторвали гады черти-
структуралы,/ эх, оторвали язык от мышления./ Эх, оторвали,
перемешали/ и не учли огромного значения...

Песня: Поверьте, ребята, мальчишкой тоже я был./ Из
чаши научной глотками огромными пил./ Текло по усам, попа-
дало же в рот не ахти.../ Мальчишки, мальчишки, что будет у
вас впереди?/ Искать элементы отбили охоту нам в миг./ Учили
прилежно мы вновь, что такое язык./ Идей буржуазных к себе
не пускали мы в храм./ Мальчишки, мальчишки, ну, как не за-
видовать вам?/ Мальчишки, мальчишки, полны вы надеждой

сейчас./ Нет веры во мне, что счастливее будете нас. /Придут
матлингвисты, от них ведь пощады не жди! / Мальчишки, маль-
чишки, что будет у вас впереди?

Песня: Же флан сюр ле Гран Бульвар,/ не замечая ни
ажанов, ни влюбленных пар./ Мне наплевать на все сей-
час,/ мне неинтересны даже девочки Парижа./ Я так спешу
о пти кафе,/ где ждет меня давно уже сам мсье Мартине,/
нам подадут аперитив,/ ругать мы станем вместе лингвист-
тик дескриптив./ И споря, ке'с ке се лангаж, /войдем с мсье
в большой мы раж... /И просит сбавить тон гарсон./ Вновь
мы с мсье на Гран Бульвар./ Глаза нам слепит миллион авто-
мобильных фар./ И что не угол – новый бар,/ Ну как же тут,
скажите, за лингвистику не выпить? /Так мы дошли до Рю
Гренель,/ беседа о Ельмслеve с какой-то мадмуазель. /И я
спрошу: В который час/ увижу завтра Вас, увижу завтра Вас,
увижу завтра Вас / На Гран Бульвар?!

Финальная песня: Славься, славься, Ученый совет! / Ты
все мудреешь с течением лет./ Ты нас спасаешь от множества
бед,/ всегда различаешь, где польза, где вред./ Славься, славься
Ученый совет! / Перед наукой ты держишь ответ./ В бюллетене
подчеркивай «да», а не «нет»,/ ибо тебя ожидает банкет.

*

Мечковская Н.Б. Игровое начало в современной лингви-
стике: избыток сил или неопределенность целей? (печатается
с сокращениями по изданию: Логический анализ языка. Кон-
цептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006, с. 30–41).

... Приходится констатировать, что современное языкоз-
нание всё менее осознается обществом в качестве «ответс-
твенного» и «важного» занятия. Вполне очевидны перемены
в структуре современного знания и, как следствие, изменение
места языкознания в структуре наук (гуманитарных, естест-
венных, технических). Во-первых, количественно уменьшился
относительный объем (или «удельный вес») языкознания во

всем корпусе знаний, которые продолжает наращивать человечество (речь идет именно об относительном сокращении, но в абсолютных цифрах накопленные объемы всякого знания неуклонно возрастают). Во-вторых, не только объективно (в цифрах), но и субъективно (в сознании людей) языкознание теряет в общественном престиже, потому что орфография перестала быть стражем ортодоксии, а грамматика – конфессиональной ученостью. Ценность филологии в глазах общества уменьшается, и это на фоне объективного роста значимости языка в жизни общества и отдельного человека <...>.

Затухание или утрата веры в трансцендентные возможности слова (веры в то, что от слова станется или что спастись можно только по правильным книгам) привели к тому, что языкознание и филология в целом больше не выполняют те ответственные задачи, которые стояли перед ними, когда они были филологической службой «возле Писания» <...>

Индивидуально-свободная лингвистика (противопоставляемая институциональной) отвечает концепту игры как свободной от принуждения деятельности. Во второй половине XX в. отчетливо размежевались две формы исследовательской лингвистической работы: 1) институциональная лингвистика (связанная с крупными коллективными исследовательско-издательскими проектами (такими, как академические грамматики и словари, энциклопедии языков, лингвистические энциклопедии, биобиблиографические словари, учебно-научные коллективные монографии, большие двуязычные словари и т. п.) и 2) неинституциональные (свободные, не планируемые работодателем/издателем) занятия лингвистикой, включая подготовку статей и диссертаций. В языкознании отсутствует реальное и эффективное планирование исследований (речь не идет о публикациях книг). Лингвисты, как поэты или эссеисты, ищут преимущественно о том, что их волнует или что им интересно.

Лингвистика, подобно игре, не озабочена истинностью выводов и полезностью результатов. В лингвистической про-

дукции есть две четких (и неравных по количеству названий и тиражам) группы публикаций: 1) «академические» словари и грамматики (т. е. нормативные описания современного языка, максимально полные, подробные и освященные авторитетом органов языковой политики и кодификации) и, далее, производные от них бесчисленные руководства и пособия (школьные, вузовские, «туристские», «для бизнесменов» и т. д.) по иностранным и родным языкам; это самая массовая продукция лингвистики (с учетом листажа и тиражей составляющая примерно 95% общего объема); 2) исследования, т. е. статьи и книги о языке и речи, в том числе по типологии и истории языков. К середине XX в. задачи нормативного описания государственных/официальных языков Европы в целом решены. Подготовка изданий 1-й группы (т. е. нормативных грамматик, словарей и производных от них пособий) перестала быть поисковым и творческим делом, поскольку на основные теоретико-методологические вопросы описательного языкознания были получены удовлетворяющие практику ответы. В результате на первом плане оказались вопросы издательские и лингводидактические. Эта полезная и требующая компетенции работа имеет утилитарно-практический (т. е. не игровой) характер, но это и не креативно-исследовательская работа, могущая привести к новому знанию о языках: это лингвистическая инженерия.

Что касается 2-й группы публикаций, многочисленных и исключительно пестрых по названиям (но не по объемам и тиражам работ), то здесь игровые черты проступают явственно – не только потому, что авторы не ставят перед собой утилитарно-практических задач, но и потому, что решение исследовательских задач (т. е. не-игровых, «серьезных») по разным причинам затруднено. Покажу эти разноплановые трудности для трех областей языкознания: 1) синхрония (большинство публикаций относятся именно к синхронии); 2) типология; 3) история языка.

В синхроническом описательном языкознании возможности получения нового знания и его общественной востре-

бованности все более сужаются. Это объясняется рядом причин. Во-первых, следует принять во внимание внутреннюю тавтологичность семантических описаний (по отношению к языковому сознанию носителей языка). Экспликация семантики языковых единиц полезна на уроках языка, в словарях и грамматиках, но по большому счету это знание нельзя назвать исследовательским результатом. Это экспликация того, что известно всем носителям языка. Во-вторых, в академических грамматиках и словарях языков с продолжительной лингвистической традицией эта задача (экспликации семантики) уже решена. Разумный уровень полноты и детализации таких описаний (т. е. уровень, необходимый для преподавания языков и редакционно-издательской практики) не только достигнут, но и превзойден. Академические грамматики и словари просто не в состоянии вместить новые подробности об оттенках семантики форм и конструкций. Новое знание о языке нередко имеет ускользающе тонкий или индивидуально-частный характер. Ср., например, некоторые наблюдения над семантическими различиями при выборе глагольного вида. Даже если результаты конкретного исследования точны и надежны, то обычно они представляют собой, так сказать, «7-й знак после запятой»; это та подробность, которая человеческими (не машинными грамматиками) не будет востребована, потому что грамматика не может быть 5-томной, а массовый толковый словарь не может быть 40-томным. Инструкции ВАК обязывают авторов диссертаций (которые рассматриваются ВАК как квалификационные работы) получить новый исследовательский результат. Однако это именно тот самый «7-й знак после запятой». Результат доказывает квалификацию автора, но это не значит, что данный результат найдет применение где-нибудь, кроме учебных занятий и статей самого автора.

Во-третьих, лингвистическое знание (как и всякое гуманитарное знание) по своей природе кумулятивно (накопи-

тельно). Поэтому в лингвистике эрудиция (т. е. начитанность и память) всегда будет конкурировать с интеллектом, а то и замещать интеллект, что снижает привлекательность таких занятий в глазах молодежи и тех, кто хотел бы использовать преимущества быстрого мышления.

В-четвертых, напомним об относительности новизны всякого лингвистического знания, о том, что Р.О. Якобсон назвал «круговоротом лингвистических терминов»: многое, что знали «отцы», но забыли «дети», вновь «открывают» «внуки», иногда в другой терминологии и в другой группировке понятий. Яркий и развернутый пример возвращения давно известного знания можно видеть в современном буме вокруг риторики: всему, что есть в современных риториках, отыщется прототип или аналог если не у греков, то у римлян. Более того, современная риторическая терминология беднее античной: десятки терминов старинных риторик сейчас вышли из активного употребления (ср., например, такие термины, как *зевгма*, *протозевгма*, *гипозевгма*, или *металепсис*, или *антиметабола*, или *хиазм*, *гнома*, *хрия*, *апофегма* и т. п.); множество терминов старых риторик уже не входят даже в терминологические словари. Иначе говоря, сказать в лингвистике что-то действительно новое – трудно. Между тем важнейший этический императив науки – говори новое! Если знать историю лингвистики, то трудно признать что-то по большому счету новым. Как заметил один французский лингвист, история языкознания – это лучшее средство для воспитания скромности <...>.

В синхроническом языкознании процесс важнее результата, а удовольствие автора от самого исследования-писания и читателя от чтения весомее, чем утилитарно-практическая польза от того нового знания о языке, которое содержится в публикации.

В типологии языков и лингвистике универсалий трудности в приращении нового знания имеют организационный характер (не онтологический, как в случае синхронного описательно-

го языкознания). Организационная черта типологии состоит в том, что типологические исследования не ведутся в одиночку; автор должен входить в исследовательский коллектив, со своим финансированием и издательскими возможностями.

В диахроническом языкознании сокращение исследований связано с общим упадком исторического знания в современном мире. У современного человечества все меньше интереса к собственной истории – вследствие общего ускорения жизни и прогрессирующего роста объемов негуманитарного знания и продукции массовой коммуникации. Ускорение истории проявляется в ускорении обновления информации, смены стилей, направлений, вкусов. Историческое знание в той полноте, которая имела место в последней трети XIX – первой четверти XX в., становится неподъемным (ни для общества, ни для индивида). Объемы и уровень исторических исследований языков снижаются. Историческое языкознание, которое до Соссюра было ведущей отраслью языкознания, ушло в тень; оно по-прежнему почитаемо, но слишком трудоемко, чтобы привлекать студентов и аспирантов, читателей и книгоиздателей.

Индивидуально-свободная лингвистика по природе близка к литературному процессу, т.е. к художественно-игровой деятельности «понарошку, не **взаправду**». Поэтому лингвисты так легко говорят, особенно до и после Миллениума, о «революциях в лингвистике», «переворотах», «методологических мятежах» и даже о «двух когнитивных революциях» и т. п., тем более о «смене вех» и «новых **нарадигмах**».

Лингвистика, как всякая игра, конвенциональна: она происходит по добровольно принятым правилам (в разной мере эксплицированным). В качестве литературного процесса (со своими **писанными** и не **писанными манифестами**) лингвистика обеспечивает создание и циркуляцию текстов, отвечающих определенным жанрово-стилистическим образцам/нормам. Роль манифестов исполняют, во-первых, программные статьи или доклады знаменитых авторов (при этом «знаменитость»,

«маститость» автора является необходимой предпосылкой влиятельности текста); во-вторых, в качестве регуляторов литературного процесса в лингвистике выступают такие тексты, как «Правила оформления статей» (публикуемые в научных журналах), инструкции по оформлению дипломных работ, диссертаций и их авторефератов. В качестве образца смешанного жанра можно указать на человечную и трезвую книгу Умберто Эко «Как написать дипломную работу».

Лингвисты, подобно художникам, не боятся предсказуемости или совпадений результатов своих исследований. Подобно спектаклю, лингвистический текст – это игра, т. е. вероятностный процесс с недетерминированным исходом, поэтому в лингвистике не бывает значительных совпадений результатов. Лингвисты не боятся близости в тематике и даже в методе работ разных авторов – примерно так же, как два театра не боятся ставить одну пьесу. Наоборот, ведь в таком случае в фокусе внимания публики оказываются именно индивидуальные акценты и игры с нюансами. Удовлетворение лингвиста от процесса писания/исследования сродни художническим сублимациям.

В неинституциональной лингвистической работе, как во всякой игре, присутствует особое напряжение, отличное от напряжения при штатных (служебных) усилиях по контракту или приказу. Особенность игрового напряжения в том, что, во-первых, его результаты значительно менее предсказуемы, чем результаты неигровой деятельности; во-вторых, в силу добровольности игрового испытания, оно отмечено знаком вечной ценности свободы, а конвенциональная необходимость доиграть «до конца» (не «сойти с дистанции») придает игре этическую ценность (возможно, с привкусом абсурда, ощущаемым при взгляде на ситуацию с утилитарных позиций). Как писал Хейзинга, «именно элемент напряжения сообщает игровой деятельности, которая сама по себе лежит вне добра и зла, определенное этическое содержание».

Современная лингвистика утрачивает свой собственный предмет и становится частью междисциплинарного психолого-семиотического комплекса наук о коммуникации. В языкознании усиливаются игровое (метафорическое, мифопоэтическое, философское) начало и междисциплинарные интересы – литературно-эссеистические, психологическое, культурологические. Лингвистике всегда не хватало собственных идей, поэтому ее всегда отличала широта интересов на грани всеядности. В поле зрения лингвистов оказывались не только мифопоэтические и философские концепции языка, но и популярные идеи: в XIX в. – биологии; в XX в. – генетики, математики, кибернетики; в последнее время – модные философские идеи термодинамики (Ильи Пригожина), включая трактовку языка в качестве синэргетического феномена.

По большому счету, все это метафоры, которые сменяют друг друга (не вступая в синхронный конфликт, в особенности в одной школе или в одной голове), и в целом каждая метафора на свой лад обогащает представления о языке тех, кому есть дело до языка, – кто его преподает, изучает или составляет его словарь или грамматику. Эти метафоры – суть правополушарные паузы посреди будней – посреди «невеселого языка учения» (слова об уроках языка в одном трактате Петровской поры). Принимая игривые постмодернистские образы языка (вроде «языковые игры» и «языковой плен» Людвиг Витгенштейна, «вина языка»; «недуги языка» Джорджа Мура; языковые «обманы» и «ссадины» и т. п.), лингвист сразу становится эссеистом, поэтом, творцом, а его тексты сразу становятся почти-литературой.

В постмодернистском сближении культуры, народного менталитета, науки с языком присутствует капитальная редукция великих феноменов бытия – сознания и культуры. В игривых преувеличениях роли языка есть один момент, греющий души постмодернистов, – капитальная редукция великих феноменов бытия – сознания и культуры. Когда Витгенштейн в речевом взаимодействии людей видит

«языковые игры», то за этим стоит не только преувеличение роли языка, но и преуменьшение значимости жизни. Лингвистический редукционизм жизни в пользу даже не языка, а шрифта, букв, запятых достиг своей вершины у Иосифа Бродского: *Ты написал много букв; еще одна будет лишней*; или в вариациях: *Там была бы Библиотека, и в залах ее пустых / я листал бы тома с таким же количеством запятых* («Развивая Платона»). У Бродского редукция жизни в пользу языка достигла той пессимистической вершины, после которой дальнейшие рассуждения в духе «поэт есть средство существования языка» («Нобелевская лекция» Бродского) звучат уже пародийно, т. е. как игра.

*

Бакеркина В.В., Иванова Т.Ф. О проекте «Словарь языка В.И. Ленина» (печатается по машинописной рукописи из архива автора).

Идея создания «Словаря языка В.И.Ленина» выдвигалась неоднократно, начиная с двадцатых годов XX века. И только в декабре 1971 г. в Институте русского языка АН СССР по инициативе тогдашнего директора Института члена-корреспондента АН СССР Ф.П. Филина была образована группа для выполнения проекта «Словарь языка В.И.Ленина». В группу входили сотрудники Института: В.П. Даниленко, Н.Б. Бахилина, В.Н. Хохлачева, В.Я. Дерягин, В.И. Ходыкина, Е.Л. Лилеева, В.И. Панькина, Г.В. Яковлева. Возглавил этот коллектив д.ф.н. Т.П. Ломтев. К сожалению, в январе 1972 г. Т.П. Ломтев умер, и руководить группой было поручено В.П. Даниленко. Коллектив – это живой организм, и у него была своя очень непростая жизнь, как, впрочем, и у «Словаря». Люди приходили и уходили, состав группы, которая впоследствии была преобразована в сектор, а затем в отдел, менялся. В 1978 г. руководителем проекта стал д.ф.н. П.Н. Денисов. На разных этапах в работе над «Словарем» принимали участие А.И. Горшков, В.В. Бакеркина,

Е.В. Карпинская, Л.П. Катлинская, Т.Ф. Иванова, Е.И. Сологуб. Последним пополнением отдела стали Е.Л. Ковачич, С.А. Тихонов, М.А. Артемьева, И.М. Курочкина, Л.Л. Шестакова.

Написанию «Словаря» предшествовала большая подготовительная работа. За первые 10 лет (1972–1982 гг.) была создана Картотека, насчитывающая свыше 2,5 миллионов карточек-цитат, сформирован словник Словаря, содержащий 37 500 слов. Впервые в отечественной лексикографической практике карточки были изготовлены фотоофсетным способом, то есть каждая карточка была факсимильным воспроизведением отрезка текста из Полного собрания сочинений В.И.Ленина, что исключало какие-либо искажения контекста слова. Картотека, став основным лексикографическим источником для составителей «Словаря языка В.И.Ленина», со временем приобрела самостоятельную ценность как информационно-справочная база данных. Обратившись к ней, можно было оперативно установить частоту употреблений любого слова, просмотреть все контексты словоупотребления, но самое главное – установить «адрес», т.е. конкретный том и страницу Полного собрания сочинений, где это слово встретилось. За помощью в быстром поиске нужных слов и высказываний в отдел «Словаря языка В.И. Ленина» постоянно обращались десятки людей – от исследователей, занимающихся историко-лексикологическими разысканиями, до политиков, у которых в зависимости от изменений общественных интересов, политической конъюнктуры возникала потребность заглянуть в первоисточник. Так, в ту пору, когда первым секретарем МГК КПСС был Б.Н. Ельцин, в Институт довольно часто звонил его помощник с просьбой найти для него цитату из ПСС В.И. Ленина или уточнить адрес цитируемого высказывания. Иногда задаваемый вопрос носил более общий характер, например: «Что говорил Ленин о Советах? Подберите наиболее яркие цитаты из ПСС В.И. Ленина на эту тему» и т. д.

Отдел проводил консультации, вел обширную переписку, в том числе с зарубежными исследователями и переводчиками трудов В.И. Ленина на другие языки. Очень интересной была работа по атрибуции текстов, т. е. установлению авторства политических текстов на предмет их принадлежности В.И. Ленину.

На основе картотеки был подготовлен и опубликован «Алфавитно-частотный словоуказатель к Полному собранию сочинений В.И. Ленина» (М.: Изд-во «Наука», 1987 г.), дающий более 300 тысяч отсылок к ленинским текстам. Это может показаться странным, но «Словоуказатель» был издан тиражом 100 (!) экземпляров. Такой тираж было определен высшим руководством Академии наук, а конкретно – академиком П.Н. Федосеевым. Естественно, это издание с самого начала стало библиографической редкостью. В начале 90-х, в период Перестройки, было подготовлено 2-ое, исправленное и дополненное издание «Алфавитно-частотного словоуказателя», но ему не суждено было увидеть свет. Слишком быстро изменилась политическая обстановка в стране, появились другие лозунги, новые идеалы и идолы. В настоящее время верстка этой неопубликованной книги хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории.

Следует заметить, что отношение к проекту у партийного и советского начальства было двойственным. Идея создания «Словаря языка В.И. Ленина» вызывала у всех безусловное одобрение, коллективу обещали всяческую поддержку (а как же иначе?!). И коллектив работал, увлеченный новизной и сложностью поставленной перед ним задачи: составить словарь одного автора, политика, да еще с подробной семантической разработкой политических терминов. Но как только были получены первые результаты исследовательского труда и надо было начинать публикацию, в частности «Словоуказателя», у высшего партийного руководства возникли вопросы: «А то ли они делают?», «Разве можно толковать Ленина?». Приходилось объяснять, что толкуем мы не Ленина, а значения слов, понятий

и что «толковать» – это лексикографический термин, который означает «давать определение». На одном из заседаний П.Н. Денисову был задан вопрос: «Почему в начале Словника Ленина стоит слово «аборт?» – «Потому что Словник составлен по алфавиту, а в языке Ленина по алфавиту после союза «а» и слова «абажур» стоит слово «аборт», – отвечал Денисов. Ему в ответ: «Не может «Словарь Ленина» начинаться со слова «аборт», как Вы, Петр Никитич, не понимаете!». А Денисов не понимал. Но ему настоятельно рекомендовали работу над Словарем замедлить, а коллективу заняться написанием статей, выпуском сборников. Складывалось впечатление, что в «верхах» чего-то опасались (Словарь – это хорошо, однако, как бы чего не вышло?) и хотели бы закрыть эту тему, но не решались.

Так, под угрозой закрытия и работал коллектив над созданием «Словаря языка В.И. Ленина». Помимо напряженной словарной работы сотрудники выступали на конференциях и симпозиумах, читали лекции в различных аудиториях, защищали диссертации (кто кандидатские, кто докторские), печатались в журналах, рецензировали работы по языку В.И. Ленина, обучали аспирантов, разыскивали в библиотечных архивах доступные в те времена работы современников Ленина, понимая, что без сравнительно-сопоставительного анализа не обойтись, без общего фона невозможно выделить индивидуальное в лексиконе. Под руководством д.ф.н. П.Н. Денисова были разработаны теоретические основы «Словаря», которые нашли отражение в многочисленных трудах сотрудников Отдела. Среди наиболее крупных следует назвать «Макет Словаря языка В.И. Ленина», коллективную монографию «Теоретические основы «Словаря языка В.И. Ленина», серию сборников отдела под общим названием «Слово в языке произведений В.И. Ленина», коллективную монографию «Русский политический язык и общественная мысль».

«Словарь языка В.И. Ленина» был задуман как академический толковый словарь одного автора, точнее, толково-

энциклопедический. Перед составителями стояла сложная задача: отразить в «Словаре» не только индивидуальные особенности языка и стиля В.И. Ленина, но и показать концептуальные взгляды автора, а для этого надо было разработать такой интерпретационный аппарат, который полностью отвечал бы поставленной цели. Высказывались опасения, что в результате получится словарь русского литературного языка определенного периода по сочинениям В.И. Ленина, а не «Словарь языка В.И. Ленина» во всей его неповторимой индивидуальности (как это планировалось первоначально). Однако основным и, пожалуй, главным вопросом для составителей «Словаря» был вопрос, который в сжатом виде можно сформулировать следующим образом: «слово в идеологическом контексте». При анализе ленинских текстов лексикографы столкнулись с многослойной полемической структурой политического дискурса. Стало очевидно, что без глубокого серьезного анализа невозможно разобраться в этом сложнейшем историко-событийном материале, создавшем в языке разнообразные социально-идеологические контексты. В Инструкции по составлению «Словаря» особое место было отведено структуре словарной статьи. Словарная статья включала в себя заголовочное слово, частоту его встречаемости, минимальную грамматическую характеристику, толкование, примеры употребления слова в разных типах контекстов (употребление в терминологическом сочетании, в составе фразеологизма, при цитировании чужой речи). Сложность словарной работы состояла в том, что В.И. Ленин мог употреблять слова не только в их общепринятых значениях, но и обыгрывал их, придавал им авторское индивидуальное значение, оттенок. И, наоборот, в ленинском словоупотреблении какое-либо многозначное слово могло встретиться не во всех своих «словарных» (т.е. зафиксированных в общеязыковых толковых словарях) значениях. В понимании и определении семантики слов, понятий существенную помощь оказывали авторские (ленинские) по-

яснения, к которым В.И. Ленин довольно часто прибегал в своих работах. В Инструкции были оговорены случаи использования ленинских пояснений в тексте «Словаря» и способы их ввода в структуру словарной статьи в качестве полноправных дефиниций. Отдельно рассматривался вопрос об иллюстрациях. Проведенный лексикографом семантический анализ слова надо было подкрепить убедительным, но кратким примером. Поэтому была специально разработана методика сокращения обширного контекста употребления слова и приведения его к стандартному «минимальному лексикографическому контексту» без искажения смысла слова и (что, пожалуй, самое главное) смысла высказывания. Внимательно изучая содержание ленинских работ, лексикографы обнаружили, что расхожие цитаты из произведений Ленина часто звучат и интерпретируются неверно. Некорректно вырванную фразу из ленинского текста, цитировавший (сознательно или бессознательно?!) трактовал по-своему, искажая смысл или, точнее, вкладывая тот смысл, какой нужен был в идеологических целях. Достаточно вспомнить, ставшую эпохальной фразу: «Партия – ум, честь и совесть эпохи». Или, например, пресловутая фраза о кухарке, которая при советской власти может и будет управлять государством. Обратимся к «Алфавитно-частотному словоуказателю». Слово «кухарка» встретилось в Полном собрании сочинений В.И. Ленина 3 раза по следующим адресам: т. 34, с. 315, 329; т. 50, с. 76. Интересующий нас контекст выглядит так: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством (курсив наш – В.Б., Т.И). В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось со-

знательными рабочими и солдатами и чтобы начато оно было немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (т. 34, с. 315).

В лексиконе В.И. Ленина было выявлено свыше 4 тысяч слов, не зарегистрированных академическими словарями и даже энциклопедиями XIX–XX века. Большое место в структуре ленинского лексикона занимают заимствованные слова, в том числе термины разных областей знания (*абсолют, гносеология, фритредер, концепт, витализм, монада*). В то же время, если этого требовал предмет обсуждения, В.И. Ленин привлекал диалектные слова и терминологию народных промыслов (например, в работе «Развитие капитализма в России» – *пенька, пенюгалыцик, смолокурня, скоропашка, супряга*), церковнославянские слова, библеизмы, широко использовал возможности индивидуального словообразования, разговорную лексику, пословицы, фразеологизмы и многие другие стилистические ресурсы русского языка. Ленинский лексикон богат авторскими новообразованиями, например, встречаются такие словосложения, как *архибойкий, комчванство, экстраприбыль, отвратительно-елейный, разорительно-дешевый, обер-вешатель*. Ленин владел передовой по тем временам общетехнической терминологией, в картотеке насчитывается 14 слов с компонентом *радио-*, 20 слов с компонентом *электро-*.

Перед сотрудниками отдела ставилась задача отразить все это богатство, передать творческое отношение В.И. Ленина к слову, мастерство владения русским языком. Решить ее можно было только опираясь на широкую научную базу существующих работ по языку В.И. Ленина и на традиции русской классической лексикографии. Начав составлять словарь, коллектив отдела постарался привлечь к его обсуждению самую широкую научную общественность, выслушать мнения и критические замечания. С этой целью был подготовлен «Словарь языка В.И. Ленина. Пробный том. Буквы А – Б», который получил одобрение и был рекомендован к публикации, однако и этот труд остался в рукописи.

Сотрудники отдела, высококвалифицированные лексикографы, успели к 1986 году составить словарные статьи от А до З, отредактировать и подготовить уже не пробный, а первый том словаря (буквы А – В), который получил положительные рецензии, в том числе от Ленинградского отделения Института языкознания и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и был рекомендован к печати Ученым советом Института русского языка. К 1990 году были составлены в карточках словарные статьи от Ж до Л (до слова *либеральный*) – это примерно треть ленинского лексикона. Предполагалось, что это будет пяти-шеститомное издание, а весь словарь в составительских карточках будет закончен к 2000 году. Параллельно велось научное редактирование, и с учетом издательского цикла работа над словарем должна была завершиться к 2010 году. Без сомнения, «Словарь языка В.И. Ленина» обещал стать одним из лучших образцов отечественной авторской лексикографии. Однако вскоре в связи с событиями сначала 90-х годов отдел был сначала сокращен, переименован в Сектор русского политического языка, а затем в 1997 году и вовсе расформирован. Уникальная картотека, не имеющая аналогов в мире, оказалась под угрозой уничтожения. С огромным трудом все 42 шкафа были перевезены оставшимися сотрудниками в Горки Ленинские. К сожалению, помещения там не приспособлены для хранения такого рода материалов, картотека находится под угрозой порчи или утраты, а научная работа на ее основе вестись не может. Один шкаф с рукописными, частично отредактированными словарными статьями в карточках (от буквы А до буквы Л) был оставлен в Институте русского языка на Волхонке, 18. Но в 2004 году во время проведения ремонта здания Института этот шкаф пропал, а вместе с ним многолетний труд научного коллектива талантливых лексикографов. Попытки отыскать хоть какие-нибудь следы оказались безуспешными. Все неизданные рукописи сектора (отдела), а это свыше 3,5 тысяч машинописных страниц, переписка, документация и

изданные коллективные и индивидуальные работы сотрудников отдела ныне сданы в Российский государственный архив социально-политической истории.

*

Маркин А. Из дневниковых записей (печатается по машинописной рукописи из архива автора).

10 июня 2003 г.

Сегодня шел на работу в ИМЛИ по Поварской ул. Заметил смешную старушку, шедшую по другой стороне улицы. В черных полусапожках, красном платье, с лицом, размалеванным, как у фарфоровой куклы (алые румяна, вишневая губная помада, темно-фиолетовые тени). Старушка бодро размахивала руками и, казалось, что-то бормотала себе под нос. Потом она перешла на мою сторону улицы, и оказалось, что она не бормотала, а пела. Веселую песенку на французском языке. В старушке я признал сотрудницу моего отдела, специалистку по французским сюрреалистам. Она весело крикнула мне: «Привет!», помахала ручкой и пошла дальше по направлению к Институту, напевая свой шансон и весело размахивая руками. Я был от увиденного в таком ужасе, что решил не ходить на работу.

9 августа 2003 г.

Ставил в коридоре стеллаж для книг, на меня упал молоток, стукнул по голове. Потом безуспешно пытался понять, как работает дрель, и как с ней управляться. Филологи – люди, не приспособленные для жизни.

9 декабря 2003

Сегодня сидел со своим научным руководителем в каминном зале ИМЛИ. Камин там очень красивый – правда, кажется, нефункциональный со времени прихода большевиков к власти; как известно, пролетарским писателям и филоло-

гам, за исключением Горького, камины были не нужны. Научный руководитель задушевно рассказывал мне, как *нужно жить*. Главное: не работать помногу, потому что, вот один литературовед был трудоголиком, спал по два часа в сутки и умер, не дожив до пятидесяти, еще он много курил, не курил бы, может, прожил бы подольше; а у другого великого литературоведа, с которым мой научный руководитель, между прочим, учился, были следы жесткого диатеза на лице; диатез – это ведь было типично для послевоенных детей, которым не хватало витаминов и хорошего питания. Все сокурсники моего научного руководителя, на лицах которых были следы жестокого диатеза, уже ушли. И великий литературовед тоже, он тоже был трудоголиком и мало спал. А перед сном надо чаще и больше гулять, ходить, например, вокруг дома, а если не гулять и не ходить вокруг дома, то пить феназепам, феназепам – лучший друг литературоведа, который хочет прожить долго; научный руководитель гуляет и пьет феназепам.

12 января 2004 г.

Был в РГБ. Там ничего не изменилось. Мне все время кажется, что это очень темное место, я почему-то уверен, что там, в грязных туалетах, младшие научные сотрудники, бедные студенты, книжные крысы и прочая интеллигенция в растянутых свитерах, пахнущих потом, кошачьей мочой и табаком, тайно предаются сексуальным утехам. Они оставляют на зеленом сукне столов в огромном читальном зале свои мудреные книги со схемами и чертежами, бродят между каталогов, выискивая друг друга, условными знаками и полунамекками договариваются о встрече, а затем, обуреваемые похотью, неслышными шагами стекаются вниз по натертым до блеска деревянным лестницам, запираются по двое в кабинках, или, если им не получается никого найти, онацируют в одиночестве, возбужденные флюидами знаний, разлитыми в воздухе главной библиотеки страны.

13 апреля 2004 г.

По понедельникам на заседания своего отдела в ИМЛИ я хожу как в театр. Причем там весьма посредственные актеры разыгрывают исключительно классику театра абсурда. Я даже подозреваю, что мои престарелые коллеги по отделу – ведущие актеры нашего театра, всю неделю, со вторника до воскресенья, вместо того, чтобы заниматься своей работой, старательно штудируют опусы Ионеско или Беккета, чтобы в понедельник, ровно в 14:00, потрясти каждого, кому посчастливится оказаться в нашем Каминном зале, умопомрачительным – во всех смыслах этого слова – спектаклем. Сегодня бородастый руководитель коллективного труда сказал, что он хочет создать первую в истории мирового литературоведения всеобъемлющую теорию авангарда, такую, какой еще не было нигде и ни у кого; сделав эту заявку, он стал зачитывать закваску, бродило своей теории. А закваска вот в чем: трудно считать простой случайностью то обстоятельство, что именно в 1918 г., сразу после революции, наука пришла к открытию того, что Солнце не является центром Галактики, т.е. нашей планетарной системы, потом нужно понять: мумия Ленина выражает не только код русской ментальности и символизирует не только законсервированный труп русского авангарда, но и удерживает в себе некий метафизический смысл, вытекающий из ментальности эпохи в ее вселенском масштабе, и здесь существенно само наличие мифологемы, а не ее персонализированность; задумаемся: «Я люблю вас, но не живого, а мумию!» Потом мои коллеги задумались и начали всерьез обсуждать эту закваску, а я незаметно выскользнул и отправился домой. Обсуждали до позднего вечера, и наиболее прилежные сотрудники вернулись домой уже полночь. Одновременно с заседанием отдела в Зале заседаний, там, где гигантская литая голова Горького, выполненная в экспрессионистической манере, молодые медики, специ-

ально приглашенные дирекцией института, рассказывали аспирантам и престарелым сотрудникам о том, как лечиться без лекарств. Например, нажатием на определенные точки или иглоукалыванием. Азы экономии. Лекарства ведь нынче дорогие, а зарплата в академическом институте совсем крохотная. А иголки можно купить в любом галантерейном магазине. И бритву, кстати, тоже. Штифтер, кажется, так и сделал.

6 октября 2004 г.

В ИМЛИ. Отвратительная сцена в бухгалтерии. В углу сидела наша бывшая заведующая аспирантурой, старая женщина, только вышедшая из больницы – с больным бесцветным лицом; она совершенно по-животному умоляла выдать ей ее деньги, она неделю назад звонила из больницы, просила положить деньги на депонент. Бухгалтерша – здоровая кудрявая девка в джинсах, от которой всегда пахнет невымытой п...й, – ее не замечала, как будто ее уже и не было. Выходя из бухгалтерии, медленно открывал дверь, смотрел на себя в зеркало на стене.

1 июня 2005 г.

Сегодня был на защите диссертаций в ИМЛИ. Защита проходила в зале заседаний, там голова Горького с растрепанными бронзовыми волосами – почти голова медузы Горгоны, все сотрудники института, наверное, должны камнетать при одном лишь взгляде невидящих бронзовых глаз. Защищался африканист. От него я узнал, что Просвещение в Африке запоздало на 300 лет и сейчас в Танзании самый пик Просвещения. Это значит, что прямо сейчас в Африке зарождается жанр романа! Конечно, африканскому роману совсем далеко до европейского или русского, и даже американского и латиноамериканского романа, находящегося на самой нижней ступени романной иерархии. Но ничего, скоро африканский роман станет настоящим романом в европейском смысле это-

го слова, потому что еще тридцать лет назад в Африке не было вообще никакого романа, а сейчас он уже переживает стадию социалистического реализма! Давайте подождем. Дискуссия об африканском романе была такой живой, что на мгновение мне даже показалось, что, в общем-то, в мире нет ничего важнее африканского романа на английском языке и романа на языке суахили, но потом я понял, что намного важнее проследить зарождение романа в Микронезии и у эскимосов, у них пока только эпос зародился, поэтому еще не поздно. Но надо торопиться, скоро к эскимосам придет Просвещение (или оно уже пришло с лампочкой Ильича и супермаркетами Абрамовича?), и эпос станет романом. Потом на трибуну вышла седая дама с вавилоном на голове и сказала: я не знаю, о чем говорить, но мне очень хочется что-нибудь сказать, поэтому я вышла на трибуну; я, конечно, не специалист в африканской литературе, но зато занимаюсь литературами Востока, и хотя, конечно, я не читала африканских романов, но, судя по тому, как о них сказал диссертант, они очень интересные. На Востоке романы тоже интересные, но немного другие, вообще здорово работать в коллективе, коллективная работа как обогащает духовно, а какая важная проблема: появление в азиатском историческом романе вымышленного героя, я буду этим, спасибо, спасибо вам всем! А так, я удовлетворена!

Когда диссертант уже защитился, а потом защитился еще один, и все пошли в каминный зал пить и есть, и начали пить и есть (а я подумал, что защита очень напоминает поминки (или жестокое публичное наказание, все диссертанты зачем-то каются и оправдываются), лишь с той разницей, что на поминках – если только это не поминки по академическому работнику – конечно, все не так научно), вдруг из-за стола встала ученая балладная старушка (такие старушки, как героини баллад – всегда одной ногой в могиле, но при этом часто надолго переживают всех своих коллег) и сказала: я хочу сказать, хотя, конечно, мне очень неприятно, и я не хотела, конечно, го-

ворить об этом на защите, но теперь защита прошла, и я скажу, что африканист, которого мы защитили – сволочь, он тварь, он ездит в Африку. Пока мы тут заседаем в отделе, он получает африканские деньги! Мы получаем наши копейки, а он преподает в Кении неграм, и негры его любят и ценят, а нас никто не любит и не ценит! Такие мерзавцы, как он, недостойны быть в академической науке, я не хочу ничего иметь с ним общего, чтобы он подавился салатами, которые жрет, бородатая гадина. И села с довольным видом за стол, крутила головой, вдохновляясь произведенным эффектом (в зале воцарилась гробовая тишина), в самоупоеении откусывала тарталетку с салатом.

*

Михаил Гельфанд. *Журнал «из списка ВАК» опубликовал ерунду...*(печатается с сокращениями по изданию: «Троицкий вариант». Выпуск 13 (839). 30.09. 2008 г. Стр. 1–3.

Предисловие.

Журнал «из списка ВАК» опубликовал ерунду. Казалось бы, что в этом особенного: многие научные журналы публикуют ерунду, а в список ВАК входят журналы очень разного уровня. Забавно другое. Статья «Корчеватель: Алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности» – это не просто ерунда, это заведомая ерунда, поскольку она была порождена программой автоматической генерации текстов. Этим она отличается как от просто глупостей, так и от классических розыгрышей. И не забавно третье: журнал, в котором это напечатано, был специально создан для того, чтобы публиковать – нет, не обязательно ерунду – просто, что угодно. «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов», так он называется, на первый взгляд выглядит вполне пристойно. Он имеет интернет-сайт, номер в подписном каталоге, процедуру рецензирования, а с недавних пор и редакционный совет. В нем берется плата за публикацию статей, но сейчас этим грешат многие «ВАКовские» журналы, которые открыли

для себя удобный источник средств к существованию. Вроде все на месте – а на самом деле фантом, пустышка, фантик без конфеты.

Все это, конечно, анекдот, но далеко не безобидный. Такого рода издания разрушают саму ткань научного общения, протитутуют занятия наукой, развращают молодых ученых – тех самых аспирантов и докторантов. В этой же компании – организаторы липовых конференций, члены самодеятельных академий, преподаватели тьмутараканских университетов. Все эти деятели ничем не лучше жуликов, торгующих поддельными дипломами в метро и поддельными лекарствами в аптеках. У них есть и сообщники – те, кто, будучи реальными учеными, позволяют использовать себя в сомнительных целях. Кто-то же внес этот журнал в список ВАК. Таких изданий много, этот журнал просто засветился сильнее прочих своей активной рекламой на различных научных сайтах и форумах. Достанется и остальным. Перефразируя одну навязчивую телевизионную рекламу: «вы еще публикуете ерунду? – тогда мы идем к вам»<...>.

Рецензия рукописи научной статьи: «Корчеватель: Алгоритм типичной унификации точек доступа и избыточности», Жуков Михаил Сергеевич.

Актуальность работы: *высокая*. Выбор объекта исследования: *правильный*. Определение задач и целей работы: *логичное*. Новизна научного материала: *отличная*. Степень разработанности темы: *достаточный*. Структурированность работы: *хорошая*. Методическая ценность: *отличная* Стиль изложения: *неудовлетворительный*. Практическая эффективность: *отличная*. Источниковедческая база работы: *отличная*. Замечания рецензента: *Рукопись статьи произвела на меня двоякое впечатление, с одной стороны, следует признать, что материал собран методически грамотно, в работе присутствует новаторство и новизна. С другой стороны, автор статьи, видимо, недостаточно хорошо знаком с правилами по подготовке научных статей в печать. По*

тексту рукописи я отметить множество стилистических и редакционных недочетов, а то и погрешностей, которые создали у меня впечатление какой-то незавершенности работы. Заключение рецензента: *Статья может быть напечатана в журнале после ее серьезного редактирования<...>*.

Четыреста первый способ Остапа Бендера

Итак, свершилось. Тест Тьюринга пройден. В «рецензируемом» «научном» журнале, входящем по ряду дисциплин в рекомендательный список ВАК, опубликована статья, написанная (по-английски) компьютерной программой и переведенная на русский язык другой программой.

Если честно, впервые этот тест был пройден не нами и не сейчас. Программа SCIGen, генерирующая псевдонаучные тексты, была написана несколько лет назад группой студентов Массачусетского технологического института с целью проверить качество рецензирования на (псевдо)научных конференциях, в первую очередь, на конференциях серии WSEAS – наверно, многие из читателей TrB получали спам от их организаторов. Сайт SCIGen рассказывает о трех случаях, когда порожденные программой статьи были приняты на конференциях, и одном, когда статья была принята к публикации в журнале – впрочем, в последнем случае конфуз был вовремя замечен редакцией и поправлен с извинениями главного редактора.

Однако мы, как сейчас принято говорить, *превозмогли мировой научный уровень*. Мы взяли оригинальную статью авторов программы (чтобы заодно проверить, обнаружит ли рецензент прямой плагиат), перевели ее на русский язык при помощи программы ЭТАП-3, разработанной в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН, и отправили на публикацию в «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов». И – в отличие от предшественников – получили рецензию. Поскольку в рецензии содержались замечания редакторского характера, потребовалась небольшая переработка, после которой статья была принята и вскоре опубликована. Вся процеду-

ра заняла чуть больше месяца: 6 августа – статья подана в журнал; 7 августа – получено уведомление о получении и просьба оплатить публикацию; 8 августа – отправлено уведомление об оплате; 11 августа – получено уведомление об отправке статьи на рецензию; 13 августа – получена рецензия; 15 августа – отправлен переработанный вариант статьи; 15 августа – статья принята к публикации в августовском номере; 2 сентября – получено уведомление о высылке по почте авторского экземпляра; 10 сентября – статья опубликована на сайте журнала. Ура.

*

Игнатъева Ю. Кабаре «Академия» (печатается по изданию: «Известия», 20–26.09.2012 г. С. 4).

Канал «Россия К» («Культура») – бальзам на уши тех, кто устал от гвалта и попсы на большинстве телеканалов и жаждет послушать тихие умные речи. В этом смысле проект «Академия» – простое до гениальности изобретение: в аудитории профессор читает лекцию, студенты (и телезрители) внимают. Знаю, многие от «Академии» в восторге. Я тоже – когда физик или астроном говорит о, казалось бы недоступных моему пониманию вещах так, что все становится ясно. Но с популяризацией гуманитарных наук надо кончать, пока не поздно.

Лекцию лингвиста Юрия Прохорова ждала с нетерпением. Его с соавтором книга «Русские: коммуникативное поведение» оставила одно из сильнейших впечатлений на фоне прочитанного за последнее время. Это, конечно, не бином Ньютона, но сколько там открытий чудных... И что мы услышали? Ликбез для школы рабочей молодежи. О том, как русский язык меняется, впитывая названия всяческих новшеств – «пришли по мылу» и т.п. Тема, конечно, охвачена шире, примеров было много, в том числе из позапрошлого столетия. Но слышать из уст ученого то, что любой мало-мальски наблюдательный человек и сам знает, – невеликая ценность <...> Но при чем здесь наука? <...> Поздно популяризировать филологию, лингвис-

тику, философию и другие гуманитарные науки. Они уже до того «популяризированы» самозванцами и политиканами, что уважающие себя технари их за науки не считают. Профессионалам пришла пора надуть щеки и набивать себе цену...

*

Нарышкина А., Кононов Н., Амелькина А. Погружение во МГЛУ (печатается с сокращениями по: «Известия», 21.06.2003 г. С. 1; «Известия», 24.06.2003 г. С. 2).

Студенты Лингвистического университета митингуют. Депутаты пишут министру образования. Скандал в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) развивается. Руководство вуза объявило студентам-бюджетникам о необходимости заплатить деньги за обучение, о чем первыми написали «Известия». Вчера студенты провели акцию протеста. А глава комитета по образованию и науке Госдумы Александр Шишлов сообщил, что комитет направил официальный запрос министру образования Владимиру Филиппову с просьбой разобраться в ситуации, сложившейся в МГЛУ.

Студентов, пришедших вчера на митинг к зданию МГЛУ ждал неприятный сюрприз. Оказалось, что небольшой сквер перед университетом перегорожен, а на песчаных дорожках хаотично разбросана арматура. Руководство вуза явно не хотело, чтобы митинг состоялся. В переулке рядом со зданием собрались около ста учащихся, не побоявшихся открыто выступить против «нововведений». Все они охотно общались с прессой, но просили не называть их фамилий.

– Наш факультет созвали на собрание самым первым, – сказала «Известиям» студентка 3-го курса факультета МОЭП Наталья. – Причем сделали это в самый разгар сессии, «Институт бедный, крыша течет, денег ни на что не хватает... Со следующего года платите за языки, часов которых мы вам дали больше, чем положено по госстандарту». На других факультетах – то же самое. Теперь мы пишем письмо в Минобразования,

собираем подписи. Но это сложно. Все, кто в общезнании живут, сегодня не пришли – боятся...

Помимо студентов к зданию Лингвистического университета пришли и родители, собирающиеся отстаивать права своих детей.

– Меня удивляет форма, в которой студентам предложено заплатить деньги, – интеллигентно возмущался Борис Вайнштейн, дочь которого учится на втором курсе. – Родители должны подписать заявление, что согласны добровольно перечислить деньги. Откровенно говоря, я опасаюсь за судьбу дочери... Но меня волнует и то, что здесь мало студентов. Видимо, многие побоялись.

На самом митинге выступил глава комитета по образованию и науке Госдумы Александр Шишлов. Депутат сообщил студентам, что комитет направил официальный запрос министру образования РФ Владимиру Филиппову с просьбой разобраться в ситуации, сложившейся в МГЛУ. Кроме того, Шишлов подчеркнул, что комитет в этом конфликте будет отстаивать права студентов. После чего предложил всем желающим обратиться за комментарием по поводу спорной ситуации к ректору университета Ирине Халеевой.

Дальнейшее напоминало театр абсурда. Все вопросы, касавшиеся оснований введения оплаты, упирались в слово «госстандарт». Им Халеева прикрывалась как щитом. Единственное, чего удалось добиться от ректора, – это заявление о том, что количество часов, прочитанное студентам, выходит за рамки госстандарта и должно оплачиваться как дополнительная образовательная услуга. Дескать, несколько лет вуз занимался благотворительностью, но теперь вынужден брать законную оплату. Почему – ректор МГЛУ объяснять отказалась.

– Я согласна на конференцию для прессы, – сказала Ирина Халеева «Известиям». – Но не буду встречаться с теми журналистами, которые деформировали репутацию вуза.

Вскоре дождь и сотрудник милиции, заявивший, что митинг затрудняет движение по переулку, заставили перемес-

титься митингующих в актовЫй зал МГЛУ. Халеева и Шишлов сели за стол, стоящий на сцене, и фактически повторили все, что было сказано на улице. Речь главы комитета по образованию и науке сопровождалась аплодисментами студентов, а слова ректора – не менее пылкими овациями преподавателей. Хотя после слов Халеевой о том, что она всегда заботилась об учащихсЯ, одна из студенток выбежала из зала в слезах: «Не могу все это слушать...».

– Думаю, что подробную проверку деятельности университета проведет Министерство образования, – заявил «Известиям» опаздывавший на заседание Госдумы и потому уехавший раньше остальных Александр Шишлов.

–Я буду настаивать, чтобы это было сделано в течение недели, чтобы студенты могли уйти на каникулы с ясной перспективой.

Министерство образования робко поддержало студентов. Официальные органы, имеющие отношение к скандалу вокруг МГЛУ, от прессы таятся. Письмо «Известий» к ректору вуза Ирине Халеевой осталось без ответа. Мы так и не знаем, входят ли предметы, за которые в МГЛУ с бюджетников хотели брать деньги, в государственный учебный стандарт.

А Министерство образования просто опубликовало на своем сайте весьма туманный пресс-релиз. «Все студенты, поступившие в МГЛУ на бесплатной бюджетной основе, – сказано в нем, – могут и будут продолжать обучение бесплатно. Все попытки требовать со студентов оплату услуг за преподавание в рамках действующих стандартов, незаконны. Также незаконны требования, чтобы студенты оплачивали дополнительные образовательные услуги в обязательном порядке. Соответствующая позиция разделяется и руководством МГЛУ. Если будут возникать подобные проблемы, то Министерство образования готово решать их по каждому конкретному заявлению <...>.

Взбунтовавшихся студентов Московского лингвистического университета предупредили о неприятностях. Неприят-

ности уже начались. «Известия» уже не раз писали о ситуации в Московском государственном лингвистическом университете – конфликт между студентами и руководством МГЛУ возник после того, как ректор Ирина Халеева объявила, что за дополнительные часы иностранного языка студентам-бюджетникам придется заплатить. Однако ни вмешательство прессы, ни официальные обращения к министру образования Владимиру Филиппову, ни обещания депутатов Госдумы разобраться в ситуации, ни митинги, организованные самими студентами, не помогли. В университете начались репрессии – некоторым из студентов уже намекнули о предстоящем отчислении, а начавшаяся летняя сессия обещает стать рекордной по количеству «двоек».

Худшие опасения за судьбу взбунтовавшихся студентов МГЛУ начинают сбываться. В конце прошлой недели в одной из мятежных групп факультета международных отношений, экономики и политологии проходил экзамен по философии. Из тринадцати человек пятеро получили «двойки». Случай для МГЛУ беспрецедентный.

«Круто!» – так одним словом прокомментировали сей печальный факт студенты других факультетов. А студентке переводческого факультета, которая участвовала в митинге и передала письмо от студентов депутату с просьбой о помощи, ректор Ирина Халеева заявила: «Мы поднимем твое личное дело!». Зачем – ректор не пояснила.

Между тем вымогательства со стороны ректората – это не единственная проблема в МГЛУ. В разгар скандала в «Известия» пришло письмо преподавателей, свидетельствующее о том, что репрессии госпожи Халеевой касаются не только бедных студентов, но и преподавателей, по тем или иным причинам оказавшихся неугодными ей. В письме перечисляются фамилии преподавателей и сотрудников института, пострадавших от зарвавшейся начальницы (всего – около 20 фамилий). Есть среди них и те, кто благодаря Халеевой ли-

шились не только рабочего места, но и здоровья, даже жизни. Например, после «задушевного» разговора с начальницей и, как говорят коллеги, в результате репрессий на работе в прошлом году покончил жизнь самоубийством проректор по учебной работе Шитов.

В письме преподавателей говорится: «... за последние несколько лет стиль работы ректора института И.И. Халеевой приобрел масштаб абсолютной монархии. Она уничтожает людей, неугодных ей, создавая такие ситуации, при которых профессионалы, закончившие этот вуз и отдавшие ему по 30–40 лет жизни, вынуждены уходить».

Одной из жертв Халеевой стала старейшая сотрудница вуза Насима Мустафьевна Камалетдинова.

– Я несколько лет работала председателем приемной комиссии, по поручению Халеевой готовила тесты для вступительных экзаменов по истории. Ушла из института еще прошлым летом, оскорбленная ректором до глубины души. Сначала меня обвинили в том, что я рассказала ребятам, по каким учебникам надо готовиться, чтобы правильно отвечать на тесты. А потом, когда они стали грамотно отвечать на вопросы тестов, меня обвинили в том, что я эти ответы абитуриентам продала. В этом году исполнилось бы ровно сорок лет, как я работаю в этом вузе. Таких унижений мне за все время работы переживать не приходилось. Сразу после вступительных экзаменов в прошлом году я написала заявление об уходе.

Слова Насимы Камалетдиновой подтверждаются и в письме, пришедшем в редакцию «Известий»: «Халеева заставляет преподавателей в приемной комиссии карандашом отмечать ошибки, после чего все работы «поднимаются» в ректорат, где ректор лично выставляет оценки нужным абитуриентам и «не-нужным». Преподаватели же выступают в роли статистов».

А вот что говорит по поводу отношения к преподавателям в МГЛУ бывший сотрудник университета профессор Эдуард Асастрян, не нашедший с Халеевой «общего языка»:

– По-видимому, у нее голова от успехов закружилась. Не пойму, что на нее нашло. Вы бы лучше у нее самой интервью взяли.

– Она с нами разговаривать не хочет. Боится, наверное.

– Да никого она не боится, поэтому и ведет себя так!

Увы, Эдуард Хачикович прав. Халеева не боится никого. И менее всего, как видно, она боится Министерства образования, на помощь которого уповают наивные, доверчивые студенты.

Позиция Министерства образования в этом конфликте больше всего напоминает «страусиную». Почти две недели назад глава ведомства Владимир Филиппов пообещал «Известиям» разобраться в ситуации и прислать письменный ответ. Ответа нет. Да и сама Халеева, похоже, меньше всего опасается реакции со стороны Минобразования. В одном из писем в редакцию анонимный студент советовал нам «не связываться с Халеевой», ссылаясь на ее серьезные связи не только в Минобразования, но и в политических кругах.

Кстати, о политике. Вот выдержка из письма преподавателей: «Ректор заставляет под страхом увольнения из университета вступать в партию «Единство», говоря, что можно ничего не делать, а только числиться и платить взносы. Любые призывы к демократическому руководству заканчиваются одним ее резюме: «У нас не будет демократии. Все преподаватели вуза кормятся с моей руки. Меня всегда поддержат президент и мэр».

Сегодня студенты МГЛУ собираются провести очередной митинг. На этот раз – под окнами Министерства образования РФ. Услышат ли их в министерских кабинетах?...

Владимир Николаевич Базылев

**...В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ:
Очерк–Антология**

Редактор П.Е. Шрага
Компьютерная верстка И.Ю. Маслова
Дизайн обложки А.Б. Кондратьева

Подписано в печать 14.01.14 Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 23,75
Тираж 500 экз. Заказ 123
0000.043.524.14/01.13

Издательство Современного гуманитарного университета

109029, Москва, ул. Нижегородская, д. 32,
корпус 5, комн. 205
Тел./факс: (495) 727-12-41, доб. 43-10
E-mail: edit@muh.ru

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография».
140400, Моск. обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а.
Тел. 8 (496) 618-58-71, 8 (496) 618-60-16. ИНН 5022013940.
E-mail: bab 40@ yandex.ru

